

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

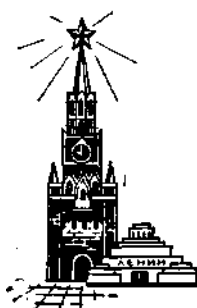
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

1 • 1980

ЯНВАРЬ • ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
В. И. КАСЬЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (*зам. главного редактора*),
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ,
И. И. МИНЦ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Г. А. ЦЫПКИН

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 223-56-93

Ответственный секретарь Г. С. Осипян, тел. 294-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-chief*),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. Ye. ZELENIN (*Assistant editor-in-chief*),
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (*Assistant editor-in-chief*),
V. I. KULIKOV, V. Ya. LAVERYSHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCHNITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY, G. A. TSYPKIN

Address:

19. Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 223-56-93

Managing Editor G. S. Osipian, tel. 294-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

Академик М. П. КИМ, З. К. ЗВЕЗДИН, В. С. ЛЕЛЬЧУК

К 50-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

(Некоторые вопросы истории и историографии)

В апреле 1929 г. XVI конференция ВКП(б) одобрила проект первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, а через месяц он был законодательно утвержден V Всесоюзным съездом Советов. С тех пор прошло пятьдесят лет. От многоукладной экономики наша страна поднялась к зрелому социализму. В постановлении ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» отмечается, что этот план положил начало применению пятилетних заданий как главной формы планирования экономики, превратил их в большую организующую и мобилизующую силу коммунистического созидания, на деле доказал превосходство социалистических методов ведения хозяйства над капиталистическими¹.

В исторической литературе мы не найдем, к сожалению, обобщающих монографических исследований, раскрывающих процесс подготовки и создания первого пятилетнего плана, решающую роль партии в постановке и реализации этой поистине уникальной задачи. Несмотря на то, что первая пятилетка была грандиозной победой на плановом фронте, приходится констатировать, что в нашей исторической науке это завоевание еще не получило должного освещения. И хотя некоторые сдвиги уже наметились², все же изданная литература пока невелика. Наибольший вклад в изучение данной проблемы внесли экономисты, в первую очередь И. А. Гладков, А. Д. Курский и Г. М. Сорокин³.

Естественно, что профессиональная принадлежность авторов предопределила их угол зрения и подход к теме планирования, в рамках которой история первого пятилетнего плана составляет лишь некоторую часть обширной проблематики. Отметим, что архивные документы в этих трудах используются, но, как правило, иллюстративно, некоторые важные выводы и положения советской историографии экономистами не учитываются.

¹ «Коммунист», 1979, № 5, с. 3—4.

² См., напр., Звездин З. К. Из истории разработки первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. — «История СССР», 1977, № 1.

³ Гладков И. А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана. — «Плановое хозяйство», 1935, № 4; его же. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956; Сорокин Г. М. Планирование народного хозяйства СССР. Вопросы теории и организации. М., 1961; Курский А. Д. Научные основы советских пятилеток. М., 1974; см. также. Пятилетние планы коммунистического строительства. Под ред. Г. М. Сорокина. М., 1978.

С учетом сказанного в статье ставится задача, во-первых, показать, как плановые органы, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, решениями Коммунистической партии, накопили на протяжении 20-х годов опыт, который позволил разработать пятилетний план развития народного хозяйства СССР; во-вторых, наметить некоторые направления дальнейшего изучения данной проблематики.

Осуществление намеченной задачи облегчается наличием не только упомянутой литературы, трудов Г. М. Кржижановского, В. В. Куйбышева, ведущих работников Госплана, но и широкого круга источников. Центральное место среди последних занимают материалы Комиссии ГОЭЛРО и дважды изданный в трех томах «Пятилетний план народнохозяйственного строительства в СССР», а также многочисленные протоколы и документы Госплана, ВСНХ и ряда других ведомств, содержащие проекты, контрольные цифры, выступления плановых работников, статистические сведения, отражающие повседневный ход событий, связанных с разработкой и составлением первого пятилетнего плана.

Переходя к рассмотрению этих материалов, необходимо помнить, что к тому времени, когда планирование стало в нашей стране задачей дня, Коммунистическая партия была достаточно хорошо оснащена теоретическими воззрениями по данному вопросу. Еще в прошлом столетии, анализируя закономерности общественного развития, основоположники научного коммунизма неоднократно отмечали, что в ходе капиталистического обобществления возникает необходимость планирования и создаются некоторые материальные предпосылки планового хозяйства. Крупная машинная индустрия, указывал В. И. Ленин, в отличие от предыдущих стадий, настоятельно требует планомерного регулирования производства и общественного контроля над ним⁴. Начало XX в. подтвердило, что именно при капитализме вполне явственно обнаруживается тенденция к организации единого, по общему плану регулируемого всемирного хозяйства в целом⁵. Но лишь социализм — и это было зафиксировано в первой Программе партии — открывает простор «планомерной организации общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества»⁶.

Показателен в этом отношении опыт Парижской коммуны: первая в истории попытка установления диктатуры пролетариата сопровождалась и первыми мероприятиями, направленными на планомерную организацию производства в интересах трудящихся. «...Коммуна, — писал Ф. Энгельс, — распорядилась произвести статистический учет остановленных фабрикантами фабрик и разработать план пуска в ход этих фабрик силами занятых на них рабочих, которые должны были объединиться в кооперативные товарищества, а также разработать план объединения этих товариществ в один большой союз»⁷. В 1917 г., изучая опыт французских коммунаров, Ленин назвал этот декрет знаменитым. Тогда же, в преддверии социалистической революции, он четко охарактеризовал отношение большевиков к планированию. «Мы за централизм, и за „план“, но за централизм и за план *пролетарского* государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров»⁸.

⁴ См. Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 545.

⁵ См. там же, т. 41, с. 164.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8, доп., т. 2, М., 1970, с. 38.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 195.

⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 320.

Великий Октябрь до основания потряс старое общество. Советская Россия вырвалась из плена экономической стихии, встала на путь научного планового управления хозяйством. Как и предвидел Маркс, после уничтожения капиталистического способа производства регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было; экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени остается первым экономическим законом⁹.

Теоретические положения, разработанные еще до социалистической революции, позволили Коммунистической партии сразу же после завоевания политической власти взять твердый курс на «превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...»¹⁰. Программа партии, принятая VIII съездом РКП(б), и первая Советская Конституция, утвержденная V Всероссийским съездом Советов, закрепили этот курс, сделали его обязательным законом для всех коммунистов, для государства в целом.

Задача создания единого хозяйственного плана, выдвинутая «сверху», полностью отвечала коренным интересам трудящихся и потому в короткий срок получила активную поддержку «снизу». В этой связи уместно обратить внимание на письмо, присланное инженером-химиком А. Е. Маковецким в апреле 1918 г. в ВСНХ, т. е. в первый государственный орган планирования. Судя по его содержанию, оно было адресовано В. И. Ленину. В нем говорилось: «Необходимо должен быть государственный план, хотя бы на пять лет вперед: план развития производительных сил России. Что надо делать раньше, что делать после и как делать»¹¹. Приведенное письмо интересно тем, что оно содержит постановку вопроса о пятилетнем периоде плановой работы¹², о необходимости ведения хозяйства по единому государственному плану. Широко высказывались аналогичные мысли на I съезде совнархозов, проходившем в мае — июне 1918 г.

Гражданская война и интервенция существенным образом сказались на работе плановых органов. Центр тяжести всей их деятельности переместился на текущие дела, на распределение крайне ограниченных ресурсов «ударными методами в ударных направлениях»¹³. Специфика «военного коммунизма» наложила серьезный отпечаток на представления многих экономистов и хозяйственников того времени о характере и методологии построения единого государственного плана.

Было бы, однако, неверно забывать о громадном значении приобретенного в ту пору опыта, лучшим подтверждением чего является план ГОЭЛРО. О том, как коллективно составлялась «вторая программа партии», о характере ее основных направлений и конкретном содержании написано немало. Гораздо менее полно раскрыты связь и преемственность, существовавшие между этой программой и первым пятилетним планом. Авторы, затрагивающие данный вопрос, чаще всего делают акцент на прямом совпадении целевых установок и ряда производственных

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 421; Архив Маркса и Энгельса, т. IV, с. 119.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 7.

¹¹ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 7, д. 111, лл. 1—3.

¹² Подобные положения Маковецкий развивал и применительно к химической промышленности. См. «Народное хозяйство», 1918, № 3, с. 7—11.

¹³ Кр ж и ж а н о в с к и й Г. М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной плановой комиссии. М., 1921, с. 11.

заданий (в первую очередь по электроэнергетике). На наш взгляд, такой подход требует определенных уточнений.

Прежде всего это касается некоторых теоретических аспектов темы, связанных с марксистской трактовкой законов расширенного воспроизводства. К. Маркс, как известно, делил все общественное производство на два подразделения. В. И. Ленин стал практиковать аналогичное деление применительно также к промышленности. Общий ход социалистического строительства дал дополнительные материалы, подтвердившие научную и практическую целесообразность такого членения. Уже в первые годы Советской власти оно закрепилось в понятиях «тяжелая» и «легкая» индустрия. Правда, в самом плане ГОЭЛРО названные термины еще не употреблялись¹⁴, но именно в этом документе ленинские положения и указания впервые легли в основу определения как общих перспектив развития производительных сил страны, так и конкретных задач. Делая упор на форсированное развитие первого подразделения, прежде всего тяжелой промышленности, призванной сыграть решающую роль в подъеме экономики, составители плана и здесь намечали «индустриальную очередность». Более того, уже тогда особое значение придавалось электроэнергетике, машиностроению, химии как наиболее перспективным отраслям технического прогресса.

Первый пятилетний план полностью опирался и на ряд других важных положений, первоначально получивших апробацию в материалах Комиссии ГОЭЛРО. Среди них важное место занимал вопрос о состоянии экономики дореволюционной России. Соответствующий раздел плана, написанный Г. М. Кржижановским, имел весьма примечательный заголовок — «Хозяйство России не может рассматриваться как исключительно крестьянско-земледельческое». В нем отмечались не только слабости и диспропорции дореволюционной экономики, но и говорилось о капиталистической индустриализации страны, ее темпах и масштабах в сравнении с аналогичным процессом в технически более передовых государствах мира¹⁵. Такое обращение к прошлому позднее с успехом было использовано и при разработке плана первой пятилетки, что позволило получить дополнительные возможности для конкретной оценки исходных рубежей становления социалистической системы хозяйства, уяснения закономерностей и своеобразия сначала восстановительного, а затем реконструктивного процессов.

В целом, говоря о традициях, заложенных деятельностью Комиссии ГОЭЛРО, необходимо учитывать ее стремление к воплощению ленинской мысли о том, что долгосрочная программа хозяйственного строительства должна конкретизироваться в текущих планах, опирающихся на творческую самостоятельность масс каждого района, каждого предприятия¹⁶.

Переход к новой экономической политике заметно отразился на практической деятельности всех хозяйственных организаций и плановых органах. Жесткое администрирование, характерное для предыдущего периода, уступило место хозяйственной политике, которая строилась с учетом рынка, мелкобуржуазной стихии единоличного крестьянства. Директивное планирование распространялось лишь на государственный

¹⁴ Нельзя согласиться с И. А. Гладковым и другими авторами, которые приводят конкретные сведения о темпах роста тяжелой и легкой индустрии, будто бы содержащиеся в плане ГОЭЛРО. Подсчеты И. А. Гладкова отражают данные о развитии лишь отдельных отраслей промышленности, но не групп «А» и «Б» в целом. Подобное деление тогда еще не практиковалось.

¹⁵ План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России, изд. 2. М., 1955, с. 49, 93—95.

¹⁶ См. Ленин В. И. ПСС, т. 42, с. 153—154.

сектор. Характеризуя сложившуюся обстановку, Г. М. Кржижановский писал: «...Мы не предполагали двигаться вперед на плечах денежного хозяйства»¹⁷. Не оправдались и первоначальные расчеты на сколько-нибудь значительные зарубежные кредиты, быстрое развертывание экспортно-импортных связей, заключение соглашений о концессиях и т. п.

В то же время шаг за шагом накапливался поистине беспрецедентный опыт. Созданный в начале 1921 г. Госплан все более расширял изучение складывающегося рынка, в том числе покупательной способности населения, условий и размеров сбыта промышленной продукции, процесса накопления в частнокапиталистическом секторе, движения цен. Началось издание специального бюллетеня «Экономическое обозрение», Президиум Госплана приступил к подготовке и обсуждению обобщающих докладов о хозяйственном положении страны¹⁸. Тогда же, в 1921—1922 гг. сформировалась сеть центральных плановых комиссий ведомственного характера: при ВСНХ (для рассмотрения производственных программ развития промышленности), при Наркомземе, Наркомпроде, Наркомфине, Наркомвнешторге и т. д. Все они, подобно плановым комиссиям при экономических советах союзных республик и при губисполкомах, в методологическом отношении находились под эгидой Госплана. Призванные сочетать межотраслевые интересы, устранять дублирование и параллелизм в работе государственных учреждений, комиссии на практике далеко не всегда выполняли свои важные функции. Сплошь и рядом их действия оказывались несогласованными, порой просто неумелыми и даже ошибочными. Однако главное заключалось в другом: вопреки разного рода трудностям и препятствиям объективного и субъективного толка система плановых органов, постепенно усиливаясь, совершенствуя стиль и методы своей работы, внесла незаменимую лепту в общее дело расширения и упрочения сферы государственного руководства народным хозяйством.

До настоящего времени эта большая и важная тема не привлекала к себе должного внимания историков. Лишь в монографии Э. Б. Генкиной «Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921—1922 гг.» (М., 1972) рассматриваются некоторые вопросы, характеризующие становление плановой работы в первые годы нэпа. Но поворот уже намечается. Изданные в 1979 г. в трех книгах протоколы Госплана — лучшее тому подтверждение¹⁹. Посвященные началу 20-х годов, они рисуют впечатляющую картину многотрудной борьбы Коммунистической партии, направленной на организацию планового руководства экономикой страны, на разработку принципов и приемов составления единого государственного плана. Опубликованные документы существенно дополняют и расширяют сложившееся представление о характере и масштабах первых мероприятий Госплана.

Примерно три года — с 1921/22 по 1923/24 — понадобилось на налаживание промышленного фронта, первоначально имевшего полуанархический характер (предприятия и целые отрасли месяцами не представляли планы предстоявшей деятельности, отчеты о проделанном, калькуляции, финансовые и другие документы)²⁰. Обстановка заметно изменилась после 1923 г. Кризис сбыта, разразившийся осенью этого года, со всей очевидностью показал, что дальнейшее расширение

¹⁷ Кржижановский Г. М. Соч., т. 2. Проблемы планирования. М., 1934, с. 227.

¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 83, л. 242.

¹⁹ Протоколы Президиума Госплана за 1921—1922 годы, тт. 1, 2 (кн. 1 и 2). М., 1979.

²⁰ Кржижановский Г. М. Соч., т. 2. Проблемы планирования. М., 1934, с. 154.

восстановительных работ, установление действенной смычки города с деревней невозможны без планомерного руководства рынком со стороны государства. XIII конференция ВКП(б), проходившая в январе 1924 г., анализируя выявившиеся затруднения, отметила необходимость тщательного изучения вопросов, относящихся к производству и потреблению промышленных товаров, к установлению цен и наличию спроса на них, определяемого главным образом крестьянским рынком. Партийная конференция указала, что «ближайшей обязанностью Госплана должно стать систематическое изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения»²¹.

Меры, принятые Госпланом в содружестве с ВСНХ СССР и рядом других ведомств, содействовали укреплению плановой дисциплины, более оперативному предоставлению отчетных и иных документов. Не менее важным было улучшение качества поступающих с мест документов (достоверность и сопоставимость статистических сведений о себестоимости продукции, о ценах на сырье, топливо, о росте производительности труда и т. п.).

В начале 1924 г. завершилась денежная реформа. Впервые страна имела соответствующие жизни бюджетные планы, которые больше, чем когда-либо раньше, позволяли «предвидеть и рассчитывать в области государственного управления и хозяйства»²². В 1924—1925 гг. удалось наладить систематическое изучение конъюнктуры народного хозяйства, приступить к планированию кредита, цен, внутренней торговли, подобно тому, как раньше это было сделано по отношению к бюджету и внешней торговле. Общее оздоровление хозяйственной обстановки проявилось в том, что в 1924/25 г. бюджет стал впервые полностью бездефицитным, а число планируемых производств резко возросло (особенно в промышленности). В 1924/25 г. Госплан получил и рассмотрел почти 30 отдельных отраслевых программ, из которых 20 были в конечном счете одобрены. В итоге, несмотря на нехватку значительного количества сведений, удалось, наконец, составить сырьевой и топливный балансы, годовые и квартальные финансовые планы²³. К этому времени производственные программы Госплана охватывали уже примерно 65—70% всей промышленной продукции государственных фабрик и заводов против 40—45% годом раньше²⁴.

Наряду с укреплением прямого планирования государственной промышленности и транспорта в 1921—1925 гг. были предприняты первые, весьма эффективные шаги по плановому регулированию торговли и заготовок, на практике испытаны методы экономического регулирования сельскохозяйственного производства²⁵.

Одновременно с этими процессами и в органической связи с ними набирали силу плановые работы, направленные на подготовку условий и прямое развертывание социалистической реконструкции народного хозяйства. С конца 1922 г. в Госплане функционировала тракторная комиссия, составлявшая ориентировочный производственный план удовлетворения нужд сельского хозяйства в этих машинах. В 1923 г.

²¹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 527.

²² КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 526.

²³ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 210, лл. 210 об.—211 об.

²⁴ Сорокин Г. М. Указ. соч., с. 145; ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 9, д. 713.

²⁵ Подробнее см. Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к н.п.у. 1921—1924 г. М., 1971; его же. Экономическая политика переходного периода в СССР. Актуальные проблемы исследования.— «История СССР», 1978, № 6.

были приняты решения об исследовании железных руд в районе Кривого Рога, о продолжении работ по изучению Курской магнитной аномалии, о постройке Центрального аэро-гидродинамического института (ЦАГИ) и др.²⁶

Наибольший интерес в аспекте интересующей нас темы представляют первые шаги Госплана, направленные на составление отраслевых планов. Уже весной 1923 г. началась разработка пятилетних заданий для металлургической промышленности. При обсуждении доклада, ответственным за который был инженер Р. Я. Гартван, руководство Госплана признало намеченные цифры ориентировочными и минимальными²⁷. Такую же оценку получили материалы промсекции, охватившие 32 отрасли фабрично-заводского производства. Экстраполируя темпы, зафиксированные в 1921—1923 гг., председатель секции И. А. Калинин предложил свои расчеты на последующее пятилетие. Поскольку союзные тресты работали в те годы с убытком (ниже себестоимости продавались не только уголь, металл, но и ткани, сахар, спички), внутреннее накопление самой промышленности не учитывалось²⁸. Обнаружились и другие существенные недостатки и ошибки проекта, позволявшие оценивать его лишь как рабочий эксперимент²⁹.

Метод экстраполяции был основным и при подготовке пятилетнего плана развития железнодорожного транспорта, вышедшего из недр транспортной секции, возглавляемой А. А. Неопихановым. Базой для расчетов служили данные о дореволюционном грузообороте, ориентировочно соответствующие показателям 1922—1923 гг. Проект, предрекавший большие затраты и очень низкие темпы прироста, был признан сугубо пессимистическим и одобрения Госплана не получил³⁰.

Одновременно начиналась работа и над программой подъема производительных сил деревни. Здесь противоборство классовых сил было наиболее острым; полемика вокруг вопроса о социальной сущности намечавшихся перемен велась практически открыто. В спорах на сельскохозяйственной секции (при одобрении ее председателя П. И. Попова) поначалу верх взяли предложения Н. Д. Кондратьева и Н. П. Огановского, ратовавших за поддержку кулацких дворов и поощрение хозяйств «американско-фермерского типа»³¹. Понадобилось специальное заседание Президиума Госплана, чтобы исправить такое положение вещей³².

В 1922—1923 гг. в сфере интересов Госплана впервые появились проблемы культурной революции и была создана подсекция народного образования. Заслушав доклады Главпрофобра о подготовке специалистов в высшей школе, она определила рациональную сеть вузов в стране³³. Затем развернулась разработка рекомендаций о построении школьной сети и сроках введения всеобщего начального обучения. И, наконец, в июне 1925 г. Госплан обсудил ориентировочный 10-лет-

²⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 127, л. 194; д. 128; л. 215; д. 130, л. 51; д. 178, л. 339.

²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 133, л. 415.

²⁸ Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы. Отчет к IX съезду Советов. М., 1921, с. 50; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 380 об.

²⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 392.

³⁰ «Плановое хозяйство», 1924, № 6, с. 17.

³¹ Кондратьев Н. Д., Огановский Н. П. Перспективы развития сельского хозяйства РСФСР. — «Труды Земплана», 1924, вып. 1.

³² Плановое хозяйство, 1925, № 8, с. 100—140; ЦГАНХ СССР, ф. 4322, оп. 1, д. 231, лл. 177—191.

³³ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 84, л. 275; д. 131, л. 333 об., 418 об.

ний план введения всеобщего обязательного обучения на территории Российской Федерации³⁴.

По мере успешного осуществления восстановительных работ и нарастания предпосылок перехода к политике социалистической индустриализации, реконструкции народного хозяйства в целом плановые органы Советского государства все более решительно и интенсивно стали разрабатывать обширные программы хозяйственного и культурного строительства Страны Советов. Главной моделью и ориентиром при этом оставался план ГОЭЛРО. Все составлявшиеся в 1921/22—1924/25 гг. проекты, имевшие обычно отраслевой характер, мыслились как дополнение и конкретизация целевых установок и заданий, разработанных Комиссией по электрификации России по инициативе и под непосредственным наблюдением В. И. Ленина. Одновременно обогащалась теория и практика текущего планирования, рассчитанного чаще всего на один хозяйственный год, и среднесрочного, которое, как правило, охватывало пятилетие. Идеи составления таких планов, о чем уже говорилось, получили известность буквально в первые месяцы Советской власти. Вскоре они стали обычным делом.

Здесь уместно напомнить, что В. И. Ленин, придававший исключительное значение как текущим, так и перспективным планам, неоднократно обращал внимание именно на пятилетки. В 1920 г., когда уже публиковались пятилетние программы восстановления и развития ряда отраслей, один из видных партийных работников иронически писал: «Пятилетние планы! Будьте милостивы! Кто возьмется более или менее точно определить, какая у нас будет хозяйственная обстановка не через пять лет, а хотя бы через год?»³⁵. Решительно возражая подобного рода суждениям, Ленин говорил: «И вот, когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, находятся нередко скептики, которые говорят: где уж там нам на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Товарищи, нужно уметь соединять и то, и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех»³⁶. В декабре 1922 г. в конспекте речи на X Всероссийском съезде Советов Ленин выделяет пункт, специально посвященный, с одной стороны, освещению периода 1917—1922 гг., а с другой — характеристике последующего пятилетия, т. е. 1922—1927 гг.³⁷ Вскоре после этого, в январе 1923 г., диктуя одну из своих последних статей, он прямо указывает: «...мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки»³⁸.

Знаменательным представляется и такой факт. В 1920 г. на VII съезде Советов, где заслушивался доклад о плане ГОЭЛРО, рассчитанном на десятилетие, было принято обращение «Ко всем трудящимся России». В нем, в частности, говорилось: «Трудящиеся России, этими тремя годами величайших лишений, кровавых жертв вы завоевали себе право приступить к мирному труду. Отдадим же этому труду все силы. Пусть не будет на нашей советской земле ни одного человека, способного к труду и не работающего... Еще пять лет — и мы оконча-

³⁴ См. «История СССР», 1961, № 6, с. 55—56; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 228, л. 33.

³⁵ Гусев С. И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920, с. 29.

³⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 42, с. 153—154.

³⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 441.

³⁸ Там же, с. 385.

тельно залечим раны, нанесенные войной нашему хозяйству. К труду же, Рабоче-Крестьянская Россия»³⁹.

Интерес к пятилетним гипотезам и проектировкам стал преобладающим после 1923 г., когда со всей очевидностью обнаружился поворот к среднесрочному планированию. 4 февраля 1924 г., выступая на Президиуме Госплана, А. Д. Цюрупа говорил: «В настоящее время Госплан вступил в стадию обсуждения пятилетних перспективных планов»⁴⁰. Впоследствии, разъясняя выбор такого срока в качестве отрезка времени для государственного плана, Г. М. Кржижановский выделил три главных фактора. Во-первых, пятилетие является достаточно охватывающим для крупных хозяйственных сооружений: больших районных централей, магистральных железных дорог, ирригационных работ и т. п. Во-вторых, «в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в пять лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трех лет». В-третьих, разбивка генеральной перспективы на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах всего экономического строительства в целом»⁴¹.

Заметим, эти положения были сформулированы до прокладки Турксиба и постройки Днепрогэса, до сооружения Уралмаша, Нижегородского автозавода, Магнитогорского металлургического комбината и других гигантов первой пятилетки. Тем более следует воздать должное ведущим работникам Госплана, которые в начале 20-х годов в неповторимо сложных, во многом противоречивых условиях того времени сумели оценить целесообразность пятилетних планов.

Руководители Госплана хорошо понимали всю относительность проектировок, подготовленных тогда в стенах возглавляемого ими учреждения и в других аналогичных организациях. Недаром А. Д. Цюрупа предлагал, как он сам говорил, «из осторожности», называть их «схематическими или ориентировочными». «Сначала, — добавлял он, — это только предположение»⁴². Действительно, возьмем ли мы схемы Гартвана или Калининкова, предположения Неопиханова, а тем более Кондратьева и Огановского, равно как и ряд других, — все они оказались, как правило, намного заниженными по сравнению с реальным ходом восстановления и развития советской экономики. И объяснялось это не только отсутствием достаточного количества надежных и проверенных сведений, необходимых для подсчетов, острой нехваткой опыта. Мешала слабость той методологии и методики, которые лежали в основе многих из подобного рода планов.

Проблема кадров вообще была для плановых комиссий, необычайно животрепещущей и очень сложной. Высококвалифицированные инженеры и экономисты — члены партии по понятным причинам являлись редкостью, но и они еще не могли иметь соответствующих навыков и знаний. Привлечение старых специалистов (к тому же в большом количестве) было неизбежно. В массе своей они не понимали природы и преимуществ растущей в СССР системы социалистического хозяйства. В. И. Ленин поэтому специально предупреждал, что «подав-

³⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 1. М., 1967, с. 198.

⁴⁰ «Плановое хозяйство», 1971, № 1, с. 35; ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 1, д. 179, л. 117.

⁴¹ Кржижановский Г. М. Соч., т. 2, с. 309.

⁴² ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 179, лл. 117—125.

ляющее большинство ученых, из которых, естественно, составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками»⁴³. Действительно, почти все старые специалисты понимали план как прогноз, а его воздействие на экономическую и культурную жизнь страны готовы были свести к различным рекомендациям. Введение нэпа многие из них приветствовали, ибо видели в такой политике отход к капитализму, начало реставрации частнособственнических отношений. Практически с ними смыкались те экономисты и практики, которые будущее страны связывали с темпами и пропорциями, свойственными дореволюционной России. Все они ратовали за длительное сохранение прежнего соотношения между промышленностью и сельским хозяйством. В то время, как Коммунистическая партия боролась за ограничение и преодоление рыночной стихии с помощью единого государственного плана, буржуазные специалисты делали ставку на преобладание стихийного рынка, не ограниченного государственным планом⁴⁴.

Эти взгляды наиболее активно пропагандировали такие работники плановых учреждений, как В. А. Базаров, В. Г. Громан, А. Гинзбург, А. Никитский и ряд других по тем временам достаточно широко известных экономистов буржуазного толка. Среди упомянутых лиц В. А. Базаров был фигурой наиболее крупной. Именно его выступления в печати осенью 1917 г. дали В. И. Ленину повод высказать принципиальное отношение большевиков к централизму и плану, показать, что только в руках пролетарского государства возможен подлинный план, который направлен против эксплуататоров и отвечает нуждам народа. В той же работе «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин писал, что, когда пролетариат победит, он за хорошие деньги посадит экономистов, инженеров, агрономов, статистиков под контролем рабочих организаций за выработку плана в интересах трудящихся, за проверку его выполнения⁴⁵. После 1917 г. Базаров стал одним из тех, кого пролетариат и привлек к разработке единого государственного плана хозяйственного строительства.

Разумеется, руководители Госплана помнили известное ленинское положение о том, что ни единому из буржуазных профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, политэкономии, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии или тесной политической экономии. В общем и целом, писал В. И. Ленин в 1908 г., профессора-экономисты не что иное как ученые приказчики класса капиталистов. Задача марксистов состоит в том, чтобы «суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»⁴⁶.

По признанию С. Г. Струмилина, партийная прослойка в секциях не всегда могла обеспечить правильное, марксистское осмысление того или иного вопроса, вынесенного на коллективное обсуждение; но, теоретическая подготовка и опыт коммунистов, возглавлявших и направлявших всю деятельность Госплана, была гарантом от принятия ошибочных решений. Это, в частности, наглядно проявилось в ходе обсуждения мате-

⁴³ Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 352.

⁴⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 113; Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М., 1924, с. 5—7.

⁴⁵ См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 320.

⁴⁶ См. Ленин В. И. ПСС, т. 18, с. 364.

риалов, которые готовили комиссия Неопаханова по транспорту и Кондратьева по сельскому хозяйству.

Коммунисты Госплана, несмотря на многочисленные трудности⁴⁷, сумели воплотить в жизнь ленинские положения о вовлечении старых специалистов в созидательный труд пролетарского государства. К сожалению, эта ответственная тема, без которой нельзя полно раскрыть сложный процесс становления плановой работы в СССР, в трудах наших специалистов по истории народного хозяйства, теории и организации планирования по существу не затрагивается. В некоторых же случаях отрицательная оценка политических и теоретических воззрений Базарова, Громана, Гартмана, Калининкова полностью переносится на всю работу, сделанную ими в отдельных комиссиях и соответственно на материалы и проекты, подготовленные в этих комиссиях. На наш взгляд, такая постановка вопроса умаляет заслуги партийной организации Госплана и не дает верного представления о той большой и ответственной работе, которую Коммунистическая партия вела с целью использования буржуазной интеллигенции и ее перевоспитания⁴⁸.

Как ни значительны были просчеты плановых органов, допущенные в необычайно сложной обстановке восстановительного периода, опыт, приобретенный в те годы, стал исходной ступенькой, позволившей перейти к новому этапу планирования, связанному с курсом на социалистическую индустриализацию, техническую и социальную реконструкцию всего народного хозяйства СССР. К середине 20-х годов сформировалось четкое представление о системе народнохозяйственных планов. В 1921 г. она понималась как долгосрочная перспектива (таковым был план ГОЭЛРО) наряду с текущими годовыми программами, которые первоначально были только отраслевыми. В 1925 г., когда на очередь дня встали реальные проблемы реконструкции, первоочередными были признаны три направления работы: составление единой годовой ориентировки, охватывающей экономику в целом, переработка плана ГОЭЛРО в соответствии с последними достижениями науки и техники, новым уровнем развития производительных сил страны; определение среднесрочных (пятилетних) заданий как отрезка генеральной перспективы.

В ходе дискуссий по вопросам методологии, повседневной разработки и обсуждения всевозможных проектов, схем и предположений усиливался и совершенствовался научный подход к планированию, в основе своей предопределявшийся общим ходом социалистического обобществления, практикой хозяйственного и культурного развития страны. Ведущим началом в плане была призвана стать промышленность. Метод экстраполяции, хотя и сохранился, но потерял былое значение. Центральное место занял вопрос о балансе народного хозяйства, взаимоувязка всех его основных элементов о согласовании отраслевых и районных разрезов плана.

Устарело и прежнее представление о том, что государственный план вырастает из материалов, предложенных и первоначально отработанных на местах, а затем уже сведенных воедино в центре и здесь же критически осмысленных и взаимоувязанных. К началу реконструктивного периода порядок стал иным: сначала Госплан давал целевую установку, намечал директивные указания, содержавшие количественные и качест-

⁴⁷ В 1924 г. партийная прослойка составляла 9,3% всех сотрудников Госплана. При этом из 49 коммунистов 23 человека, т. е. почти половина, были заняты на вспомогательной работе (ЦИАНХ СССР, ф. 4372, оп. 2, д. 234, л. 86).

⁴⁸ Новейшие достижения советской историографии по данному вопросу наиболее полно отражены в монографиях С. А. Федюкина: Великий Октябрь и интеллигенция, М., 1972; Из истории борьбы с буржуазной идеологией в первые годы нэпа. М., 1977.

венные контуры плана; затем плановые комиссии всех наркоматов и экономических районов подготавливали свои отраслевые и районные наметки; после этой стадии начинался этап балансовой увязки полученных материалов в рамках единого государственного хозяйственного плана.

Наличие такого потенциала позволило Госплану, когда начался переход к политике социалистической индустриализации, развернуть энергичную деятельность по всем трем направлениям, названным выше.

Контрольные цифры, составленные на 1925/26 г., давали краткую характеристику состояния экономики, достигнутого к тому времени. Намеченный план включал в себя годовой баланс, базирующийся на этой основе, и систему мероприятий, обеспечивающих реализацию запроецированных заданий⁴⁹. Совет Труда и Оборона признал проделанную работу «серьезным достижением в деле планового построения социалистического хозяйства»⁵⁰. Одновременно констатировались и слабости первого опыта составления годовых контрольных цифр. Последние охватили своим содержанием преимущественно сферу производства. Социальная часть программы оказалась явно недостаточной. Многие задания не подкреплялись точным учетом реальных возможностей экономики. Сказывалась и недостаточная ответственность учреждений и предприятий, сплошь и рядом нарушавших плановые предписания, сроки утверждения производственных программ, финансовых документов и т. д.

Апрельский (1926 г.) Пленум ЦК ВКП(б), а затем и XV партконференция, разрабатывая курс на ускорение социалистической индустриализации, подчеркнули возросшее значение планирования, особенно в области капитального строительства и наметили пути дальнейшего совершенствования работы плановых органов⁵¹. Конференция впервые обсудила перспективы развития народного хозяйства на предстоящий год и потребовала «более полного и правильного использования областных и республиканских плановых и оперативных органов в руководстве хозяйственной жизнью Союза ССР»⁵².

В этих условиях и подготавливались контрольные цифры на 1926/27 г. Задачи экономической политики, указывали составители, заключаются в том, чтобы «всемерно развивать производительные силы страны, закрепляя в процессе этого развития позиции социализма»⁵³. При разработке годовой программы Госплан впервые сделал попытки широко охарактеризовать сущность индустриализации и ее воздействие на экономическую и социальную жизнь СССР. Также впервые задания намечались не только сотрудниками Госплана, но и представителями ряда ведомств и учреждений. Балансовый метод применялся теперь и при определении наметок в области строительства, транспорта, внешней торговли, исчислении хлебофуражных резервов и т. д.

Правительство, заслушав доклад о контрольных цифрах на 1926/27 г., отметило общее продвижение вперед в деле составления краткосрочных планов, хотя и на этот раз наряду с частными замечаниями были сделаны указания принципиального порядка (о необходимости

⁴⁹ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г. М., 1925.

⁵⁰ СССР. Сводные материалы о деятельности СНК и СТО за IV квартал (июль — сентябрь) 1924/25 г. М., 1925, с. 14.

⁵¹ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 314—315.

⁵² Там же, с. 368. К 1926 г. только в РСФСР действовало 119 плановых комиссий (республиканских, губернских, областных и т. д.). В их штатах значилось 1212 человек («Бюллетень Госплана РСФСР», 1927, № 13—14, с. 74). В самом Госплане примерно в это же время работало 527 человек (ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 2, л. 234, л. 86).

⁵³ Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г. М., 1926, с. 6.

перераспределения средств в пользу индустриализации, об усилении обложения частного сектора и др.)⁵⁴.

В современной литературе опыт разработки контрольных цифр 1925/26 г. и 1926/27 г. подробной оценки еще не получил. Историки говорят о нем лишь мимоходом, а экономисты делают акцент на его слабых сторонах (некоторые пишут о допущенных тогда политических ошибках). Нам такие выводы представляются необоснованными, противоречащими тому, как контрольные цифры характеризовались в документах СТО и СНК СССР. О том, какое значение Советское правительство придавало практике составления Госпланом первых годовых ориентировок, свидетельствует и его решение, принятое летом 1927 г., — вносить контрольные цифры на утверждение Совнаркома Союза ССР⁵⁵.

Разработка новых цифр началась с того, что Госплан составил директивы, которые перед рассылкой получили апробацию и одобрение правительства⁵⁶. Более того, общие политико-экономические установки директив впервые были вынесены на рассмотрение Пленума ЦК ВКП(б)⁵⁷. Наконец, в сентябре того же года расширенное заседание Совнаркома СССР еще раз обсудило и в основном одобрило уточненные материалы Госплана⁵⁸. В 1928 г., продолжая линию на превращение контрольных цифр в годовой народнохозяйственный план, правительство отменило отдельное рассмотрение и утверждение ряда специальных планов, в том числе и промфинплана госпромышленности. Так работа над текущими программами качественно обогатила советское планирование, способствовала его организационному и методологическому укреплению, без которого составление первого пятилетнего плана было бы невозможно.

Определенный вклад в решение этой задачи внесла подготовка долгосрочного, или, как тогда стали говорить, генерального плана развития народного хозяйства. Поначалу речь шла об уточнении, расширении и дополнении программы, намеченной еще Комиссией ГОЭЛРО. Такое предложение впервые было высказано весной 1924 г. Оно исходило от ЦКК — НК РКИ, занимавшихся обследованием Госплана⁵⁹. В 1925 г. журнал «Плановое хозяйство» опубликовал статью Г. М. Кржижановского, где обосновывалась идея обобщить практику 20-х годов и сделать «второе приближение» плана электрификации⁶⁰. Обсуждение этих вопросов завершилось весной 1926 г. организацией комиссии, призванной подготовить генеральный план, сроки которого определялись в 10—15 лет. Первый этап задуманной работы был связан с деятельностью комиссии П. С. Осадчего, существовавшей в 1926—1928 гг. На смену ей пришла комиссия Н. А. Ковалевского (1928—1930 гг.), а затем — Г. И. Ломова (1931—1933 гг.).

Изданная в 1979 г. монография В. А. Погребинской⁶¹, в которой весьма обстоятельно анализируются труды всех трех названных комиссий, освобождает нас от необходимости сколько-нибудь подробного

⁵⁴ «Экономическая жизнь», 1926 г., 21 сентября.

⁵⁵ СЗ СССР, 1927, № 37, с. 373.

⁵⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 25, д. 9, л. 259.

⁵⁷ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 477—486.

⁵⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 25, д. 1, лл. 2—20б.

⁵⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 183, л. 113.

⁶⁰ См. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 5—11.

⁶¹ Погребинская В. А. Разработка методологии генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов. М., 1979. Монография представляет собой первую попытку освещения в нашей литературе названной темы. Положительно оценивая это интересное исследование, заметим, что оно вышло из-под пера экономиста; тем самым историкам подсказана еще одна важная проблема для конкретного изучения.

освещения того, что удалось сделать по составлению генерального плана в 20-е годы. В аспекте данной статьи следует отметить лишь ряд моментов. Постепенно работа над «новым вариантом» плана ГОЭЛРО переросла в создание самостоятельной долгосрочной перспективы. Работа над ней закончилась безрезультатно (в том смысле, что подготовить генплан не удалось). Но в процессе подготовки этого плана был приобретен весьма ценный опыт, полезный как для последующих усилий по составлению долгосрочных наметок, так и для разработки первой пятилетки.

Важные сдвиги были достигнуты в понимании таких центральных методологических вопросов, как целевое направление перспективного планирования и концепция хозяйственного развития страны в рамках планируемого периода. Значительная группа работников, прежде всего буржуазных специалистов (как и при составлении годовых цифр) скептически относилась к выдвижению целевой установки, предлагая считать главным в плане прогноз, предвидение будущей хозяйственной обстановки на основе изучения прошлого. Строя схемы предстоящего развития («кривые роста»), они равнялись на экономику зарубежного мира, т. е. на темпы капиталистической промышленности, капиталистического сельского хозяйства и т. д.⁶²

Борьба с подобными, по существу реставраторскими, взглядами осложнялась позицией, занимаемой и активно отстаиваемой троцкистами и правыми оппортунистами, многие из которых имели прямое отношение к повседневной работе Госплана и других плановых органов, особенно в Наркомфине и Наркомземе. Отрицая возможность построения социализма первоначально в одной стране, принижая и недооценивая уровень экономического развития СССР к исходу восстановительного периода, не веря в силы советского рабочего класса, они своими заявлениями и действиями внесли немало путаницы в разработку общетеоретических проблем планирования: несомненный ущерб был нанесен и общему делу составления единого народнохозяйственного плана.

Достаточно сказать, что троцкисты полностью отрицали действие закона стоимости при социализме. В меру своих возможностей они не просто декларировали, но и насаждали сугубо административные методы планирования, что открывало простор волевым решениям, в основе своей не подкрепленным ни материальной базой, ни научным анализом. В противовес им правые всячески защищали эволюционный характер развития экономики, его подчиненность законам рыночного хозяйства. Если первые громкогласно называли себя поборниками «сверхвысоких» темпов роста индустрии, повышения цен, максимального изъятия средств из деревни, то вторые выступали за приоритет сельского хозяйства, не останавливаясь перед ущемлением интересов тяжелой промышленности.

На практике, как известно, эти кажущиеся крайности сплошь и рядом сходились. А во многих случаях те и другие оппозиционеры настолько смыкались с буржуазными специалистами, что их трудно было отличить от последних. Г. Сокольников, например, неоднократно утверждал, будто выполнение государственного плана неизбежно наталкивается на повседневное противодействие более чем 20 миллионов единоличных крестьянских планов, которые-де реальнее установок Госплана и активно претворяются в жизнь. Отсюда следовал призыв, во-первых, приспособиться к «рыночной обстановке», т. е. к стихийно суммирующимся потребностям всех крестьянских дворов, во-вторых, максимально развивать сельское хозяйство и в будущем с помощью накопленных таким об-

⁶² ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 348, лл. 85—88.

разом средств поставить на ноги отечественную индустрию⁶³. Для понимания всей сложности и противоречивости обстановки, в которой шла борьба за научно обоснованные перспективы социалистического строительства, напомним, что Сокольников занимал в середине 20-х годов пост наркома финансов, а работавшие в Финплане под его началом буржуазные экономисты резко выступали против директивности плановых заданий, называя их «вмешательством в самостоятельность финансовых органов». План они трактовали лишь как «канву» для работы учреждений и не больше⁶⁴.

Современная историко-партийная литература дает ясное представление о природе таких явлений, о сущности и характере как «левого», так и правого уклонов в ВКП(б)⁶⁵. Правда, до сих пор нет обобщающих исследований, вскрывающих антипартийную деятельность оппозиционеров в области планирования, но не вызывает сомнений следующее: упрочение марксистской методологии и разоблачение капитулянтских воззрений буржуазных экономистов радикально ослабляло позиции троцкистов и правых уклонистов; в свою очередь, идейный и организационный разгром фракционных блоков и группировок содействовал поражению противников директивного целевого планирования, преодолению принципиально ошибочных взглядов буржуазного толка, которые часть старых специалистов и их последователей долгое время пропагандировала в комиссиях Госплана и других аналогичных органах.

Работа над долгосрочной перспективой оказалась в этом отношении очень полезной, ибо ускорила оба названных процесса. Последнее было связано с систематическим обсуждением в комиссиях общих закономерностей и специфики построения социализма в СССР, определением стратегических задач экономического преобразования страны, находившейся во враждебном капиталистическом окружении, обоснованием темпов и пропорций развития народного хозяйства в предстоявшие 10—15 лет. Отстаивая и проводя генеральную линию партии, выраженную в решениях XIV и XV съездов ВКП(б), марксисты, составлявшие ядро сотрудников Госплана, первостепенное значение придавали правильной обрисовке главной цели намечаемой перспективы. Как и прежде (начиная с работ Комиссии по электрификации России), они видели в плане «вторую программу партии». Партийный характер планирования, базирующегося на научном познании объективных законов общественного развития, был для них аксиомой.

Реальный ход развития советского общества все более подкреплял такие позиции, поэтому центр тяжести всех дискуссий и обсуждений постепенно перемещался в сторону нахождения основных путей и направлений достижения намечаемых рубежей. Поиски оптимальных вариантов оказались делом исключительно сложным. Так, в споре со сторонниками «устойчивого равновесия» утвердилось правильное мнение о необходимости определения основного звена. «Ограниченность наших средств,— писал в 1926 г. А. М. Лежава,— толкает нас на то, чтобы наше планирование стало на путь выбора первоочередных задач. Мы вынуждены будем форсировать подъем одних элементов нашего хозяйства и, может быть, несколько замедлять развитие других». Однако

⁶³ См. Струмилин С. Г. Избранные произведения, т. 2. На плановом фронте. М., 1963, с. 157.

⁶⁴ См. Кржижановский Г. М. Соч., т. 2, с. 289.

⁶⁵ См. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1. М., 1970; Иванов В. М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921—1929 гг.). Л., 1973; Ваганов Ф. М. Правый уклон и его разгром. Изд. 2, М., 1978 и др.

вывод отсюда делался неверный. «Это будет систематическим диспропорциональным ведением хозяйства, мы со дня на день будем вести наш корабль в различные диспропорции: сегодня одни, завтра другие»⁶⁶. Точку зрения председателя Госплана РСФСР разделяли тогда многие.

Серьезные расхождения обнаружились в понимании темпов экономического продвижения вперед. Комиссия Осадчего рассматривала хозяйство СССР как несоциалистическое и ориентировалась на «затухание темпов», на «рост индивидуальных крестьянских хозяйств», первоочередное развитие легкой промышленности и т. п. Она считала невозможным устанавливать конкретные сроки осуществления различных заданий⁶⁷. Главной задачей намечалось гармоническое, «плавное» развитие, обеспечивающее в течение 15 лет удвоение среднего дохода на душу населения в СССР⁶⁸.

Комиссия Ковалевского, в отличие от предыдущей, где преобладали буржуазные специалисты, состояла главным образом из ученых марксистов. В своей работе они опирались на схемы расширенного воспроизводства, открытые К. Марксом. Впервые в мировой практике были предложены для долгосрочного планирования экономико-математические методы (модель Г. А. Фельдмана, ныне широко известная научной общественности всех стран). Серьезное внимание было уделено вопросам эффективности народного хозяйства, фондоотдачи и т. д. Создавая 15-летнюю проектировку, комиссия рассчитала 50 вариантов возможного экономического развития СССР. Во главу угла ставились задачи быстрого промышленного преобразования страны. Примат в разработке генплана, писал Фельдман, принадлежит социально-классовой точке зрения; «темпы — это индустриализация, это тяжелая промышленность, машиностроение, электрификация»⁶⁹. Мы должны проектировать, подчеркивалось далее, таким образом, чтобы получить максимальную эффективность вложений не только на всем протяжении ближайших 15—20 лет, но и в дальнейшем⁷⁰. Такой подход к составлению генерального плана, наглядно показывая всю иллюзорность сиюминутных выгод от форсированного подъема текстильной и пищевой отраслей, убедительно раскрывал преимущества курса на первоочередной рост производства средств производства.

И все же комиссия Ковалевского не сумела отделить тенденции восстановительного периода от закономерностей этапа реконструкции. Переоценив значение темпов, характерных для 1921—1926 гг., она утверждала, что 10—15 лет быстрой перестройки и роста народного хозяйства обеспечат развернутые формы коммунистического общества⁷¹. Подобный перекося, допущенный в ходе борьбы с минималистскими установками, был для того времени типичен. На страницах печати не раз появлялись статьи, предвещавшие в ближайшие годы завершение построения первой фазы коммунизма и вступление страны в высшую фазу. В противовес комиссии Осадчего, равнявшейся на темпы дореволюционной России,

⁶⁶ Лежава А. М. О некоторых вопросах планирования. — «Плановое хозяйство», 1926, № 12, с. 11, 12.

⁶⁷ Общие предположения к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10—15 лет. М., 1926, с. 10.

⁶⁸ В действительности этот показатель возрос к 1939 г. по сравнению с 1926 г. приблизительно в 4 раза (Погребинская В. А. Указ. соч., с. 13).

⁶⁹ Фельдман Г. А. К теории темпов народного дохода. — «Плановое хозяйство», 1928, № 11, с. 165.

⁷⁰ Фельдман Г. А. Соображения о структуре и динамике народного хозяйства США с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/27 по 1940/41 гг. — «Плановое хозяйство», 1928, № 7, с. 18, 19.

⁷¹ Ковалевский Н. А. Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генеральном плане. М., 1930, с. 5.

Л. Сабсович, например, пытался доказать, будто к исходу 30-х годов промышленный потенциал СССР увеличится в несколько десятков раз. Характерно, что Г. М. Кржижановский не стал возражать против публикации книги Сабсовича «СССР через 15 лет», но счел нужным снабдить ее своим предисловием, в котором говорилось: «Горячо и убедительно пишет т. Сабсович, говорит конкретным языком, не любит абстракций, взятых самих по себе, и тем не менее, в общем и целом, какой абстрактный подход к трактовке генерального плана. А причина такой неубедительности в неправильной методологии всего построения, в технико-экономической необоснованности — экстраполяции»⁷².

В целом большая работа над генеральным планом, развернувшаяся во второй половине 20-х годов, обнаружила немало плюсов и минусов в деятельности плановых учреждений. Но было бы неразумно в этой связи ограничиваться констатацией нехватки материалов и знаний или даже невозможности составления тогда 10—15-летней перспективы. Опыт, приобретенный в те годы, в том числе в работе над генпланом, со всей очевидностью убедил в целесообразности и необходимости переключения главного внимания на выработку среднесрочной программы народнохозяйственного строительства и подготовил для этого достаточную базу.

Уже в 1926—1927 гг. Госплан последовательно подготовил три проекта пятилетнего плана. Разработка каждого из них была сопряжена с большими трудностями, которые определялись прежде всего самим переходом от восстановления народного хозяйства к его реконструкции, когда многие тенденции, свойственные пройденному периоду, теряли свою силу, а закономерности, присущие развернутому строительству социализма, еще не были выявлены. Комиссия С. Г. Струмилина, готовившая материалы, руководствовалась методом постепенных приближений; план она трактовала как систему директив и производственных заданий, имеющих вполне определенный адрес и представляющих собой «не столько предвидение, сколько определенное предказание, выраженное в цифровой форме»⁷³. Третий проект, рассчитанный на 1927/28—1931/32 гг., был составлен в двух вариантах — оптимальном и минимальном. Как и предыдущий, он обсуждался на съезде плановых работников, высказали свое мнение по плану крупнейшие ученые, хозяйственники, практики⁷⁴.

XV съезд ВКП(б), подводя в декабре 1927 г. общие итоги хозяйственного строительства за первые годы реконструкции и намечая пути дальнейшего продвижения вперед, уделил вопросам планирования первостепенное внимание. Сам факт принятия съездом Директив по составлению пятилетнего плана народного хозяйства отражал качественно новую ступень развития плановой экономики. Тем самым давалась важная оценка и общему уровню, на который поднялась плановая мысль в СССР. Оценка эта, конечно, не могла быть однозначной, но суть ее была ясна: теория и практика советского планирования вплотную подошли к решению задач, связанных с построением фундамента социалистической экономики.

После XV съезда партии в Госплане была создана Центральная комиссия перспективного планирования (декабрь 1927 г.), созван III Всесоюзный съезд плановых органов (март 1928 г.), который объединил усилия всех плановых работников вокруг одной цели, на основе единой про-

⁷² Сабсович Л. СССР через 15 лет. М., 1929. Предисл. Г. М. Кржижановского, с. 2.

⁷³ Проблемы планирования. Итоги и перспективы. М., 1926, с. 22.

⁷⁴ См. О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928.

граммы и методологии. Для более полного понимания рубежей, которые составители пятилетки определяли как исходные, на съезде обсуждался доклад о динамике народного хозяйства районов за 1924/25—1927/28 гг. и ряд других⁷⁵. Большое значение для всей последующей работы над проектом пятилетки имело объединение усилий Госплана и ВСНХ СССР, в рамках которого вопросами планирования под руководством В. В. Куйбышева и его заместителей (В. И. Межлаука и М. Л. Рухимовича) скрупулезно занималась большая группа специалистов и ученых.

Совместные обсуждения позволили внести должную ясность не только в некоторые частные вопросы, но и в такой коренной, как очередность развития индустриальных отраслей Г. М. Кржижановский еще в 1927 г. считал, что индустриализация должна пройти в СССР четыре основных этапа: 1) развитие добывающей промышленности в целом и расширение производства технических культур в сельском хозяйстве; 2) реконструкция транспорта; 3) индустриальный этап, обеспечивающий правильное размещение производительных сил и общий подъем товарности сельского хозяйства. Первые три этапа, по его мнению, взаимно перекрывающие друг друга, предполагают соответствующее развитие электрификации, а четвертый этап — это уже «развернутый фронт энергетики, непосредственно предшествующий развернутой фазе социализма. Ближайшее десятилетие Г. М. Кржижановский видел фазой транспортно-энергетической работы: «...Индустриализация, — говорил он, — получит у нас свое типичное лицо, свои стандарты лишь на почве подраста в сырьевом и транспортном отношении, лишь при продолжающейся все время упорной энергетической работе»⁷⁶.

Президиум ВСНХ СССР, возглавлявшийся Ф. Э. Дзержинским, а после его смерти В. В. Куйбышевым, придерживался иного взгляда, который и нашел выражение в трудах Промплана. Здесь с самого начала упор был сделан на первоочередное ускоренное развитие промышленности, а внутри нее первое место отводилось группе «А», где лидирующее место занимали машиностроение, металлообработка. В августе 1928 г. при обсуждении контрольных цифр ВСНХ на Президиуме Госплана Г. М. Кржижановский признал более верной схему, конкретно намеченную главным штабом советской индустрии. Отказываясь от позиции, ранее отстаиваемой Госпланом, он твердо высказался за то, чтобы «начинать с индустриализации промышленности»⁷⁷.

Ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б) дал дополнительный импульс для усиления внимания к темпам развития производств группы «А». Отчетные данные о капиталовложениях в 1926—1928 гг. окончательно позволили отказаться от «затухающей кривой», и Госплан внес дополнительные изменения в намечавшиеся варианты. Столь же обстоятельно согласовывались материалы по транспорту, по сельскому хозяйству, по народному образованию, представленные соответствующими ведомствами и всеми республиками. Наконец, в марте 1929 г. проект пятилетки был представлен на рассмотрение СНК и СТО. После внесения ряда поправок, обсуждения в Совнаркоме и ЦК ВКП(б), а затем на XVI партконференции он получил в мае 1929 г. законодательное утверждение V съезда Советов СССР и стал государственным документом, обязательным для всех граждан нашей страны.

План, состоявший из двух вариантов — отправного и оптимального, — был рассчитан на 1928/29—1932/33 гг. Всем своим содержанием

⁷⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 3, лл. 17—43.

⁷⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 25, д. 49, л. 12; д. 2, л. 244.

⁷⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 38, лл. 342—346, 463.

он давал научное обоснование темпов и пропорций экономического и социального развития страны⁷⁸ на пути к социализму.

Ускоренное развитие производства средств производства (как основы индустриализации страны) и изживание чрезмерной отсталости сельского хозяйства должны были обеспечить условия для коренного улучшения материального благосостояния трудящихся города и деревни, экономического и культурного подъема ранее отсталых национальных районов, укрепления обороноспособности страны. Динамика роста производительных сил носила отчетливо выраженный реконструктивный характер. При этом каждая выдвинутая проблема рассматривалась все-сторонне: объективно оценивалось ее состояние, выявлялись создававшиеся ранее диспропорции, намечались комплексные меры по их ликвидации. Так, в основу всего плана была положена идея об опережающем развитии энергетики как базы, на которой строится все народное хозяйство. Программа развития энергетики включала в себя мероприятия, предусматривающие не только производство всех видов энергии и их рациональное использование, но и подготовку квалифицированных кадров, научную организацию труда, снабжение работников продовольствием и т. д. Раздел по топливу также представлял собою комплексную программу, включавшую механизацию добычи, улучшение транспортных связей Донбасса с Центром и Кузбасса с Уралом, развертывание геологических работ, меры по использованию местного топлива на электростанциях. Аналогичным образом рассматривалась и проблема увеличения заготовок хлеба (ставилась общая задача производства зерна, усиления транспортных связей Сибири с Центром, строительства элеваторов и т. д.).

Так в рамках первого пятилетнего плана развернулось конкретное составление целостных, комплексных заданий, выросшее на этапе зрелого социализма в программно-целевой метод планирования. Не меньший интерес в условиях современного курса на гармоничное, сбалансированное развитие единого народнохозяйственного организма представляет деятельность плановых органов, направленная 50 лет назад на достижение того оптимума, который необходим для правильного сочетания темпов роста накопления и потребления, тяжелой и легкой промышленности, индустрии и сельского хозяйства, создания резервов и т. д. Уместно напомнить и то, что первый пятилетний план, аккумулируя накопленный к тому времени опыт, был весьма детально разработан и в районном разрезе, где каждый экономический район представлялся целостным хозяйственным комплексом, имеющим свою специализацию в общесоюзном разделении труда.

Тогда же и опять-таки впервые была подробно разработана социальная программа, знаменовавшая развертывание социалистического наступления по всему фронту. В ней предусматривался рост рабочего класса, решительное сокращение частного сектора в промышленности и торговле, значительное расширение колхозно-совхозного производства в деревне, сведение безработицы до минимальных размеров⁷⁹. В соответствии с ленинской национальной политикой намечалась система мер по ликвидации фактического экономического неравенства национальных районов; было решено, что их промышленность по темпам роста намного опередит индустрию страны в целом.

⁷⁸ Разница в сроках выполнения вариантов составляла один год.

⁷⁹ Численность безработных по плану понижалась к исходу пятилетия до 500 тыс. человек, т. е. примерно до численности того свободного резерва, который, как полагали составители плана, «возможен при нормальном обороте рабочей силы» (Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, т. 2, ч. 2, с. 165—169, 178).

Ничего подобного история в прошлом не знала. Когда же в январе 1929 г. «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», трудовой подъем рабочего класса вызвал к жизни множество новых починов, направленных на рост производительности труда, увеличение выпуска продукции, досрочное выполнение плановых заданий. Так социализм, пятилетка, массовое соревнование слились воедино. И это предопределило успех первого пятилетнего плана.

Учитывая замысел данной статьи, мы не станем рассказывать о ходе осуществления первой пятилетки. Общеизвестно, что в целом она была выполнена досрочно, за 4 года и 3 месяца. За этот короткий период был построен фундамент социалистической экономики. Государственный сектор стал создавать свыше половины национального дохода СССР. Промышленность превзошла по объему выпускаемой продукции сельское хозяйство, группа «А», хотя это и не намечалось, превысила группу «Б». Темпы и масштабы коллективизации (причем значительно) обогнали плановые предположения. То же самое произошло и в деле изживания безработицы, которая была ликвидирована повсеместно и полностью. Победоносные итоги первой пятилетки давно уже стали объектом изучения наших историков. Однако до сих пор нет трудов, конкретно раскрывающих вклад плановых органов в достижение этой беспрецедентной победы, показывающих процесс накопления и значение того огромного опыта планирования, который был приобретен на рубеже 20—30-х годов. Отсутствие таких специальных исследований мешает всестороннему освещению и самой первой пятилетки, и последующих этапов строительства социализма в СССР. Оценка современных достижений нашей страны, когда сотни миллионов людей действительно руководствуются одним планом, также окажется неполной, если мы не будем иметь ясно-го представления об истоках сегодняшнего движения, о его начальных рубежах полувековой давности.

Что же касается изданной литературы, то она чаще всего содержит лишь общую, лапидарную обрисовку основных задач первого пятилетнего плана и главных его результатов. Специфика того периода остается нераскрытой. Авторы словно забывают о многоукладном характере экономики, сопротивлении капиталистических элементов, о том, что более трети промышленного производства еще находилось вне сферы госплановских предписаний, а многие заводы и стройки, порой даже целые отрасли не располагали нужными кадрами инженеров и рабочих, часто не имели технико-экономических обоснований, нормативов расходования сырья, топлива, различных материалов и т. п. В первые два года пятилетки контрольные цифры служили только ориентиром, и лишь с 1931 г. они стали обязательными заданиями. Становление плановой дисциплины было делом нелегким, да и осуществлялось оно в сложных условиях обострения международной обстановки, заметно сказавшейся на экспортно-импортных операциях и потребовавшей дополнительного укрепления обороноспособности СССР.

Отказ от конкретного анализа подобных факторов приводит к нарушению самого принципа историзма. Так, в работе «Пятилетние планы коммунистического строительства» (в целом интересной и полезной) утверждается, будто первая пятилетка была призвана «превратить СССР из аграрной страны в высокоиндустриальную», «вытеснить до конца эксплуататорские классы», «осуществить коллективизацию мелко-крестьянского сельского хозяйства». Далее говорится: «В итоге выполнения первой пятилетки в СССР были решены главные задачи диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к социализ-

му...»⁶⁰. В действительности, как известно, перечисленные выше цели планом на 1928/29—1932/33 гг. не намечались, а для осуществления главных задач диктатуры пролетариата в переходный период потребовалась еще одна пятилетка.

Другим слабым местом вышедшей литературы является вопрос о встречном планировании, т. е. об участии передовых коллективов в повседневной борьбе за реализацию намеченных заданий и их досрочное выполнение. Практически нет такой работы, где бы не утверждалось, что принятие плана — это только начало планирования. Но нет и трудов, в историческом разрезе комплексно прослеживающих, с одной стороны, организацию выполнения плана, а с другой — вклад рабочего класса, новаторов, передовиков соревнования в разработку текущих и перспективных планов, в принятие повышенных обязательств, в общее ускорение хозяйственного строительства.

Ждет своих исследователей и такая большая тема, как международное значение первого пятилетнего плана. До настоящего времени она затрагивается лишь в самом общем виде. Не освещен ряд интересных событий того времени, таких, например, как Международный конгресс по вопросам планирования в Амстердаме, который состоялся в августе 1931 г. В его повестке среди главных значился пункт: опыт плановой работы в СССР. Раскрывая его в огромной аудитории, где значительную часть собравшихся составляли предприниматели, советские делегаты рассказывали о том, что всеохватывающее планирование возможно лишь при социализме, что в его основе лежит директивное планирование производства, а важнейшим условием является сознательное творчество масс, организация соревнования.

Ныне весь прогрессивный мир признает авторитет советских пятилеток, каждая из которых обогащает новыми идеями теорию и практику планирования.

Как подчеркивалось на XXV съезде КПСС на новом этапе коммунистического строительства значительно возрастает роль долгосрочного планирования. В настоящее время плановые органы разрабатывают перспективный генеральный план развития хозяйства до 1990 г. Важнейшими направлениями этой проектировки являются формирование комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий, развитие аграрно-промышленного комплекса, производственной инфраструктуры, повышение эффективности общественного производства.

Курс на создание материально-технической базы коммунизма в условиях НТР вызывает постоянную необходимость совершенствования методов планового руководства народным хозяйством. Тем самым изучение опыта прошлого, тех традиций, которые были заложены 50 лет назад, приобретает большую актуальность, научное воспитательное значение.

⁶⁰ Пятилетние планы коммунистического строительства, с. 36, 37, 40.

«ВОСТОЧНЫЙ ФАКТОР» И ЗАРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ (IX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА X В.)

Зарождение древнерусской дипломатии, т. е. становление методов, средств, приемов, форм, при помощи которых развивающееся древнерусское государство осуществляло свои внешнеполитические цели в IX — первой половине X в. (до начала широких завоевательных походов Святослава), не может быть правильно понято без учета длительных внешних контактов Руси с Хазарским каганатом, народами Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Ирана. Конечно, в этой области исследования наши возможности ограничены по сравнению, скажем, с изучением русско-византийских отношений: здесь нет ни сохранившихся письменных договоров, ни известий о пышных посольствах. И тем не менее ряд верных признаков указывает на определенную дипломатическую активность древних русов на Востоке, которая может быть рассмотрена в общем комплексе зарождения их дипломатии в IX—X вв.¹

Отечественные ученые давно уже обратили внимание на странную последовательность в истории военных предприятий древней Руси, в истории ее внешней политики IX — первой половины X в.: после мирных договоров с Византией русы направляли свои дружины на Восток, в Закавказье и Иран, против тамошних мусульманских владетелей — васалов Багдадского халифата. И всякий раз при этом их рати проходили либо по территории Хазарского каганата, либо вблизи его границ, по путям, которые контролировались хазарами. Таким образом, учитывая внешнеполитическую активность Руси на Юго-Западе и Западе, можно сказать, что Русь уже в IX — первой половине X в. оказывалась вовлеченной в политические отношения огромного региона, который охватывал Балканы, Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Закавказье, иранские области юго-западного, южного и юго-восточного Прикаспия.

Восточные авторы оставили сведения о нескольких походах русов на Восток в IX—X вв. Так, персидский автор XIII в. Ибн Исфендияр в своей «Истории Табаристана» сообщил о походе русов на город Абесгун, расположенный на юго-восточном побережье Прикаспия, между 864 и 884 гг. Они, как и позднее, в начале X в., пришли туда морем, прошли вдоль Каспийского побережья, «произвели опустошения и грабежи».

¹ См. Сахаров А. Н. У истоков русской дипломатии. Первая половина IX века. — «История СССР», 1975, № 5; его же. Русское посольство в Византию. 838—839 гг. Сб. Общество и государство в феодальной России. К 75-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975; его же. Дипломатическое признание древней Руси Византией (860 г.). — «Вопросы истории», 1976, № 6; его же. Поход Руси на Константинополь в 907 г. — «История СССР», 1977, № 6; его же. Русско-византийский договор 907 г. Реальность или вымысел летописца? — «Вопросы истории», 1978, № 2, 3; его же. За похода на Олег срещу Византия през 907 г. и за първия руско-български съюзен договор. — «Исторически преглед». София, 1978, кн. 2.

Против них было выслано войско местного правителя Хасана ибн Зайда, которое и разбило русов². Время их нападения на район Абесгуна устанавливается по годам правления Хасана ибн Зайда (864—884 гг.)³.

По данным этого же автора, в 909 г. состоялся «как во времена Хасана» новый прикаспийский поход русов. И вновь этот поход был направлен на Абесгун. Русы также пришли морем на шестнадцати судах. На другой год, т. е. в 910 г., «русы прибыли в большом количестве», сожгли в юго-восточной части Прикаспия город Сари, забрали пленных, но на обратном пути были истреблены отрядами гилиншаха и ширваншаха⁴. Б. А. Дорн, опубликовавший отрывки из «Истории Табаристана», заметил, что другой весьма компетентный восточный автор, араб ал-Мас'уди (середина X в.), описавший подробно нападение русов на Закавказье после 912/913 г., не знал о походе 909—910 гг. Вместе с тем Б. А. Дорн высказал убеждение, что в персидском и арабских источниках отложились сведения о двух русских походах в Закавказье в начале X в. Основным аргумент Б. А. Дорна — количество нападавших: Ибн Исфендийар сообщает о 16 кораблях, а ал-Мас'уди — о 500 судах, т. е. в первом случае идет речь о сравнительно небольшом набеге, во втором — о крупном военном предприятии⁵. Вслед за Б. А. Дорном версию о двух русских нападениях на берега южного Каспия изложили в своих работах многие дореволюционные и советские историки, нашла она отклик и в общих трудах⁶. Однако в 20-е годы В. В. Бартольд высказал сомнение в реальности походов 864—884 гг. и 909—910 гг., так как кроме Ибн Исфендийара о них никто более не сообщает⁷.

В последнее время А. П. Новосельцев, написавший раздел «Русь и государства Кавказа и Азии» в книге В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1966), подробно обосновал эту точку зрения. Он считал, что и Ибн Исфендийар и ал-Мас'уди писали об одном и том же событии. Во-первых, отметил А. П. Новосельцев, ал-Мас'уди и сам не уверен в своей датировке, так как дает ее приблизительно (после 300 г. хиджры); во-вторых, будучи весьма осведомленным автором, он ничего не знает о походе 909—910 гг. и подчеркивает, что нападение русов с моря было неожиданным, ничего подобного не случилось в прежние времена, а это значит, делает вывод А. П. Новосельцев, что «до похода, описанного ал-Мас'уди, других экспедиций русов в эти места не было»⁸. Эту же точку зрения с некоторыми коррективами отразила в своей диссертации Т. М. Калинина. Автор считает, что русы прибыли в прикаспийские области Ирана в 910 г.; в 910—911 гг. разграбили Табаристан, а затем расположились на островах близ Баку. Свои действия они активизировали в 911—912 гг. и удалились на родину в 913 г. Таким образом, поход длился в общей сложности три с лишним года⁹, что противоре-

² Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875, с. 5. См. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 99.

³ См. подробнее об обстановке в Табаристане этого периода: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, с. 116—117; Cambridge History of Iran, vol. 4. Cambridge, 1975, pp. 78—80.

⁴ Дорн Б. Указ. соч., с. 6.

⁵ Там же, с. X.

⁶ См., напр., Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв., ч. 1. М., 1953, с. 81—82, 101.

⁷ См. Бартольд В. В. Арабские известия о русах. Сочинения. т. II, ч. 1. М., 1963, с. 831.

⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 99.

⁹ Калинина Т. М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (средневековые арабско-персидские источники о Руси). Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 21.

чит русской военной традиции IX — первой половины X в., согласно которой русы стремились закончить свои нападения в течение одного навигационного сезона, без трудных и долгих зимовок.

Мы не будем вдаваться в этот спор, требующий специальных изысканий, заметим лишь, что датировка ал-Мас'уди относительно ранней хронологической границы этого похода (912 г.) является точной. Что касается неведения ал-Мас'уди о предыдущем походе, то точно так же он, видимо, не знал и упомянутого Ибн Исфендийаром похода между 864 и 884 гг., хотя Ибн Исфендийар пользовался недошедшим до нас полным текстом «Истории» ат-Табари (838—923 гг.), чья научная добросовестность отмечена в историографии.

Поход (будем называть его условно 912/913 г.) ал-Мас'уди в своем труде «Марудж ад-Дзахаб» («Россыпи золота»), написанном между 943 и 956 гг., осветил весьма обстоятельно¹⁰.

Под 943 г. перс Ибн Мискавейх, писавший в X—XI вв., рассказал о новом походе русского войска в Закавказье¹¹. Приведенная им дата похода, принятая в течение долгого времени в исторической науке, была пересмотрена персидским историком А. Кесрави. Его точку зрения поддержал А. П. Новосельцев. На основании упоминания Ибн Мискавейхом факта о смерти в Багдаде эмира Тузуна (август — сентябрь 945 г.), которая случилась во время похода русов, оба историка датировали поход 945 годом¹².

Сведения об этом походе содержатся и в других восточных источниках: у албанского историка X в. Мовсеса Каланкатваца, в персидском анонимном источнике «Худуд ал-алам», созданном около 982—983 гг.¹³

Таким образом, восточные источники упоминают о четырех (или трех, если принять точку зрения А. П. Новосельцева) каспийских походах древнерусских войск: 1) в 60—80-е годы IX в., 2) в 909—910 гг., 3) после 912/913 г., 4) в 945 г.

История этих походов и внешнеполитические обстоятельства, им сопутствовавшие, давно уже оказались в поле зрения отечественных историков. Нашла она отражение и в общих работах, и в специальных ис-

¹⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. X—XI вв. М., 1963. Прил., с. 198—199 и сл. См. также Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. В кн. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 360—362.

¹¹ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. х. (943—944 гг.) (далее — Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх...). — «Византийский временник», т. XXIV, 1926. См. о нем Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 101.

¹² Кесрави А. Шахрий аран-е гомном. Тегеран, 1956 (на перс. яз.), с. 59—60; Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 101. Заметим, что еще А. А. Куник высказал предположение об уходе части Игорева войска с берегов Дуная в каспийский поход, считая, однако, русскую рать норманнами (см. Дорн Б. Указ. соч., с. 521). В. В. Бартольд позднее вновь поставил вопрос о том, состоялся ли поход на Бердаа ранее второго Игорева похода против Византии (943 г.) или после него, однако ответа на него не дал (Бартольд В. В. Указ. соч., с. 843). Определенно о связи похода 912/913 г. с русско-византийским договором 911 г. и русско-византийского конфликта в 941—944 гг. с походом русских на Бердаа высказался А. Ю. Якубовский. (Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках. — «Известия АН СССР». Сер. истор. и филос., т. III, № 5. М., 1946, с. 465, 469). Этому же сюжету посвятил раздел своей статьи Н. Я. Половой, считавший, что лишь после окончания второго похода на Византию Игорь направил русскую рать в Закавказье. (См. Половой Н. Я. О дате второго похода Игоря на греков и походе русских на Бердаа. — «Византийский временник», т. XIV, 1959, с. 142—144).

¹³ Истоия агван Мойсея Каланкатваца, писателя X века. СПб., 1861, с. 275—276; «Худуд ал-алам». Рукопись А. Г. Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. (на перс. яз.), л. 33а; см. об этом: Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 102. Кратко сообщают о походе также Ибн Хаукаль и арабский историк XIII в. Ибн ал-Асир (см. там же, с. 101, 103).

следованиях. В XIX — начале XX в. сведения о походах русов на Восток использовали в своих общих трудах по русской истории отечественные историки, в основном в информативном плане¹⁴. Но уже в это время о походах русов на Восток появились и специальные исследования.

В 1870 г. в свет вышел сборник документов А. Я. Гаркави, содержащий сведения арабских писателей о Руси, среди которых были собраны все известные тогда факты о каспийских походах русов¹⁵.

Б. А. Дорн, спустя пять лет, не только привел известные в то время свидетельства восточных авторов о каспийских походах Руси периода (между 864 и 884 гг., 909—910, 912/913, 945 гг.), но и попытался выявить некоторые тенденции этого военного натиска на Восток, а также рассмотрел спорные вопросы. Он заметил, что первые два похода были проведены сравнительно малыми силами (возможно, поэтому они и не стали так известны, как позднейшие); в 912/913 г. русы, напротив, «явились в огромной массе». Цель этого похода Б. А. Дорн определил просто: русы хотели «взглянуть» на места, куда они еще не заходили. Автор высказал предположение, что последующий перерыв в каспийских походах объясняется страшным разгромом, который учинили русам хазары, булгары и бургасы во время их возвращения из похода¹⁶.

Подробная история нападений 912/913 и 945 гг. была изложена В. В. Григорьевым¹⁷. И Б. А. Дорн, и В. В. Григорьев, как и другие историки XIX — начала XX в., были убеждены, что русские экспедиции диктовались лишь одним мотивом — грабительскими целями, жадой наживы. Такие оценки были связаны с норманистскими взглядами авторов, рассматривавших походы в плане общего норманского натиска на юг Европы и в Переднюю Азию.

В советской историографии история русских походов в Закавказье разрабатывалась в трудах многих исследователей¹⁸.

А. Ю. Якубовский ввел в научный оборот на русском языке подробное сообщение о походе 40-х годов на Бердаа Ибн Мискавейха и других арабских авторов и отметил, что дружины русов «шли по хорошо известной дороге, где исстари совершался оживленный товарообмен между странами Восточной Европы, Кавказа и Персии»¹⁹. Он поставил в прямую связь политику Хазарского каганата и каспийские походы русов.

¹⁴ См., напр., Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. СПб., 1830, с. 184; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции, т. III. М., 1846, с. 142; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 151; Иловайский Д. И. История России, т. I. М., 1906, с. 23; Грушевский М. История Украины — Руси, т. I. Львів, 1904, с. 388 и др.

¹⁵ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

¹⁶ Дорн Б. А. Указ. соч., с. V, IX.

¹⁷ Григорьев В. В. Россия и Азия. Гл. I. О древних походах русов на Восток. СПб., 1876.

¹⁸ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх...; его же. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках; Бартольд В. В. Указ. соч.; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949; Рыбаков Б. А. Русь и Хазария. Сб. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М. 1952; его же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. — «Советская археология», 1953, № 8; Заходер Б. Н. Из истории волжско-каспийских связей древней Руси. В кн. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1957; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; Половой Н. Я. О дате второго похода Игоря на греков и походе русских на Бердаа; его же. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. — «Записки Одесского археологического общества», т. I (34), 1960; его же. О маршруте похода русских на Бердаа. — «Византийский временник», т. XX, 1961; Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. Сб. Международные связи России до XVII в. М., 1961; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962; Новосельцев А. П. Указ. соч.; Калинин Т. М. Указ. соч., с. 21—28.

¹⁹ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх..., с. 87.

Дорога в Закавказье и Персию шла по территории Хазарии, и ослабевший в X в. под натиском печенегов и давлением Руси каганат выбирал из двух зол меньшее: так, в 912/913 г. хазары пропустили русов на Восток, чтобы предотвратить их выступление против Саркела²⁰. Автор впервые внес новую струю в исследование проблемы, отметив, что поход 40-х годов отличался от прежних грабительских предприятий тем, что в ходе его русы попытались не столько разграбить, сколько подчинить себе захваченную территорию²¹. Целью восточных походов древней Руси Якубовский считал борьбу с Хазарским каганатом и овладение волжским торговым путем. Таким образом, на первый план в истории походов автор вынес не «утилитарно-грабительские» начала, а политические и экономические мотивы.

В. В. Бартольд также считал, что движение русов на юг было враждебно хазарам. Он обратил внимание и на синхронность последнего каспийского похода Руси и примирения с греками²². Тем не менее В. В. Бартольд не стал развивать эту тему.

Б. Д. Греков подошел к сведениям арабских авторов чисто информативно. Рассказывая об образовании древнерусского государства, он привел факты нападения русов на берега Каспия в 912/913 и 945 гг.²³

В своих работах о взаимоотношении древней Руси и Хазарии Б. А. Рыбаков подчеркнул, что с IX в. Русь и каганат выступают уже как две равноправные величины, что с IX в. славянорусы настойчиво проникали в глубь каганата, подготавливая его падение²⁴.

В «Очерках истории СССР» также установлена связь между политической каганата, который «препятствовал установлению связей Руси с народами Кавказа», перекрывал торговые пути, и восточными походами русов. Здесь также отмечено, что поход 945 г. на Бердаа говорит «не о грабительском набеge... Руси на Кавказ, а о более серьезных ее намерениях»²⁵. Но каких? Об этом предстоит лишь догадываться.

Б. Н. Заходер в своей статье о волжско-каспийских связях древней Руси выявил традиционность торговых связей Руси со странами Востока, знакомства русских мореходов со старинным водным путем по Волге, через земли булгар на Каспий. И не случайно, писал он, на Абесгун были направлены походы русов в конце IX—начале X в. Именно отсюда лежал дальнейший путь в Хорезм. Автор согласен с большинством предшествовавших работ в том, что эти походы носили «грабительский характер»²⁶.

М. В. Левченко также обратил внимание на связь между русско-византийскими договорами и каспийскими походами русов, особенно незавершенного похода Игоря в 944 г. и нападением на Бердаа²⁷. Он подчеркнул синхронность и обусловленность этих походов успехами Руси в русско-византийских отношениях. Активность Руси на Востоке проявлялась в основном после мирных урегулирований с Византией. Однако М. В. Левченко не конкретизировал эти идеи.

В работах Н. Я. Полового поставлен вопрос о взаимоотношениях Руси, Византии и Хазарии в период организации русского похода на Бер-

²⁰ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках, с. 463—465.

²¹ Там же, с. 467.

²² Бартольд В. В. Указ. соч., с. 827, 829.

²³ Греков Б. Д. Указ. соч., с. 462.

²⁴ Рыбаков Б. А. Русь и Хазария, с. 77.

²⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв., с. 84.

²⁶ Заходер Б. Н. Указ. соч., с. 157—158, 160, 162.

²⁷ Левченко М. В. Указ. соч., с. 149—150.

даа. Автор не согласен с А. Н. Насоновым²⁸ в том, что нападение было организовано в результате соглашения с Византией и при противодействии Хазарии. Вопреки сложившемуся мнению, Н. Я. Половой утверждает, что русы шли на Бердаа не через Северный Кавказ, а тем же путем, что в 912/913 г., т. е. по территории каганата и при благожелательном отношении к ним хазар. Это было связано с борьбой Хазарии против мусульманских государств на берегах Каспия. В это же время нарастала вражда алан к Византии; в результате вырисовывается русско-хазарско-аланский союз. Русский поход укреплял южные границы каганата. А уже потом, когда русы попытались укрепиться в Бердаа, хазары выступили против них. Русское войско, считает Н. Я. Половой, возглавлял Свенельд, дружина которого и вернулась из Каспийского похода с несметным добром. Потому-то он и не упомянут в русско-византийском договоре 944 г.²⁹

М. И. Артамонов анализирует сложный узел политических взаимоотношений Византии, Хазарии, Руси, выявляет глубокие политические противоречия между вассалами Арабского халифата в Закавказье, Прикаспии и каганатом, которые постоянно подогревались Византией.

В дальнейшем в связи с ростом древнерусского государства, появлением в Причерноморье печенегов и постепенной утратой Хазарией своего бывшего значения Византия теряет интерес к прежнему союзнику, ищет новых друзей. Отношения империи и каганата с начала X в. начинают обостряться. Хазария опасается и растущей мощи Руси. Отсюда и согласие хазар пропустить сильное русское войско в Каспийское море для грабительского набега на прибрежные области.

Первое такое «разбойничье выступление», по мнению М. И. Артамонова, произошло в 864—884 гг., затем в 909—910 и 912/913 гг. Последний поход автор также характеризует как разбойничий, но проведенный «крупными высокоорганизованными и хорошо вооруженными силами». Именно в это время, предполагает М. И. Артамонов, хазары отбивались от организованной Византией коалиции, состоящей из печенегов, гузов, асиев, потому они и согласились пропустить русов через свои границы. Этот поход, пишет далее автор, «не был официальным предприятием Русского государства, а был организован на свой страх и риск варяжско-русской дружиной»³⁰. Возникший в 30—40-е годы X в. затяжной конфликт между Византией и Хазарией усилил позиции Руси. Поэтому М. И. Артамонов считает, что поход Игоря на Константинополь в 941 г. был организован с ведома и при сочувствии хазар, об этом же говорит и пропуск ими несколько позднее русской рати на Бердаа (этим хазары отводили русскую угрозу от своих границ). Как и Н. Я. Половой, М. И. Артамонов убежден, что это была та часть русского войска, которая дошла до Дуная во время второго похода на Византию³¹.

Вопросами восточной политики древнерусского государства в IX—X вв. занимался А. П. Новосельцев. Систематизация и современный перевод текстов восточных авторов, упоминавших Русь в своих трудах, широкое привлечение к анализу проблемы отечественной и зарубежной историографии позволили ему выявить истоки первых контактов (VII—

²⁸ См. Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы.— «Исторические записки», т. 6, 1940, с. 86—87.

²⁹ Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в., с. 344, с. 346—347, 352—354. См. его же. О дате второго похода Игоря на греков и походе русских на Бердаа, с. 143—144.

³⁰ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 233, 249, 251, с. 369—370, 371.

³¹ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 325, 380.

VIII вв.) славян с восточными странами и народами, определить направление политики хазар по отношению к кавказским народам и государствам, выяснить взаимодействие этой политики с внешнеполитическими действиями древней Руси и, в свою очередь, направление кавказской и византийской политики древнерусского государства³². А. П. Новосельцев обратил внимание на то, что на время военно-дипломатической активности Олега в Византии падает прикаспийский поход русов 909—910 гг., который был направлен против закавказских и прикаспийских вассалов халифата и «соответствовал политическому курсу Олега на сближение с Византией. Походу предшествовало соглашение с Хазарией». С другой стороны, следующий закавказский поход автор связывает с антивизантийским выступлением Руси в 944 г., так как Игорь, по мнению автора, «действовал против Византии вдоль обоих берегов Черного моря», русы «собирались двигаться на Византию и рассчитывали, по крайней мере, на нейтралитет арранцев». А. П. Новосельцев допускает, что в дальнейшем после возникших трудностей в Бердаа и после заключения мира Руси с Византией они были отозваны Игорем на родину³³.

На связь между событиями 907—911 гг. и походом русов на Каспий, а также событиями 941—944 гг. и наступлением на Бердаа указывает и В. Т. Пашуто, который в этом вопросе ссылается на позицию А. П. Новосельцева³⁴.

Т. М. Калинина, говоря о нападении русов в начале X в. на Закавказье и экспедиции Византии против Крита, в которой участвовал отряд русских воинов, считает, что здесь налицо действие «предварительного византийско-русского договора 907 г.», что поход русов на Восток был вызван просьбой империи о помощи с тем, чтобы сковать силы вассалов халифата в их борьбе с союзником Византии — царем Армении. И не случайно византийское войско двинулось на помощь Смбаду I в 912 г.; лишь смерть Льва VI и, добавим, угроза новой войны с Симеоном Болгарским, оставили русов без поддержки и предопределили их неудачу³⁵.

Затрагивает Т. М. Калинина и связь с восточной политикой Руси походов Игоря в 941 и 944 гг. При этом автор говорит не об антивизантийском походе русов в 941 г., помеченном как в византийских хрониках, так и в русской летописи, а о походе русов в Причерноморье. Этот последний поход, по мнению автора, явился результатом «негласного соглашения Византии и Руси против Хазарии», хотя весь ход событий того времени говорит о глубоком обострении русско-византийских отношений, вылившихся в войну 941—944 гг. Неудача русов в Причерноморье, полагает Т. М. Калинина, обострила русско-византийские отношения и Русь повернула свое оружие против Византии, «вступив в союз с Хазарией».

Поход на Бердаа, по мнению Т. М. Калининой, как и другие походы русов в Закавказье, был связан с «византийской политикой Руси». Русы ударили по владениям правителя Азербайджана Марзубана и сорвали план совместного выступления его и ширваншаха против Византии; хазары же вновь дали возможность русам пройти через свою территорию. Автор поддерживает точку зрения историков о том, что русы установили в Бердаа «твердый порядок», и делает интересное наблюдение,

³² Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 363—365, 367, 371, 392.

³³ См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 99—103.

³⁴ Там же, с. 60, 63.

³⁵ Калинина Т. М. Указ. соч., с. 21—22.

что русское нападение поначалу не затронуло селения, недавно сопротивлявшиеся Марзубану³⁶.

Итак, в отечественной историографии при весьма основательной разработке данной проблемы отдельные ее аспекты остаются спорными, противоречивыми, невыясненными. Хотя в историографии последних десятилетий отражена точка зрения о том, что походы Руси в Закавказье и на Каспий диктовались не только грабительскими мотивами, но и определенными социально-экономическими и политическими целями древнерусского государства, до сих пор советские историки не дали ответа на вопрос о том, когда и почему эти походы изменили свой характер.

Спорным остается и вопрос о том, против кого в конечном итоге направлены были отдельные военные экспедиции русов — против Хазарского каганата, Византии? Кто являлся союзниками Руси в этих предприятиях, кто — врагами? Наконец, совершенно неясен в силу скудости источников механизм действия правильно замеченной связи между русско-византийскими мирными урегулированиями и походами русов на Восток. Была ли эта связь однотипной после очередного такого урегулирования, или каждый поход имел свою специфику?

Мы не ставим перед собой цель ответить на все вопросы, закономерно возникающие в ходе знакомства с историографией проблемы. Их усиленное прояснение в значительной степени должно помочь в решении основного поставленного нами вопроса — о том, как «восточный фактор» во внешней политике древней Руси способствовал генезису ее дипломатической службы и как, в свою очередь, древнерусская дипломатия содействовала осуществлению внешнеполитических задач древней Руси, в том числе на Востоке.

Известия о первых контактах славян со странами Передней Азии относятся к VI—VII вв. н. и, как правило, связаны со сведениями и о хазарах. Это позволяет с некоторой долей вероятности предположить, что упоминание восточными авторами славян было обусловлено их участием в военных предприятиях Хазарии, поскольку часть славянских земель была зависима от хазар³⁷.

Применительно к VIII в. мы вновь встречаемся с сообщением о славянах в сочинениях восточных авторов и вновь сквозь призму противоборства Хазарии со своими противниками. В 707—708 гг. началась война Хазарии с арабами в Аране и Южном Дагестане. В начале 30-х годов хазары нанесли удар по арабским владениям в Закавказье³⁸. Арабо-хазарский конфликт, кажется, достиг апогея в 737 г., когда арабы во главе с полководцем Марваном организовали большой поход в глубь хазарских владений. Сведения об этом походе имеются, в частности, в сочинении арабского историка X в. Ибн А'сама ал-Куфи, отрывок из которого был в немецком переводе опубликован в 1939 г. А. З. Валиди Тоганом, и в трудах других авторов. Ал-Куфи сообщил, что арабы взяли Самендер и проникли в хазарские владения. Каган бежал из столицы, которая была занята арабами, и укрылся за «Славянской рекой» (Нахр ас-Сакалиба). Следуя за ним, арабы дошли до Славянской реки, где взяли в плен 20 000 семей славян³⁹.

Вопрос об упоминании ал-Куфи Славянской реки вызвал среди историков споры. Тоган считал, что арабский автор имел в виду Волгу, а, говоря о пленении тамошних жителей, вел речь о булгарах, буртасах и

³⁶ Калнина Т. М. Указ. соч., с. 25.

³⁷ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 362—365 и сл.; Гаркави А. Я. Указ. соч., с. 79.

³⁸ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 367.

³⁹ Togan A. Z. V. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939, S. 299.

угро-финских народах, проживавших по ее берегам⁴⁰. Об этом писали Т. Левицкий и М. И. Артамонов⁴¹. Однако группа историков полагала, что под Славянской рекой ал-Куфи и другие восточные авторы имели в виду Дон. Данной точки зрения придерживаются Д. Маркварт, Б. А. Рыбаков, В. Ф. Минорский, А. П. Новосельцев и другие. Так, Б. А. Рыбаков отмечал, что многие восточные авторы называли Дон «Славянской рекой» или «Русской рекой»⁴².

В. Ф. Минорский, публикуя отрывок из труда ал-Мас'уди, перевел постоянно употребляемое восточными авторами слово *сакалиба* как «славяне»⁴³. А. П. Новосельцев на основании обобщения данных археологических исследований приходит к выводу об ошибочности мнения относительно местожительства славян в районе Средней Волги, между тем как на Верхнем Дону (или Донце) они жили⁴⁴. Заметим, что ал-Мас'уди писал о том, что и «сакалиба» и «русы» находились в составе Хазарского государства, что они жили «на одной стороне» города Итиль, т. е. вместе, рядом⁴⁵. И неоднократно еще ал-Мас'уди упоминал в своем тексте рядом «сакалиба» и «русов». Обряды народа «сакалиба», описанные Ибн Русте, Гардизи, Багри, Марвази, также указывают на древних славян⁴⁶. Да и известные слова автора IX в. Ибн Хордадбега: «...что касается до русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных [частей] страны славян к Румскому морю...»⁴⁷ — указывают на общность русов и славян: русы — это часть славян, вид их занятий примерно одинаков, но русы здесь выступают в качестве неких посредников между славянскими глубинными территориями и Византией. Поэтому мы должны прислушаться к замечанию Б. А. Рыбакова о том, что и арабские авторы, и позднее Константин Багрянородный отличали русов от славян, «но не в этническом, а в государственном смысле». Так, Константин VII знает Русь и как ядро Киевской державы, и как области, подвластные Руси⁴⁸. Думается, что под русами в восточных источниках мы должны понимать именно киевских славян, а под славянами («сакалиба») иные славянские племена как подвластные Киеву, так и независимые от него.

Таким образом, можно считать, что славяне, входившие в состав Хазарского каганата, были участниками крупного противоборства своего сюзерена с халифатом, которое в VII—VIII вв. стало, как это было отмечено историками, постоянно действующим фактором в Передней Азии⁴⁹.

В IX в. арабская опасность по-прежнему остается одним из основных факторов, определяющих в известной мере внешнюю политику как Византии, так и Хазарского каганата, но уже с конца VIII — в первой трети IX в. как Византии, так и Хазарии приходится учитывать растущую мощь Руси. Мы уже отмечали в прежних наших статьях, что нападение

⁴⁰ Ibid., S. 305—307 etc.

⁴¹ Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w.— «Slavia Antiqua», t. VIII. Warszawa—Poznań, 1961, s. 76; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 220.

⁴² Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 873—874.

⁴³ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 193.

⁴⁴ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 369—370.

⁴⁵ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 193.

⁴⁶ Заходер Б. В. Указ. соч., т. II, с. 112—114, 130.

⁴⁷ См. Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 384.

⁴⁸ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв., с. 769.

⁴⁹ Toğ an A. Z. V. Op. cit., S. 253, 302; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 202—225, 233.

русских войск на крымские владения Византии в начале IX в., а также удар русов по малоазийским владениям империи в 30-е годы этого же века, появление русского посольства в Византии и Ингельгейме в 838—839 гг. определенно говорят о становлении древнерусского государства, о его развивающемся суверенитете и освобождении ядра будущей древней Руси из-под власти хазар, о чем, в частности, свидетельствует и принятие русским князем титула кагана, под которым с IX в. его знают и западные, и восточные авторы. Все это сопровождалось первыми военными предприятиями, направленными против Византии, и осуществленными вблизи хазарских границ. Мы отмечали, что дореволюционные ученые, и советские специалисты полагали, что Русь уже серьезно угрожала Хазарии в это время⁵⁰. Именно этим и было вызвано строительство Саркела при помощи византийцев в 30-е годы IX в.

О выходе восточных славян к середине IX в. на политическую арену в качестве самостоятельной силы говорит и свидетельство арабского автора ал-Иа'куби, относящееся к 853—854 гг., о направлении санарийцами — народом, жившим на территории Северной Кахетии, — посольства к властителям Восточной Европы, среди которых упомянут сахиб ас-сакалиба, т. е. властитель славян. Он стоит в тексте рядом с императором Византии (сахиб ар-Рум) и другими владетелями. Посольство было вызвано стремлением санарийцев заручиться помощью сильных соседей в борьбе с арабами⁵¹. К таким и был отнесен правитель славян, владения которого находились где-то поблизости от Кавказских гор. Маркварт в свое время считал, что речь в сообщении арабского автора идет о киевском князе⁵². Эту гипотезу поддержал А. П. Новосельцев, отметивший, что к сообщению ал-Иа'куби следует отнести с большим доверием, так как эти сведения современны автору, который долго жил в Закавказье и был хорошо знаком с положением дел в этом регионе⁵³. К этим наблюдениям, а также к археологическим данным, свидетельствующим о наличии в IX в. славянского княжества в Поднепровье и указывающим на адрес санарийского посольства, следует добавить и сведения внешнеполитического и дипломатического характера. Именно к первой трети IX в. относятся походы русов вдоль побережья Крыма и южного берега Черного моря, именно в конце 30-х годов русское посольство появляется в Константинополе и в землях франков, причем вместе с византийским посольством, направленным византийским императором для заключения антиарабского союза с франками. В 860 г. русы наносят удар по столице Византийской империи. Таким образом, санарийское посольство падает на период очевидной внешнеполитической и дипломатической активности древней Руси и должно рассматриваться в контексте упомянутых выше событий.

Учитывая все эти обстоятельства, свидетельствующие об усилении политического влияния Руси, возрастании ее роли в тогдашнем восточноевропейском мире, мы не можем не обратить внимание и на то, что противоречия между Хазарией и мусульманскими государствами Закавказья и Ирана — вассалами халифата — к концу IX — началу X в., продолжали оставаться весьма ощутимыми. Должны мы учитывать и то обстоятельство, что закавказские и прикаспийские мусульманские владетели были и прямыми, и потенциальными противниками Византии,

⁵⁰ См. Сахаров А. Н. У истоков русской дипломатии. Первая половина IX века, с. 160. См. также Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. — «Византийский временник», т. XIV, с. 103—105.

⁵¹ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 371—372.

⁵² J. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 200.

⁵³ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 372.

ведущей изнурительную борьбу с арабами от Италии до армянских границ⁵⁴.

В этой связи, принимая в расчет охлаждение отношений между Византией и Хазарией из-за противоречий в Причерноморье, мы не можем не согласиться с тем, что эти отношения регулировались и закавказской политикой обоих государств, традиционно выступающих здесь против общего врага — халифата. Думается, что учет этого обстоятельства поможет понять и место Руси в сложных перипетиях «восточной» политики IX — первой половины X в.

Если в применении к VI—VIII вв. сведения о славянах и русах воспринимаются в трудах восточных авторов сквозь призму либо политики хазар, либо других народов Передней Азии, то в применении к концу VIII—IX вв. сообщения о Руси приобретают совершенно самостоятельный политический характер. Русь заявляет о себе самостоятельными военными предприятиями. И первым известием здесь, конечно, является сведение о походе русов вдоль северных берегов Черного моря, в ходе которого они дошли до Керчи⁵⁵.

Ученые, занимавшиеся «восточной» политикой древней Руси, как мы уже говорили, обращали внимание на связь заключения русско-византийских договоров 907—911 гг. и 944 г. и последующего или одновременного появления русских дружин на Востоке. Но нам представляется, что эта связь устанавливается по времени гораздо ранее. Мы хотим подчеркнуть, что посольство Руси в Византии в 838 г. появилось после нападения русов на малоазиатские владения Византии и несколько ранее этого — на византийские владения в районе Северного Причерноморья, в ходе которого могли быть задеты и интересы Хазарии⁵⁶. Таким образом, уже в это время намечаются контуры военного давления Руси как в юго-западном, так и в юго-восточном направлении, которые в дальнейшем вылились, с одной стороны, в громкие походы против Византии, в балканскую политику Святослава, с другой — в не менее известные походы на Восток, в четко очерченную политическую линию в отношении Хазарии, народов Северного Кавказа, государственных образований Закавказья и Ирана.

Следующим этапом этой видимой связи, конечно, являются события 60—80-х годов IX в. На это время приходится известное нападение Руси на Константинополь в 860 г., заключение русско-византийского договора «мира и любви».

Историки предполагали, что появление русского отряда в рядах византийского войска, действовавшего против арабов в начале X в., — очевидное свидетельство того, что соглашение 60-х годов IX в. включало и договоренность, по примеру других подобных соглашений Византии с «варварами», о союзной помощи. С этим можно согласиться, хотя промежуток в тридцать с лишним лет поначалу может выглядеть довольно странным для действия такого соглашения. Кроме того, оно могло быть заключено и в 907 г. Однако версия о военно-союзном соглашении Византии и Руси именно в 60-е годы IX в. находит убедительное подтверждение в факте удара русских войск по Абесгуну между 864 и 884 гг.

Посольство Руси в Константинополь можно отнести к началу 60-х годов⁵⁷. Самая ранняя датировка похода русов в районы Южного При-

⁵⁴ См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 100.

⁵⁵ См. Сахаров А. Н. У истоков русской дипломатии. Первая половина IX века, с. 149 и сл.

⁵⁶ Там же, с. 160; его же. Русское посольство в Византию. 838—839 гг., с. 255.

⁵⁷ Сахаров А. Н. «Дипломатическое признание» древней Руси Византией (860 г.), с. 54—60.

каспия относится также к 864 г. Судя по дальнейшему совпадению во времени русско-византийских соглашений 907—911 и 944 гг. с походами русов на Восток, можно предположить, что и в данном случае события носили тот же характер: русско-византийское соглашение 860-х годов предопределило активность Руси на Востоке. Вполне вероятной представляется мысль о том, что русский набег на Абесгун был не только грабительским предприятием, но и определенным политическим действием Руси, обязавшейся по договору 860-х годов нанести удар по владениям вассалов халифата — противника Византии в Прикаспии в то время, когда арабы вели наступление на империю в Малой Азии. И не исключено, что рейд русов на Абесгун состоялся именно в середине 60-х годов, когда положение Византии на Востоке, как мы уже об этом писали, было весьма трудным.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что русы направили свое оружие не в сторону Малой Азии, а пошли на южное побережье Каспийского моря, следуя древнему торговому пути, проходившему по Волге, южному побережью Каспия, на Абесгун и далее в богатый торговый Хорезм и другие районы Средней Азии. В этом мы усматриваем не только стремление русов взять богатую добычу, одновременно выполнить свои союзнические обязательства по отношению к империи, но и желание проложить торговую дорогу в богатые районы Передней и Средней Азии.

Конечно, неправильным было бы закрывать глаза на действительно грабительский характер этого похода. Неверным было бы также считать, что Русь была лишь направлена на Восток опытной политической рукой Византии. Давнишние экономические и политические связи восточных славян со странами Востока подготовили это военное предприятие. Неслучайно объектом нападения был выбран именно Абесгун — известная торговая гавань на юго-восточном берегу Каспийского моря⁵⁸.

Уже в связи с этим первым известным нам походом Руси в Прикаспий следует поставить вопрос о роли Хазарии в указанных событиях.

На Каспийское побережье русский отряд мог пройти только по территории Хазарии. А это значит, что уже в то время русы или сами, или при посредничестве Византии заручились политической поддержкой каганата. Таким образом, Византия, Русь, Хазария, преследуя собственные не совпадающие экономические и политические цели в Северном Причерноморье, могли выступить заодно по отношению к мусульманским владетелям Закавказья и Ирана, где их интересы (в данном случае «грабительские» и торговые интересы русов) совпадали.

Признав это, мы должны будем склониться к выводу о том, что подобные совместные действия трех государств должны были быть поддержаны и дипломатическими усилиями. Мы можем с большой долей вероятности утверждать о договоренности Руси и Византии по поводу нападения русов на районы Южного Прикаспия, как и о разрешении Хазарии пропустить русский отряд по своей территории.

Следующий этап оживления русской политики на Востоке падает на начало X в. Под 909—910 гг. и 912—913 гг. восточные авторы сообщают о вторичном нападении русов на Абесгун и на город Сари (909—910 гг.) и на районы Южного Прикаспия и Азербайджана (912—913 гг.). Мы уже писали выше, что аргументы Б. А. Дорна, доказывающие, что было действительно два похода, а не один, заслуживают внимания. Попро-

⁵⁸ Дорн Б. Указ. соч., с. 7—9. См. также Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках, с. 464; Заходер Б. Н. Указ. соч., т. II, с. 162; т. I, с. 14—25.

буем подойти к спорной проблеме несколько иначе — с точки зрения вырабатывающейся совместной русско-византийской политики на Востоке, с точки зрения дипломатической практики древней Руси и Византии.

В 907 г. состоялся очередной поход Руси на Константинополь, закончившийся заключением нового после 860-х годов договора между империей и Русью о «мире и любви», развернутым межгосударственным соглашением. Несколько ранее — в 904 г. был заключен мир с Болгарией. Таким образом, Византия получает свободу рук в борьбе с арабами. И уже в 911 г. отряд русских воинов в 700 человек отправляется в составе греческой армии во главе с Имерием на борьбу против критских арабов⁵⁹. На это же время приходится и прикаспийский поход русов 909—910 гг.

Таким образом, вслед за русско-византийским соглашением 907 г. русы принимают участие в двух военных предприятиях, направленных против арабов, — на Западе и на Востоке. Случайно ли это? Нам представляется подобное совпадение событий и их повторяемость закономерными. Во многие договоры «мира и дружбы», которые заключала империя с «варварскими» государствами, включался пункт о союзной помощи со стороны «варваров». И последние выполняли свои обязательства, оплаченные золотом, дорогими подарками, торговыми льготами, другими привилегиями, которые даровала империя своим союзникам — антам, аварам, хазарам, позднее печенегам, уграм⁶⁰. В этот же ряд со второй половины IX в. империя небезуспешно пыталась поставить и русов. Если в 60-е годы IX в. между Византией и Русью предположительно был предпринят первый известный нам опыт такого военного сотрудничества, опиравшегося на договор 860-х годов, то в начале X в., после соглашения 907 г. этот опыт был продолжен и развит. Во всяком случае повторяемость событий, их обусловленность коренными интересами антиарабской политики Византии ведет именно в этом направлении.

Удар русов по каспийскому побережью в 909—910 гг., по мнению А. П. Новосельцева, был связан с активизацией греческой политики в Закавказье. Арабский халифат в начале X в. не представлял собой столь грозной силы, как прежде. В Закавказье и на южных берегах Каспия халифат опирался на своих вассалов — владетелей Мавераннахра и Хорасана (Саманиды), а также Азербайджана (Юсуф ибн Абу-Садж). Именно в эти годы Армения пыталась сбросить власть арабов, и царь Симбат I (892—914 гг.) искал сближения с Византией. Поход русов был направлен и против саманидов, и против Юсуфа⁶¹.

Таким образом, вполне реально предположить, что в результате русско-византийских переговоров и соглашения 907 г. русская сторона обязалась в обмен на ряд экономических и политических уступок со стороны Византии принять участие в борьбе против арабов на Западе и на Востоке и выполнила свои обязательства в 909—910 гг.

Но и в данном случае мы видим, что русы сдвинули свой поход в юго-восточном, а не в юго-западном направлении, что подкрепляет гипотезу о сочетании ими в данном районе как союзнических обязательств по отношению к Византии, так и собственных торговых интересов.

⁵⁹ Constantini imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. I, Bonnae, 1829, lib. II, cap. 44, p. 651.

⁶⁰ Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. Tl. I. Regesten von 565—1025. München—Berlin, 1924 (далее — Regesten) № 41, 177, 183, 519, 713 etc.

⁶¹ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 99—100.

В 911 г. в русско-византийском договоре появляется статья о союзных действиях русов по отношению к Византии: «Егда же требуется на войну ити, и сии хотят почтити царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотять остаться у царя вашего своею волею, да будутъ»⁶².

Это вовсе не значит, что именно этим присутствием на войне «почтут» русы императора: они действовать так обязаны; «почтити» же «царя» они могут тем, что в «кое время елико их приидеть», они захотят остаться на службе в империи. Причем оговорено, что в этом случае они могут действовать «своею волею», в отличие от того случая, когда им предстояло выполнять союзные обязательства. Тем самым в договоре 911 г. отражен как факт военной помощи Византии со стороны древнерусского государства, так и разрешение русским воинам после выполнения своих обязательств служить в императорской армии. Империя, как видим, продолжает последовательно осуществлять курс на сближение с Русью. Со своей стороны Русь, также заинтересованная в этом сближении и экономически, и политически, постепенно поворачивается по отношению к Византии от традиционной «варварской» воинственности к традиционным же для ряда окружающих Византию «варварских» государств отношениям «мира и любви», одним из проявлений которой является установление военного союза.

После 911 г. в течение тридцати лет в отношениях между империей и Русью наступает мирный период, полоса реального действия условий общеполитического соглашения 907 г.⁶³, включавшего пункт о выплате империей ежегодной дани Руси, и условий другого развернутого политического соглашения — «мира-ряда» 911 г., обнимающего комплекс проблем в отношениях между двумя государствами. Именно в это время Византии, видимо, удается оторвать древнерусское государство от союза с Болгарией. И в 913—914 гг. — в период новой войны Симеона Болгарского с Византией, и в период их следующего противоборства в 20-е годы, уже при императоре Романе I Лакапине, Русь сохраняет нейтралитет. И хотя патриарх Николай Мистик в конце 922 г. грозил Симеону нашествием русов (равно как и венгров, печенегов, алан и других «скифских племен»), если болгары не прекратят военного давления на империю⁶⁴, угроза эта не была осуществлена: связанные с болгарами давнишней дружбой, древними культурными связями, своими недавними действиями против империи, русы не выступили против Болгарии.

Однако на время после заключения договора 911 г. приходится новый поход русов в Закавказье. Это было, по сообщению аль-Мас'уди, крупное военное предприятие, в котором участвовало 500 судов. Плава-

⁶² ПВЛ, ч. 1, с. 28. Б. А. Романов перевел эту статью следующим образом: «Если же будет набор в войско и эти [русские] захотят почтить вашего царя и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание» (там же, с. 224). При таком переводе основной акцент статьи — в желании русских воинов почтить «царя» и остаться по своей доброй воле служить в греческой армии в связи с набором русов на греческую службу. Между тем пафос статьи совсем в ином. Она отражает союзнические обязанности Руси по отношению к Византии и говорит не о наборе в войско, а о том случае, когда русам предстоит двинуться в поддержку империи, когда они, выполняя свои союзнические обязательства, должны будут идти на войну — «егда же требуется на войну ити». В этой связи более правильным представляется перевод А. А. Зимина: «Когда же требуется идти на войну...» (Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, с. 13).

⁶³ Сахаров А. Н. Русско-византийский договор 907 г. Реальность или вымысел летописца?

⁶⁴ *Patrologiae cursus completus. Series graeca*, t. III, J.—P. Mingne. Paris, 1863, p. 153—154; см. также Златарск и В. Н. Писмата на цариградския патриархъ Николай Мистика до българския царь Симеона. — «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XII. София, 1895, с. 150. Комментарий В. Н. Златарского, с. 155.

ние русов проходило по территории Хазарского каганата, и русские договорились с хазарами о пропуске их войска на условиях уплаты за это половины захваченной на Востоке добычи. М. И. Артамонов отмечает, что в это время Хазария сама отбивалась от наседавшей на нее коалиции, состоявшей из печенегов, гузов и аснев, организованной Византией. Хазары при поддержке алан одолели своих врагов⁶⁵.

Таким образом, мы видим, что поход 912/913 г., во-первых, приходится на период после заключения русско-византийского договора 911 г.; во-вторых, своим острием он был направлен в Прикаспий и непосредственно против вассалов Багдада; в-третьих, дипломатически он был обеспечен договором с Хазарией, которая пропустила русское войско по своей территории вверх по Дону и на Волгу. Возможно, что нейтралитет каганата в этом вопросе определялся и давлением Византии. Нападению русов вновь подверглись знакомые им места — Табаристан, Абесгун, Гилян.

Тем самым события 912/913 г. укладываются в общее русло русско-византийско-хазарских отношений, когда Византия, осуществляя свою политику в Причерноморье и Закавказье, все чаще начинает ориентироваться не на слабеющий Хазарский каганат, а на Русь, способную организовать дерзкие дальние походы в самое сердце мусульманского закавказского и прикаспийского мира.

Нам представляется, что правы те ученые, которые писали об определенном охлаждении отношений между Хазарией и Византией с начала X в. Хазария уже не могла выполнять прежних военных обязательств перед Византией против арабов, грозила ее крымским владениям, сдерживала натиск древнерусского государства в районах Волги, Закавказья и Прикаспия⁶⁶.

Отмечена и та роль, которую в ослаблении Хазарского каганата сыграли печенеги, установившие с конца IX в. контроль над причерноморскими степями. После первого нападения печенегов на русскую землю в 915 г. Игорь заключил с ними мир. С этого момента печенежский фактор стал играть заметную роль во внешней политике древней Руси. Его активно учитывала в своих внешнеполитических расчетах, как об этом писал Константин Багрянородный, и Византия. Греки использовали печенегов в борьбе с Симеоном Болгарским, настойчиво раскалывали русско-печенежскую коалицию, созданную Игорем против Византии в 944 г.⁶⁷

В этой связи мы не можем пройти мимо не только антирусских, но и антихазарских настроений, отраженных, на наш взгляд, в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении государством», тем более, что в нем, так сказать, обобщена политика Византии по отношению к своим соседям за определенный период времени. Если о печенегах Константин пишет неизменно в дружественных тонах, то о хазарах, — как о возможных противниках империи, против которых можно натравливать узов, алан⁶⁸.

Д. Оболенский считал, что с момента появления печенегов в Причерноморье и принятия Хазарией иудаизма отношения Византии и Ха-

⁶⁵ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 370.

⁶⁶ См. Бартольд В. В. Указ. соч., с. 831; Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках, с. 465; Талис Д. Л. Указ. соч., с. 104—105.

⁶⁷ ПВЛ, ч. I, с. 31, с. 33—34.

⁶⁸ Constantine Porphyrogenitus de administrando imperio. Ed. by Gy. Moravcsik; transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, cap. 1, p. 49; cap. 5, p. 53; cap. 6, p. 53; cap. 10, pp. 63—64; cap. 11, p. 65; cap. 12, p. 65.

зари стали холоднее, что «Византия больше не доверяла хазарам», их роль по обороне Северного Кавказа была передана аланам, а в районе Причерноморья — печенегам⁶⁹. Если в отношении печенегов с этим можно согласиться, поскольку Русь в Причерноморье и в районе Дуная сама представляла для империи существенную опасность и кочевники могли явиться ее противовесом, то в отношении алан такой подход представляется не совсем точным. Аланы являлись союзниками Византии, но не основными. Думается, что основную ставку в районе Кавказа империя в это время делала на Русь и неоднократные походы русских дружин к берегам Каспия убедительно это подтверждают.

Появление печенегов резко изменило политическую картину в Северном Причерноморье, что окончательно привело к тому, что хазары, как отмечал М. И. Артамонов, «утратили свое прежнее значение для Византии»⁷⁰. Все чаще и чаще Византия организует против своего бывшего союзника народы северного Кавказа.

Вслед за созданием антихазарской коалиции 912 г. Византия в 932 г. поднимает против каганата алан. Антихазарская политика Византии приобретает все более четкие очертания в период правления Романа I Лакапина, когда в Византии было организовано преследование евреев. Хазары, исповедовавшие иудаизм, почувствовали на себе в те годы всю силу византийской внешнеполитической интриги⁷¹.

Мы не можем в связи с этим не сказать здесь об отражении противоречий между Хазарией и Византией этого периода в еврейско-хазарской переписке X в. и так называемом «Кембриджском» документе. Даже если согласиться с П. К. Коковцовым, что сам этот документ явился не оригинальным произведением X в., а лишь вобрал в себя ранние сведения какого-то утраченного византийского литературного произведения X в., то и в этом случае ясно проглядывает мысль как того, так и другого источника о нарастании противоречий между империей и каганатом и между Хазарией и Русью. Во-первых, обращает на себя внимание, что в еврейско-хазарской переписке испанский корреспондент хазарского царя Иосифа, как это явствует из его письма, никак не мог доставить письмо адресату и сделал это лишь через Венгрию, Русь, Волжскую Болгарию, но не непосредственно через Русь или Византию с выходом на Хазарию⁷². Прав был П. К. Коковцов, заметивший что для такого маршрута существовали какие-то политические причины⁷³. В «Кембриджском» же документе прямо говорится о подстрекательстве Романом I Лакапином Руси к выступлению против Хазарии, о войне русов с хазарами, о нападении в отместку за это хазарского войска «на города Романа», под которыми мы вполне можем понимать крымские владения Византии, о последующем походе хазар на русов, поражении последних и о нападении русов по наущению хазар на империю⁷⁴. Несколькими ранее этого текста документ сообщает, что «во дни царя Вениамина (хазарского царя середины второй четверти X в. — А. С.) поднялись все народы на [хазар] и стеснили их [по совету] царя Македонии (т. е. Византии. — А. С.)»⁷⁵. Среди этих народов анонимный автор называет

⁶⁹ Obolensky D. *Byzantium and the Slavs: collected Studies*. II. The Empire and its Northern Neighbours, 565—1018. London, 1971, p. 511; его же. *The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy*. — «XII Congres International des Etudes Byzantine. Ochride. 1961.» Rapport II. Belgrad—Ochride. 1961. p. 50.

⁷⁰ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 353.

⁷¹ См. Артамонов М. И. Указ. соч., с. 373, 375.

⁷² Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 65—66.

⁷³ Там же, с. 66.

⁷⁴ Коковцов П. К. Указ. соч., с. 118—120.

⁷⁵ Там же, с. 117.

аснев, турок, печенегов и др. Таким образом, линия хазарско-византийского противоборства проходит практически через весь документ.

В 30—40-е годы, исключая период русско-византийской войны 941—944 гг., завершившейся новым мирным договором между двумя государствами, мирные и союзные отношения между Русью и Византией остаются на прежнем уровне. Так, в 934 г. семь русских кораблей с 415 воинами находились в составе византийской эскадры, направленной к берегам Лангобардии. В 935 г. в составе другой эскадры русы ходили к берегам Южной Франции⁷⁶.

Историки, как правило, не комментировали факт военных действий Руси против печенегов в 920 г. после того, как она заключила с кочевниками мир 915 г., но не исключено, что и эта война была не изолированной военной схваткой печенегов с Русью, а отражала более широкие международные противоречия в тогдашнем мире.

Заметим, что и в древнем мире, и позднее, в раннем средневековье, военные союзы, разного рода политические комбинации были обычным явлением в отношениях между государствами.

В этой связи участие древнерусского государства в различного рода политических комбинациях начала X в. представляется делом вполне естественным. Кстати, историки неоднократно вспоминали слова Константина Багрянородного о стремлении Византии опираться на печенегов в борьбе против Руси и «турок», под которыми он имел в виду угров. Однако реже обращалось внимание на то, что этот же автор сообщил о стремлении Руси жить в мире с печенегами и заручаться их военной поддержкой⁷⁷.

Таким образом, после событий 907—911 гг. Русь на протяжении тридцати лет находилась с Византией в мирных и союзных отношениях. Это, как мы видели, предполагало в одном случае воздерживание древнерусского государства от поддержки Симеона Болгарского, в другом — помощь в действиях против мусульманских государств Закавказья и Прикаспия, в третьем — участие в экспедициях греческой армии на Запад.

В 945 г. русское войско вновь появляется в Закавказье, захватывает город Бердаа. Лишь за год до этого был заключен русско-византийский договор 944 г., который содержал более развернутую и определенную, чем в договоре 911 г., статью о военном союзе между двумя странами: «Аще ли хотети начнеть наше царство от вась вой на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хощемъ: и оттоле уведять ины страны, каку любовь имеютъ гръци съ русью»⁷⁸.

Русы данной статьей обязывались по просьбе Византии направить своих воинов, сколько потребуется, против того противника, которого определит империя. В связи с этой статьей следует рассматривать и статью «О Корсуньской стране». Там говорится, что русские обязуются «не имать волости» в этой стране. В то же время если русский князь где-либо будет вести войну и попросит у Византии помощи, то получит столько греческой подмоги, сколько потребуется («да воюеть на техъ странахъ, и та страна не покарается вамъ, и тогда, аще просить вой у насъ князь русский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требе») ⁷⁹. Одна из статей договора непосредственно направлена против врагов «Корсуньской страны» — черных болгар. Русский князь должен был противоборствовать с ними по просьбе империи.

⁷⁶ См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 62.

⁷⁷ Constantine Porphyrogenitus de administrando imperio, cap. 5, p. 53.

⁷⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 38.

⁷⁹ Там же, с. 37.

Обращаясь к этим статьям договора 944 г. мы видим, что они охватывают широкий круг союзных двусторонних обязательств двух государств.

Ученые давно уже обратили внимание на то обстоятельство, что данные статьи договора очень быстро были реализованы. В 949 г. русские в количестве 629 человек участвовали в экспедиции против Крита. Затем, в 954 г., вновь на этот раз вместе с болгарами и армянами сражались против сирийского эмира⁸⁰. Таким образом, реализация статей о союзе непосредственно была направлена против арабов на Крите и в Сирии.

Уточнение даты похода русов на Бердаа (945 г.) таит в себе дополнительные возможности для исследования проблемы. Если русское войско начало свой поход в 945 г., значит, что в это время уже вступил в действие заключенный в 944 г. русско-византийский договор с упомянутыми статьями. А это значит, в свою очередь, что русское нападение на Закавказье точно соответствовало усилиям Византии в ее борьбе с арабами на разных фронтах.

Поддержав точку зрения о новой дате похода, А. П. Новосельцев допустил в дальнейшем, на наш взгляд, неточность, заметив, что «Игорь действовал против Византии вдоль обоих берегов Черного моря»⁸¹. В 945 г. он не действовал против Византии вообще — ни на одном, ни на другом берегу Черного моря. Эта неточность автором исправлена в готовящейся к печати книге.

В свете этой даты неправомерной является и версия Н. Я. Полового о том, что поход русов на Бердаа был возможен лишь в союзе с Хазарией, при активном противодействии Византии⁸². Вероятно, ближе к истине был А. Н. Насонов, полагавший, что поход стал возможен в результате соглашения Руси с Византией и при противодействии Хазарского каганата, на что указывает и выбор русами иного пути на Кавказ, чем в несчастливом для них 912/913 г.⁸³ — с восточного побережья Черного моря сухопутьем через Северный Кавказ к Каспию, а оттуда в устье Куры, т. е. в обход хазарских владений, где истребили русов на обратном пути тридцать с лишним лет назад⁸⁴.

945 год указывает нам на то, что в развитии возобновленного русско-византийского союза, в основе которого, как мы показывали, лежала уплата империей ежегодной дани Руси, древнерусское государство оказало Византии активную помощь в ее борьбе с арабами и на Западе и на Востоке. Во всяком случае трудно по-иному вскрыть внутреннюю связь событий 944—945 гг., которые ведут нас от русско-византийского договора 944 г. к русской экспедиции против мусульманских владетелей Закавказья в 945 г.

А. Ю. Якубовский и М. И. Артамонов, анализируя данные о походе русов на Бердаа в 945 г., обратили внимание на то, что они стремились не просто пограбить здешний край, но и подчинить его своей власти⁸⁵. Это замечание нам представляется чрезвычайно важным.

⁸⁰ См. подробнее Левченко М. В. Указ. соч., с. 216; Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 65—66 и др.

⁸¹ См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 101.

⁸² Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в., с. 344, 346—347.

⁸³ Насонов А. Н. Указ. соч., с. 86—87. Об этом же ранее писал и М. С. Грушевский (Грушевский М. История Украины—Руси, т. 1, с. 411).

⁸⁴ Но даже если принять версию Н. Я. Полового и М. И. Артамонова (Артамонов М. И. Указ. соч., с. 375) о том, что русы шли на Бердаа тем же путем, что и в 912/913 г., то это не может, на наш взгляд, изменить общего понимания союзных действий Византии и Руси против вассалов халифата после заключения договора 944 г.

⁸⁵ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках, с. 467; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 376.

Город Бердаа был в IX—X вв. богатейшим торговым центром, древние источники называли его «Багдадом Кавказа»⁸⁶. Русы вопреки прежней практике IX в. и начала X в., захватив Бердаа, не предали его огню и мечу, а повели себя иначе: успокоили жителей, подчеркнули, что их не интересуют вопросы вероисповедания и они хотят лишь одного — «власти»⁸⁷. Русы заверили, что будут хорошо относиться к жителям города и потребовали от них «хорошо повиноваться».

После возникшего конфликта между завоевателями и завоеванными русы ограбили жителей, но и это ограбление приняло причудливую «легальную форму»: у мусульманина в виде выкупа изымали все ценности — золото, серебро, ковры, взамен вручая «кусочек глины с печатью, которая была ему гарантией от других»⁸⁸, т. е. и в этом случае пытались ввести «военные реквизиции» в рамки «законного» управления. Об этом же говорят и данные персидского анонимного источника «Худуд ал-алам», отметившего, что русы поначалу даже не вошли в Бердаа, а остановились неподалеку от него в селении Мубараки⁸⁹. Албанский же историк М. Каганкатвацц пишет о том периоде, когда русы уже «предали город лезвию меча». Время мирных отношений русов и местных жителей осталось ему неизвестным. Автор сообщил, что русы боролись здесь с дейлемитами⁹⁰, с которыми прежде, как писал Ибн Мискавейх, были в мирных отношениях. А это значит, что, явившись в край, русы не просто прошли его огнем и мечом, но определили противников довольно точно: это те, кто воевал с главой дейлемитов Марзубаном — союзником Византии. Необходимо заметить, что и обстановка здесь была крайне неясной: Марзубан лишь незадолго перед приходом русов утвердился в Аране, изгнав оттуда вассалов халифата. И именно с его подданными — дейлемитами поначалу и поддерживали русы мирные отношения. Конфликт возник лишь позднее. Поэтому вывод А. П. Новосельцева о том, что, появившись в крае, русы овладели Бердаа, «изгнав наместника Марзубана» и его дейлемитский гарнизон⁹¹, несколько прямолинейно. Они это действительно сделали, но после мирной паузы, которая говорит, что поначалу русы стремились установить добрые отношения с союзником Византии — Марзубаном. А. П. Новосельцев считает, что «действия русов понятны: они собирались двигаться на Византию и рассчитывали по крайней мере на нейтралитет арацев»⁹², но логика завоевателей, на наш взгляд, была иной, они сохраняли нейтралитет потому, что им иначе пришлось бы столкнуться с союзниками Византии. Выполняя свои союзнические обязательства русы стремились одновременно утвердиться прочно в Аране, но вынуждены были считаться с политикой империи.

Русы пробыли в Бердаа несколько месяцев, и лишь тяжелые болезни и неустанные бои с войсками мусульманских правителей вынудили их к тому, что однажды ночью они оставили город и ушли к Куре. Сев в лодки, русы отбыли на родину.

Осуществляя намерение подчинить определенные районы Закавказья своему постоянному влиянию, русы позаботились о дипломатическом обеспечении похода. Н. Я. Половой говорит о возникновении в это время русско-хазарско-аланского союза и об укреплении в ходе русского по-

⁸⁶ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках, с. 468; его же. Ибн Мискавейх..., с. 79.

⁸⁷ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх..., с. 66.

⁸⁸ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх..., с. 67.

⁸⁹ См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 102.

⁹⁰ История агван Мойсея Каганкатвацц..., с. 276.

⁹¹ См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 102.

⁹² См. Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 102.

хода южных границ Хазарского каганата⁹³. Якубовский А. Ю., Левченко М. В. и другие авторы обращали внимание на то, что в одной из позднейших (рубеж XI—XII вв.) редакций так называемой еврейско-хазарской переписки, принадлежавшей перу Иехуды бен Барзиллая («вышли разные народы: аланы, славяне и лезги и дошли до Азербайджана, взяли город Бердаа»⁹⁴), говорится именно об этом походе, совершенном русами в союзе с народами Северного Кавказа⁹⁵. Это сообщение подтверждается и Ибн Мискавейхом и другими авторами, упоминавшими об этом походе: русы «проехали морем, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Кура»⁹⁶. Как мы уже отмечали, ученые по-разному трактовали это сообщение. Н. Я. Половой и М. И. Артамонов считали, что русы прошли на Бердаа тем же путем, что в 912/913 г. Б. А. Дори, А. Ю. Якубовский и другие полагали, что русы пересекли территорию Северного Кавказа⁹⁷.

Нам представляется, что последняя точка зрения более правильна, так как она отражает сложившиеся политические реалии этого периода в районе Причерноморья, Северного Кавказа и Закавказья. В 30—40-е годы, как мы отмечали выше, налицо было охлаждение отношений между Византией и Хазарией, в основе которого лежала неспособность каганата выполнять по отношению к империи прежние союзнические функции в Причерноморье и Закавказье, их религиозная рознь, обострившаяся при Романе I Лакапине, возрастание мощи древнерусского государства как нового политического фактора в Восточной Европе и Передней Азии. В этих условиях Хазария вряд ли могла поддержать русскую инициативу на Востоке. Удар русских по Бердаа, стремление закрепиться там не усиливали, а напротив, ослабляли южные границы каганата, так как позволяли Руси осуществлять давление на Хазарию и с севера и с юга и способствовали переходу под контроль древнерусского государства старинных торговых путей в Причерноморье и Прикаспии, что в течение долгих лет было привилегией каганата.

Преследуя свои экономические и политические цели, Русь вместе с тем выполняла союзнические обязательства по отношению к Византии, помогая ей в борьбе с арабами. Об этом недвусмысленно говорит и русско-византийский договор 944 г., вслед за заключением которого был организован поход в Закавказье и последующие военные союзные русско-византийские действия на Западе.

Организуя поход в Закавказье, Русь имела не только поддержку Византии, но и заключила союз с аланами и другими народами Северного

⁹³ Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в., с. 347—348.

⁹⁴ Дори Б. Указ. соч., с. 515; Коковцов П. К. Указ. соч., с. VIII.

⁹⁵ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх..., с. 88; Левченко М. В. Указ. соч., с. 150.

⁹⁶ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх..., с. 65, 70—72.

⁹⁷ Для общей оценки позиции каганата в это время по отношению к Руси следует иметь в виду и многократно цитировавшееся письмо хазарского царя Иосифа к своему испанскому корреспонденту Хаслаю Ибн Шафруту, восходящее к середине X в., в котором он писал: «Я [сам] живу у входа в реку, и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним (исмаильтянам.— *Перев.*). Точно так же я не пускаю всех врагов их (исмаильтян.— *Перев.*), приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними (русами.— *Перев.*) упорную войну. Если бы я их оставил [в покое], они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке, с. 83—84). В этих фразах отражена как позиция Хазарии относительно русских походов на Восток в середине X в., так и их значение для тогдашнего мира. См. подробнее об истории изучения вопроса о еврейско-хазарской переписке: Рыбаков Б. А. Русь и Хазария, с. 77—82; его же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, с. 156 и сл.; Фейгина С. А. Историкогеография еврейско-хазарской переписки X в. Сб. Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 225—234.

Кавказа. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что русы, пройдя по сухопутью к Каспию, должны были очень быстро раздобыть здесь большое количество лодок для продолжения похода по воде. Сделать это можно было лишь при поддержке северокавказских правителей — тех же лезгов, алан. И здесь трудно допустить, чтобы Хазария помогала русам. Теснимая новой растущей державой, она, в крайнем случае, могла соблюсти нейтралитет. Наличие в это время алано-византийских противоречий вовсе не исключало участия аланов в выгодном для них русском походе, наносившем удар вассалам халифата.

Таким образом, поход 945 г. состоялся после переговоров с правителями северокавказских народов, возможно с Хазарией. И сам он явился выражением военно-политического русско-византийского союза. Конкретные события похода определялись уже меняющимися местными условиями.

А теперь, возвращаясь к истории русских походов на Восток, заметим, что их характер менялся год от года. В первую очередь — в отношении масштабов их проведения. В 60-е годы IX в. это было нападение на Абесгун ограниченными силами. В начале X в. учащаются периодичность этих военных предприятий (если признать наличие и похода 909—910 и 912/913 гг.), растет количество русских сил, отправляющихся на Восток. Экспедиция 912/913 г. явилась уже крупным военным предприятием сильного государства. В 945 г. поход также был предпринят солидными военными силами, о чем говорит его длительность, попытка закрепиться в захваченном районе.

Менялось и качественное, политическое содержание походов. Если нападения 60-х годов IX в. и 909—910 гг. являлись довольно ограниченной по своим задачам реализацией союзнических обязательств Руси, рекогносцировкой на волжско-каспийском торговом пути и одновременно типичной грабительской экспедицией, то походы 912/913 и 945 гг. решали задачи более серьезного и длительного противоборства с вассалами халифата в Закавказье, а в 945 г. — даже попытки закрепиться в Бердаа.

Наконец, следует отметить и возрастание политической активности русов в связи с походами на Восток. Мы видим, как нападение 912/913 гг. сопровождалось договоренностью с Византией, соглашением с Хазарией, как судьба похода 945 г. зависела от событий на Дунае, переговоров в Киеве и Константинополе, соглашения с народами Северного Кавказа и, возможно, с хазарами.

Естественно, восточные военные экспедиции русов во всех случаях носили захватнический, грабительский характер, как и другие подобные предприятия раннего средневековья, и не случайно они были направлены на богатые города, лежащие вдоль старинных торговых путей. Захват добычи являлся при этом естественной целью. Но уже в это время подобные экспедиции решали и политические задачи — выполнение союзнических обязательств, сокрушение или ослабление своих традиционных политических соперников, попытку закрепиться на важных торговых путях. Решение этих задач на Востоке отражало экономические и политические потребности развивающегося феодального древнерусского государства, поэтому вполне закономерными являлись дипломатические усилия, которые предпринимала древняя Русь для осуществления своей политики на Востоке, тесно связанной с другими внешнеполитическими задачами в Причерноморье и на Балканах.

К 75-летию революции 1905—1907 годов

Н. Н. Демочкин

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТВОРЧЕСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

Революция 1905—1907 гг. в России — одна из наиболее ярких страниц не только в истории нашей Родины, но и в мировой истории. Это была первая в эпоху империализма буржуазно-демократическая революция, в которой пролетариат выступил как самостоятельная политическая сила, как вождь угнетенных масс, борющихся за социальное освобождение. Революция свидетельствовала о начале глубочайшего кризиса всей мировой капиталистической системы. Она показала, что центр мирового революционного движения переместился в Россию.

Величайшим историческим завоеванием пролетариата, народных масс в революции, проявлением их революционного творчества явилось создание Советов рабочих депутатов, Советов крестьянских депутатов и аналогичных им учреждений (крестьянские комитеты, распорядительные комитеты, крестьянские республики). Характеризуя их как новые массовые революционные организации трудящихся, В. И. Ленин позднее отмечал: «...уже тогда социалисты поняли, что организацией этих Советов создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции. Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран»¹.

Вопросу о возникновении и деятельности Советов в революции 1905—1907 гг. значительное внимание уделяется в нашей исторической литературе. Уже в 20—30-е годы были изданы многочисленные сборники документов о первой народной революции 1905—1907 гг. в России, в которых содержатся материалы о деятельности Советов рабочих депутатов и революционных крестьянских организаций². Это способствовало созданию исследований, посвященных революционному движению крестьян³. В них рассматривалась и деятельность отдельных революционных крестьянских организаций как зачаточных органов власти на селе.

Большую научную ценность для изучения истории Советов, в том числе Советов рабочих и крестьянских депутатов, Советов крестьянских депутатов, революционных крестьянских комитетов имело издание ряда сборников под общим названием «Документы и материалы революции 1905—1907 гг. в России»⁴. Значительная работа по выявлению и опу-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 238.

² 1905 год. Материалы и документы. Стачечное движение. М., 1926; 1905 год. Советская печать и литература о Советах. М., 1926; Петербургский и Московский Совет 1905 г. в документах. М.—Л., 1926; 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925; 1905 год в Москве и Московской губернии. М., 1936; Аграрное движение 1905—1907 годов в Московской области. М., 1936; Аграрное движение. М., 1925.

³ Мороховцев Е. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М., 1926; Шестаков А. Крестьянство в революции 1905 г. М.—Л., 1930 и др.

⁴ Начало первой русской революции (январь—март 1905 г.). М., 1955; Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., в 2-х чч. М., 1955; Высший подъем революции 1905—1906 гг. Вооруженное восстание (ноябрь—декабрь 1905 г.), в 4-х чч. М., 1955—1957; Второй период революции 1906—1907 гг. ч. I, кн. I. М., 1957; ч. I, кн. II. М., 1959; ч. II, кн. I. М., 1961; ч. II, кн. II. М., 1962; ч. II, кн. III. М., 1963; ч. III. М., 1963.

ликованию новых документов о революции 1905—1907 гг., в том числе о революционном творчестве крестьян, была проведена архивами и научно-исследовательскими учреждениями отдельных республик, краев и областей⁵. Однако, несмотря на наличие большого количества опубликованных документальных материалов, до сих пор не издано ни одной обобщающей монографической работы о возникновении и деятельности в 1905—1907 гг. крестьянских Советов и аналогичных революционных организаций крестьянства. Правда, в исследованиях о революции 1905—1907 гг. на Украине, в Грузии, Прибалтике, Поволжье имеется значительный материал о выборных сельских органах, возникших в этих районах⁶. Отдельные стороны деятельности революционных крестьянских комитетов получили освещение в ряде общих работ по истории крестьянского движения в годы первой русской революции⁷.

В данной статье ставится задача рассмотреть возникновение, организационную структуру и деятельность выборных революционных крестьянских организаций в революции 1905—1907 гг.—революционных крестьянских комитетов, крестьянских коммун, Советов крестьянских депутатов, Советов рабочих и крестьянских депутатов.

* * *

Революция 1905—1907 гг. в России с самого начала носила глубоко народный характер. Под влиянием рабочих, шедших в авангарде революционной борьбы, начался массовый подъем крестьян на борьбу с помещиками. «Уже весной этого года мы наблюдаем,— писал В. И. Ленин,— пробуждение первого крупного, не только экономического, но и политического *крестьянского движения* в России»⁸.

В своей деятельности среди крестьян большевистская партия стремилась соединить в единый поток революционной борьбы выступления рабочих и крестьян, заложить прочные основы союза между ними. О все более укреплявшейся по мере развития революции связи между борьбой крестьян и рабочего класса свидетельствуют представленные в таблице данные, относящиеся к 1905 г.

Крестьянское движение носило не только экономический, но и в ряде мест ярко выраженный политический характер. Аграрное движение, писал В. И. Ленин, было «несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века»⁹.

Ведя работу среди крестьян, большевики придавали особое значение созданию революционных крестьянских комитетов, Советов крестьянских депутатов, которые призваны были стать в деревне органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

⁵ Наиболее значительная и новая документация о революционных крестьянских организациях представлена в сборниках: Революция 1905—1907 гг. на Украине, в 2-х тт. Киев, 1955; Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси, 1956; Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Таллин, 1955; Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Рига, 1956; Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955.

⁶ Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1957; Авазашвили В. М. Большевистские организации Закавказья в период первой русской революции. Тбилиси, 1972; Очерки Коммунистической партии Латвии, т. I. Рига, 1962; Крастьян Я. П. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М., 1952; Дризулис А. Революционное движение и вооруженное восстание в Латвии в конце 1905 г. Рига, 1955.

⁷ Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956; Климов П. И. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1966; Першин П. Н. Аграрная революция в России, кн. 1. М., 1966.

⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 315.

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 39—40.

Еще в принятой на II съезде РСДРП Программе партии указывалось на необходимость «учреждения крестьянских комитетов»¹⁰. В условиях начавшейся революции III съезд РСДРП обязал партийные комитеты немедленно начать организацию революционных крестьянских комитетов «с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета»¹¹. Отмечая, что крестьянское движение являлось еще стихийным и политически бессознательным, III съезд РСДРП указывал, что «социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доведя до конца их демократические требования»¹².

Создание революционных крестьянских комитетов В. И. Ленин связывал с необходимостью поднять крестьян на восстание. В работе «Аграрная программа либералов» В. И. Ленин писал, что мы должны обращаться к крестьянам как бы с вопросом: если вы хотите устроить себе свободную жизнь, «соединяйтесь с городским пролетариатом, боритесь за республику, поднимайтесь на восстание, которое принесет вам революционное правительство и революционные крестьянские комитеты!»¹³. Крестьянские комитеты В. И. Ленин связывал также и с Временным революционным правительством. В речи на III съезде РСДРП по крестьянскому вопросу он говорил: «Крестьянские комитеты — учреждение гибкое, которое пригодно и при теперешних условиях и, скажем, при временном революционном правительстве, когда эти комитеты стали бы его органами»¹⁴. Следовательно, крестьянские революционные комитеты в условиях революции должны были стать и органами крестьянского восстания, и зачаточными органами новой власти в деревне.

На прошедших осенью 1905 г. конференциях партийных комитетов была полностью одобрена линия III съезда РСДРП и большевистского Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным в вопросе об отношении к крестьянскому движению. Так, IV конференция Кавказского союза РСДРП, проходившая в ноябре 1905 г., потребовала от партийных организаций Кавказа «взяться за немедленную организацию на началах широкого демократизма революционных крестьянских комитетов»¹⁵.

Для непосредственной работы среди крестьян большевики создавали окружные партийные организации и аграрные группы. Еще летом 1905 г. был создан Московский окружной комитет, который через свои

Таблица *

Месяц	Количество стачек	Число крестьянских выступлений
Апрель	670	144
Май	1054	299
Июнь	866	492
Июль	590	248
Август	619	155
Сентябрь	266	71
Октябрь	2846	219
Ноябрь	1342	796
Декабрь	2269	575

Всего ... 10522 2999

* Рассчитано по: Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. СПб., 1908, с. 6; Дубровский С. М. Указ. соч., с. 42; Климов П. И. Указ. соч., с. 89.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 66.

¹¹ Там же, с. 117.

¹² Там же, с. 116—117.

¹³ Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 52.

¹⁴ Там же, с. 155.

¹⁵ Революционное движение в Армении 1905—1907 гг. Ереван, 1955, с. 94.

организации на местах снабжал деревню агитационными листками, издаваемыми ЦК партии и другими большевистскими комитетами¹⁶.

Большую работу среди крестьян проводила аграрная группа, созданная при Самарском комитете РСДРП. Члены этой группы распространяли по деревням революционную литературу, устанавливали связи с крестьянскими революционными организациями¹⁷. Саратовский комитет РСДРП в издаваемых им листовках призывал крестьян немедленно смещать всех старых должностных лиц, создавать крестьянские революционные комитеты и решить земельный вопрос¹⁸. Саратовским комитетом была издана программа для занятий в крестьянских кружках. Программу перепечатала газета «Пролетарий», она широко использовалась для работы среди крестьян многими большевистскими комитетами¹⁹.

Созданная при Нижегородском комитете РСДРП крестьянская группа приступила к изданию «Нижегородской крестьянской газеты». В первом и единственном номере газеты, вышедшем в декабре 1905 г., была опубликована статья «О крестьянских комитетах». В статье была изложена программа деятельности революционных крестьянских комитетов. Крестьянские комитеты, говорилось в статье, должны в первую очередь сместить сельских старост и взять в свои руки управление деревней. Комитеты не должны вступать ни в какие сношения с царской администрацией. Они должны отменить уплату существующих налогов и с согласия всех крестьян установить временные налоги для удовлетворения общественных нужд, отменить плату за аренду земли и обеспечить крестьян необходимым количеством земли. По постановлениям комитетов крестьяне не должны давать правительству рекрутов. «Но самая главная забота крестьянских комитетов,— указывалось в статье,— это добыть оружие для защиты от казаков и полиции, да от черной сотни, которая стала плодиться и по деревням»²⁰.

В Херсонской губернии был создан Губернский комитет сельских организаций РСДРП. Комитет установил связь с Одесским Советом рабочих депутатов, послал в его состав трех своих представителей и приступил к изданию печатного органа «Письма к крестьянам»²¹. С целью координации деятельности сельских социал-демократических организаций в губернии был принят «Устав объединенных херсонских губернских сельских организаций Российской социал-демократической партии». В первом параграфе устава говорилось, что «объединенные сельские организации Херсонской губернии состояются из социал-демократических секций, ведущих работу среди населения Херсонской губернии». Согласно уставу Верховным учреждением внутри объединенных херсонских губернских сельских организаций Российской социал-демократической партии являются созываемые один раз в месяц общегубернские конференции. Исполнительным руководящим органом был Херсонский губернский комитет сельских организаций РСДРП, избираемый на Общехерсонской конференции в количестве 8 человек²².

Крестьянские (аграрные) группы были созданы также при Воронежском, Владимирском, Костромском, Тверском, Казанском, Петербургском, Минском, Виленском, Екатеринославском, Харьковском, Луганском и других комитетах РСДРП²³.

¹⁶ Шестаков А. Крестьянство в революции 1905 года. М.—Л., 1930, с. 47.

¹⁷ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 716—718.

¹⁸ Там же, с. 764.

¹⁹ «Пролетарий», 1905, № 1.

²⁰ «Нижегородская крестьянская газета», 1905, № 1; «Исторический архив», 1955,

№ 1.

²¹ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, кн. I, с. 599—600.

²² Там же, ч. III, кн. I, с. 608—609.

²³ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2. М., 1966, с. 87.

Большевистские партийные комитеты руководили крестьянскими организациями, используя их для укрепления своего влияния среди крестьянских масс. Деятельность большевиков среди крестьян способствовала возникновению во многих селах страны революционных крестьянских организаций.

Посылая в деревню агитаторов и пропагандистов, распространяя среди крестьян листовки, большевики одновременно вели напряженную борьбу с эсерами и либералами, которые стремились усилить свое влияние в деревне. Выступая на конференции представителей социал-демократических организаций Восточного района, созданной в Самаре по инициативе Восточного бюро при ЦК РСДРП во второй половине октября 1905 г., представитель Борисоглебской группы РСДРП говорил: «Идет постоянная борьба с социалистами-революционерами из-за влияния в деревнях... В некоторых местах крестьяне, сагитированные социалистами-революционерами, просили нашу литературу, так как социал-революционная их не удовлетворяла...»²⁴.

Значительное влияние на политическую организацию деревни оказывал Крестьянский союз, учредительный съезд которого состоялся в Москве 31 июля — 1 августа 1905 г. В сентябре — декабре 1905 г. его организации возникли в большинстве районов страны. Только в Европейской России было создано 359 сельских и 111 волостных организаций Крестьянского союза²⁵.

«Крестьянский союз,— указывал В. И. Ленин,— рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно „почвенная“, реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы»²⁶.

6 ноября 1905 г. в Москве открылся II съезд Всероссийского Крестьянского союза. Выступавшие на съезде крестьянские делегаты требовали вооруженной борьбы с правительством и помещиками, созыва Учредительного собрания, установления прочного союза с рабочими. Делегат от крестьян деревни Непрядвы Тульской губернии, выражая настроения крестьян губернии, говорил: «Правительство мирно землю не даст. Необходимо вместе с требованием Учредительного собрания организовать боевые дружины и сделать захват земли. Если не созовут Учредительное собрание, то одновременно всем восстать. Мы должны подготавливать армию к такому восстанию»²⁷.

Либералы и эсеры, стоявшие во главе Крестьянского союза, всячески пытались отвлечь крестьян от революционных методов борьбы. Однако разоренные массы деревни в борьбе с помещиками оказывались значительно более революционными, чем руководство союза. На съезде либералы и эсеры вынуждены были считаться с революционными требованиями крестьян. Резолюция о земле, принятая съездом, провозглашала переход земли в собственность всего народа. В ней говорилось, что земель должны пользоваться только те, кто ее обрабатывает. Съезд высказался за немедленные выборы в Учредительное собрание, уничтоже-

²⁴ Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1955, с. 207.

²⁵ См. Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.— «Исторические записки», т. 50, 1955, с. 115, 133.

²⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 334.

²⁷ «Русское слово», 1905 г., 9(22) ноября.

ние постоянной армии и замены ее народным ополчением. Он заявил также о своей готовности объявить совместно с рабочими всеобщую забастовку в случае отказа царизма выполнить революционные требования народа. Выступление Крестьянского союза в поддержку борьбы рабочего класса явилось ярким выражением складывающегося союза рабочего класса и крестьянства.

В то же время съезд под влиянием эсеров и либералов отказался включить в свою программу большевистский лозунг демократической республики. Решение вопроса о характере политической власти съезд отложил до Учредительного собрания. В целом решения съезда носили демократический характер. Несмотря на ошибки и колебания Крестьянского союза, В. И. Ленин, большевистская партия высоко ценили его роль как революционной в своей основе организации.

Претворяя в жизнь решения III съезда РСДРП об организации революционных крестьянских комитетов, конференция северных комитетов РСДРП, состоявшаяся в конце ноября 1905 г., рекомендовала: 1) там, где нет организаций Крестьянского союза, создавать крестьянские революционные комитеты; 2) там, где существуют и организации Крестьянского союза и крестьянские комитеты, добиваться главенства крестьянских комитетов; 3) там, где влияние Крестьянского союза преобладает, стремиться к превращению отделения союза в революционный комитет²⁸. Резолюция конференции, как видим, призывала местные партийные организации добиваться усиления влияния революционных крестьянских комитетов на крестьянские массы, что должно способствовать повышению их политической сознательности и более активному и организованному участию в борьбе с царизмом и помещиками.

Создание революционных крестьянских комитетов началось уже зимой — весной 1905 г. Особый размах крестьянское движение в это время приняло в Грузии. Уже во второй половине января 1905 г. крестьянские революционные комитеты возникают в Гурии. Прокурор Кутаисского окружного суда в начале февраля 1905 г. сообщал в Петербург и Тифлис: «Вся территория уезда ныне уже находится в полной власти „Комитета“ и его агентов, и только там, где появляется крупный вооруженный отряд полицейской стражи или казаков, на время восстанавливается влияние нашего правительства»²⁹. В уезде были фактически ликвидированы местные органы царской власти. Крестьянские комитеты отменяли уплату налогов и платежей, распоряжались захваченной у помещиков землей, лесами, пастбищами, ликвидировали судебные органы и создавали народные суды. Повсеместно были созданы крестьянские революционные отряды и боевые дружины.

Зимой — весной 1905 г. крестьянские революционные комитеты возникли почти во всех районах Грузии: в Гори, Зугдиди, Сенаки, Шаропани, Абхазии, Душети, Телави и др.³⁰. Везде они, как и в Гурии, являлись революционными организациями крестьянства и, опираясь на вооруженные отряды крестьян, осуществляли свою революционную власть.

До осени 1905 г. крестьянские революционные комитеты действовали, помимо Грузии, лишь в отдельных сельских населенных пунктах страны. Их повсеместное создание связано с высшим подъемом революции.

Широкую известность получила деятельность крестьянского комитета села Николаевский Городок Саратовского уезда. В состав комитета

²⁸ «Новая жизнь», 1905 г., 29 ноября (12 декабря).

²⁹ Хачацуридзе Г. В. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. В сб. Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1955, с. 497.

³⁰ См. Чания В. К. Советы в первой русской революции. Сухуми, 1972, с. 130.

входили представители аграрной группы Саратовского комитета РСДРП, а также по два выборных крестьянина от каждого из окрестных сел.

В соответствии с наказом крестьян, комитет захватил здание волостного правления, конфисковал волостную кассу, разоружил пристава и полицию. Для приобретения оружия была захвачена касса казенной винной лавки и Мариинского земледельческого училища, расположенного в этом селе. В селе была создана народная милиция, которая поддерживала революционный порядок. По решению комитета у помещиков был конфискован хлеб и оружие. Хлеб был роздан нуждающимся крестьянам и батракам.

Помещикам за подписью Крестьянского социал-демократического комитета выдавались расписки для предъявления Учредительному собранию. Конфискованная земля была также распределена между крестьянами. В то же время показательное опытное поле Мариинского училища не было распределено, а оставлено как общенародное достояние. Революционный крестьянский комитет действовал менее двух недель. Когда 23 октября в село Николаевский Городок прибыл вице-губернатор с воинским отрядом и пушками, крестьянский комитет по рекомендации Саратовского комитета РСДРП вынужден был прекратить свою деятельность³¹.

Как зачаточные органы новой власти действовали крестьянские революционные комитеты в ряде сел Тверской губернии. Так, в Первитинской волости комитет, опираясь на вооруженную крестьянскую дружину, упразднил волостные и сельские власти. В деревнях и селах волости стали всеми делами управлять избранные населением депутаты. Управление волостью осуществлял избранный крестьянами комитет³².

На Кавказе осенью 1905 г. восставшие крестьяне в ряде уездов полностью устранили правительственные власти, все управление осуществлялось революционными крестьянскими комитетами. Опираясь на вооруженные отряды крестьян, комитеты революционным путем провозгласили образование Гурийской, Сванетской, Мингрельской, Озургетской и других республик.

О деятельности народного управления в Гурийском уезде «Кавказский рабочий листок» писал: «Из Ново-Сенян сообщают... что все учреждения в руках народа. Порядок поддерживается милиционерами. В деревнях уже простились со старым режимом. Стражнические посты здесь повсюду сняты. У многих стражников отнято оружие и им вооружился сам народ. Народ не дает солдат-новобранцев»³³.

Газета «Пролетарий» сообщала: «В Чиатурах фактически полная демократическая республика... Господами положения рабочие и крестьяне. Администрации не видать, над ней все смеются, ее все презирают. Крестьянским группам и чиатурской социал-демократической организации приходится действовать в качестве временного революционного правительства в малом виде»³⁴.

В Латвии революционные крестьянские организации назывались распорядительными комитетами. Осенью 1905 г. они были созданы почти в каждом селе. В условиях высшего подъема революции в Баусском, Литовском, Туккумском, Гольдингском, Тальсенском, Добленском, Фридрихштадтском уездах Курляндской губернии вся полнота власти

³¹ «Пролетарская революция», 1925, № 11 (46), с. 202—203; «Новая жизнь», 1905 г., 12 (25) ноября 1905 г.; Л о ж к и н В. В. История одного поиска. М., 1979, с. 57—86.

³² Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 195—196.

³³ Там же, ч. III, кн. II, с. 793.

³⁴ «Пролетарий», 1905 г., 5 сентября (22 августа).

как в уездных центрах, так и в волостях, находилась в руках распорядительных революционных комитетов³⁵. В Гробинском и Газентопском уездах той же губернии, по заявлению уездного начальника, «старшины и их помощники почти во всех волостях прекратили свои действия ввиду того, что народом избраны новые должностные люди»³⁶. Всего в ноябре — декабре 1905 г. в Курляндской губернии было создано 190 крестьянских распорядительных комитетов. В Лифляндской губернии в декабре 1905 г. насчитывалось 156 распорядительных комитетов³⁷. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления, сообщая в Департамент полиции о революционном движении крестьян Рижского уезда, вынужден был признать, что выборы крестьянских комитетов «произведены почти во всех волостях уезда, причем избранные вступили в исправление своих обязанностей»³⁸.

В Эстонии революционное самоуправление было создано в 50 волостях³⁹. В них были удалены все должностные лица царской администрации и заменены вновь избранными на крестьянских собраниях. По решению собраний были закрыты винные лавки, запрещено преподавание в школах закона божьего, не разрешалось помещикам продавать принадлежавший им лес. Крестьяне прекратили исполнение различных повинностей, отказывались вносить арендную плату за землю и проценты в банк. Для борьбы с помещиками и баронами, защиты от черносотенцев и царских войск распорядительные революционные комитеты создавали народную милицию.

В условиях мощного революционного движения, развернувшегося осенью 1905 г., большевистские организации в целях объединения деятельности революционных крестьянских комитетов и согласования выступлений крестьян с борьбой рабочих в ряде районов страны провели уездные съезды крестьянских депутатов. Так, в начале декабря 1905 г. один из таких съездов был проведен в Камышинском уезде Саратовской губернии. На нем присутствовало 30 депутатов от 18 сел уезда. В принятой 4 декабря резолюции была намечена программа борьбы, сформулированы основные требования крестьян. Все требования были разбиты на пять групп: политические, общие экономические, экономические для рабочих, для крестьян и план крестьянской борьбы, т. е. тактическая резолюция.

В качестве политических требований съезд рекомендовал: свержение царского правительства и замену его самодержавием народа, осуществление всеобщего тайного, прямого и равного избирательного права при выборах как в законодательные органы, так и во все органы местного самоуправления, неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов. Съезд указал на необходимость замены царской армии всеобщим вооружением народа.

В качестве общих экономических требований съезд рекомендовал добиваться отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога. Экономические требования рабочих сводились к следующему: установление 8-часового рабочего дня, государственное страхование, законодательная охрана труда. Крестьянам резолюция рекомендовала добиваться отмены выкупных и оброчных платежей, конфискации всех казенных, удельных, дворцовых, монастырских, церковных и помещичьих земель.

³⁵ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. IV, с. 305, 329.

³⁶ Там же, с. 286.

³⁷ Крастьян Я. П. Указ. соч., с. 127.

³⁸ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. IV, с. 364.

³⁹ Очерки истории Коммунистической партии Эстонии, ч. I. Таллин, 1961, с. 91.

В тактической резолюции съезд предлагал всем крестьянам немедленно приступить к организации в каждом селе крестьянских революционных комитетов. Съезд также указал на необходимость созыва общегубернского крестьянского съезда и более тесного согласования действий крестьян с рабочим движением⁴⁰.

19—20 ноября 1905 г. в Риге состоялся Первый крестьянский съезд волостных депутатов Латвии. На нем было избрано Центральное бюро и принята резолюция, которая легла в основу организации крестьянских распределительных комитетов Латвии.

Первая часть резолюции содержала инструкции о порядке выборов в распределительные комитеты. Избирательное право предоставлялось всем гражданам обоего пола, достигшим 20-летнего возраста. Устанавливалось, что волостные распределительные комитеты избираются в составе не менее 5 членов. В обязанности общего собрания крестьян входило избрание нового волостного суда, который должен судить по совести, не придерживаясь старых законов и приказаний администрации, принятия постановлений для исполнения и инструкции, как действовать волостному комитету и суду.

Во второй части резолюции была сформулирована программа действий распорядительных комитетов. Пункт 1 вменял в обязанность распорядительным комитетам порвать всякую связь с правительством и его чиновниками, отказаться от выполнения их приказов. В пункте 3 говорилось о необходимости конфискации денег и имущества прежних волостных правлений с немедленным изъятием из банков вложенных в них вкладов. В других пунктах говорилось о необходимости проведения коренной реформы налоговой системы в соответствии с имущественным положением граждан; о повышении жалования учителям, писмоводителям и членам распорядительного комитета; о реформе школьной программы; об улучшении положения сельских рабочих. Пункт 13 резолюции призывал крестьян к сопротивлению властям в случае нападения на жителей волости и к освобождению общими силами арестованных крестьян. Крестьянам предлагалось отказаться от уплаты налога за аренду земли, церковных сборов и пр. В обязанность распорядительного комитета должна входить организация самообороны. В пункте 16 говорилось: «Распорядительные комитеты являются лишь временными учреждениями, цель которых — удовлетворить насущные нужды волости до того времени, когда соберется Учредительное собрание Российского государства. Когда это будет достигнуто, Центральное бюро соберет в Риге Латышское волостное учредительное собрание, которое вырабатывает окончательный проект самоуправления и разберет земельный вопрос, согласно с настоящими нуждами сословия батраков, затем проведет выборы местных органов самоуправления на основах принятого проекта»⁴¹.

В резолюции съезда не указывалось, что распорядительные комитеты должны готовиться к вооруженному восстанию. Фактически же распорядительные крестьянские комитеты Латвии были не только зачаточными органами власти, но и органами восстания.

По сообщению газеты «Борьба» (Самара), Самарским комитетом РСДРП и его аграрной группой в ноябре — декабре 1905 г. крестьянские съезды были проведены в ряде районов губернии⁴².

⁴⁰ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 763—766.

⁴¹ Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1956, с. 164—168.

⁴² См. Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 716—717.

По решению Нижегородского объединенного комитета РСДРП на 18 декабря 1905 г. в Нижнем Новгороде был назначен Губернский крестьянский съезд. Решение комитета о созыве съезда было издано отдельной листовкой. В ней говорилось: «Пускай на этот съезд придут все те крестьяне, которые вместе с рабочими хотят добиться свободы. Пускай крестьяне выбирают уполномоченных, выдают им приговоры и присылают их на съезд»⁴³.

Однако съезд не состоялся в связи с тем, что к этому времени вооруженное восстание в Нижнем Новгороде было разгромлено, многие руководители Объединенного комитета арестованы.

Как правило крестьянские комитеты разрабатывали и принимали акты революционно-правового характера, уставы, приговоры. В этих документах формулировались цели избранных самими крестьянами органов управления.

Так, решением народного собрания Литтенской волости Валкского уезда Лифляндской губернии были ликвидированы дворянские привилегии, прекращены арендные и другие платежи, осуществлена демократизация школы. Преподавание закона божьего в школах запрещалось. «Высший надзор за школьным делом, — указывалось в постановлении, — принадлежит особому комитету, выбранному народным собранием»⁴⁴. Выборы членов распорядительных комитетов осуществлялись на основе широкой демократической избирательной системы. Право голоса предоставлялось всему трудовому народу — мужчинам и женщинам, достигшим 20-летнего возраста, а в некоторых волостях — 21 года. Избрание членов распорядительных комитетов проходило на общих волостных собраниях, как правило, открытым голосованием, а иногда (например, в Стомерской и Ново-Шваненбургской волостях Валкского уезда), закрытым голосованием. Число членов волостного распорядительного комитета устанавливалось общим собранием крестьян. Так, в состав комитета Скултской волости Рижского уезда было избрано 9 человек. Кроме того, здесь было избрано 2 кандидата в члены распорядительного комитета. Председатель избирался на заседании распорядительного комитета из состава его членов. Выборными были и члены народного суда. На общих собраниях крестьян принимались наказы избранным членам распорядительных комитетов. По решению общих собраний крестьян создавалась милиция⁴⁵.

В Грузии в ряде уездов стала складываться определенная система выборов депутатов от населения. «Кавказский рабочий листок» в этой связи сообщал: «4 декабря на Озургетской площади произошли выборы гласных. В выборах принимали участие все, начиная с 20-летних, без различия пола, национальности и имущественного ценза. Было таких избирателей свыше 1900 человек; выбрали покамест бюро, которому поручили привести в порядок списки избирателей и назначить выборы на 15 декабря. О разрешении произвести выборы и утверждении гласных не испрашивали согласие от правительства, так как гурийцы давно порвали с ним всякое сношение»⁴⁶.

В районах Грузии, охваченных массовым революционным движением, сложилась определенная система исполнительных органов: десятские избирались каждым десятком жителями данного селения или города, сотские — десятком десятскими, а представители общества — всеми сотскими данного общества или общественным сходом. Несколько об-

⁴³ Там же, с. 150—151.

⁴⁴ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. IV, с. 366.

⁴⁵ Революция 1905—1907 гг. в Латвии, с. 153—159, 172—176.

⁴⁶ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. III, кн. II, с. 793.

ществ составляли район, имевший своего особого районного представителя. В Озургетском уезде, например, таких районов было семь⁴⁷. В ходе ликвидации старых органов власти крестьянские комитеты Грузии создавали народные революционные суды, «красные сотни», или боевые дружины.

Большой интерес с точки зрения революционно-правовой представляет деятельность Старо-Буянской крестьянской республики Самарской губернии и Марковской крестьянской республики Московской губернии.

Старо-Буянская республика была провозглашена 13 ноября 1905 г. на съезде всех крестьян волости. Съезд в принятом постановлении провозгласил, что впредь до созыва Учредительного собрания вся власть волости переходит к народу. Открытым голосованием съезд крестьян избрал революционный орган власти — Народное правление во главе с крестьянином А. Т. Князевым. Для охраны революционных завоеваний была создана народная милиция⁴⁸.

Вся жизнь крестьянской республики регламентировалась принятым на съезде «Временным законом по Старо-Буяновскому народному самоуправлению». В первой части закона указывалось, что съезд крестьян Старо-Буянской волости не признает настоящего правительства и не будет считаться с его законами. До созыва Учредительного собрания и установления народного самоуправления в России законодательная власть в волости принадлежит Народному съезду, исполнительная — Народному правлению.

Во второй части закона были определены функции волостной законодательной и исполнительной власти. Народный съезд, говорилось в документе, как законодательный орган волости решает вопросы, связанные с организацией народного образования, здравоохранения, народного суда, финансовые дела, создает милицию, входит в сношения с другими волостями, где было введено Народное правление, и избирает Народное правление. Участвовать в работе Народного съезда могли все жители волости, достигшие 18 лет, без различия пола, национальности и религии.

Для претворения в жизнь решений Народного съезда избиралось Народное правление волости. Кроме того, создавался Комитет в составе Народного правления и выбранных своими обществами сельских старост. Комитет имел право в случае необходимости приглашать на свои заседания сведущих лиц с правом совещательного голоса.

Согласно закону высшим органом власти на селе являлось Народное собрание данного села. Исполнительную власть осуществляли избираемые на общем собрании сроком на один год староста и писарь.

В разъяснении к «Временному закону» конкретизировались его основные положения. Так, в главе «Земельное дело» указывалось: «Все земли, леса и угодья Старо-Буянской волости до созыва Учредительного собрания поступают в распоряжение волости... Право на пользование землей имеет всякий, желающий работать на ней с согласия Старо-Буянского Народного съезда».

В других главах разъяснялось, что народное образование должно быть светским и бесплатным как в школах, так и в институтах. Начальное обучение детей являлось обязательным для родителей. В волости и селах создавалась милиция. Начальник милиции избирался дружинниками. В селе он подчиняется старосте, а в волости — председателю Народного правления⁴⁹.

⁴⁷ Там же, с. 812.

⁴⁸ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960, с. 87—88.

⁴⁹ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 708—712.

Старо-Буянская республика просуществовала всего 14 дней, с 13 по 26 ноября 1905 г. Прибывший казачий отряд арестовал руководителей Народного правления и восстановил старые порядки.

Около 9 месяцев с 31 октября 1905 г. по 18 июля 1906 г. просуществовала Марковская республика в Волоколамском уезде Московской губернии. Республика объединила 6 селений: Марково, Корнеевское, Моношенно, Горы, Фроловское и Дулепово. Инициаторами образования республики являлись крестьяне села Марково. 31 октября 1905 г. на общем собрании крестьян этого села был принят приговор (постановление), в котором определялась структура управления волостью. «В состав волости,— указывалось в нем,— должны входить все живущие в ее пределах; волости должно быть предоставлено право облагать сборами для своих надобностей всех жителей сообразно их доходам. Население волости должно пользоваться полной свободой как по выбору должностных лиц, так и ведению всех своих общественных дел»⁵⁰. В ноябре 1905 г. приговор был принят всей волостью. В него дополнительно были включены требования свержения царского самодержавия и созыва Учредительного собрания для окончательного решения вопросов о земле и власти. Во главе республики стоял «президент» — крестьянин П. А. Буршин и волостной старшина — крестьянин И. И. Рожков, избранный взамен смещенного. Оба они были членами Крестьянского союза. Под руководством своих вожakov крестьяне полностью парализовали царскую власть в волости, прекратили уплату выкупных платежей, налогов, арендной платы помещикам, поставку рекрутов.

Марковская республика стала революционным центром всего Волоколамского уезда. О существовании этой республики были опубликованы сообщения в московских газетах «Русские ведомости», «Русское слово», «Утро». Издательством «Колокол» отдельной брошюрой был опубликован крестьянский приговор. Приговор был напечатан также и в ряде иностранных газет того времени⁵¹.

Для ознакомления с деятельностью республики в село Марково в 1906 г. приезжал профессор Чикагского университета Вильям Е. Уоллинг. С октября 1905 г. до середины 1907 г. он проживал в России и опубликовал книгу «Послание России (Истинное значение русской революции)»⁵².

Представляет большой интерес правотворческая деятельность Захарьевского Исполнительного крестьянского комитета Николаевской губернии. Им был разработан устав, в котором определялась структура Исполнительного крестьянского комитета, формулировались его цели и задачи. Указывалось, что Исполнительный крестьянский комитет состоит из 4-х лиц и может пополняться посредством дополнительных выборов. От каждых 100 избирателей рекомендовалось избрать одного депутата. Согласно уставу Исполнительный крестьянский комитет должен был действовать как орган местного самоуправления, «игнорируя волостные суды и сельских начальников»⁵³. Ему поручалось выяснять все об имеющихся в Захарьевской волости землях и разрешить земельные конфликты. Исполнительный крестьянский комитет ведал волостной кассой⁵⁴.

⁵⁰ Павлов И. Н. Марковская республика. Из истории крестьянского движения 1905 года в Московской губернии. М., 1926, с. 18—20.

⁵¹ Там же, с. 14—15.

⁵² Уоллинг Вильям Е. Послание России (Истинное значение русской революции). Пер. с англ. Берлин, 1910.

⁵³ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. III, кн. 1, с. 605.

⁵⁴ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. III, кн. 1, с. 605—606.

Обобщая деятельность революционных крестьянских комитетов, можно сделать вывод, что в ходе революции 1905—1907 гг. стала складываться определенная организационная структура комитетов и порядок их формирования.

В ряде уездов и волостей России революционным путем крестьянами был установлен подлинно демократический порядок выборов членов комитета. Правда, единого порядка выборов представителей в революционные крестьянские комитеты не было, да и не могло быть. Возникшие по революционному почину крестьян революционные крестьянские комитеты избирались таким путем, какой более всего соответствовал условиям борьбы в том или другом населенном пункте. Единым для большинства сел и деревень было избрание членов революционных крестьянских комитетов на общих собраниях крестьян волости или села путем открытого голосования, а в ряде сел Прибалтики — закрытым голосованием. Участвовать в голосовании могли все крестьяне, достигшие 18-летнего возраста, в Прибалтике — 20-летнего возраста, а в отдельных селах — 21 года. Отдельными революционными комитетами была установлена норма представительства. Так, в Захарьевский Исполнительный комитет Николаевской губернии один депутат избирался от каждых 100 избирателей. В выборах, как в Советы рабочих депутатов, так и в революционные крестьянские организации, участвовали наряду с мужчинами и женщины.

С целью защиты завоеваний крестьян всеми комитетами создавалась милиция, боевые дружины. В принимаемых на общих собраниях законах, уставах было также записано, что милиция защищает неприкосновенность и членов революционных комитетов. Ликвидируя старые органы власти, крестьянские революционные комитеты создавали народные суды, которые жестоко карали врагов народа, разбирали бытовые конфликты.

Подчеркивая значение революционных крестьянских комитетов в осуществлении «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений», В. И. Ленин писал: «Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, земли) с учреждением и деятельностью *крестьянских комитетов*... тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики»⁵⁵.

В 1905 г. наряду с революционными крестьянскими комитетами были созданы Совет крестьянских депутатов Новинской волости Тверской губернии, Советы рабочих и крестьянских депутатов в Алапаевске и Тве-ри. Представители от крестьян находились в Новороссийском и Мытищинском Советах рабочих депутатов.

Совет крестьянских депутатов Новинской волости возник в начале ноября 1905 г., когда были произведены выборы депутатов в 30 деревнях волости. 27 ноября состоялось первое Пленарное заседание Совета, на котором был избран Исполнительный комитет Совета в составе 5 депутатов — трое от крестьян и двое от рабочих. Председателем Новинского волостного Совета избирается беспартийный крестьянин из деревни Щекотово Иван Филиппов, секретарем — уроженец деревни Поддубки Алексей Хромов, член РСДРП с 1903 г., организатор группы РСДРП Новинской волости.

В отчете о первом заседании Совета, опубликованном в газете «Северный голос» 6 декабря 1905 г., говорилось, что депутаты должны при-

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 360.

зывать крестьян к объединению, а также решать все вопросы, связанные с местной властью и содействовать расширению организации. Обсуждая вопрос об отношении к местной администрации, Совет постановил: крестьяне Новинской волости не должны иметь с ней никаких связей и обращаться по всем вопросам только к Совету. Совет принял решение объявить бойкот уездным стражникам, которых должны были прислать в волость для восстановления порядка.

Опираясь на поддержку крестьян, Совет осуществлял всю полноту власти в волости. В ноябре — начале декабря 1905 г. крестьяне передали в распоряжение Совета 5 винтовок, 20 ружей, 15 револьверов и 1000 штук винтовочных патронов, провели сбор денег и продовольствия для рабочих Твери.

В декабре 1905 г. в Москве началось вооруженное восстание. Для его подавления в Москву из Петрограда по железной дороге стали перебрасываться верные царизму войска. По призыву Тверского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов 15 декабря рабочие Твери предприняли попытку разобрать железнодорожное полотно. Однако сделать это им сразу не удалось. На следующий день под руководством секретаря Новинского волостного Совета А. Хромова, имевшего поручение от Тверского комитета РСДРП, около 400 крестьян деревень Назино, Кадино, Шекотово, Поддубки, Грибово, Пречистый Бор, Чепорово и Рагодино, вооруженные топорами, вилами, ружьями и револьверами, разобрали в двух верстах от станции Кулицкая около 100 метров железнодорожного полотна, спилили многие телеграфные и телефонные столбы. После этого крестьяне отправились на станцию Кулицкая, где арестовали и обезоружили двух жандармов и привели в негодность телеграф⁵⁶. С подавлением Московского вооруженного восстания Новинский крестьянский Совет прекратил свое существование.

Алапаевский Совет рабочих и крестьянских депутатов возник в марте 1905 г. На первом его заседании, состоявшемся 12 марта, присутствовало 27 депутатов от Алапаевского завода и 6 — от рудника. Депутаты приняли решение назвать свой орган Собранием рабочих депутатов и избрали постоянным его председателем большевика Г. Г. Ветлугина. Собрание рабочих депутатов распространяло свое влияние и на крестьян соседних деревень. В его состав были избраны представители и от некоторых крестьянских обществ. 18 апреля состоялось совместное заседание депутатов от рабочих и крестьян. Это был зародыш первого в России Совета рабочих и крестьянских депутатов. По его призыву рабочие и крестьяне деревни Алапаехи 1 Мая организованно провели митинг и демонстрацию⁵⁷.

В конце октября — начале ноября 1905 г. по инициативе и под руководством большевистского комитета организационно оформился Тверской Совет рабочих депутатов, ставший позднее Советом рабочих и крестьянских депутатов. Представителем от крестьян в Совете был упоминавшийся уже секретарь Совета крестьянских депутатов Новинской волости Тверской губернии А. Хромов⁵⁸. Депутаты от крестьян находились в составе Мытищинского Совета рабочих депутатов⁵⁹. В Новорос-

⁵⁶ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 198—199; 1905 год в Тверской губернии. Тверь, 1925, с. 147—152; Платов В. С. Революционное движение в Тверской губернии (конец XIX — начало XX в.). Калинин, 1959, с. 185, 186, 187—193.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, 1905 г., д. 305, лл. 62—65; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, д. 4, ч. 45, 1905 г., л. 55; Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель—сентябрь, ч. II, кн. I. М., 1961, с. 19—20.

⁵⁸ 1905 год в Тверской губернии.

⁵⁹ Путь к Октябрю. М., 1923, вып. 2, с. 75.

сийский Совет рабочих депутатов были избраны представители местного отделения Всероссийского крестьянского союза⁶⁰.

Установлению тесных связей с крестьянством большое внимание уделяли и многие другие Советы рабочих депутатов. В постановлении Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов «О мерах борьбы с локаутом», принятом 14 ноября 1905 г. по предложению В. И. Ленина, указано на необходимость «...немедленно, путем посылки делегатов и другими способами, войти в сношение с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, а также с армией и флотом»⁶¹.

С Петербургским Советом были связаны крестьяне различных губерний страны. 5 ноября 1905 г. на заседании Совета выступил представитель от Союза крестьян Сумского уезда. Он заявил: «Когда вы найдете, что настало время для окончательной борьбы с существующим строем, вы известите нас; мы присоединимся к вам и будем бороться...»⁶². На этом же заседании Совета выступали представители от крестьян Харьковской и Саратовской губерний⁶³. 25 ноября 1905 г. на заседании Совета присутствовали представители от крестьян Черниговской и Тамбовской губерний⁶⁴. В Петербургский Совет обращались ходоки от крестьян деревни Ракшни Сарьянской волости Дриссенского уезда Витебской губернии с вопросом о наделении крестьян землей⁶⁵. Петербургским Советом была выпущена специальная прокламация к крестьянам. Начальник Петербургского охранного отделения в донесении управляющему Министерства Внутренних Дел от 8 декабря 1905 г. сообщал, что «обнаружены в значительном количестве преступные издания и в числе их свыше 100 экземпляров печатных прокламаций к крестьянам от имени Совета рабочих депутатов»⁶⁶.

Московский Совет рабочих депутатов опубликовал ряд прокламаций, обращенных к крестьянам. В них он призывал крестьян присоединиться к рабочим и поддержать их усилия в общей борьбе с царизмом⁶⁷. В дни вооруженного восстания в Москве крестьяне подмосковных сел оказывали всяческую помощь рабочим. Так, из деревни Аксеново Бронницкого уезда повстанцы получили 11 мешков картофеля, 3 мешка капусты, свеклу, сушеные грибы, хлеб и другие продукты. В своем обращении к защитникам Красной Пресни крестьяне писали: «Дорогие товарищи! Примите наше, от души крестьянское пожертвование. Сердечно благодарим Вас за дорогую для родины борьбу... Мы идем к вам на помощь, чтобы нанести последний удар по правительству»⁶⁸.

Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов посылал своих депутатов по деревням, где они проводили агитационную работу. Крестьяне из многих сел обращались в Совет с различными вопросами. «Отговсюду, — пишет в своих воспоминаниях М. В. Фрунзе, — из самых глухих местечек и сел в Иваново-Вознесенск стекались за советом, инструкциями и указаниями десятки делегаций. Являлись они с самыми разнообразными запросами, начиная от требования прислать ораторов и кончая просьбами о материальной помощи. Еще более многочисленны были

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, д. 19, лл. 437, 455, 800, 889, 900; д. 6, лл. 4, 125.

⁶¹ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 107.

⁶² Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. I, с. 370.

⁶³ ЦГИА г. Москвы, ф. ДП, д. 14, ч. I, 1905, л. 42 об.

⁶⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. ДП, д. 14, ч. I, 1905, л. 60 об.

⁶⁵ См. «Известия Совета рабочих депутатов» (С.-Петербург), 1905 г., 11 (24) декабря.

⁶⁶ Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. I, с. 463.

⁶⁷ «Вперед», 1905 г., 2 (15) декабря.

⁶⁸ «Борьба», 1905, № 3.

письменные запросы»⁶⁹. В своих письмах крестьяне благодарили иваново-вознесенских рабочих за их стойкую и мужественную борьбу. «Но и мы, — писали муромские крестьяне, — начинаем бастовать. Мы сходимся из трех деревень в одну и говорим, что не будем платить оброки и земля будет наша, а вы, урядники, не мешайте...»⁷⁰.

Связи с крестьянством были установлены Советами рабочих депутатов Украины. Так, Николаевский Совет посылал своих представителей в деревни Николаевского уезда, где они рассказывали крестьянам о борьбе рабочих, призывая их к совместным выступлениям против эксплуататоров. Крестьяне также оказывали помощь Совету, посылая ему продукты. «Совет рабочих депутатов приносит особенную благодарность жителям села Гурьевки, пожертвовавшим деньгами 3 р. 18 коп. и 85 пудов хлеба»⁷¹, — писала газета «Новороссия».

Большим авторитетом среди крестьян пользовался Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов. Вспоминая о поездке на Акатуевский рудник с целью освобождения находившихся там арестованных матросов, один из руководителей Читинского большевистского комитета и Совета — В. К. Курнатовский — пишет: «...Из Барзи делегация поехала в Акатуевский рудник степью. Всюду в деревнях она встречала радужный прием, крестьяне, казаки и инородцы стекались на остановках в те избы, где останавливались делегаты, с жадностью расспрашивали о том, как идет борьба за освобождение народа от старого режима, рассказывали о своих нуждах, спрашивали, что им делать, чтобы избавиться от хищника — Кабинета, опутавшего все Забайкалье, как добиться лучших условий своего существования»⁷².

* * *

В революции 1905—1907 гг. крестьянство, несмотря на колебания, шло за рабочим классом, который являлся вождем революции. Разоблачая эсеров, утверждавших, что этот союз будто существовал лишь в идее, В. И. Ленин писал, что «...факт „союза сил“ пролетариата и крестьянства, как главных сил, проложивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в „итогах“ русской революции»⁷³.

Показывая наличие такого союза, В. И. Ленин в то же время отмечал, что он был еще «...стихийен, неформален, часто несознан»⁷⁴. Борьба крестьян отставала от революционных выступлений рабочих. Выступая против помещиков, значительная часть крестьян еще не осознавала необходимость ликвидации царского самодержавия. Кадеты и эсеры, распространяя конституционные иллюзии среди крестьян, тем самым отвлекали их от революционной борьбы. Наиболее отсталая часть крестьян, возлагая большие надежды на Государственную думу, рассчитывала с ее помощью получить землю.

Созданные в годы первой российской революции Советы рабочих и крестьянских депутатов, Советы крестьянских депутатов и аналогичные им революционные крестьянские организации явились важнейшим средством укрепления связи рабочих и крестьян, вовлечения их в революционную борьбу. Кроме того, это свидетельствовало о том, что новая фор-

⁶⁹ Первый в России. М., 1975, с. 161.

⁷⁰ Там же, с. 86.

⁷¹ См. «Исторические записки», 1954, № 49, с. 38.

⁷² Высший подъем революции 1905—1906 гг., ч. II, с. 964.

⁷³ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 342.

⁷⁴ Там же.

ма революционной организации, возникшая вначале среди рабочих, становилась доступной, наиболее близкой для широких масс крестьянства.

Под влиянием рабочих выступлений, деятельности в деревне большевиков борьба крестьян по мере развития революции все больше получала ярко выраженный политический характер. Она была направлена на революционное переустройство органов самоуправления путем замены их революционными организациями крестьян. В условиях высшего подъема революции крестьянские организации в ряде районов страны становились органами вооруженного восстания, зачаточными органами новой власти. Как Советы рабочих депутатов, так и революционные крестьянские организации явились конкретной политической формой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. С победой буржуазно-демократической революции в России Советы, революционные крестьянские комитеты и другие организации, действуя как органы революционной власти, как органы временного революционного правительства, способны были осуществить всю полноту власти на местах. Вооруженная опора Советов, крестьянских революционных комитетов — боевые дружины, народная милиция явились бы основой народной революционной армии, созданной победными классами вместо старой царской армии.

Сам факт появления Советов рабочих депутатов и крестьянских революционных организаций в 1905 г. давал ответ на вопрос, чем заменить свергаемую самодержавно-политическую государственную машину. Ведь других организаций, которые могли бы заменить эти органы в случае победы революции в 1905 г. в то время в России не было. «Советы рабочих депутатов и аналогичные им учреждения (крестьянские комитеты, жел.-д. комитеты, Советы солдатских депутатов и т. п.) пользуются громадным и вполне заслуженным авторитетом», — указывал В. И. Ленин в работе «Роспуск Думы и задачи пролетариата»⁷⁵. И далее в этой же работе В. И. Ленин подчеркивал: «...Советы рабочих депутатов и т. п. были на деле зачатками временного правительства; власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания»⁷⁶.

Ввиду поражения революции 1905—1907 гг. Советы и аналогичные им революционные организации не стали тогда органами власти в общегосударственном масштабе, однако их возникновение и деятельность имели большое значение для последующей революционной борьбы.

Идею Советов, революционных крестьянских организаций народные массы пронесли через годы жесточайшей царской реакции и нового революционного подъема и осуществили ее в Февральской революции 1917 г. Наряду с Советами рабочих депутатов в стране возникли Советы крестьянских депутатов, Советы рабочих и крестьянских депутатов, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С победой Великой Октябрьской социалистической революции они стали политической формой советского социалистического государства, полновластными органами народной власти.

⁷⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 320.

⁷⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 324.

К. Ф. ШАЦИЛЛО

О СОСТАВЕ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

Рубеж XIX—XX вв. был переломным пунктом в истории России.

В экономической жизни страны в этот период важнейшим фактом было вступление России в высшую стадию капитализма — империализм; в революционной борьбе именно на конец XIX в. приходится начало третьего пролетарского этапа; в самом начале XX в. в стране складывается революционная ситуация, впервые переросшая в народную революцию 1905—1907 гг. В Россию переместился центр мирового революционного движения.

Все эти коренные сдвиги в социально-экономической жизни страны не могли не вызвать соответствующих изменений в идеологии ее классов, ускорить формирование политических партий и течений. Именно в это время создается РСДРП, вскоре в ней происходит раскол на большевиков и меньшевиков, возникает пролетарская партия нового типа — ленинская большевистская партия. В это же время оформляется партия социалистов-революционеров и ряд других мелкобуржуазных националистических партий.

Вполне вероятно, что вступление страны в эпоху империализма, революционная ситуация и приближавшаяся революция неизбежно должны были оказать заметное влияние не только на революционный, но и на либерально-монархический лагерь. Важность изучения кризиса верхов, истории развития идеологии и политики этих лагерей не подлежит сомнению.

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, — отмечал В. И. Ленин, — состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатиремые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда „низы“ не хотят старого и когда „верхи“ не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатиремых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»¹. Как видим, неотъемлемой составляющей общенационального кризиса является конфликт между либеральным и правительственным лагерями. Для начала XX в. этот вопрос почти не исследован в советской исторической литературе².

Слабая изученность кризиса верхов привела к тому, что даже по некоторым конкретным, но весьма важным для понимания хода истории проблемам в исторической литературе нет единого мнения. Именно к таким проблемам относится и вопрос: существовали ли до образования

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 69—70.

² Не считая немногочисленных работ, написанных на локальном материале, или работ, посвященных революции и затрагивающих мимоходом ее канун, есть лишь одна специальная статья по этой теме — Е. Д. Черменского «Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг.» («История СССР», 1965, № 5). См. также Л. Г. Захарова. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. — «Вопросы истории», 1972, № 8; Симонова М. С. Земско-либеральная фронда (1902—1903 гг.). — «Исторические записки», т. 91. М., 1973; Лаврычев В. Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX — начале XX века. — «История СССР», 1976, № 3.

либерально-буржуазных партий осенью 1905 г. различные направления (течения) в либерализме, которые отличались друг от друга определенными положениями в своих программах, тактике, организации, а иногда и по социальному составу? Для того, чтобы быть правильно понятыми, сразу же оговоримся, что речь идет о направлениях (течениях) в пределах одного политического лагеря — буржуазно-либерального, для которого, конечно же, главное было не в различиях, а в том, что его объединяло: боязнь революционного народа, желание идти по эволюционному пути в направлении к конституционной монархии и т. д.

Различные точки зрения по вопросу о составе русского либерализма были высказаны уже современниками и участниками происходивших в начале XX в. событий.

Известно, что одним из коренных положений русских либералов, положений, необходимых им для попытки захватить гегемонию в освободительном движении, был тезис о существовании в России только двух борющихся лагерей: за конституцию и против нее. Марксисты, в отличие от либералов, придерживались другого деления: в России «борются и будут бороться *три* главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса»³.

Если либералы пытались стереть принципиальную разницу между либеральным и революционным лагерями, то где уж им было видеть противоречия в своей собственной либеральной среде? Неудивительно, что вся их литература дружно писала о единении либералов и замалчивала явные разногласия внутри них. Различные течения, разногласия охотно подчеркивались лишь у «догматиков», «сектантов» революционеров. Так, один из историков земского либерализма, И. П. Белокопский, отрицая разницу между земским либерализмом и «Союзом Освобождения», был первым в историографии, кто искусственно слил эти два различных течения (направления) в либерализме. «Правительство в лице Плеве, — писал он, — добилось в 1903 г. объединения земцев не только на легальной, но и на нелегальной почве в виде „Союза Освобождения“»⁴.

Итак, перед нами единый земский либерализм, но выступающий в двух обликах: легальном (земские съезды, петиции, «всеподданнейшие адреса» и т. д. и т. п.) и нелегальном («Союз Освобождения» с его нелегальными съездами, нелегальной литературой и т. д.).

Первый историк «Союза Освобождения» Д. И. Шаховской крайне преувеличил «накал оппозиционности» очень умеренного и осторожного земского помещичьего либерализма. В своем исследовании он писал: «Формальная обособленность эта („Союза Освобождения” и „Союза земцев-конституционалистов”. — К. Ш.) сохранилась до самого конца жизни обоих союзов, хотя в центре земского союза были сплошь освобожденцы, так что оба союза действовали в близком единении и составляли как бы две связанные друг с другом части одного сложного целого»⁵.

Чувствуя искусственность подобного построения и пытаясь найти из него хоть какой-нибудь выход, П. Н. Милюков уже в годы эмиграции сконструировал теорию «двух фаз» в либеральном движении. Полеми-

³ Ленин В. И., ПСС, т. 21, с. 172.

⁴ Белокопский И. П. Земское движение до образования партии Народной свободы. — «Былое», № 9(21), сентябрь 1907 г., с. 267.

⁵ Шаховской Д. И. Союз Освобождения. Сб. «Зарницы». Вып. 2. СПб., 1909, с. 119—120.

зируя в 30-е годы с В. А. Маклаковым, Милюков выделил в истории либерализма две фазы — фазу «Беседы» и фазу «освободительного движения», под которой он понимал «все то, что не есть „Беседа“»⁶. «Обращение к массам, — развивал он далее свою мысль, — отличает фазу „освободительного движения“ (точнее было бы сказать — освобожденческоего. — К. Ш.) от фазы „Беседы“»⁷.

Надуманность построения Милюкова очевидна — фаза есть временная периодизация, одна из фаз приходит на смену другой, обе же сконструированные им «фазы» уживались в рамках единого хронологического периода: и «Союз Освобождения» и «Беседа» существовали одновременно и дожили до образования кадетской партии осенью 1905 г.

Принципиально иное понимание состава русского либерализма уже тогда же было высказано В. И. Лениным. В августе 1902 г. он написал «Предисловие ко второму изданию брошюры „Задачи русских социал-демократов“». К этому времени успело уже выйти несколько номеров нового нелегального журнала либералов «Освобождение». Указывая на связь его с предыдущими политическими партиями и направлениями, В. И. Ленин писал: «...законным наследником народоуправцев, их определенным, последовательным, зрелым продолжателем явилось либеральное „Освобождение“, желающее группировать вокруг себя представителей буржуазной оппозиции в России»⁸. Прекрасно зная всю предысторию организации журнала⁹ и то, что финансировали его именно земцы, а не какие-либо другие слои русского общества, Ленин рассматривал «Освобождение» как продолжение партии «Народного права», в неземском характере которой никто и никогда не сомневался. Продолжая характеристику все того же «Освобождения», именно В. И. Ленин определил его как «новое либеральное направление». «У нас так много было и есть распычатого, либерально-народнического квазисоциализма, — писал он, — что по сравнению с ним явным шагом вперед является новое либеральное направление (разрядка моя. — К. Ш.). Рабочим так легко будет теперь наглядно демонстрировать русскую либеральную и демократическую буржуазию, пояснять необходимость самостоятельной рабочей политической партии, составляющей едино с международной социал-демократией, — интеллигентов так просто будет звать теперь к решительному определению своей позиции: либерализм или социал-демократия, — половинчатые теории и направления будут так быстро измалываться жерновом этих двух растущих и усиливающихся „антиподов“»¹⁰.

Здесь В. И. Ленин не только ввел понятие «новое либеральное направление», но и косвенно определил его отличие от старого: стремление распространить свое влияние на широкие слои населения. Как известно, «старый» земский либерализм никогда не стремился выйти из своих чисто сословных рамок, никогда и не пытался бороться с социал-демократами за влияние на демократические массы. Новое либеральное направление повело себя иначе, и именно поэтому теперь Ленин считал необходимым звать интеллигенцию к решительному определению своей позиции: «либерализм или социал-демократия».

⁶ Милюков П. Н. Либерализм, радикализм и революция. — «Современные записки». Париж, 1934, № 57, с. 291. Напомним, что «Беседа» — чисто земская организация, существовавшая с конца 1899 г. до осени 1905 г.

⁷ Там же, с. 294.

⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 440.

⁹ См. статью В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (ПСС, т. 5, с. 21—72).

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 441.

Некоторые советские историки, возражая против применения к «освобожденцам» термина В. И. Ленина «новое либеральное направление»¹¹, приводят другую ленинскую цитату: «До 17-го октября была одна широкая либерально-буржуазная партия земцев, собиравшихся на свои знаменитые полулегальные съезды и издававших за границей журнал „Освобождение“». После 17-го октября участники земских съездов раскололись...»¹². Заметим, что В. И. Ленин пишет о «партии земцев», собиравшихся на свои полулегальные съезды, а не о «Союзе Освобождения» с его нелегальными съездами. Второе высказывание В. И. Ленина не только не опровергает первое, а подтверждает его: В. И. Ленин, говоря о партии земцев и полулегальных земских съездах не обмолвился ни словом об «освобожденцах».

Но, может быть, Е. Д. Черменский все же прав и В. И. Ленин случайно употребил выражение «новое либеральное направление»?

Готовясь ко второму съезду РСДРП, В. И. Ленин в декабре 1902 — январе 1903 г. по просьбе одного из членов Организационного комитета подготовил «список вопросов, по которым желателен ответ в докладах комитетов и групп нашей партии на II съезде ее»¹³. Один из этих вопросов сформулирован так: «32. Либеральные направления. Либерально-народнические. В обществе? — студенчестве? „Освобождение“, его распространение (в студенчестве? у рабочих?) и влияние? Есть ли кружки „освобожденцев“? Отношение их к с.-д. Интерес к „Освобождению“ в с.-д. кругах и точка зрения на него. Утилизируется ли для пропаганды и агитации? Общие собрания с полемикой?»¹⁴. Дело не только в том, что В. И. Ленин вновь повторяет термин «либеральные направления», имея в виду конкретно освобожденческие кружки. Трудно представить себе, чтобы В. И. Ленин мог допустить мысль о возможности «общих собраний с полемикой» нелегальных социал-демократических кружков с либеральными земцами-помещиками.

Есть и другие высказывания В. И. Ленина, из которых видно, что он делал различие между либеральными направлениями и, в частности, между «освобожденцами» и либеральными земцами. Последние, как известно, на 100% состояли из землевладельцев, ибо без земельного ценза никто не мог быть выбран в земство. О социальном составе «освобожденцев» у В. И. Ленина было несколько иное представление. Критикуя меньшевистскую «Искру» за допущенные ею ошибки и пробелы Ленин писал: «Второй пробел есть забвение того, что русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо распадается, по своей политической позиции, на три русла: освобожденское, социалистско-революционное и социал-демократическое. Все эти направления имеют за собой длинную историю и каждое выражает (с возможной в самодержавном государстве определенностью) точку зрения умеренных и революционных идеологов буржуазной демократии и точку зрения пролетариата»¹⁵. Итак, забвение того, на какие русла распадается русская интеллигенция, с точки зрения Ленина, — пробел.

Приведенные высказывания подтверждают тот факт, что уже в начале XX в. в литературе были высказаны две точки зрения на состав русского либерализма накануне революции 1905—1907 гг.: точка зрения самих либералов о том, что был единый земский либерализм, имев-

¹¹ См. Черменский Е. Д. О социальном облике «освобожденчества» (1902—1905). — «История СССР», 1977, № 6, с. 230.

¹² Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 205. Разрядка наша. — К. III.

¹³ Ленин В. И. ПСС, т. 7, с. 72.

¹⁴ Там же, с. 82.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 185.

ший два лица — легальный и нелегальный (И. П. Белокопский), две «фазы» (П. Н. Миллюков), две части единого целого (Д. И. Шаховской) и точка зрения Ленина о существовании в России различных либеральных направлений, одно из которых, а именно «освобожденское», им же определено как «новое либеральное направление».

Полемика по поводу состава русского либерализма продолжается и в наши дни. И сейчас в нашей литературе есть тоже две точки зрения. Одна из них высказывается в работах Е. Д. Черменского. В своей монографии он пишет: «Нам представляется, что образование «Союза Освобождения» было только этапом в развитии земско-либерального движения»¹⁶. Говоря о «Союзе земцев-конституционалистов» и «Союзе Освобождения», Е. Д. Черменский пишет от своего имени, но словами Шаховского о том, что была «формальная обособленность этих связанных друг с другом частей одного целого»¹⁷. Е. Д. Черменский повторил (с прежней мотивировкой) теорию «фаз» в либерализме: «Заигрывание с „левыми“ отличает фазу „освобожденчества“ от фазы „Беседы“»¹⁸.

Вторая точка зрения выражена в работах других советских историков, критикующих Е. Д. Черменского. Так, В. Я. Лаверычев пишет: «Мы не можем совершенно пренебрегать фактами различных элементов в буржуазно-либеральном лагере. Трудно по этому поводу согласиться с Е. Д. Черменским, по существу отрицающим значение разнородных политических группировок буржуазно-либерального лагеря при оценке политической платформы и деятельности „Союза Освобождения“»¹⁹.

Вполне определенно по этому вопросу высказался и Л. М. Спирин. «Излагаемый им (Е. Д. Черменским.— К. Ш.) фактический материал не подтверждает, а наоборот, противоречит точке зрения автора по этому вопросу, высказанной им в историографическом обзоре. Да и сам исследователь пишет: «Несмотря на обилие оговорок, „радикальная“ программа кадетской партии оказалась не по плечу большинству земских и городских деятелей, которые после 17 октября резко повернули вправо» (Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2, с. 160). Кто же в таком случае ее выработал и принял? Волей-неволей, а приходится признать, что этой силой была прежде всего буржуазная интеллигенция, которая лучше, чем обуржуазившиеся помещики и сама буржуазия, понимала задачи буржуазии как класса в целом. Это полностью соответствует ленинской характеристике кадетской партии»²⁰.

Присоединяясь к этой мысли, отметим, что в данном случае речь идет о составе предреволюционного либерализма, а не о кадетской партии, образовавшейся из слияния «Союза земцев-конституционалистов» и только части «Союза Освобождения». Как известно, в кадетскую партию не вошло левое крыло «освобожденцев», для которого эта партия оказалась слишком правой. Естественно, что в «Союзе Освобождения» влияние земцев было еще меньшим, чем в кадетской партии, хотя наличие такого влияния, определенного «земского оттенка» всего «Союза Освобождения» никто и не думал отрицать.

¹⁶ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 10.

¹⁷ Там же, с. 32. Разрядка наша.— К. Ш. Сравните с приведенной выше цитатой Д. И. Шаховского.

¹⁸ Там же, с. 29.

¹⁹ Лаверычев В. Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX — начале XX века.— «История СССР», 1976, № 3, с. 62.

²⁰ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977, с. 77.

* * *

Попытаемся теперь дать анализ известного нам фактического материала о составе русского либерализма в начале XX в. При всей условности и «размытости» границ можно утверждать, что либерализм в России накануне революции представлял собой несколько течений разнившихся по некоторым программным, организационным, тактическим положениям, а в некоторых случаях и по социальному составу. Объединяло его главное, что и составляет суть либерализма, — отрицательное отношение к бюрократически-самодержавному строю и страстное желание избежать революционных потрясений, вести страну только по пути мирного эволюционного развития.

Наиболее умеренная часть либералов объединялась в земском кружке «Беседа»²¹, созданном братьями кн. Павлом Дм. и Петром Дм. Долгоруковыми²². Кружок этот действовал с 17 ноября 1899 г. по 10 октября 1905 г., в конце своего существования состоял из 54 членов, представлявших аристократическую верхушку земского дворянства. Членами «Беседы» оказались 9 князей, 8 графов, 2 барона, 4 губернских и 18 уездных предводителей дворянства. За 5 лет кружок провел 30 заседаний, некоторые из них длились по 2 и даже 3 дня, что дает возможность довольно подробно проследить деятельность этой либеральной организации, стоявшей на крайнем правом фланге русского либерализма²³.

За все это время «Беседа» так и не смогла выработать четкой программы. Ее объединяла очень расплывчатая цель, сформулированная на первом заседании кружка так: «Пробуждение общественной деятельности, общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга. Способ достижения этой цели должен заключаться в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова, после того, как обменявшись мыслями, придут к определенным выводам... Общий лозунг — сочувствие земству и борьба с произволом бюрократии»²⁴.

Такая широкая и не вполне четкая цель деятельности кружка позволяла объединяться в нем земцам самых различных убеждений, и сторонникам самодержавия, выступавшим только против «крайностей» бюрократического режима, и сторонникам буржуазной монархии с «на-

²¹ Кроме указанной статьи Е. Д. Черменского, некоторые стороны деятельности «Беседы» освещены в работах: Михеева Э. П. Несколько дополнений к истории «Беседы». — «История СССР», 1966, № 2; Красавин А. С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова. — «Археографический ежегодник за 1969 год», М., 1970; Шацкило К. Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д. И. Шаховского. — «Археографический ежегодник за 1975 год», М., 1976; Emmons Terence. The Beseda Circle. 1899—1905. — «Slavic Review», 32, № 3, September, 1973, pp. 461—490.

²² В исторической литературе, не только в советской, но и в зарубежной, теперь опубликован полный перечень в с е х заседаний «Беседы» со списками участников каждого заседания (см. «Археографический ежегодник за 1969 год», с. 354—359 и «Археографический ежегодник за 1974 год», с. 285—296; Emmons Terence. Op. cit.) Известно, что были шесть первых участников «Беседы», что Д. И. Шаховской впервые появился среди «собеседников» только через два с половиной года после организации «Беседы», на девятом ее заседании, 27 мая 1902 г. Е. Д. Черменский же, ссылаясь на воспоминания, написанные и опубликованные через 65 лет после происходивших в 1899 г. событий, пишет: «Что же касается учредителей „Беседы“, то я продолжаю настаивать, что инициаторами ее были князья Павел и Петр Долгоруковы, князь Д. И. Шаховской и граф П. С. Шереметев» («История СССР», 1977, № 6, с. 231).

²³ Подробнее об этом см. Шацкило К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901—1904 гг.). — «Исторические записки», т. 97, М., 1976, с. 50—98.

²⁴ ИРЛИ, ф. 334, оп. 1, д. 651, л. 49.

стоящей» конституцией. Характерно, что после образования политических партий члены «Беседы» стали и кадетами²⁵, и мирнообновленцами²⁶, и октябристами²⁷, и даже вождями «объединенного дворянства» и членами «Союза русского народа»²⁸.

Такой диапазон политических убеждений «собеседников» определил организационную рыхлость «Беседы»: она не принимала обязательных решений; лишь в конце 1904 г. организовано было специальное Бюро по руководству деятельностью кружка; «Беседа» так и не смогла, несмотря на свои планы, организовать подобные кружки в других городах, кроме Москвы. Крайне нерешительной была и тактика кружка: далее издания ряда легальных сборников на земские темы²⁹ в специально организованном в 1903 г. книгоиздательстве «Беседа» и сочинений записок на «высочайшее» имя³⁰ дело у «собеседников» не пошло.

Рост революционного кризиса в стране и ультрареакционная политика Плеве усиливали оппозиционность части земских либералов. Самодержавие совершенно сознательно, по словам В. И. Ленина, «изуродовавшее самоуправление городское и земское и с ослиной последовательностью замахнувшее свой топор над последними остатками земских учреждений»³¹, вполне естественно, вызывало раздражение даже у самых мирных и законопослушных земцев, служило питательной почвой для роста их недовольства и перехода к более решительным действиям. «Такова логика жизни,— отмечал В. И. Ленин в сентябре 1901 г. в газете „Искра“,— добросовестные земцы, как они ни отрешиваются порой от радикализма и нелегальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконных организаций и более решительного образа действий»³². К тому же боязнь революции, надежда предупредить ее всевозможными уступками заставляли земских либералов тем решительнее настаивать на реформах, чем тверже они убеждались в приближении революции. Лишь после ее начала и особенно после того, как революция приблизилась к высшей своей точке, земский либерализм окончательно и бесповоротно примкнул к самодержавию и сошел с исторической сцены, разбредясь по различным политическим партиям.

В результате всех перечисленных причин накануне революции 1905—1907 гг. произошла заметная активизация земских либералов. Это проявилось в решении части «собеседников» издавать за границей нелегальный печатный журнал «Освобождение», в стремлении объединить свои усилия с представителями интеллигенции (совместное совещание в Шафгаузене летом 1903 г., совместное участие в «Союзе Освобождения»), в организации нелегального «Союза земцев-конституционалистов». Создание этой чисто земской организации было ускорено решением наиболее радикальных земцев вступить в «Союз Освобождения». На нелегальной встрече земцев и «лиц свободных профессий» в сентябре 1903 г.

²⁵ Братья Долгоруковы, Д. И. Шаховской, Ф. Ф. Кокошкин, В. А. Маклаков, С. А. Котляревский, М. В. Челноков и др.

²⁶ П. А. Гейден, Н. Н. Львов, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович и др.

²⁷ Н. А. Хомяков, А. Ф. Мейендорф, Д. А. Олсуфьев и др.

²⁸ А. А. Бобринский, П. С. Шереметев.

²⁹ Всесословное обложение в России. М., 1902; Мелкая земская единица. СПб., 1902; Мелкая земская единица в 1902—1903 гг. СПб., 1903; Нужды деревни по работам Комитета о сельскохозяйственной промышленности, тт. I, II. СПб., 1904; Аграрный вопрос. Книгоиздательство «Беседа». М., 1905; Крестьянский строй, т. I. Книгоиздательство «Беседа». СПб., 1905.

³⁰ См. ГИМ, ОПИ, ф. 31, оп. 1, д. 142, лл. 17—34. Обсуждение записки Н. Н. Львова «О причинах современного „смутного положения“ в России и о мерах к улучшению его» в заседании «Беседы» от 22 августа 1902 г.

³¹ Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 94.

³² Там же.

в Харькове³³ была назначена точная дата созыва Учредительного съезда «Союза Освобождения». Готовясь к нему, земцы решили консолидировать в своей среде силы сторонников конституции, для чего «подойти к земским деятелям, от которых можно было ожидать конституционных убеждений, не с прямым предложением войти в конспиративную организацию („Союз Освобождения“.— К. Ш.), где бы их ожидала встреча с неведомыми элементами, а с приглашением на съезд земского характера, но с весьма ярко выраженной на нем политической целью, и путем такого съезда, помимо его непосредственной цели, еще подготовить вступлением в союз тех элементов, которые окажутся для этого годными и на это готовыми»³⁴.

Так возникла вторая уже нелегальная земская организация, отличавшаяся от «Беседы» более четко сформулированной программой-требованием для России настоящей конституции, законодательного представительства и политических свобод. Организационно «Союз земцев-конституционалистов» был еще более аморфным, чем «Беседа»³⁵. Деятельность его свелась по существу к съездам земцев, сторонников конституции. Они, как правило, собирались накануне общеземских съездов с задачей выработать единую политику, которую и собирались на них проводить. Цель создания «Союза земцев-конституционалистов» была двоякой: с одной стороны, толкать влево общеземские съезды, ставя их перед единым и заранее согласованным фронтом сторонников конституции; а с другой — оказывать умеряющее воздействие в «Союзе Освобождения», где земцы-конституционалисты оказались в значительном меньшинстве и за исключением нескольких человек на самом правом его фланге³⁶.

Третье направление (течение) в русском либерализме было представлено «Союзом Освобождения», образовавшимся на Учредительном съезде в январе 1904 г. «Союз Освобождения» отличался от «Беседы» и от «Союза земцев-конституционалистов» своим социальным составом, организацией, программой и тактикой. Если и «Беседа», и «Союз земцев-конституционалистов» были по своему социальному составу на 100% дворянскими, то в «Союзе Освобождения» преобладала интеллигенция, так называемые «лица свободных профессий». Прямые данные о социальном составе всего «Союза Освобождения» вряд ли могут быть когда-либо полностью обнаружены, но кое-что архивы все же сохранили.

Достаточно полное представление о социальном составе этой либеральной организации может дать анализ участников четырех «освободительных» съездов. На учредительный съезд «Союза Освобождения» из 22 городов прибыло 19 земцев и 29 лиц свободных профессий. В дальнейшем неземский элемент еще больше потеснил земцев: всего из 170 человек, побывавших на четырех съездах освободителей, земцев оказалось 54, лиц свободных профессий — в два раза больше — 116 человек³⁷. Еще более заметным преобладание лиц свободных профессий оказалось в руководящем органе «Союза Освобождения» — в его Совете, избиравшемся на I и II съездах и пополняемом в дальнейшем кооптациями. В первом составе Совета на 7 земцев приходилось от 10 до 12 лиц сво-

³³ См. Белокопский И. П. Земство и конституция. М., 1910, с. 14; ЦГАЛИ, ф. 84, оп. 4, д. 1, л. 27.

³⁴ Шаховской Д. И. Указ. соч., с. 109.

³⁵ Подробнее об этом см. Шахило К. Ф. Тактика и организация земского либерализма накануне первой русской революции. — «Исторические записки», т. 101. М., 1978, с. 217—270.

³⁶ См. Спутник избирателя на 1906 г. СПб., с. 36. Статья Л. Г. «Земство и город».

³⁷ Шахило К. Ф. Новое о «Союзе Освобождения». — «История СССР», 1975, № 4, с. 142.

бодных профессий, а во втором на 5 земцев — 17—19. (В разных списках Совета фигурируют разные цифры³⁸.)

Архивы донесли до нас и прямые данные о социальном составе «освобожденцев». В марте 1905 г. состоялся III съезд «Союза Освобождения». На нем были приведены сведения о некоторых «освободенских» группах, приславших на съезд своих делегатов. Лиц, формально числящихся в «Союзе Освобождения», насчитывалось 1600 человек. По 65 группам «освобожденцев» в 25 городах были названы точные цифры. Из 770 человек, о которых имеются данные, большая часть — представители Петербурга (7 групп — 210) и Москвы (15 групп — 250); лишь в Воронеже, Курске и Туле наличие «освободенских» групп показано не только в городе, но и уезде. Итак, подавляющее большинство известных нам «освобожденцев» — горожане, в основном жители обеих столиц. Есть данные (за сентябрь 1905 г.) о профессиональной принадлежности «освободенских» групп Москвы: две группы — адвокаты, историки, земские врачи, городские учительницы, естественники, артисты, литераторы, инженеры, учителя, доктора, профессора, младшие преподаватели. Две группы созданы по национальному признаку (евреи и поляки) и одна земская группа³⁹. Не в этих ли данных кроется ответ на вопрос Е. Д. Черменского о социальном облике «освобожденчества»?⁴⁰ Повторим еще раз — одних сведений о социальном составе еще недостаточно, но не логично ли предположить, что они тоже кое о чем говорят?

Разумеется, что преимущественно интеллигентский по своему социальному составу «Союз Освобождения» отнюдь не носил какого-то внеклассового характера, как это пытались утверждать его организаторы, ибо всякий либерализм — и «дворянского», и «интеллигентского» оттенков — имеет сугубо классовый характер и в конечном итоге выражает одно — интересы буржуазного развития общества. Однако последовательность выражения этих интересов была у разных либеральных направлений далеко не одинакова. «Интеллигенция, — подчеркивал В. И. Ленин в августе 1905 г., — более способна выражать широко понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только „верхов“ буржуазии. Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства...»⁴¹. И далее в этой же статье В. И. Ленин писал: «Буржуазная интеллигенция есть самый деятельный, решительный и боевой элемент освободенской конституционно-„демократической“ партии»⁴².

В результате своего интеллигентского по преимуществу состава «Союз Освобождения» отличался и от «Беседы», и от «Союза земцев-конституционалистов» по некоторым своим программным положениям. Уже в программе⁴³, написанной после встречи в Харькове к Учредительному съезду и в основном одобренной им⁴⁴, заключалось требование «равных для всех граждан прав, а также самое широкое и притом непременно одинаковое для всего народа участие в государственном управлении»⁴⁵. (Напомним, что «Беседа» вообще не выступала за участие

³⁸ Там же, с. 144.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 524, оп. 1, д. 34, л. 12 и об.

⁴⁰ Черменский Е. Д. О социальном облике «освобожденчества» (1902—1905).

⁴¹ Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 199.

⁴² Там же, с. 200.

⁴³ См. Шацилло К. Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д. И. Шаховского. — «Археографический ежегодник за 1975 год». М., 1976, с. 294—296. Программа и устав «Союза Освобождения».

⁴⁴ См. Шаховской Д. И. Указ. соч., с. 107—113.

⁴⁵ Шацилло К. Ф. Указ. соч., с. 295.

граждан в государственном управлении», а «Союз земцев-конституционалистов» на своем третьем съезде 2—3 ноября 1904 г. в Москве разделился на сторонников и противников всеобщей подачи голосов⁴⁶.)

Эта же первая программа широковещательных декларировала: «Во всех экономических и культурных вопросах, с которыми нам придется встречаться, мы будем руководиться интересами трудящихся масс»⁴⁷. Как известно, и «Беседа», и «Союз земцев-конституционалистов» до начала революции даже на словах не выдвигали социально-экономических требований, ограничиваясь только пожеланиями политических реформ. Во второй программе «Союза Освобождения», принятой на его третьем съезде, указанные отличия были еще более развиты и конкретизированы⁴⁸.

Иной, чем у земцев, более радикальной и решительной, была тактика «Союза Освобождения». Проявилось это во многом: часть «освобожденцев» выступила сторонниками поражения царизма в русско-японской войне⁴⁹, они имели собственные типографии, в которых издавали нелегальные листовки, в конце 1904 г. именно «освобожденцами» была организована довольно широкая банкетная кампания и начато образование профессионально-политических союзов, получивших широкое развитие уже после начала революции. Оценивая сложившуюся в России к концу 1904 г. обстановку, В. И. Ленин в передовице первого номера новой нелегальной большевистской газеты «Вперед», писал: «Россия переживает новую волну конституционного движения. Современное поколение не видало еще ничего подобного теперешнему политическому оживлению. Легальные газеты громят бюрократию, требуют участия представителей народа в государственном управлении, настойчиво заявляют о необходимости либеральных реформ. Всевозможные собрания земцев, врачей, юристов, инженеров, сельских хозяев, городских гласных и пр. и пр. выносят резолюции, более или менее ясно высказывающиеся за конституцию. Всюду слышатся необычно смелые, с точки зрения русского обывателя, политические обличения и страстные речи о свободе»⁵⁰.

Конечно же, ошибочным было бы представлять «новую волну конституционного движения» только итогом действия «Союза Освобождения». Она была результатом вызревания в России революционного кризиса. Именно этот кризис вынуждал «освобожденцев» активизировать свою тактику и начать «банкетную кампанию». Но в то время, когда земцы все еще «с соизволения начальства» собирались на свои съезды и обращались исключительно к царским министрам с очередными «слезнищами», «Союз Освобождения» начал мобилизацию интеллигенции для повсеместных, пользуясь словами Ленина, смелых, с точки зрения русского обывателя, политических обличений.

Отличался «Союз Освобождения» от других либеральных направлений и еще одним свойством. Хотя этот союз не стал стройной политической партией, он имел более четкую организацию, чем бесформенный и расплывчатый земский либерализм, не поднявшийся выше нерегулярных общеземских съездов, съездов земцев-конституционалистов и малочисленной замкнутой «Беседы». Так, все члены «Союза Освобождения» обязательно входили в какой-нибудь из его кружков, объединенных по

⁴⁶ См. Будберг Р. Ю. Съезд земских деятелей 6—9 ноября 1904 г. в Петербурге. (По личным воспоминаниям). — «Былое», № 3 (15), май 1907 г. СПб., 1907, с. 74.

⁴⁷ Шацилло К. Ф. Указ. соч., с. 295.

⁴⁸ См. Сборник программ политических партий в России. Вып. 2. СПб., 1906, ред. В. В. Водозовов, а также «Освобождение», № 69—70, 20 (7) мая 1905 г., с. 305—306.

⁴⁹ См. «Освобождение», №№ 19 (43), 45, 48 и др.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 126.

политическому, территориальному или профессиональному признаку, во главе «Союза» стоял избиравшийся на год Совет, освобожденцы имели устав, определявший внутреннюю организацию «Союза» и т. д. Именно на эти организационные отличия освобожденцев обратил внимание В. И. Ленин, когда летом 1905 г., имея в виду образующуюся кадетскую партию, писал, что она создается из двух составляющих: «из „земской фракции“ („союза земцев-конституционалистов“.— К. Ш.) и из „Союза Освобождения“, т. е. из неорганизованного конгломерата лиц плюс организация»⁵¹.

В советской исторической литературе еще в первые годы признавалась неоднородность земского и «освобожденного» либерализма. Так, М. Н. Покровский, сам бывший членом «Союза Освобождения» и хорошо знавший соотношение сил в нем, писал: «„Союз Освобождения“, основанный левыми земцами еще в 1903 году, но скоро оказавшийся в руках не столько земцев, сколько так называемого третьего элемента — земских врачей, статистиков, учителей и т. д., которые были гораздо радикальнее самого либерального из помещиков,— быстро рос и стал даже издавать прокламации по поводу войны»⁵².

Известные отличия «освобожденцев» в программе, тактике и организации от традиционного земского либерализма были тотчас же почувствованы частью земцев, не связанных с «Освобождением». Попытка некоторых членов «Беседы» объявить этот нелегальный журнал земским органом, чуть не привела к расколу кружка⁵³. От этого пришлось отказаться, и финансирование журнала осталось «частным» делом отдельных лиц. Только меньшая часть земских либералов — самая левая — финансировала журнал и сочувствовала ему. Так, член «Беседы», один из столпов земского либерализма — Д. Н. Шипов писал 8 сентября 1902 г. другому члену «Беседы» — М. В. Челнокову: «Подписываться на „Освобождение“ я не желаю, так как не сочувствую такому изданию вообще, а в частности, не верю в Струве. Никакой положительной программы ни у него, ни у „Освобождения“ нет. Не знаю, на какой круг читателей эта газета рассчитана и какие она может осуществить задачи. Не сочувствуя вообще и возмущаясь всякого рода революционными направлениями, я, кроме того, глубоко убежден, что эти направления совершенно чужды русскому духу и не могут рассчитывать на практическое применение у нас на Руси»⁵⁴.

Как видим, не только русский либерализм вообще, но даже более узкое его направление — земский либерализм — не было единым: одни земцы организовали и финансировали издание журнала «Освобождение», другие земцы (и тоже либералы!) осуждали его. Часть земских либералов ограничивалась участием только в «Беседе», другая сочла для себя возможным вступить и в «Беседу», и в «Союз земцев-конституционалистов», третья, самая решительная и самая малочисленная, принимала участие и в «Союзе земцев-конституционалистов», и в работе «Союза Освобождения».

Учитывая приведенные факты, нельзя согласиться с утверждением о «формальной обособленности» «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», «связанных друг с другом частями одного це-

⁵¹ Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 257. Разрядка наша.— К. Ш.

⁵² Покровский М. Н. Избранные произведения, кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке, 1967, с. 346.

⁵³ См. Шадило К. Ф. Формирование программы земского либерализма..., с. 65—69.

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 810, оп. 1, д. 492, л. 19.

лого»⁵⁵. Одно целое они никак не представляли ни по своей программе (земцы-конституционалисты зафиксированной программы вообще не имели), ни по тактике, ни по своей организации (по В. И. Ленину — «конгломерат лиц плюс организация»), ни по своему социальному составу. Единым для них было только одно: и то и другое было либерализмом, т. е. несмотря на все свои «внеклассовые» и «общенародные» заявления в конечном итоге выражало интересы капиталистического развития России. «Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т. е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная, — писал в разгар русской революции В. И. Ленин. — Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии»⁵⁶.

Именно поэтому В. И. Ленин решительно возражал против попыток меньшевиков в новой «Искре» противопоставить земский либерализм интеллигентной демократии и критиковать В. И. Ленина за то, что он якобы просмотрел появление последней. «Основной мыслью (или, вернее, основным недомыслием) указанных рассуждений новой „Искры“, — писал В. И. Ленин, — является различие между земцами и буржуазной демократией». А именно из этого различия меньшевики выводили «новые методы борьбы», суть которого В. И. Ленин изложил так: по мнению меньшевиков, «земский либерализм, дескать, „годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами“, а интеллигентная демократия годна на соглашения с нами»⁵⁷. Анализируя эту новую «теорию» меньшевиков, В. И. Ленин писал: «Во-первых, неосновательна и смешна претензия на приоритет в открытии интеллигентной демократии. Во-вторых, неверно различение земского либерализма и буржуазной демократии. В-третьих, несостоятельное мнение, что интеллигенция может стать самостоятельной силой. В-четвертых, несправедливо утверждение, что земский либерализм (без „буржуазно-демократической“ половины⁵⁸) годен лишь для бичевания и т. д.»⁵⁹.

Критикуя меньшевиков за их теоретические «изыскания» и напоминая, кто именно первым «открыл» интеллигентную демократию, В. И. Ленин с сарказмом писал: «Новооткрытая интеллигентная демократия и необходимость ее призыва под знамя социал-демократии „открыты“ зловерным Лениным три года тому назад! Конечно, тогда не было еще открыто противопоставление земцев и буржуазной демократии. Но это противопоставление так же умно, как если бы мы сказали: Московская губерния и территория Российской империи. Земцы-цензовики и предводители дворянства суть демократы, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен в разных степенях весь и всякий буржуазный демократизм»⁶⁰.

Вместе с тем, решительно не соглашаясь с противопоставлением земцев-цензовиков и предводителей дворянства (земских либералов) интеллигентной демократии, В. И. Ленин отнюдь не сливал их воедино, специально подчеркивая, что в анализе русского либерализма меньшевистская «Искра» сделала и другую ошибку: «Кроме интересов широкого

⁵⁵ Шаховской Д. И. Указ. соч., с. 119—120; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 32.

⁵⁶ Ленин В. И. ПСС, т. II, с. 101.

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 183.

⁵⁸ Под «буржуазно-демократической» половиной земского либерализма В. И. Ленин в этом случае имеет в виду третий элемент земства, прямо ссылаясь на один из разделов своей более ранней работы, который так и назывался «Третий элемент». См. Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 327—335.

⁵⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 183—184.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 184.

слоя помещиков (которые нашли отражение в земском либерализме.— К. Ш.), русский буржуазный демократизм отражает интересы массы торговцев и промышленников, преимущественно средних и мелких, а также (что особенно важно) массы хозяев и хозяйчиков среди крестьянства. Игнорирование этого наиболее широкого слоя русской буржуазной демократии есть первый пробел в анализе „Искры“⁶¹. Второй пробел Ленин видел, как уже говорилось, в забвении того, что русская демократическая интеллигенция не случайно, а закономерно распадается по своей политической позиции на три русла: «освобожденское», социалистско-революционное и социал-демократическое.

Итак, нельзя ни противопоставлять земский либерализм «освобожденскому» (что делали меньшевики), ни сливать их воедино (что делает Е. Д. Черменский), не видя между ними различий на том основании, что и то, и другое было либерализмом. Нельзя полностью согласиться с утверждением Е. Д. Черменского: «Попытка изобразить „освобожденчество“ как движение буржуазной интеллигенции и на этом основании противопоставить его старому земскому либерализму означает возвращение к меньшевистской схеме Веселовского-Мартынова, доказывавших, что идеологами „Союза Освобождения“ и образовавшейся на его базе кадетской партии⁶², были в большинстве „профессиональные интеллигенты“»⁶³.

Е. Д. Черменский прав, не соглашаясь с противопоставлением земского и «освобожденного» либерализма, но он входит в противоречие с историческими фактами, когда рассматривает «Союз Освобождения» только как этап в развитии земского либерализма. Русский либерализм, всегда оставаясь либерализмом, т. е. всегда выражая исключительно интересы буржуазного развития России, был очень пестр и по своей программе, и по своей организации, никогда не ограничиваясь лишь одной политической партией. Пестр был он и по своему социальному составу. Либеральные помещики (земский либерализм), буржуазная интеллигенция, не связанная непосредственно с капиталистическим производством («освобожденский» либерализм), позже «воротилы» русской промышленности (Коноваловы, Рябушинские и т. д.) — все были либералами. Но из этого отнюдь не следует, что все они представляли только разные этапы одного земско-либерального движения. В либерализме были разные направления, разные течения, отчетливо проявившиеся уже накануне революции 1905—1907 гг., и трудно отрицать этот бесспорный факт.

⁶¹ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 185.

⁶² Заметим, что, как известно, кадетская партия образовалась не только на базе «Союза Освобождения», но и на базе «Союза земцев-конституционалистов».

⁶³ Черменский Е. Д. Буржуазия и паризм в первой русской революции, с. 10.

С. В. ТЮТЮКИН, В. В. ШЕЛОХАЕВ

РАЗОБЛАЧЕНИЕ КАДЕТОВ В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИСТОВКАХ 1906—1907 ГОДОВ

Идейно-политическим стержнем первой народной революции периода империализма была борьба за гегемонию в освободительном движении между пролетариатом и либеральной буржуазией, между большевиками и кадетами. От исхода этой борьбы в конечном счете зависело реше-

ние главного вопроса — пойдет ли дальнейшее развитие страны под руководством рабочего класса и большевистской партии по пути демократической и социалистической революции или либеральной буржуазии удастся увлечь народ идеей реформистского «обновления» России, означавшего на практике сохранение основных классовых антагонизмов, экономический и социальный застой, подчинение страны иностранному капиталу.

Своей лицемерной политикой кадеты оказывали серьезную помощь лагерю реакции, пытаясь, по словам В. И. Ленина, убедить народ в том, что «возможно мирным путем (т. е. оставляя власть за монархией) добиться свободы, что выкуп, подстроенный помещиками, есть самая выгодная для крестьян передача им земли и т. д. и т. п.» Поэтому, подчеркивал В. И. Ленин, «нельзя убедить в необходимости серьезной борьбы ни наивного мужика, ни наивного мещанина, не подорвав влияния на него кадетских фраз, кадетской идеологии»¹. Необходимо было помочь массам увидеть буржуазную классовую природу кадетизма, типичное для буржуазных партий политическое лицемерие кадетов, вопиющий разрыв между их программой, включавшей в себя требования демократических свобод и даже некоторые меры по улучшению положения рабочих и крестьян, и той реальной политикой, которую проводила кадетская партия в интересах помещиков и буржуазии. Именно потому, что кадеты паразитировали на политической неразвитости и конституционных иллюзиях мелкобуржуазных масс, на их наивной вере в возможность крупных радикальных реформ по милости царя, развращающее влияние партии «народной свободы» на народ было не пустой угрозой, а вполне реальной политической опасностью, борьба с которой тоже должна была вестись большевиками очень серьезно, методично, с полным напряжением сил.

Партия большевиков в годы первой российской революции использовала многообразные формы борьбы с влиянием буржуазного либерализма на народные массы. Борьба против кадетов шла на страницах большевистской печати, на открытых митингах и собраниях, с думской трибуны. Особое место занимали листовки — оперативный и наиболее популярный в широких массах вид большевистской литературы. В. И. Ленин рассматривал их как важнейшее средство политического воздействия на массы, подчеркивая, что такой вид литературы, как листовки, «*ничем незаменим и всегда будет безусловно нужен*»². Правда, в 1906—1907 гг., когда в разные периоды издавалось в общей сложности 108 легальных и нелегальных большевистских газет и журналов³, значительная часть той агитационной работы, которая велась раньше с помощью листовок, стала выполняться партийной периодикой. Однако и в это время листовая литература оставалась одним из важнейших каналов распространения большевистских идей в массах.

В. И. Ленин принимал активное участие в составлении и редактировании ряда листовок. В 1905—1907 гг. им было написано 8 листовок, разоблачавших контрреволюционную, предательскую сущность либеральной буржуазии и ее политических организаций. Ленинские листовки неоднократно переиздавались местными большевистскими организациями и получили самое широкое распространение. Так, например, ленинская листовка 1905 г. «Три конституции или три порядка государственного устройства» была переиздана Астраханским, Вятским, Казанским, Нижегородским, Рижским (на русском и латышском языках) и

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 193.

² Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 271.

³ См. «История СССР», 1973, № 4, с. 50 (подсчет М. С. Волина).

другими комитетами РСДРП. Листовка «Бойкотировать ли Государственную думу? Платформа „большинства“» была издана в январе 1906 г. отдельными листовками ЦК и ПК РСДРП.

Большое значение в деле разоблачения либеральной буржуазии имели изданные в 1905 г. листовки Бюро комитетов большинства и ЦК РСДРП, которые неоднократно переиздавались местными социал-демократическими комитетами. Особое место в борьбе против либералов занимали изданные в июле — августе 1905 г. «Летучие листки» ЦК РСДРП, в которых была дана резкая критика идеологии, стратегии и тактики всех разновидностей буржуазного либерализма⁴. Кроме того, более 20 листовок с критикой предательской сущности либералов выпустили в 1905 г. местные комитеты РСДРП. Большинство этих листовок было посвящено разоблачению попыток либеральной буржуазии заключить сделку с царским правительством в целях прекращения народной революции. Характерны и сами названия этих листовок: «Всероссийская комедия»⁵ и всероссийские зверства» (Харьковская группа «Вперед» РСДРП), «Как господа с царем в сделку вошли» (Тверской комитет РСДРП), «Пролетариат борется, либералы подкрадываются к власти» (Екатеринославский комитет РСДРП), «Долой предателей» (Федеративный Совет МК и Московская группа РСДРП) и т. д.

Данная статья посвящена анализу большевистских листовок, разоблачающих партию кадетов на втором этапе революции (1906—1907 гг.). Известно, что именно в этот период резко обострилась борьба между пролетариатом и либеральной буржуазией, между большевиками и кадетами за гегемонию в освободительном движении. Это было связано с рядом факторов: «конституционными» экспериментами царизма с созывом Государственной думы, вызвавшими в мелкобуржуазных массах надежду на решение наболевших вопросов народной жизни «сверху»; усталостью некоторых слоев трудящихся от открытой борьбы с царизмом; отказом меньшевиков даже от тех чисто словесных признаний гегемонии пролетариата, которые они делали в 1905 г.; некоторым укреплением позиций либерализма в связи с созданием кадетской партии. Все это позволяло либералам активно выступить с претензиями на руководство освободительным движением и попытаться заново решить — на этот раз в пользу буржуазии — вопрос об идейно-политической гегемонии в освободительном движении, завоеванной в 1905 г. пролетариатом. Завоевав в 1906 г. гегемонию на думской арене, кадеты всеми средствами стремились распространить ее и на арену массового движения, что делало неизбежным самые острые столкновения между большевиками и партией «народной свободы».

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать содержание опубликованных к настоящему времени большевистских листовок, в которых в той или иной форме затрагивается вопрос о кадетях. Основная часть большевистских листовок 1905—1907 гг. сейчас уже опубликована⁶, и авторы считали обработанный ими массив документальных

⁴ См. Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг., ч. 1, с. 34—35, 47—50, 84, 86—89, 106—109, 115.

⁵ Имеется в виду прием царем представителей земства и городов в июне 1905 г.

⁶ См. следующие документальные сборники: Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии. М.—Л., 1926; Сборник прокламаций Симбирской группы РСДРП 1905—1907 гг. Ульяновск, 1928; Подпольная печать групп и комитетов РСДРП в ЦЧО (1901—1916). Воронеж, 1931; Листовки петербургских большевиков, т. 1. Л., 1939; Прокламации большевистских организаций Закавказья. Тбилиси, 1940; Листовки московских большевиков 1905 г. Москва, 1941; 1905 год на Дону. Листовки Донкома РСДРП. Ростов н/Д, 1945; Листовки тамбовских большевиков 1904—1907 годов. Тамбов, 1948; Листовки московских большевиков в период первой русской

материалов достаточно представительным для выявления некоторых общих тенденций в той критике кадетов, которую вели в эти годы большевики. Дополнительные источники, которые еще могут быть выявлены в архивохранилищах, вряд ли изменят наши общие представления о специфических чертах листовок как одного из важнейших средств борьбы большевиков с кадетской опасностью в 1906—1907 гг. В статье приведены подсчеты общего количества большевистских листовок, направленных против кадетов, показана их «география», прослеживается динамика идейной борьбы большевиков против либералов в период I и II Думы, выявлены те слои населения, которым эти листовки были адресованы. Вопросы об авторстве листовок и их тираже в статье не рассматриваются, ибо это тема специального исследования.

Нами выявлены 158 большевистских листовок, в том числе 8 ленинских, посвященных разоблачению классовой сущности кадетской партии на втором этапе революции (1906—1907 гг.). Основная масса листовок (85) была опубликована во время избирательной кампании и деятельности I Думы, 26 — в междумский период и 49 — в период избирательной кампании и деятельности II Думы. В издании листовок принимало участие 44 комитета и группы РСДРП, т. е. более 80% большевистских комитетов и групп, издававших листовки в 1905—1907 гг.⁷ Из 152 листовок, выпущенных в 1906—1907 гг. местными большевистскими организациями, Московской организацией было издано 27 листовок, Петербургской — 15, Казанской — 11, Самарской — 10, Омской — 7, Иваново-Вознесенской — 6, Костромской — 5, Саратовской — 5, Николаевской — 4, Пермской — 4, Екатеринбургской — 4, Ярославской — 4, Одесской — 3, Тамбовской — 3, Вятской — 3, Екатеринославской — 3. Десять большевистских организаций⁸ издали по 2 листовки против кадетов и 18 — по одной⁹.

Основная тяжесть борьбы с кадетской опасностью пала на плечи петербургских и московских большевиков. В Петербурге и Москве большевикам противостояли значительные силы кадетов. Так, числен-

революции. М., 1955; Большевики во главе Всероссийской стачки в октябре 1905 года. Сборник документов и материалов. М., 1955; Листовки бакинских большевиков 1905—1907 гг. Баку, 1955; Листовки большевиков Украины периода первой русской революции 1905—1907 гг. Киев, 1955; Листовки Кавказского союза РСДРП. 1903—1905 гг. М., 1955; Листовки казанских большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. Казань, 1955; Сборник большевистских листовок организаций РСДРП Тамбовской губернии периода первой русской революции (1903—1907 гг.). Тамбов, 1955; Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. Сб. в 3-х ч. М., 1956; Листовки социал-демократических организаций Латвии в период первой русской революции. Рига, 1956; Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900—1917 гг. Иваново, 1957; Листовки пермских большевиков 1901—1917 гг. Пермь, 1958; Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 1958; Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1958; Большевистские листовки на территории Вологодской губернии (1904—1917 гг.). Сб. док. Вологда, 1959; Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (б). 1902—1917. Куйбышев, 1959; Революция 1905—1907 годов в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906—1907 гг. М., 1959—1963; Листовки кишиневских социал-демократических организаций РСДРП. Кишинев, 1969; Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП. 1903—1917. Сб. док. Киров, 1975.

⁷ Подсчет авторов. Данные об общем количестве большевистских комитетов, выпустивших листовки в 1905—1907 гг. См. Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг., с. VII.

⁸ Вологодская, Киевская, Пензенская, Тульская, Уфимская, Владимирская, Рижская, Красноярская, Ярославская, ЦК СДЛК.

⁹ Астраханская, Армавирская, Кишиневская, Борисоглебская, Брянская, Симбирская, Таганрогская, Ташкентская, Балахнинская, Донская, Иркутская, Томская, Читинская, Сормовская, Нижегородская, Моршанская, военная организация Финляндии, Сибирский союзный комитет РСДРП.

ность членов кадетской партии составляла здесь в апреле 1906 г. соответственно 9 тыс. и 8,5 тыс. человек¹⁰. В этих городах выходили центральные печатные органы кадетов («Речь», «Думский листок», «Народное дело», «Народный путь», еженедельные журналы «Полярная звезда», «Свобода и культура», «Вестник партии народной свободы»), находились кадетские клубы, были сосредоточены основные пропагандистские кадры. Достаточно сказать, что за первые два года существования кадетской партии только в Петербурге и Москве ею было издано 66 наименований книг, брошюр, листовок, воззваний тиражом в 2,5 млн. экземпляров¹¹. Все это потребовало от петербургских и московских большевиков крайнего напряжения сил, чтобы парализовать кадетское влияние на демократические слои. Поэтому именно петербургские и московские большевики чаще всего выступали в 1906—1907 гг. с листовками против кадетов, неоднократно переиздававшимися затем местными партийными организациями и служившими им образцом для составления собственных прокламаций.

Однако в ряде случаев прямой связи между количеством изданных большевиками антикадетских листовок и степенью кадетской опасности в том или ином регионе или городе не прослеживается. Так, например, в Астрахани кадетская организация насчитывала 1600 членов, издавала газету «Астраханский дневник», имела известное влияние на мелкобуржуазные слои города, а астраханскими большевиками была выпущена всего одна листовка с критикой кадетов. В Киеве кадетская организация состояла из 1400 членов, издавала газеты «Свобода и право», «Свободная мысль», «Киевские отклики», распространяла свое влияние на некоторые слои интеллигенции, студенчества и служащих. Однако киевскими большевиками было издано лишь две листовки с разоблачением партии «народной свободы». Очевидно, здесь следует учитывать и такие факторы, как наличие у местных комитетов РСДРП издательских возможностей и литературных сил, масштабы устной пропаганды и агитации, распространение листовок, выпущенных другими организациями и т. д. Малочисленность листовок с разоблачением кадетов сама по себе еще не свидетельствует о том, что в данной партийной организации борьбе с либерализмом уделялось мало внимания. Тем не менее, отнюдь не абсолютизируя значение количественного фактора, нельзя все же игнорировать его как определенный показатель активности данной организации в борьбе с каде́тами.

Отметим, что 1/3, учтенных нами большевистских листовок была специально обращена к непролетарским слоям: крестьянам, служащим, солдатам, на которых, в свою очередь, стремились воздействовать и кадеты. 10 листовок посвящены собственно каде́там, остальные — так или иначе затрагивают деятельность партии «народной свободы».

Содержание большевистских листовок отражало особенности каждого конкретного этапа борьбы с кадетской опасностью. В первые месяцы существования кадетской партии, в период кампании по выборам в I Думу большевики делали упор на разоблачении кадетской программы, близости кадетов к господствующим классам, их предательского поведения в 1905 г. Затем деятельность I Думы дала конкретный материал для критики соглашательской природы кадетов, стремившихся к ком-

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, дд. 264—277, 353—358; «Вестник партии народной свободы», 1906, № 40, стб. 2187; «Речь», 1906 г., 28 марта; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977, с. 117—118.

¹¹ Отчет Центрального комитета конституционно-демократической партии (партии народной свободы) за два года с 18 октября 1905 г. по октябрь 1907 г. СПб., 1907, с. 84—85.

промиссу с правительством и всячески уклонявшихся от решительных столкновений с царизмом. Объектом большевистской критики стали в это время кадетские законопроекты, в том числе по аграрному вопросу, о свободе печати и собраний и т. п., а также закулисные переговоры кадетов о возможном участии в правительстве. Роспуск I Думы и Выборгский манифест с лицемерным призывом к «пассивному сопротивлению» властям, выпущенный по инициативе кадетов, еще раз продемонстрировали политическую дряблость и контрреволюционность российской буржуазии. Наконец, II Дума, которую так стремились любой ценой «сберечь» еще более «поправившие» к этому времени кадеты, окончательно разоблачила их как фальшивых друзей народной свободы, пособников реакции в деле отвлечения народных масс от революции. К концу деятельности II Думы уже не могло оставаться никаких иллюзий относительно способности кадетов конструктивно решить основные вопросы народной жизни. Третьеиюньский государственный переворот явился косвенным свидетельством провала кадетских попыток навести мосты между силами революции и реакции, повернуть освободительное движение России на мирный, реформистский путь. Жизнь полностью подтвердила правильность тех оценок, которые давали большевики главной партии российской либеральной монархической буржуазии.

Антикадетские листовки большевиков имели ярко выраженную политическую направленность. Они ставили своей целью до предела обнажить антинародную сущность кадетской партии, вызвать у народа отвращение к ее лицемерию и политическому торгашеству. Вот почему в большевистских листовках, направленных против кадетов, все вопросы ставились с предельной остротой и резкостью, а политические характеристики не терпели никакой недоговоренности или распылчатости. Откровенный сарказм в изображении «подвигов» кадетской партии на политической арене, широкое использование различных сатирических приемов, метафорических выражений и т. п. придавало большевистским листовкам с критикой кадетов особый колорит и образность, делало их необыкновенно доходчивыми для самых широких масс трудящихся и тем самым увеличивало эффективность этого вида агитационной литературы.

Рассмотрим теперь основные этапы борьбы большевиков с кадетской опасностью в 1906—1907 гг. и проблематику большевистских листовок этого периода.

Кадеты с радостью приняли участие в выборах в I Думу, надеясь использовать ее в целях отвлечения масс от революции. В ход были пущены все средства массового воздействия, имевшиеся в арсенале кадетской партии. Кадеты рекламировали себя в качестве единственных защитников интересов народа, не скупились на широкообещательные обещания свободы, земли, 8-часового рабочего дня, рекламировали парламентский путь как наиболее рациональное средство борьбы с самодержавием. Большевики, как известно, бойкотировали выборы в I Думу, но широко использовали избирательную кампанию для разоблачения антидемократической, контрреволюционной сущности кадетизма. При этом основной упор они делали в это время на критику кадетской программы и разоблачение буржуазной сущности партии «народной свободы». В январе 1906 г. Петербургский комитет РСДРП издал ленинскую листовку «Бойкотировать ли Государственную думу? Платформа „большинства“». В феврале была издана вторая ленинская листовка «Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей». Наконец, в марте, после конференции Петербургской организации РСДРП, на которой была принята написанная Лениным резолюция о бойкоте витте-

ской Думы, Петербургский комитет опубликовал ее в виде листовки под названием «Резолюция Петербургской организации РСДРП о тактике бойкота». В ленинских листовках была предельно четко обоснована тактика большевистской партии в избирательной кампании, раскрыта классовая сущность буржуазных партий, пытавшихся использовать Думу в своих корыстных целях, разоблачалась оппортунистическая тактика меньшевиков. Значительное место в этих листовках было уделено и критике кадетской партии, претендовавшей на роль «истинной защитницы» интересов народа в Думе¹².

В листовках петербургских большевиков были разоблачены попытки кадетов проникнуть в рабочую среду, посеять там конституционные иллюзии, направить рабочее движение по тредьюнионистскому пути. Так, листовка окружного Петербургского комитета РСДРП, давая глубокий сравнительный анализ программ социал-демократов и кадетов по рабочему вопросу, подчеркивала, что нельзя доверять защиту интересов пролетариата «людям, которые смотрят на социализм как на что-то постороннее»¹³. Листовка призывала массы не верить кадетским демагогам, которые отказались уже от лозунга Учредительного собрания и, несомненно, откажутся также от лозунга всеобщего избирательного права и требования 8-часового рабочего дня. Петербургские большевики призывали рабочих бойкотировать Государственную думу как пародию на народное представительство и готовиться к решительной борьбе с царским самодержавием.

В результате активной агитационно-пропагандистской работы петербургских большевиков 49% предприятий столицы и 70% предприятий пригорода Петербурга бойкотировали выборы в I Думу. Борьба с бойкотистскими настроениями передовых рабочих оказалась не по силам кадетам и в других промышленных центрах. Московский комитет РСДРП в феврале — марте 1906 г. выпустил несколько листовок, в которых разоблачалась буржуазная природа кадетов. В листовке МК «О партии „народной свободы“, или конституционно-демократической (о кадетях)», изданной в феврале 1906 г., основное внимание было уделено разоблачению лицемерных приемов, с помощью которых кадеты стремились получить на выборах голоса рабочих и крестьян. Проанализировав состав партии «народной свободы», авторы листовки отмечали, что она состоит из капиталистов, землевладельцев и «цензовой» интеллигенции, а их программа носит буржуазный, антидемократический характер¹⁴. В листовке «Как кадетская партия борется за свободу» московские большевики призывали народные массы не верить «лживым борцам за народную свободу» и бойкотировать Думу, которая «все равно безвластна». Они указывали, что кадеты «зовут рабочих участвовать в обмане народа», что в Думе они помирятся с царским правительством¹⁵. Листовка МК «О конституционно-демократической партии» заканчивалась призывами: «Долой Государственную думу! Долой конституционно-демократическую партию! Да здравствует РСДРП!»¹⁶.

Листовки с разоблачением буржуазной, антидемократической сущности кадетской партии в период избирательной кампании выпустили Екатеринославский, Екатеринбургский, Киевский, Красноярский, Одес-

¹² См., напр., Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 207, 208.

¹³ Листовки петербургских большевиков, т. 1, с. 384.

¹⁴ Листовки московских большевиков в период первой русской революции, с. 407—408.

¹⁵ Второй период революции. 1906—1907 гг., ч. 1, кн. 1. М., 1959, с. 370—372.

¹⁶ Листовки московских большевиков, с. 416.

ский, Саратовский, Тульский и некоторые другие комитеты РСДРП¹⁷. В этих прокламациях была дана развернутая критика кадетской программы и тактики, разоблачались попытки партии «народной свободы» всеми средствами затуманить сознание рабочих и крестьян и отвлечь их от революционной борьбы. Кадеты, подчеркивалось в листовке Тульского комитета, враги свободы, «их демократизм — обманная реклама, их просвещенная преданность широким народным интересам — это жалкое самообольщение, наносящее глубокий вред развитию классового самосознания народных масс. Искренние демократы не могут им доверять»¹⁸. В листовке Екатеринославского комитета РСДРП были вскрыты причины быстрого угасания кадетской оппозиционности. Способные подписываться под радикальными резолюциями и пассивно содействовать освободительному движению, говорилось там, кадеты страшно испугались, когда дело дошло до действительной защиты народной свободы, до вооруженного отпора самодержавию. Крестьянская революция также оттолкнула значительную часть либералов, которые сами владеют крупными поместьями и получают крупный куш от сдачи земли в аренду крестьянам¹⁹. В другой листовке Екатеринославского комитета «Буржуазия мобилизуется» подчеркивалась половинчатость кадетской программы: кадеты требуют «свободы», но не хотят республики, выступают за 8-часовой рабочий день, но говорят, что ввести его по всей России невозможно и т. п.²⁰

Большевистские листовки, изданные в период избирательной кампании в I Думу, явились важным фактором в деле разоблачения антинародной сущности кадетской партии. Однако большевикам все же не удалось сорвать выборы. Основная масса мелкобуржуазных избирателей отдала свои голоса кадетам как самой оппозиционной из всех участвовавших в выборах партий. «Кадетам, — писал Ленин, — победа досталась в значительной степени лишь потому, что они оказались (благодаря Дурново и К°) *самой левой партией*. Действительно левые партии были устранены насилием, арестами, бойнями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздраженные, озлобленные, неопределенно-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы вынуждены были сплотиться вокруг кадетов»²¹.

Начиная с первого дня работы кадетской Думы, большевики усилили критику деятельности партии «народной свободы». К открытию I Думы рядом большевистских комитетов были выпущены специальные листовки. Так, Самарский комитет РСДРП в листовке «К открытию кадетской Думы» писал: «Сегодня царское правительство и буржуазия, окрестившая себя партией „народной свободы“, сойдутся вместе, чтобы торговаться, как владеть и править народом и как не допустить этот самый народ, чтобы он сам правил собой». Самарские большевики предупреждали кадетов: «Мы, истые представители народа — пролетариат и революционное крестьянство, — говорим вам: вы, жалкие трусы и предатели народа, вы пошли в Думу вымаливать царских подачек, вы собираетесь сегодня предать народные интересы за сохранение ваших име-

¹⁷ Второй период революции, ч. 1, кн. 2, с. 26—27, 67—68, 379—382, 636—637, 654, 707—709, 739—741, 783—787, 807—809, 820—821; Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905—1907 гг., с. 113—115; Листовки большевиков Украины периода первой русской революции, с. 391—395 и др.

¹⁸ Революционное движение в Тульской губернии 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Тула, 1956, с. 213—214.

¹⁹ См. Листовки большевистских организаций в революции 1905—1907 гг., ч. 3, с. 637.

²⁰ Листовки большевиков Украины периода первой русской революции, с. 462—463.

²¹ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 284.

ний и ваших капиталов. Но помните одно: за каждый лишний час существования кровавого правительства, за каждую новую жертву царского произвола ответите и вы, господа из партии „народной свободы“»²².

Уже на первом заседании Думы при обсуждении одного из самых животрепещущих вопросов того времени — вопроса о политической амнистии — кадеты обнаружили полное нежелание вести решительную борьбу с правительством. Вместо решительного требования амнистии они зывали к «милосердию» и «всепрощению», стремились убедить царя, что амнистия «послужит залогом того, что в начавшейся работе монарх пойдет рука об руку с народом»²³. Лицемерные призывы кадетов к царю о «милосердии» к политическим «преступникам» вызвали гневный отпор со стороны большевиков. Самарский комитет РСДРП в листовке «Первый шаг» подчеркивал, что первым же шагом кадетов в Думе была измена народному делу. В листовке отмечалось также, что такая тактика кадетов неизбежно приведет к тому, что народ отвернется от них и партия «народной свободы» в конечном счете разделит судьбу самодержавия и погибнет вместе с царизмом²⁴. Николаевские большевики в листовке «Ко всем рабочим и работницам г. Николаева», изданной в мае 1906 г., характеризуют позицию кадетов по вопросу об амнистии, писали, что речи кадетов о царском «милосердии» вызывают «краску негодования на лицах всех честных граждан»²⁵.

Резкой критике в большевистских листовках был подвергнут и кадетский ответный адрес Думы на тронную речь царя. Известно, что в этом адресе кадеты не упомянули об Учредительном собрании, а вместо лозунга всеобщего избирательного права с равным, прямым и тайным голосованием выдвинули «укороченный» лозунг всеобщего избирательного права. В мае 1906 г. Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку с критикой деятельности кадетской партии в Думе. В листовке отмечалось, что в ответном адресе на речь «царя-последыша» кадеты не сказали ни слова о том, что «всеобщее избирательное право должно быть равное, прямое и тайное». Не было там и упоминания о 8-часовом рабочем дне. Большевики призывали рабочих и крестьян не верить кадетам, которые «умеют только говорить и раскланиваться перед прежними насильниками»²⁶.

Листовки с разоблачением кадетской тактики в Думе выпустили в мае — июне 1906 г. Московский, Самарский, Тульский, Красноярский и Костромской комитеты РСДРП, Окружная группа при Казанском комитете и некоторые другие комитеты и группы РСДРП²⁷. В этих листовках на конкретных примерах показывалось полное несоответствие кадетских обещаний, данных на выборах, той позиции, которую кадеты заняли в Думе. «К-д в Думе, — говорилось в листовке Саратовского комитета РСДРП „К крестьянам“, — идут не по тому пути, как следовало. Они выходят против правительства с хлопущкой, тогда как следовало бы

²² Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (6). 1902—1917, с. 417, 419, 432—433; см. также Листовки большевиков Украины периода первой русской революции, с. 488; Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии, с. 147, 149.

²³ Государственная дума. Состыв первый. Стеногр. отчеты, т. I. СПб., 1906, с. 24—25.

²⁴ См. Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (6). 1902—1917, с. 420—421.

²⁵ Листовки большевиков Украины периода первой русской революции, с. 513.

²⁶ Листовки петербургских большевиков, т. I, с. 391—392.

²⁷ Листовки московских большевиков в период первой русской революции, с. 423—428; Крестьянское движение в 1906—1907 гг. в Тамбовской губернии. Сб. док. Тамбов, 1957, с. 93; Листовки большевистских организаций в первой русской революции, ч. 3, с. 231—234, 384—385, 500—502, 698—701 и др. Второй период революции, ч. 2, кн. 2, с. 293—294, 367—368; ч. 2, кн. 3, с. 189—190, 310—313, 536—538.

взять в руки ружье. Почему? Да потому, что кадеты — это не настоящие народные представители, это — крупные помещики и защитники богачей. Они хотят свободы главным образом для богачей, а не для рабочих и крестьян. Они говорят: $\frac{1}{3}$ власти — народу, $\frac{1}{3}$ — богачам, а $\frac{1}{3}$ — царю, который руку богатых тянет. Вот почему к-д с самого начала работы в Думе вместо борьбы с самодержавным правительством рассчитывали дело мирком да ладком покончить. Они хотели волков с овцами помиловать: самоуправное правительство с народом обручить»²⁸.

В большевистских листовках была показана антинародная сущность кадетов в постановке и решении социальных вопросов. В I Думе кадеты практически так и не поставили на повестку дня рабочий вопрос. Только под влиянием трудовиков внесли они в ответный адрес требование о частичном принудительном отчуждении помещичьих земель за «справедливый» выкуп. Раскрывая классовую сущность кадетской аграрной программы, большевики прямо указывали, что она является повторением грабительской реформы 1861 г. и противоречит интересам крестьянской массы, интересам всего общественного развития. Большевики разоблачили также предательскую позицию кадетов по вопросам о помощи голодающим и безработным. В отличие от социал-демократов и трудовиков, предложивших передать дело помощи голодающим в руки местных комитетов, свободно избранных самим народом, кадеты ограничивались требованием формальной проверки отчетов правительственных чиновников, в руки которых фактически передавалось дело помощи голодающим. Кадеты согласились ассигновать для этого царскому правительству 15 млн. руб. и при помощи октябристов протасили это решение через Думу. Против ассигнования денег правительству погромщиков голосовали социал-демократы и трудовики. Голосование в Думе показало, что «октябристы и кадеты за сделку со старой властью. С-д и трудовики решительно против»²⁹. Кадеты и только кадеты, подчеркивал Ленин, «провели позорное рукоприкладство «народных представителей» к ассигновке денег в руки погромщиков»³⁰. Московский комитет РСДРП подчеркивал, что кадеты помогли правительству в его попытке затуманить глаза народу, поддерживали его в борьбе против революции. «Так называемая партия „народной свободы“ и на этот раз предала дело народной свободы»³¹.

Большевики разоблачили и переговоры кадетов с правительством об образовании кадетского министерства³². В большевистских листовках было показано, что роспуск I Думы явился вполне закономерным результатом той нерешительной и непоследовательной тактики, которую проводила господствующая в Думе кадетская партия. «Вы видите, — подчеркивалось в листовке Саратовского комитета РСДРП, — что сделки с самодержавным правительством, о пользе которых так сладко распевают разные буржуазные либеральные партии (вроде народной свободы) ведут только к обману народа»³³. Листовки подводили народные массы к выводу о том, что Дума сама по себе не в состоянии удовлетворить требований большинства народа и что ему следует надеяться только на свои силы.

В период политической кампании по выборам во II Думу большевики, решившие в интересах революции принять участие в новом цар-

²⁸ Второй период революции, ч. 2, кн. 2, с. 312.

²⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 253.

³⁰ Там же.

³¹ Листовки московских большевиков, с. 441.

³² Листовки большевистских организаций в первой русской революции, ч. 3, с. 233, 234—238 и др.

³³ Второй период революции, ч. 2, кн. 2, с. 306—307.

ском «парламенте», значительно расширяют масштабы борьбы против кадетов. Именно эта борьба, в основе которой лежал все тот же главный вопрос о гегемонии в освободительном движении, и стала главной осью всей предвыборной кампании. При этом большевики проводили тактику «левого блока», направленную на политическую изоляцию и правых, и кадетов, а меньшевики, давшие кадетам запугать себя черносотенной опасностью, напротив, пытались блокироваться на выборах с партией «народной свободы», рассматривая подобную тактику как «заслон» на пути контрреволюции. Однако на практике меньшевистская линия означала идейное предательство пролетариата, разоружая его перед лицом значительно активизировавшегося контрреволюционного либерализма. Наличие в «единой» РСДРП двух избирательных тактик с особой остротой поставило перед большевиками вопрос о разоблачении кадетов как врагов народной свободы и революции.

Наиболее остро избирательная борьба шла в Петербурге, где были сосредоточены «центры всех партий, лучшие органы всех направлений и оттенков, лучшие ораторы на предвыборных собраниях»³⁴. Петербургские большевики приложили максимум усилий для того, чтобы подорвать идейное влияние кадетов на мелкобуржуазные демократические слои. В ноябре — декабре 1906 г. и январе 1907 г. ими было выпущено несколько листовок с критикой кадетской партии. В ноябре 1906 г. была издана написанная В. И. Лениным листовка «Кого выбирать в Государственную думу?», в которой с предельной ясностью раскрывалась классовая природа всех политических партий, участвовавших в выборах. Листовка вышла в Петербурге тремя изданиями и в сокращенном виде издавалась Иваново-Вознесенским, Костромским, Харьковским комитетами РСДРП и Обской группой РСДРП³⁵.

В листовке «К избирателям» петербургские большевики подчеркивали, что кадеты «боялись борьбы, боялись народа, ограничивались речами и ходатайствами, призывали к терпеливому ожиданию, — стремились к соглашению, к сделке с правительством погромщиков. И царь, видя, что перед ним не борцы, а пресмыкающиеся буржуа, прогнал их вон за неугодные речи»³⁶. Разгон I Думы, подчеркивалось в листовке, показывает всем, насколько тщетны и бесплодны кадетские ходатайства, как необходима поддержка пролетарской борьбы крестьянами и сознательными солдатами. Листовка заканчивалась следующими словами: «Кто не хочет, чтобы народных депутатов могла разгонять полицейская власть, кто не хочет, чтобы крестьянам навязали столь же разорительный выкуп, как в 1861 году, — тот пусть позаботится о том, чтобы вторая Дума не могла быть опять кадетской Думой»³⁷.

Несмотря на то, что на выборах в Петербурге кадетам удалось одержать победу (за них было подано почти 29 тыс. голосов), «левый блок» собрал 16,7 тыс. голосов, т. е. 25% всех голосов, причем около 12 тыс. голосов было отвоено именно у кадетов³⁸. Подводя итог избирательной борьбы в Петербурге, В. И. Ленин писал: «...Все, способные на борьбу, пошли за нами. Левый блок стал фактом. Гегемония революционного пролетариата стала фактом. Он повел за собой всех трудящихся и большую часть меньшевиков, даже интеллигентов»³⁹.

³⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 293.

³⁵ См. Листовки большевистских организаций в первой русской революции, ч. 3, с. 24.

³⁶ Там же, с. 484.

³⁷ Там же, с. 485.

³⁸ См. Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 401—402.

³⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 369.

Напряженную борьбу с кадетами вели московские большевики. Им удалось создать «левый блок», в который формально вошли и меньшевики. В период кампании по выборам во II Думу московские большевики издали несколько листовок, обращенных к различным слоям населения: «Проект избирательной платформы» (октябрь), «За кого должны голосовать на выборах служащие в торговых заведениях?» (ноябрь), «Дума и социал-демократия», «Товарищи рабочие и граждане» (декабрь), «Граждане избиратели!», «Товарищи крестьяне!», «Товарищи рабочие!» (февраль) и др.⁴⁰ В листовках, обращенных непосредственно к рабочим и крестьянам, московские большевики показали антинародную сущность программы и тактики кадетов. Так, в листовке «Товарищи крестьяне!» подчеркивалось, что кадеты хотят взвалить на деревню новое бремя выкупных платежей. «Вас хотят отдать в кабалу ростовщикам и кулакам, — говорили большевики крестьянам, — и не на радость будет вам тот клочок земли, который вам соизволят нарезать помещики — кадеты из своих богатых имений»⁴¹. Большевики разъясняли крестьянам, что землю и волю можно добыть только решительной борьбой в тесном союзе с рабочим классом. Они призывали крестьян не доверять ни царскому правительству, ни кадетам и голосовать за социал-демократов. И хотя на выборах в Москве за кадетов проголосовало более 21 тыс. избирателей, левым партиям удалось отвоевать у них свыше 5 тыс. голосов. На выборах во II Думу за социал-демократов решили, в частности, голосовать Московский союз конторщиков и бухгалтеров, московские союзы и общества приказчиков.

Значительно активизировали борьбу против кадетов на выборах во II Думу и местные партийные организации. Листовки с разоблачением кадетской партии выпустили Иваново-Вознесенский, Костромской, Казанский, Ярославский, Пермский, Таганрогский, Сормовский комитеты, Вологодская группа и некоторые другие комитеты и группы РСДРП⁴². В этих листовках дана беспощадная критика кадетов, разоблачены их попытки вступить в сделку с царским правительством. Многие листовки были составлены в форме вопросов и ответов. В этом отношении выделялась листовка Костромского комитета «Кого выбирать в Государственную думу?», изданная в количестве 10 тыс. экземпляров.

Вот небольшие выдержки из нее:

«Вопрос: Чьи интересы защищают кадеты?

Ответ: Кадеты защищают интересы либеральных буржуа, либеральных помещиков, купцов и капиталистов. Кадеты — партия буржуазных адвокатов, газетчиков, профессоров и т. п.

Вопрос: Чего добиваются кадеты?

Ответ: Кадеты добиваются перехода власти в руки либеральной буржуазии. Монархия, сохраняя полицейскую и военную власть, должна оберегать права капиталистов на ограбление рабочих и крестьян.

Вопрос: Как смотрят кадеты на требование крестьянами земли?

Ответ: Кадеты хотят сохранить помещичье землевладение путем уступок. Они предлагают крестьянам выкуп, который уже однажды, в 1861 году, разорил крестьян. Кадеты не согласны, чтобы вопрос о земле решали местные комитеты, выбранные всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием»⁴³.

⁴⁰ Листовки московских большевиков, с. 465—467, 480—483, 520—524 и др.

⁴¹ Листовки московских большевиков, с. 524.

⁴² См. Листовки большевистских организаций в первой русской революции, ч. 3, с. 145, 150, 153, 160, 164, 173—176, 202—205, 212, 215, 219—220, 245, 253—254, 275, 278—281, 332—334, 341, 366 и др.

⁴³ Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии. Сб. док. Кострома, 1955, с. 288—289.

Казанские большевики в ряде листовок раскрыли массам буржуазную природу кадетов. В листовке «К профессиональным союзам» подчеркивалось, что главным ядром кадетов являются «культурные землевладельцы, образованные капиталисты и обеспеченные интеллигенты: адвокаты, средние чиновники и проч. Все они буржуа. Всем им жилось и теперь еще живется не совсем плохо. Они заинтересованы лишь в устранении наиболее безобразных сторон самодержавия, мешающих спокойной эксплуатации пролетариата промышленного и сельского»⁴⁴. Своей предательской политикой в I Думе, отмечалось в листовке «Ко всем гражданам о новой Думе», кадеты помогли «кровавому делу подавления революции». Казанские большевики предупреждали избирателей, что и во II Думе кадеты собираются «помешать довести дело революции до желанного конца»⁴⁵. В листовке «Кто зачем идет в Думу» самарские большевики подчеркивали, что кадеты идут туда, чтобы «торговаться с правительством, чтобы получить кусочек власти для буржуазии... писать законы, которые останутся только на бумаге, противодействовать попыткам народа отвоевать себе полную власть. Ходатайствовать перед палачами народа, чтобы они добровольно отказывались от власти»⁴⁶.

Большевистские листовки, выпущенные в период выборов во II Думу, способствовали разоблачению псевдodemократизма кадетов, отрыву голосов избирателей от партии «народной свободы». Достаточно сказать, что на выборах во II Думу левые партии получили около 50 тыс. голосов⁴⁷. «В первый же выборный бой,— писал Ленин,— при громадной силе... кадетской лжи об опасности прохождения черных, при подпольном существовании левых — оторвана от кадетов такая громадная масса голосов, что поворот приказчика, мелкого служащего, низшего чиновника, бедного квартиранимателя очевиден. Еще одного такого боя кадеты не выдержат. Городская демократия ушла от них к трудовикам и социал-демократам»⁴⁸. Во II Думу было избрано 66 социал-демократов и 157 представителей народнических партий, что явилось крупным успехом демократических сил.

С открытием 20 февраля 1907 г. II Думы борьба между рабочим классом и либеральной буржуазией за народные массы была перенесена на думскую арену. В. И. Ленин в ряде своих статей поставил перед рабочими депутатами задачу «вырвать из-под гегемонии либералов остатки демократии, повести ее за собой, научить ее опираться на народ, сплотиться с низами, развернуть шире свое знамя перед всем рабочим классом, перед всей массой разоренного и голодающего крестьянства...»⁴⁹. Эти ленинские указания широко популяризировались в большевистских листовках. Перед самым открытием II Думы 16 февраля 1907 г. Петербургский комитет РСДРП издал специальной листовкой «Проект наказа депутатам от рабочих», в котором призвал рабочих депутатов немедленно организовать в Думе в отдельную социал-демократическую фракцию. Социал-демократы в Думе должны были разоблачать не только гнусное поведение самодержавия и черносотенных элементов, но и предательскую тактику кадетов. Рабочие депутаты, подчеркивалось в листовке, должны приложить все усилия к тому, чтобы вырвать из-под влияния кадетов революционно-демократические слои народа как вне

⁴⁴ Листовки казанских большевиков, с. 212.

⁴⁵ Там же, с. 221, 236, 239.

⁴⁶ Листовки большевистских организаций, ч. 3, с. 542.

⁴⁷ См. Смирнов А. Как прошли выборы во вторую Государственную думу. СПб., 1907, с. 239.

⁴⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 15, с. 21.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 15, с. 22.

Думы, так и в самой Думе. Они должны были поставить во II Думе «великие задачи революции в их полном объеме, ничего не скрывая и не затушевывая, призывая их на путь борьбы, отрывая всех левых от кадетского центра, и руководить ими в революционной борьбе»⁵⁰. В день открытия II Думы, 20 февраля 1907 г. листовки с разоблачением кадетов выпустили Петербургский, Московский и Казанский комитеты, Вологодская группа РСДРП и некоторые другие большевистские организации.

В течение 103 дней существования II Думы большевики шаг за шагом разоблачали антинародную политику кадетов, пытавшихся за спиной народа прокрасться к власти. В марте 1907 г. Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку «О декларации самодержавного правительства в Государственной думе», в которой разоблачалось поведение кадетов, решивших отказаться от критики обнародованной Столыпиным правительственной программы, «рабски смириться и промолчать, лишь бы сохранилась Дума. Все равно какая, хотя бы и совершенно бесполезная для народа. Нас, товарищи, это не удивляет и удивить не может. Мы знаем, что от трусливой крупной и средней буржуазии нечего ждать. Она годна не к великой борьбе за освобождение, а к жалкой и гнусной сделке с самодержавием»⁵¹.

Резкую критику кадетской тактики во II Думе вызвал отказ кадетов принять предложение социал-демократов и трудовиков о мерах борьбы с голодом и об оказании материальной помощи тем безработным, которые потеряли работу в связи с участием в забастовочном движении. 9 марта Петербургский комитет выпустил листовку «Государственная дума о голоде». Анализируя позиции социал-демократов и кадетов по вопросу о помощи голодающим, авторы листовки делали вывод: самодержавное правительство, черносотенцы и кадеты заключили между собой союз против представителей революционного народа — рабочих, крестьян и более сознательной части мелкой городской буржуазии. Далее в листовке отмечалось, что чем раньше у широких масс откроются глаза на то, что такое кадеты, тем лучше будет для великого дела всенародного освобождения. Кадеты «в союзе с черносотенцами и Столыпиным победили революционеров в Думе. Побольше таких побед, господа кадеты. Будьте откровенны до конца! Отбросьте все те украшения, которые вы внесли в свою программу для обольщения малосознательных масс, и чем чаще вы будете так побеждать нас в Думе, тем скорее мы победим вас с вашими друзьями — самодержавием и черносотенцами — вне Думы, в стране»⁵².

Листовки с критикой позиции кадетов по вопросам помощи голодающим и безработным выпустили Московский, Казанский, Владимирский, Вятский и другие комитеты РСДРП. Так, Сокольнический районный комитет Москвы в листовке «Голод и Государственная дума», выпущенной в апреле 1907 г., писал: «конституционный министр», либеральные буржуа и истинно русский громила слились в одном реакционном порыве!»⁵³ Исполнительное бюро Владимирского окружного комитета РСДРП выпустило две листовки с разоблачением кадетов. «Смотрите же на кадетов, — говорится в одной из листовок, — на этих поборников „народной свободы“. Вы увидите, товарищи, под надетой сверху личиной старую

⁵⁰ Листовки петербургских большевиков, с. 499.

⁵¹ Там же, с. 507.

⁵² Листовки петербургских большевиков, с. 505—506; Листовки большевистских организаций, ч. 3, с. 297, 300—303.

⁵³ Листовки московских большевиков, с. 555; Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП. 1903—1917 гг., с. 225.

знакомую вам физиономию разжиревшего буржуа. И этот буржуа — кадет имеет нахальство требовать от Думы, чтоб помощь была оказана только тем безработным, которые пострадали от промышленного кризиса, а не от участия в освободительной борьбе. Товарищи, смотрите же на него! Видите, как он удобно расположился в думском кресле, забыв, что за право сидения в нем заплачено потоками рабочей крови, как он хочет отблагодарить теперь проливших свою кровь пролетариев, лишив их за это куска хлеба»⁵⁴.

Борьба большевиков за массы в период деятельности II Думы привела к тому, что рабочий класс, крестьянская и городская демократия еще теснее сплотились вокруг революционных социал-демократов против черносотенцев и кадетов. Опыт II Думы показал, что кадеты всеми силами стремились приспособить «народное представительство к видам царского правительства», во что бы то ни стало «сговориться с царем»⁵⁵. Двойная игра — «направо в лояльность и министериабельность (мы-де способны мирно все противоречия разрешить, и мужика не испортить, и Пуришкевича не обидеть), налево — в демократизм»⁵⁶ — неизбежно привела к провалу всех попыток кадетов повести за собой народные массы. Крах конституционных иллюзий в результате опыта I и II Дум окончательно и бесповоротно разбил надежды кадетов направить революционное движение в парламентское русло.

Решающую роль в разоблачении классовой сущности кадетов и падении их престижа в глазах народа сыграла партия большевиков. Важное место в борьбе с кадетской опасностью принадлежало большевистским листовкам — одному из наиболее массовых и оперативных средств воздействия на народные массы. Эта традиция была с успехом продолжена и в последующий период, во время деятельности III и IV Дум, когда большевики развернули подготовку к новому революционному натиску на царскую монархию, которую ревностно охраняли враги народной свободы — кадеты.

⁵⁴ Листовки большевистских организаций, ч. 3, с. 297—298.

⁵⁵ См. Листовки московских большевиков, с. 573—575.

⁵⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 21, с. 282.

В. С. ГОРЯКИНА

К ВОПРОСУ О СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ 11—15 НОЯБРЯ 1905 ГОДА

Известны имена легендарных героев революционного крейсера «Очаков» — лейтенанта П. П. Шмидта, большевиков Сергея Частника, Александра Гладкова и Никиты Антоненко, принявших смерть во имя освобождения Родины от гнета царизма.

Севастопольское восстание 11—15 ноября 1905 г. яркой страницей вошло в историю первой русской революции. Оно освещается в научных исследованиях¹, мемуарах, запечатлено в музейных экспозициях, в произведениях литературы и искусства, вошло в учебники истории.

Казалось, все существенное об этом событии нам известно. Но история подчас долго хранит свои тайны.

¹ Федоров А. Революционное восстание в Черноморском флоте в 1905 году. Л., 1946; Найдя С. Ф. Революционное движение в Черноморском флоте. Симферополь, 1950; Семин Г. С. Город-герой Севастополь. Симферополь, 1957 и др.

В сообщении речь пойдет о новых фактах и до сих пор неизвестных событиях, во многом меняющих сложившееся представление об участии и роли большевиков в вооруженном восстании в Севастополе в ноябре 1905 г. Заслуга выявления и исследования этих фактов принадлежит ныне покойному талантливому крымскому краеведу Б. Е. Тавровскому. Член КПСС, участник гражданской и Великой Отечественной войн, он около 50 лет scrupulously изучал документы по истории Крыма и, в частности, деятельность большевиков Севастополя в ноябре 1905 г.

Итоги своих разысканий он изложил под заголовком «Письмо четвертое» (46 страниц машинописного текста) и незадолго до смерти передал на хранение в Архив Крымского обкома КПУ. «Письмо четвертое» оказалось началом путеводной нити, которая привела к выявлению текста и имени одного из авторов большевистского стратегического плана восстания в Севастополе. «Письмо четвертое», написанное неизвестным участником Севастопольского восстания 31 октября 1913 г. в стенах Александровской центральной каторжной тюрьмы, было опубликовано впервые в 1957 г.² Письмо рассказывало о ходе восстания. Оно предназначалось для опубликования в русской эмигрантской печати в Нью-Йорке, но было перехвачено жандармскими властями и затем оказалось в архиве³. Авторство письма установлено Б. Е. Тавровским. Ключом к разгадке имени автора стали многочисленные текстуальные совпадения «Письма четвертого» со статьей черноморского матроса-большевика И. Н. Криворукова, опубликованной в 1925 г. в историко-революционном сборнике Одесского Истпарта «Кандальный звон»⁴. Дополнительные данные, найденные Б. Е. Тавровским, подтвердили, что автором «Письма четвертого» был именно И. Н. Криворуков, и что при написании статьи для «Кандального звона» в 1925 г. он, несомненно, пользовался текстом этого письма.

Оба документа, принадлежащие перу И. Н. Криворукова, с разной степенью подробности повествуют о развитии событий в Севастополе в дни Ноябрьского восстания. «Письмо четвертое» обрывается на событиях, происшедших утром 15 ноября. Статья 1925 г. заканчивается описанием расправы с восставшими к вечеру этого дня. В статье, в отличие от письма, решительнее осуждались тактические ошибки меньшевистских руководителей Совета в первые дни восстания, их «узкая нетерпимость», проявившаяся в отказе от боевого соглашения с эсерами⁵.

Если в «Письме четвертом» лишь кратко сообщалось, что в два часа ночи с 14 на 15 ноября заседание депутатов Севастопольского Совета выработало «план дальнейших действий» и «инструкции для депутатов», то в статье И. Н. Криворукова это сообщение конкретизировалось («мне и еще двум товарищам было предложено разработать проект плана дальнейших действий») ⁶. Затем сообщалось об одобрении проекта этого плана «особой комиссией» утром 15 ноября и приводился полный текст «Плана организации восстания и наступательных действий флота и армии»⁷. Выявление этого плана — главная находка Б. Е. Тавровского.

Возникал вопрос: можно ли доверять подлинности этого документа? Для ответа на него Б. Е. Тавровский провел тщательное исследование биографии И. Н. Криворукова. Собрав разнообразные документальные

² Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. Документы и материалы. М., 1957, с. 214—221.

³ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1667, лл. 252—257.

⁴ Криворуков И. Восстание в Черноморском флоте 11—15 ноября 1905 г. — «Кандальный звон», 1925, № 1, с. 54—76.

⁵ «Кандальный звон», 1925, № 1, с. 60—61.

⁶ Там же, с. 68.

⁷ Там же, с. 69—71.

сведения — материалы архивов Иркутска, Одессы, Кишинева, а также свидетельства ныне проживающей в Кишиневе дочери И. Н. Криворукова, М. И. Бебешко, Б. Е. Тавровский проследил жизненный путь замечательного революционера. И. Н. Криворуков (1883—1943) — уроженец Кишинева, рабочий, столяр и маляр, член РСДРП с 1902 г. (партийная кличка «Иванешко»). С 1904 г. вел работу в Черноморском флоте, входил в состав Военной социал-демократической организации Севастополя. В июне 1905 г., за три дня до выхода «Потемкина» в свой известный поход, Криворуков был списан с броненосца на берег в числе трех «неблагонадежных» матросов. В дни Ноябрьского восстания был делегатом в Совете депутатов от 36-го флотского экипажа, где работал вместе с большевиком Иваном Сиротенко, матросом с «Пантелеймона». 16 ноября 1905 г. был арестован в Севастополе, но в апреле 1906 г. бежал из плавучей тюрьмы «Саратов». В 1907 г. вновь был арестован в Харькове, опознан как участник Севастопольского восстания и приговорен военно-морским судом Севастополя к 17 годам каторги. Отбывал ее в Александровском центральном до марта 1917 г. По свидетельству М. И. Бебешко, в каторжной тюрьме он устроил тайник, в котором хранил разные письма и записи, в том числе «Дневник 1905 года»⁸. В автобиографии (хранится в Одесском областном государственном архиве) он писал, что из тюрьмы посылал в Нью-Йорк на имя Анны Сироты материалы для русской эмигрантской газеты. Среди этих материалов было и «Письмо четвертое», перехваченное жандармами в 1913 г.

С конца 1918 г. И. Н. Криворуков работал в большевистском подполье, являясь членом Одесского губкома партии и Иностранной коллегии, созданной губкомом для революционной работы в войсках Антанты. Одновременно руководил партизанским движением. Отряд И. Н. Криворукова, разросшийся в полк, позднее вошел в состав 45-й дивизии Красной Армии, которой командовал И. Э. Якир. В 1923—1924 гг. И. Н. Криворуков был членом Ревкома, а затем вошел в первое правительство Молдавской АССР.

«Вероятно, не будет ошибкой, а скорее актом справедливости, — пишет Б. Е. Тавровский, — если наша партия воздаст должное памяти этого рабочего-революционера, большевика, сумевшего, кроме всего прочего, сохранить для нас бесценный план вооруженного восстания в ноябре 1905 г. в Севастополе». Этот сохранившийся большевистский план вооруженного восстания периода первой русской революции, продолжает автор, «является ярким пополнением духовных ценностей нашей ленинской партии».

Выявленный Б. Е. Тавровским «План организации восстания и наступательных действий флота и армии» — уникальный памятник большевистской военной мысли, проливающий новый свет на одно из крупнейших событий революции 1905—1907 гг. Исследование этого документа в комплексе с другими ранее известными источниками, позволяет значительно полнее представить коренные тактические разногласия большевиков с меньшевиками в ноябрьские дни 1905 г.

Известно, что накануне восстания Севастопольская городская социал-демократическая организация и Военный комитет РСДРП только начали восстанавливать свою деятельность после разгрома их полицией в сентябре — октябре 1905 г. Накануне восстания (после «Потемкина»)

⁸ М. И. Бебешко утверждала, что «Дневник 1905 года» и другие документы И. Н. Криворуков привез с каторги. Осенью 1941 г. во время немецкой оккупации Одессы жена его, О. А. Криворукова, закопала эти документы в герметическом сосуде в саду Одесского винного завода, при котором была квартира их семьи. В 1950 г. этот семейный архив был случайно выкопан и пропал. Розыски его ведутся.

из Черноморского флота было уволено около 3 тыс. революционно настроенных моряков. И это сыграло свою роль и в ходе самого восстания и сказалось на общем политическом уровне матросской массы. На некоторых кораблях Черноморского флота и среди рабочих действовали большевистские группы. Но во главе севастопольской социал-демократии находились в тот период меньшевики.

Тактическая линия меньшевиков Севастополя, разработанная ими в начале ноября, соответствовала общей меньшевистской тактике организации «революционного самоуправления»⁹. Используя растущий революционный подъем, меньшевики намечали провести выборы депутатов от матросов, солдат и рабочих «для заботы о насущных интересах массы» и предъявления требований местному начальству¹⁰. В случае неудовлетворения требований было решено провести всеобщую забастовку. «Предполагалось,— писал по этому поводу меньшевик И. П. Вороницын,— что на этом пути естественно возникнет настроение, необходимое для успеха восстания, и сама идея восстания естественно закрепится в умах массы»¹¹. Таким образом, вместо энергичной боевой подготовки к восстанию — ожидание момента, когда возникнет «настроение» и «идея восстания» овладеет массами. Типичная для оппортунистов тактика.

Восстание в Севастополе действительно вспыхнуло стихийно, как следствие провокации властей. В первый же день, 11 ноября, начались выборы в Совет депутатов от кораблей, матросских экипажей, воинских частей гарнизона и рабочих порта. Председателем Совета был избран И. П. Вороницын. По расчетам меньшевиков, избрание Совета матросских, солдатских и рабочих депутатов и должно было явиться шагом к организации в городе «революционного самоуправления»¹². Критикуя тактику меньшевиков в период нарастания революции, В. И. Ленин писал, что, заслоня лозунг вооруженного восстания, революционной армии, Временного правительства лозунгом организации революционного самоуправления, они «тащатся в хвосте у монархической буржуазии вместо того, чтобы идти во главе революционного пролетариата и крестьянства»¹³.

В соответствии с своим тактическим планом, уже в условиях стихийно вспыхнувшего восстания, невольно оказавшись во главе его, меньшевики, по свидетельству участников событий¹⁴, настойчиво сдерживали стремление восставших к наступательным боевым действиям. Вместо активной военно-боевой подготовки наступления, они занимались бесплодным митингованием и организацией демонстраций. Тем самым было упущено время, использованное врагами революции для подготовки к подавлению восстания.

В противоположность оппортунистической тактике меньшевиков, работавшие в Севастополе большевики действовали в соответствии с ленинским курсом III съезда РСДРП на подготовку вооруженного восстания.

⁹ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. Документы и материалы. М., 1957, с. 212; Итоги и перспективы. Сб. ст. М., 1906, с. 194—196. Но последовавший 21 октября приказ правительства о немедленном роспуске Совета и народной милиции воочию показал бесплодность этой тактики.

¹⁰ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 135—137.

¹¹ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 231.

¹² Об этом свидетельствуют авторы статьи в большевистской газете «Борьба», написанной по рассказу участников восстания.— Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 212.

¹³ Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 207.

¹⁴ Партагив Крымского ОК КПУ, ф. 150, оп. 150, д. 325, л. 71. Это же подтверждает И. Н. Криворуков.

В своей работе Б. Е. Тавровский напоминает о том, что участник восстания на броненосце «Потемкин» матрос-большевик И. А. Лычев свидетельствовал о разработке Севастопольской Военной организацией РСДРП подробного плана восстания еще в начале 1905 г. «Одержав победу над офицерами,— писал И. А. Лычев,— (восставшая) эскадра займется захватом городов Черноморского побережья — Севастополя, Одессы, Сухума, Николаева, Новороссийска, превращая их в опорные пункты революции»¹⁵. О намерении большевиков Севастополя, начав восстание на флоте, распространить его на все Черноморское побережье писал в своем предсмертном письме один из руководителей Севастопольской военной организации РСДРП большевик А. М. Петров, казненный 24 августа 1905 г. за участие в потемкинском восстании¹⁶.

Эти важные свидетельства видных потемкинцев, приведенные Б. Е. Тавровским, знал и В. Максаков. Более того, во вводной статье к сборнику документов он (к сожалению, без ссылки на источник) утверждал: «Самый план восстания, который предполагали проводить руководители восстания и П. П. Шмидт, полностью совпадал с планом, намеченным „Матросской Централкой“ перед восстанием на броненосце „Потемкин“»¹⁷. Что послужило основанием для этого утверждения, нам неизвестно. Имя И. Н. Криворукова среди участников ноябрьского восстания В. Максаков не назвал.

Теперь, в свете работы Б. Е. Тавровского, мы знаем и конкретный большевистский план вооруженного восстания в Севастополе и на Юге России, и имя матроса-большевика, причастного к его разработке и сохранившего этот замечательный документ для будущих поколений.

«План организации восстания и наступательных действий флота и армии», приведенный в тексте статьи И. Н. Криворукова, заслуживает, на наш взгляд, специальной публикации¹⁸. Прав Б. Е. Тавровский: он должен войти в число основных документов о Севастопольском восстании.

Б. Е. Тавровский справедливо связывал появление этого плана с решением III съезда РСДРП «О вооруженном восстании». Весьма вероятно и его предположение, что «особую комиссию», одоблившую 15 ноября 1905 г. план восстания, можно рассматривать как «особую группу из партийных работников», созданную по рекомендации III съезда РСДРП для утверждения плана вооруженного восстания и непосредственного партийного руководства восстанием¹⁹.

В первой части плана («Организация восстания», пункты 1—4) намечалось: «вооружить всю эскадру боевым порядком и объявить Черное море и прилегающие к нему районы театром военных действий; эскадру подчинить Севастопольскому Военно-революционному Совету; крепости и форты привести в полную боевую готовность; возвести новые укрепления на Малаховом кургане, Историческом бульваре и Макензиевой горе для отражения наступления царской армии; занять все мосты, туннели, железные и шоссейные дороги стратегического значения по радиусу в 60 верст вокруг Севастополя; назначить сторожевые суда для охраны всех устьев, проливов и входов в Черное море». Вторая часть плана

¹⁵ Военные моряки в период первой русской революции. М., 1955, с. 327, 329.

¹⁶ «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), с. 93.

¹⁷ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 10—11.

¹⁸ Кроме публикации 1925 г., он приведен в статье И. Н. Криворукова «Красные дни в Черноморском флоте» («Каторга и ссылка», 1932, № 5).

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях... изд. 8, т. 1. М., 1970, с. 113. Как сообщил В. Максаков в предисловии к сборнику «Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г.» (с. 7), с первых дней восстания здесь находился агент ЦК — делегат III съезда РСДРП Г. И. Крамольников.

(«Наступательные действия флота и армии», пункты 5 и 6) требовала: взятия крепости Очаков, затем Одессы, Николаева и всех других портов Черноморского побережья «с целью установить там республиканский образ правления»; поднять восстание на Кавказе, вооружить народ, организовать армию и перейти в наступление по всему фронту; все войска, борющиеся за республику, а также взятые крепости и гарнизоны подчинить Севастопольскому Военно-революционному Совету; сконцентрировать все революционные силы в одну армию и начать наступление на Европейскую Россию.

Вопрос о разработке плана восстания в Севастополе, поставленный Б. Е. Тавровским, еще во многом неясен. «Тщательное изучение его и дальнейшее исследование всего связанного с ним комплекса вопросов», как признавал и сам автор, является важной задачей советской историографии.

Совершенно очевидно, что план этот составлялся не в одну ночь с 14 на 15 ноября, как может показаться из рассказа И. Криворукова. Обсуждению плана на заседании Совета депутатов предшествовали следующие события. Убедившись в бездеятельности меньшевистских «вождей» и понимая нараставшую угрозу разгрома восстания, большевистски настроенные матросы и рабочие решили действовать сами. 13 ноября рано утром матросы революционных команд — депутаты Совета от «Очакова», «Пантелеймона» (бывшего «Потемкина») и «Ростислава» — отправились за советом к П. П. Шмидту. В этот же день вечером П. П. Шмидт выступил на заседании Совета, а на следующий день принял командование восставшим крейсером «Очаков»²⁰.

14 ноября группа матросов-большевиков, человек 15—20, потребовала от Совета решительных действий. Вечером Совет уступил им. Это свидетельство матроса-большевика И. Захарченко подтверждено и И. Криворуковым²¹. В ночь с 14 на 15 ноября Совет по настоятельному требованию депутатов принял «План наступательных действий» и «инструкции депутатам». По-видимому, в основу этих действий и был положен давно разработанный план восстания, тщательно сохранявшийся матросами-большевиками. Наконец, к утру 15 ноября этот план, скорректированный (при участии И. Криворукова) с учетом обстановки, был одобрен «особой комиссией» и П. П. Шмидтом, который тогда же был утвержден Советом командующим восставшим Черноморским флотом. О решении Совета начать 15 ноября «наступательные действия» свидетельствует и Вороницын²². Это же отмечается в судебно-следственных документах²³.

Б. Е. Тавровский предполагает, что решение Совета о переходе в наступление и утверждение им большевистского плана восстания связано с прибытием в Севастополь группы большевиков. Можно предположить и другое, что инициатива принятия этого плана исходила от самих восставших — большевиков-потемкинцев и очаковцев. В любом случае несомненно, что на исходе событий большевикам удалось оттеснить меньшевиков и взять руководство восстанием в свои руки.

В соответствии с принятым решением, 15 ноября, как сообщает И. Криворуков, начались усиленные приготовления к захвату и вооружению кораблей. Овладев артиллерийским складом в порту, восставшие захватили более тысячи винтовок и 8 пулеметов. Шли аресты контр-

²⁰ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 327—328, 330.

²¹ «Кандалный звон», 1925, № 2, с. 40—41; Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 219.

²² Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 235.

²³ Там же, с. 331—332.

революционных офицеров и гражданских чинов. Красные флаги были подняты на всех кораблях, учебных судах, портовых катерах флота, стоявших в Южной бухте. Совет депутатов постановил прекратить движение поездов между Севастополем и Симферополем, а также пассажирских и товарных пароходов. Рабочим поручалась разгрузка угля и снарядов для вооружения кораблей. Наступал перелом, восстание разрасталось.

Но еще утром 14 ноября командующий эскадрой Чухнин и прибывший ему на помощь генерал Меллер-Закомельский объявили Севастополь на осадном положении. В середине дня 15 ноября контрреволюция перешла в наступление. Начался артиллерийский обстрел флотских казарм и мятежных кораблей.

«План развития Севастопольского вооруженного восстания, принятый в ночь с 14 на 15 ноября, не был осуществлен,— писал Б. Е. Тавровский,— он только начал осуществляться. Но принципиально важно, что такой план существовал, и дело именно в его реальном существовании, в его ленинской, большевистской широте и направленности».

Приведенные факты о решительном настроении и активных действиях большевистского авангарда восстания в корне противоречат той концепции Севастопольского восстания, которая изложена Вороницыным в его докладе, присланном на Таммерфорскую конференцию военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 г.)²⁴. «Он представил конференции,— писал Б. Е. Тавровский,— свою меньшевистскую характеристику Севастопольского восстания и скрыл от РСДРП—тогда объединенной—готовый и утвержденный к утру кульминационного дня событий—15 ноября—конкретный и перспективный план восстания».

В своем докладе И. П. Вороницын, умалчивая о тактических ошибках руководителей (и прежде всего своих), объяснял причины неудачи восстания политической незрелостью масс, которым якобы «идея восстания была совершенно чужда». «Отсутствие политической цели восстания, неопределенность и относительная незначительность причин,— писал он,— обусловили его медлительность и дряблость»²⁵. В 1925 г. И. П. Вороницын уже категорически утверждал: «Вопрос же о переходе в наступление с оружием в руках против верных правительству судов и воинских частей в той стадии постепенного развития, из которой восстание так и не вышло, ставиться совершенно не мог»²⁶.

Убедительная критика меньшевистской концепции Севастопольского восстания придает исследованию Б. Е. Тавровского большую научную ценность. Актуальность этой критики несомненна и сегодня, ибо, как пишет автор, доклад Вороницына, опубликованный в Протоколах Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, большевистской по своему составу и характеру, «приобрел чрезмерное доверие и незаслуженный авторитет, и не подвергался пока критическому разбору по существу»²⁷. Более того, добавим мы, не критическое отношение к докладу Вороницына привело к тому, что в одной из недавних работ о революционном движении в Севастополе его позиция представлена в самом лучшем свете²⁸.

²⁴ Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. Партиздат, 1932, с. 64—72.

²⁵ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г., с. 236.

²⁶ Вороницын И. П. Лейтенант Шмидт. М.—Л., 1925, с. 74—75.

²⁷ Критику доклада И. Вороницына см. Горякина В. С. Робітничий рух у Таврійській губернії в 1905—1907 рр.—«Український історичний журнал», 1975, № 1, с. 72—73.

²⁸ Тимофеев А. И. Севастополь выходит на баррикады. Симферополь, 1973, с. 80, 94, 96.

Таким образом, исследование Б. Е. Тавровского существенно дополняет и уточняет историю Севастопольского восстания в ноябре 1905 г. Оно показывает, что в руководстве восстанием сталкивались две противоположных политических линии, две тактики социал-демократии в буржуазно-демократической революции: оппортунизм меньшевиков, неспособных возглавить движение, и стремление большевиков даже в самой критической ситуации использовать революционный порыв восставших для достижения максимально возможных результатов²⁹.

В рукописи Б. Е. Тавровского научное исследование переплетается с увлекательным рассказом о путях многолетнего и трудного поиска краеведа, о его творческой лаборатории, о радости открытия значительного документа партии большевиков. Историк найдет в работе Б. Е. Тавровского интересные (хотя не всегда бесспорные) мысли и предположения, тонкие наблюдения о политической обстановке в Севастополе в ноябре 1905 г. Эти мысли и предположения побуждают к дальнейшему исследованию Севастопольского восстания — крупнейшего события первой русской революции.

²⁹ Характерно, что после поражения Ноябрьского восстания в Севастополе большевики продолжали готовиться к новым битвам и усилили военную работу. Об этом свидетельствует сохранившийся Протокол конференции крымских организаций РСДРП, происходившей в июне 1906 г. Конференция наметила конкретные меры помощи социал-демократическим организациям Крыма Севастополю на случай нового восстания «и его неизбежного распространения» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1906, д. 2, ч. 7, л. 167).

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ШЕРСТОБИТОВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР В СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Историческая наука в национальных республиках всегда развивалась как составная часть советской исторической науки. Это определяется единством методологических принципов, задач и целей всех советских историков, единством партийного и государственного руководства развитием исторической науки. Исследования историков в центре и на местах основываются на общей концепции истории СССР, которая исходит из общности исторических судеб наших народов, наличия вековых экономических, политических и культурных связей между ними, традиций совместной борьбы трудящихся разных национальностей против социального и национального гнета, за победу социалистической революции, за построение и развитие социализма. Марксистско-ленинская концепция истории СССР нацеливает историков на глубокое раскрытие общих закономерностей исторического процесса, проявление их в национальных районах.

Практическое воплощение эта концепция получила в марксистско-ленинской периодизации истории народов СССР, которая отражает общее и особенное в их историческом развитии. В основу периодизации положен единственно научный критерий — изменения в способе производства, социальная и политическая деятельность народных масс.

К началу 50-х годов в республиках укрепились или организовались новые научно-исследовательские институты и кафедры, занимающиеся разработкой проблем национальной истории; благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики формировались творческие коллективы квалифицированных историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией; историческая наука располагала огромным фактическим материалом, опытом его анализа с позиций исторического материализма.

В результате творческого содружества ученых были подготовлены первые сводные марксистские труды по истории союзных республик. Публикуются обобщающие исследования по истории автономных республик (Бурятия, Татария, Якутия, Мордовия, Карелия и др.).

Впервые в исторической последовательности была прослежена смена общественно-экономических формаций у различных народов. Если в некоторых древнейших государствах на территории Закавказья и Средней Азии утвердились рабовладельческие отношения, то народы других райо-

* Статья представляет собой главу из готовящегося к печати учебника для вузов «Историография истории СССР. Советский период».

нов СССР миновали эту стадию исторического развития и их политическая и этническая консолидация происходила на базе феодального и капиталистического способов производства. Народы Северного Кавказа и Средней Азии переходили к социализму, минуя этап капитализма, а ряд народов Сибири и Крайнего Севера — этапы феодализма и капитализма. Все обобщающие труды в своей совокупности убедительно показывали прогрессивную роль объединения народов России в едином многонациональном государстве, при этом характеризовали шовинистическую политику царизма в отношении нерусских наций и народностей, угнетение трудящихся всех национальностей, их солидарность в освободительной борьбе.

Все шире разворачивалось монографическое изучение важнейших проблем дореволюционной и советской истории народов СССР. В 50-х годах одно из центральных мест в трудах историков советских республик занял показ исторических взаимосвязей народов, прогрессивного значения вхождения их в состав России, солидарности трудящихся разных национальностей в осуществлении Октябрьской революции, социалистическом строительстве, достижении всемирно-исторической победы в Великой Отечественной войне.

С построением в СССР развитого социалистического общества, являющегося новым исторически закономерным рубежом на пути к коммунизму, историческая наука в советских республиках, как и вся советская историография, вступила в новый этап своего развития.

Бурному подъему исторической науки способствует постоянное внимание к ней ЦК КПСС, республиканских и областных партийных организаций. В материалах съездов КПСС и компартий союзных республик, пленумов ЦК КПСС содержатся важные для исторической науки положения и выводы, определяются основные направления исследований, имеющие актуальное значение для практики коммунистического строительства. Большое теоретическое и методологическое значение имеют труды Л. И. Брежнева, других виднейших деятелей КПСС и Советского государства, руководителей республиканских и областных партийных организаций.

Анализ достижений историографий национальных республик в 60—70-х годах дан в ряде коллективных трудов, монографий и статей¹.

¹ См. Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975; Изучение отечественной истории между XXIV и XXV съездами КПСС, кн. 1. Советский период. М., 1978; Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент, 1968; Ахунова М. А., Лукин Б. В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Ташкент, 1970; Бирон А. К., Дорошенко В. В. Советская историография Латвии. Рига, 1970; Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука Молдавской ССР. М., 1970; Дядиченко В. А., Лось Ф. Е., Сарбей В. Г. Развитие исторической науки в Украинской ССР. Киев, 1970; Гайгалайте А. Ю., Гришунайте Э. В. Историческая наука Советской Литвы (1940—1970 гг.). — «Вопросы истории», 1971, № 6; Сумбатзаде А. С. Историческая наука Азербайджана на современном этапе. — «Вопросы истории», 1972, № 12; его же. Русская, советская историография и историческая наука в Азербайджане. — «История СССР», 1975, № 1; Дахшлейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973; Карриев А., Мошев М. Новейшая историография Советской Туркмении. — «История СССР», 1973, № 4; Развитие исторической науки на Украине за годы Советской власти. Сб. статей. Киев, 1973; Антоненко Б. А., Искандаров Б. И. Развитие исторической науки в Советском Таджикистане. — «Вопросы истории», 1974, № 7; Марсаков К. П., Масов Р. М. Изучение истории социалистического и коммунистического строительства в Таджикской ССР. — «История СССР», 1974, № 5; Масов Р. М. Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане (1917—1967 гг.). Душанбе, 1974; его же. Историография Советского Таджикистана (1917—1975). Душанбе, 1978; Желтова Г. И. Социалистическое строительство в Узбекистане (20—30-е годы). Историографический очерк.

Развиваясь в общем русле советской исторической науки, историография национальных республик характеризуется в условиях зрелого социализма следующими основными чертами:

- усилением разработки методологических проблем исторической науки, более широким освоением ленинской методологии и методики исследования, теоретических положений, содержащихся в документах КПСС;

- углублением изучения современного этапа развития советского общества, проблем интернационализма в истории советских народов, роли их дружбы и сотрудничества в строительстве социализма и коммунизма;

- расширением масштабов научной проблематики и повышением научно-теоретического уровня исследований, вовлечением в оборот новых исторических источников;

- сочетанием обобщающих трудов с монографическим изучением наиболее важных проблем истории народов СССР;

- укреплением координации и ростом комплексности исследований, объединением специалистов разных республик для изучения крупных научных проблем;

- повышением наступательности историографии республик против буржуазно-ревизионистской фальсификации истории народов СССР.

Все это стало возможно потому, что за последние 10—15 лет кадры историков в национальных республиках и областях увеличились в 1,5—2 раза, возрос удельный вес специалистов, имеющих ученые степени доктора и кандидата наук. Повсеместно высокая квалификация научных кадров окончательно устранила деление науки на «центральную» и «периферийную». В институтах истории республиканских академий наук, в институтах истории партии при ЦК компартий республик (филиалах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) были созданы новые сектора и отделы. На базе некоторых научных подразделений институтов истории в ряде республик организовались специализированные научные учреждения (например, институты археологии, этнографии, востоковедения). В университетах и педагогических институтах увеличилось число кафедр, на которых ведется научная работа в области истории СССР. Большую научную и научно-краеведческую деятельность развернули музеи и научные общества.

Важное значение имело образование в Академии наук СССР и академиях наук союзных республик проблемных научных советов, занимающихся координацией исследований по отечественной истории (в том числе по истории народов СССР) в масштабе всей страны или отдельных республик. Это способствовало улучшению планирования научных исследований, устранению параллелизма в работе историков, объединению их усилий в разработке наиболее актуальных и малоизученных научных проблем. Укрепились международные связи историков национальных республик и областей.

Ленинская концепция истории СССР как истории всех населяющих нашу страну народов нашла последовательное воплощение в таких капитальных изданиях, как «История Коммунистической партии Советского Союза», «История СССР с древнейших времен до наших дней», «История Великой Отечественной войны Советского Союза». В этих трудах

Ташкент, 1975; Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 1. Грозный, 1978; К а с ы м о в Ф. Х. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм. Историографический очерк. Ташкент, 1979; Установление Советской власти в национальных районах России. Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы. Кишинев, 1979 и др.

идеи пролетарского, социалистического интернационализма выступают в качестве мощного фактора исторического процесса, творческой революционной силы, важнейшего рычага созидания и развития социализма, защиты его завоеваний. Продолжается издание обобщающих трудов по истории союзных республик². Крупным достижением исторической науки стало создание сводных трудов по истории партийных организаций национальных республик и почти всех автономных республик и областей.

Методологическое значение трудов, охватывающих большие исторические периоды в жизни народов, состоит в том, что они позволяют выявить объективный характер исторического развития, решающую роль народных масс в истории, соотношение экономики, политики и идеологии в различных исторических условиях, влияние общественных отношений на масштабы и глубину творческой активности народа и т. д.

Крупные масштабы приняла публикация исторических документов (древние эпиграфические и повествовательные памятники, акты феодальной эпохи, документы об экономических, политических и культурных связях народов, истории демократических и революционных движений, Октябрьской революции и гражданской войны, индустриализации и коллективизации, культурной революции, Великой Отечественной войны и т. д.). Значительно расширились археолого-этнографические исследования. В ряде республик вышли или выходят обобщающие работы (типа «Археология Украинской ССР», «Свод археологических памятников» и др.). Важным вкладом в историческую науку стали сводные труды типа «Украинцы», «Белорусы», «Казахи», «Узбеки» и т. д., вошедшие в многотомное издание «Народы мира». В этом издании впервые на огромном фактическом материале, проанализированном с позиций марксистско-ленинской науки, дана панорама жизнедеятельности современного человечества, очищенная от расистских представлений буржуазной историографии, проникнутая уважением к историческому опыту всех народов, больших и малых. Значительный интерес представляют работы местных этнографов о социалистическом быте и культуре рабочих, колхозников, сближении народов и этнографических групп в различных районах страны.

Показателем зрелости исторической науки в национальных республиках является активное участие ее в создании многотомных национальных энциклопедий, серийных трудов по истории городов и сел³, заводов и фабрик, колхозов и совхозов. Во многих республиках подготовлены учебные пособия для вузов и школ, обобщающие работы по истории комсомола, профессиональных союзов.

Важной чертой развития исторической науки на современном этапе является коллективное обсуждение многих научных проблем на конференциях, сессиях, симпозиумах. Историки советских республик активно участвовали в дискуссии о сущности нации, в конференциях, посвящен-

² История Украинской ССР (в 8-ми тт.) тт. I—VIII. Киев, 1977—1979; История Белорусской ССР, тт. I—V. Минск, 1972—1975; История Молдавской ССР, тт. I—II. Кишинев, 1965—1968; История Латвийской ССР. Рига, 1971; История Литовской ССР, тт. III—IV. Вильнюс, 1965—1975; История Эстонской ССР, тт. I—III. Таллин, 1961—1974; История Азербайджана, т. III. Баку, 1963; История армянского народа (в 8-ми тт.), тт. I, IV, V, VII, VIII. Ереван, 1967—1974; История Грузии, т. II. Тбилиси, 1962; Очерки истории Грузии (в 8-ми тт.), тт. I—7. Тбилиси, 1970—1976; История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней, тт. I—4. Алма-Ата, 1977; История Киргизии, тт. I—II. Фрунзе, 1963; История Киргизской ССР, тт. I—II (чч. I—2). Фрунзе, 1968; История таджикского народа, тт. I—III. М., 1963—1965; История Советского Туркменистана, тт. I—II. Ашхабад, 1970; История Узбекской ССР, тт. I—IV. Ташкент, 1967—1968.

³ 26-томная «История городов и сел Украинской ССР» в 1975 г. удостоена Государственной премии СССР.

ных аграрным преобразованиям Октябрьской революции, истории промышленного развития и рабочего класса СССР, новой экономической политики, культурной революции в СССР, международному значению исторического опыта перехода народов Советского Востока к социализму и др.

Следует отметить, что на рассматриваемом нами историческом этапе в отдельных работах имели место идеализация прошлого, старого патриархального уклада, восхваление «своих» царей, ханов, князей, феодалов, слабо освещалась совместная борьба народов России в отражении иноземных нашествий, имела место мелкотемность исследований. Все эти явления преодолевались в ходе поступательного развития советской исторической науки.

В условиях развитого социализма развернулось широким фронтом и во многом на новом фактическом материале изучение эволюции производительных сил и производственных отношений в различных районах страны, исследование национально-освободительной и революционной борьбы трудящихся, истории рабочего класса и крестьянства.

Планомерное археологическое обследование территории национальных республик и областей позволило поднять на новый уровень изучение истории первобытнообщинного строя, генезиса классовых обществ и их развития у различных народов СССР.

На Украине опубликованы исследования по важнейшим проблемам феодально-крепостнической эпохи (история крестьянства, социально-экономическое развитие, ремесленно-торговая жизнь феодального города, классовая и национально-освободительная борьба народных масс, история украинской культуры, укрепление всесторонних связей украинцев с другими народами). Вышел ряд монографических исследований, охватывающих историю рабочего класса Украины от его зарождения до Октябрьской революции. Много работ посвящено истории рабочего и крестьянского движения в XIX — начале XX в.

Историки Белоруссии подготовили фундаментальные исследования по истории аграрных отношений, сельского хозяйства и городов эпохи феодализма. Они проследили процесс разложения феодально-крепостнического хозяйства, эволюции аграрного строя в пореформенное время, формирования капиталистического уклада.

В историографии республик Прибалтики было усилено внимание к изучению истории феодальных государств, политической системы и экономических отношений (кризис феодального хозяйства, рост крестьянского движения в связи с усилением феодального гнета и др.). Значительно полнее освещается освободительная борьба народов Прибалтики. Опубликованы новые работы, посвященные влиянию крестьянской реформы на экономику (утверждение капиталистических отношений в сельском хозяйстве, дифференциация крестьянства, подъем промышленности), формированию рабочего класса и национальной буржуазии, участию масс в революционной борьбе.

Историки Молдавии интенсивно изучают историю формирования молдавского народа, общее и особенное в развитии феодализма в Молдавии, сдвиги в структуре феодального землевладения, положение разных категорий крестьян. Новейшими исследованиями доказывается, что в экономике Молдавии XVI—XVIII вв. преобладало не земледелие, как принято было считать ранее, а животноводство (это прослеживается и на материале начала XIX в.). Усилилась разработка актуальной темы молдавско-русско-украинских экономических, политических и культурных связей, истории вхождения Молдавии в состав России и его прогрессивных последствий. Отдельные монографии посвящены истории народни-

чества, рабочего и крестьянского движения, роли ленинской «Искры» в подъеме революционной борьбы народных масс.

Историография республик Закавказья обогатилась исследованиями, охватывающими огромный период от каменного века до позднего средневековья. В них раскрываются вопросы экономической жизни, быта и культуры населения, его экономические и культурные связи с соседними странами, мировыми цивилизациями. Повысился научный уровень, значительно расширилась проблематика научных исследований: изучались особенности рабовладельческих отношений, генезис и развитие феодализма, процесс закрепощения крестьянства, завершившегося здесь в XII—XIII вв., история городов и ремесел, народных движений против феодального гнета и иноземных захватчиков, общественно-политической мысли и культуры. Ряд работ посвящен истории взаимоотношений народов Закавказья с Россией, историческому значению вхождения этих народов в состав Российского государства. Много сделали историки Закавказья в области исследования социально-экономического развития края в эпоху разложения феодальных и формирования капиталистических отношений, истории зарождения и подъема промышленности (особенно нефтедобывающей), образования национальных отрядов промышленного пролетариата. Написан ряд работ о национально-освободительном движении (в частности, о Зейтунском восстании 1862 г. в Армении), народничестве, распространении марксизма, революционной борьбе рабоче-крестьянских масс.

Историки Казахстана и Средней Азии наибольшее внимание уделили социальным отношениям племен и государств, становлению и развитию феодального строя среди кочевого и оседлого населения, его хозяйственным занятиям (металлургия, ирригация, ремесло, земледелие и скотоводство), истории культуры. Оживленно обсуждался вопрос о характере производственных отношений у кочевых народов в эпоху феодализма. Большинство исследователей считает, что основой этих отношений была феодальная собственность на землю (пастбища). По-прежнему интенсивно изучался процесс образования народностей, а также формирования наций в условиях разложения патриархально-феодальных и развития капиталистических отношений в конце XIX — начале XX в. Крупные исследования опубликованы по истории присоединения Средней Азии и Казахстана к России, которое рассматривается как результат углубления длительных связей русского и местных народов. Исследователи детально характеризуют объективно прогрессивные последствия вхождения народов Средней Азии и Казахстана в состав России, при этом выделяют такие факторы, как внедрение в феодальную экономику капиталистических отношений, рост фабрично-заводской промышленности и формирование национального рабочего класса, вовлечение трудовых масс окраин в революционную борьбу российского пролетариата против социального и национального гнета, влияние русской демократической культуры на подъем сознания нерусских народов. Созданы труды о путях и масштабах проникновения капитализма в кочевой аул, эволюции форм землепользования в пастбищно-кочевой общине, развитии в ней арендных отношений, по истории оседания кочевников, переселенческого движения на окраины и т. д.

В связи с созданием новых научных центров в Сибири и на Дальнем Востоке усилилось изучение истории народов, проживающих на обширной территории СССР к востоку от Урала. Установлено, что господствующими у них вплоть до XX в. были родо-племенные и патриархально-феодальные отношения. Но русский капитализм постепенно проникал и в среду этих народов, усиливая социальное расслоение, способствуя

вовлечению угнетенных масс в общероссийское революционное движение. Накопленные советской исторической наукой знания о народах Сибири и Крайнего Севера обобщены в пятитомном издании «История Сибири», удостоенном в 1973 г. Государственной премии СССР.

В изучении истории народов СССР советского периода наметились следующие характерные черты: преодолевается локальность и узость проблематики исследований, историки все активнее берутся за разработку тем большого научного и политического значения; повышается научно-теоретический уровень публикуемых трудов; откликаясь на запросы времени, историки все глубже вникают в изучение современных общественных процессов, путей становления и совершенствования развитого социализма. Исследование современности теснейшим образом связывается с обобщением исторического опыта масс, с выявлением закономерностей и устойчивых тенденций общественного развития; поэтому в работах историков все чаще можно встретить сочетание анализа новейших явлений с ретроспективным подходом к их рассмотрению, попытки охватить явление в целом, от его исторических истоков до того, каким оно стало теперь.

Большое влияние на проблематику, на научно-теоретическую направленность исследований историков советских республик оказали юбилей 50- и 60-летия Октябрьской революции, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия образования СССР, принятие новых конституций СССР, союзных и автономных республик.

Заметным явлением в советской историографии стала серия капитальных трудов по истории Октябрьской революции в крупнейших национальных районах страны⁴. Эти труды обогатили опыт совместной научной деятельности историков национальных республик и ученых центральных научных учреждений.

В 60—70-х годах в союзных и автономных республиках и областях были опубликованы десятки коллективных трудов и монографий, посвященных различным проблемам истории Октября⁵. В них показано, что Россия представляла собой целостный государственный организм, и поэтому социально-экономические и политические предпосылки революции, вызревшие в стране, определили революционную ситуацию как в центре, так и на окраинах. Революционно-демократическое крыло национально-освободительного движения слилось в период подготовки и проведения Октябрьской революции с борьбой рабочего класса за социализм; революционная энергия трудящихся масс национальных районов стала составной частью борьбы общероссийского рабочего класса и беднейшего крестьянства за свержение господства эксплуататоров и установление диктатуры пролетариата. Таким образом, историки советских республик показывают, что борьба за установление Советской власти в национальных районах была органической частью общероссийского революционного процесса, руководимого ленинской партией. В этой связи преодолевались попытки некоторых историков «искать», не учитывая данного обстоятельства, «свои» предпосылки социалистической революции в каждом национальном районе. В научный оборот вводятся новые документальные материалы, раскрывающие историческую обуслов-

⁴ См. Победа Советской власти на Украине. М., 1967; Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967; Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967; Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1967; Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971.

⁵ Подробнее см.: Установление Советской власти в национальных районах России. Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы. Кишинев, 1979; Наумов В. П. Изучение истории Великого Октября в национальных районах СССР (Обзор литературы за 1967—1978 гг.). — «История СССР», 1979, № 5.

ленность победы Великой Октябрьской революции, активное участие в ней трудящихся масс национальных окраин.

Накопление опыта разработки истории Октября, а также большого конкретно-исторического материала обогатило научную проблематику, определило новые аспекты исследования. Значительное место в литературе занимают проблемы, относящиеся к борьбе большевиков за влияние в Советах и других массовых организациях, за создание и укрепление союза рабочего класса с национальным крестьянством; изучаются происки контрреволюционных сил, их связи с империалистическими государствами Запада. Историки стремятся глубже исследовать классовые противоречия в национальных районах, программы и тактические маневры буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий. Изучение этих проблем существенно дополняет картину событий, способствует раскрытию революционного процесса во всей его сложности и многоплановости.

Разрабатывается тема содружества трудовых масс различных национальностей России в осуществлении социалистической революции. Широко показывается военная, политическая и экономическая помощь русских трудящихся народам бывших национальных окраин в период гражданской войны и военной интервенции. Историки Украины и Белоруссии изучают деятельность местных большевиков, развитие партизанского движения против немецких и белопольских захватчиков в 1918—1920 гг., работу революционных комитетов, историю создания и укрепления Красной Армии. Вышли новые работы о революционных событиях 1917—1919 гг. в Прибалтике, участия латышских стрелков в борьбе за Советскую власть. Изучается история прибалтийских народов периода буржуазной диктатуры 1920—1940 гг. (внутренняя и внешняя политика буржуазии, борьба трудящихся и местных коммунистов за свержение буржуазного господства). Все больше работ посвящается истории восстановления Советской власти, проведения ею революционных преобразований в политической, социально-экономической и культурной жизни Латвии, Литвы и Эстонии⁶. В Молдавии опубликованы исследования о массовых организациях трудящихся (Советы, крестьянские и воинские комитеты), деятельности большевиков на Румынском фронте, участия интернационалистов в гражданской войне. Много сделано по изучению истории подпольных коммунистических и легальных демократических организаций, а также народных движений в Бессарабии.

Историография Закавказских республик активно разоблачает антинародную политику дашнаков, мусаватистов и меньшевиков, происки международного империализма в отношении Закавказья, показывает помощь Красной Армии трудящимся региона в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Историки Средней Азии и Казахстана углубили разработку истории Октября применительно к различным районам края, раскрыли контрреволюционную сущность басмачества, направившегося иностранными империалистами, продвинулись в изучении вопросов, связанных с революционными событиями в Бухаре и Хиве, с образованием Бухарской и Хорезмской народных республик.

В историографии национальных республик, как и во всей советской исторической науке, широко раскрывается роль В. И. Ленина, Коммунистической партии в выработке подлинно научной национальной программы и политики, в организации национальных масс на борьбу за победу социалистической революции, за построение социализма. На конкретном

⁶ См. Социалистическая революция 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. М., 1978; Жигар Э. А. Социалистические преобразования в Латвии. 1940—1941 гг. Рига, 1978 и др.

материале показан вклад Ленина в экономическое, политическое и культурное развитие советских народов⁷.

В последние годы активно изучается история Октября и гражданской войны в автономных республиках, областях и округах РСФСР (Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь). Историки Северного Кавказа уделяют внимание изучению таких малонисследованных проблем, как размежевание классовых сил и переход трудящихся на сторону революции, деятельность большевиков по разоблачению идеологии и политики буржуазно-националистических партий, усилению влияния в революционно-демократических организациях, интернациональному сплочению масс в борьбе за социальное и национальное освобождение. Историки республик Поволжья показывают воздействие ленинской национальной и аграрной политики на укрепление союза русского рабочего класса с национальным крестьянством, его активное участие в установлении Советской власти и защите ее завоеваний. Широкое монографическое изучение борьбы за Советскую власть в Сибири позволило обстоятельно раскрыть упорную борьбу большевиков за преодоление влияния на массы меньшевиков, эсеров, буржуазно-феодалов, за создание армии борцов за социалистическую революцию в крае.

Публикация в связи с 50-летием образования СССР новых ленинских документов, посвященных борьбе против великодержавности и местного национализма, за последовательное осуществление большевистской национальной политики, стимулировала повсеместно изучение роли интернационального единства советских народов в их социальном и национальном развитии.

Проблемы, связанные с решением национального вопроса и национально-государственным строительством в СССР, занимают одно из центральных мест в историографии советских республик. Два момента способствуют усилению активности ученых в разработке этих проблем. Во-первых, стремление научно осмыслить значение социальных завоеваний Октября для исторических судеб советских народов; раскрыть содержание коренных преобразований в экономической, социальной, политической и культурно-идеологической сферах национальной жизни; поставить опыт КПСС и Советского государства по созданию интернационального братства народов СССР на службу мировому освободительному процессу. Во-вторых, советские историки исходят из необходимости последовательного и систематического разоблачения происков международной реакции, проповедующей буржуазно-националистические концепции с целью разобщения народов, пытающейся оживить националистические пережитки, принизить достижения СССР в решении национального вопроса.

История становления и развития советского многонационального государства рассматривается в тесной взаимосвязи с другими социальными проблемами. Значительно углубляется и конкретизируется освещение социальных, экономических и политических предпосылок образования

⁷ Уразаев Ш. З. В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане. Ташкент, 1967; Бейсембаев С. Б. Ленин и Казахстан (1897—1924). Алма-Ата, 1968; Дризул А. А. В. И. Ленин и революционное движение в Латвии. Рига, 1968; его же. В. И. Ленин и революционная Латвия. Рига, 1970; Баишев С. Б. В. И. Ленин и Советский Казахстан. Алма-Ата, 1969; Ленин и Литва. Вильнюс, 1969; В. И. Ленин и чувашский народ (сб. статей). Чебоксары, 1970; Ибрагимов З. И. В. И. Ленин и победа социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1970; Покровский С. Н. Ленин и победа Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1970; Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири. 1917—1937 гг. Улан-Удэ, 1971; В. И. Ленин — вдохновитель дружбы народов СССР. Киев, 1972; Бегиян А. З. Ленин и советская национальная государственность. Ереван, 1974; Этенко Л. А. Ленин и горы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975 и др.

СССР. Объединение народов в рамках Союзного государства связывается с общими задачами строительства социализма, необходимостью отражения происков международного империализма, не прекращавшего борьбы за реставрацию капитализма, отрыв отдельных народов от страны Советов за противопоставление одних народов другим.

Все больше утверждается в историографии советских республик многоплановый подход к освещению истории национально-государственного строительства. Мероприятия партии и Советского государства по решению национального вопроса (в прежде отсталых районах) тесно увязываются с осуществлением на практике ленинского учения о переходе от докапиталистических форм общественной жизни к социализму, минуя капиталистическую стадию развития^{*}. Обстоятельно характеризуются такие стороны национального развития в переходный период, как получение народами своей национальной государственности, ее укрепление; деятельность крестьянских Советов и постепенное превращение их в действенные органы диктатуры пролетариата; коренизация аппарата за счет вовлечения в его работу представителей местного населения; широкое использование местными властями традиционных институтов (судов казиев в Средней Азии, советов старейшин у народов Северного Кавказа и др.) в связи с тем, что трудящиеся массы еще испытывали сильное влияние патриархально-родовых установлений; последовательное проведение (с учетом уровня сознательности населения) социально-экономических и культурных преобразований, которые сопровождались политическим размежеванием в национальной деревне, углублением изоляции феодально-клерикальных элементов, все более тесным сплочением трудящихся вокруг Советской власти и Коммунистической партии.

Освещение этих и других проблем (притом на материале различных национальных районов) раскрывает творческий характер, гибкость национальной политики партии, внимательно учитывавшей национальные особенности, повышает (характеристикой конкретных форм и методов преобразовательной деятельности Советской власти) притягательную силу и международное значение советского опыта решения национального вопроса. По-прежнему активно исследуется процесс формирования социалистических наций и народностей, возникновения и развития национальных отношений социалистического типа, основанных на братской дружбе народов СССР и их всестороннем сотрудничестве.

В последние годы усилилось изучение организации, функций и компетенции высших органов государственной власти ряда республик, роли крестьянских и других общественных организаций в деле повышения политической активности трудящихся, деятельности рабоче-крестьянской инспекции как одного из средств приобщения масс к государственному управлению. Все эти работы, затрагивающие малоисследованные аспекты национального развития в эпоху строительства социализма, показывают богатство содержания ленинской национальной политики, творческий вклад партии в развитие ее основополагающих принципов.

^{*} Минуя капитализм. О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана. М., 1961; Закономерности перехода народов ранее отсталых стран к социализму (на примере Казахстана). Алма-Ата, 1961; От средневековья к вершинам современного прогресса. М., 1965; Экономические закономерности и преимущества некапиталистического пути развития. По материалам Узбекистана. Ташкент, 1967; Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии. М., 1968; Исмаилов И. З. Ленинская теория некапиталистического развития народностей Кавказа. Баку, 1968; Ленинизм и опыт строительства социализма в республиках Советского Востока, Фрунзе, 1970; Орзалиев К. Исторический опыт перехода киргизского народа к социализму, минуя капитализм. Фрунзе, 1974 и др.

Следует отметить появление в последние годы фундаментальных исследований о деятельности Советов, расширении их функций, об общественно-политической жизни трудящихся⁹.

Одним из ведущих направлений исследования является история индустриализации и промышленного развития республик, история советского рабочего класса.

Социалистическая индустриализация национальных республик рассматривается как выражение одной из главных закономерностей строительства социализма в многонациональной стране, как проявление стратегической линии КПСС и Советского государства на обеспечение фактического равенства советских народов, их прочного интернационального единства. При этом раскрываются специфические особенности индустриализации в тех или иных республиках, определявшиеся уровнем их промышленного развития в прошлом, состоянием изученности природных ресурсов, экономической выгодностью их эксплуатации.

Промышленно развитые районы (Центр, Украина) играли решающую роль как база ускоренного промышленного строительства в отсталых национальных окраинах, внесли определяющий вклад в создание фонда социалистической индустриализации, в стремительный индустриальный прогресс всех советских республик. Освещаются такие формы содействия русских, украинских рабочих индустриальному развитию отсталых районов, как непосредственное участие в сооружении промышленных объектов, их оборудовании, посылка квалифицированных кадров (рабочих, специалистов) на местные промышленные предприятия; обучение представителей коренных народов рабочим профессиям; шефство крупных промышленных центров над национальными республиками и т. д. Союзное государство характеризуется как организатор рационального размещения производительных сил, осуществлявшегося с учетом общенародных и национальных интересов, как проводник линии партии на преимущественное направление общесоюзных накоплений в пользу отсталых районов в целях ликвидации их экономического неравенства.

Широко исследуются проблемы научно-технического прогресса советских республик на современном этапе. Высокий уровень их индустриального развития, как и всего Союза ССР, в условиях зрелого социализма связывается с последовательным проведением курса КПСС на соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Всесторонне раскрывается содержание научно-технического прогресса, характеризуется совершенствование экономических форм и методов социалистического хозяйствования. Историки показывают формы экономического сотрудничества народов в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР, отмечают, что углубляющаяся специализация и кооперирование хозяйства республик являются важным фактором возрастания их экономического потенциала и совокупного вклада в общесоюзную экономику.

Активно участвуют историки советских республик в разработке тем, связанных с формированием и развитием рабочего класса — ведущей

⁹ Советы и жизнь. Роль местных Советов Белоруссии в коммунистическом строительстве. Минск, 1971; Нурпекенов К. Крестьянские Советы Казахстана (История строительства, укрепления и практической деятельности аульных Советов в 1917—1922 гг.). Алма-Ата, 1972; Общественно-политическая жизнь трудящихся Украинской ССР, тт. 1—2. Киев, 1973—1974; Захаров Н. С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. Казань, 1977; Уразаев Ш. З. Торжество социалистической демократии в Узбекистане. Ташкент, 1977 и др.

социальной силы советского общества¹⁰. Освещение этого процесса дается в тесной связи с историей индустриального развития республик и областей, определяющего динамику роста рабочего класса, масштабы и конкретные формы его трудовой деятельности. Труды о рабочем классе носят, как правило, комплексный характер: в них содержится анализ количественных и качественных изменений в рабочем классе, источников пополнения его рядов, трудовой и общественно-политической активности, его руководящей роли в жизни общества.

Выявляются региональные особенности формирования рабочего класса. В трудах, посвященных Средней Азии, Северному Кавказу, ряду республик Поволжья, народам Сибири, показывается, что здесь впервые за годы Советской власти сформировались местные отряды промышленного рабочего класса. Важным источником их пополнения являлось коренное население (особенно сельские жители). Отмечается тормозящее влияние на вовлечение коренного населения в промышленность (в 20—30-е годы) культурной отсталости, устарелых бытовых и семейных традиций. Исследуются формы и методы подготовки квалифицированных кадров рабочих в различных отраслях промышленности, в строительстве и на транспорте (бригадное и индивидуальное ученичество, система курсов, школы ФЗУ, профессионально-технические учебные заведения и т. д.). Выявляются факторы, влияющие на изменение отраслевой структуры рабочего класса (появление новых производств, все более широкое использование достижений научно-технического прогресса). Предпринимается сравнительный (для разных этапов развития советского общества) анализ источников и форм пополнения рабочего класса, а также его состава по полу, возрасту, стажу, уровню квалификации.

Что касается районов, где еще до революции имелись значительные кадры рабочего класса (Украина, республики Прибалтики, Азербайджан), то, как показывают исследователи, здесь в переходный период происходило не только возрастание численности рабочих в связи с индустриальным развитием этих районов, но и рост его образовательного, культурно-технического и профессионального уровня.

Обстоятельно освещается вопрос о дальнейшем повышении ведущей роли рабочего класса в развитом социалистическом обществе, характеризуется решающий вклад рабочего класса в создание материально-технической базы коммунизма, его активная деятельность по совершенствованию и неуклонному подъему производства, развертыванию патристических начинаний. Прослеживаются изменения в характере труда рабочих, связанных с непрерывно усложняющейся техникой: труд рабо-

¹⁰ История рабочего класса Узбекистана, тт. I—III. Ташкент, 1964—1969; История советского рабочего класса Киргизии. Фрунзе, 1966; История рабочего класса Украинской ССР. Киев, 1968; История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1965). Ашхабад, 1969; История рабочего класса Таджикистана (1917—1970), тт. I—II. Душанбе, 1972—1973; Асылбеков М. X. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917—1970). Алма-Ата, 1973; Ахунова М. А. История рабочего класса Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.). Ташкент, 1974; Барбулат В. К., Рыбалко П. Л. Рабочий класс Советской Молдавии. Кишинев, 1974; Лобурец В. Е. Формирование кадров советского рабочего класса Украины. 1921—1932 гг. Харьков, 1974; Очерки истории рабочего класса Азербайджанской ССР, тт. I—II. Баку, 1974—1977; Промышленные рабочие Коми АССР. 1918—1970 гг. М., 1974; Симулин А. М. Формирование и рост рабочего класса Чувашии в период строительства социализма. Чебоксары, 1974; Натмеладзе М. В., Стурца Н. И. Рабочий класс Грузии в строительстве материально-технической базы социализма и коммунизма в СССР. Тбилиси, 1975; Формирование и развитие советского рабочего класса в Башкирской АССР, ч. II. Уфа, 1975; Карданов А. Т. Рабочий класс Кабардино-Балкарии в период строительства социализма (1920—1937 гг.). Нальчик, 1976; История рабочего класса Советского Каракалпакстана. Ташкент, 1977; История промышленности и рабочего класса Чувашии, ч. I. Чебоксары, 1978 и др.

чих все более сближается по своему характеру с трудом инженерно-технических работников.

С использованием нового фактического материала исследуется трудовая и общественно-политическая деятельность рабочего класса — участие в социалистическом соревновании и движении за коммунистический труд, техническом творчестве и рационализации производства, в работе Советов, профсоюзов, органов народного контроля, укреплении интернациональных связей с зарубежными трудящимися и т. д. Важным представляется вывод о том, что в процессе строительства социализма и коммунизма происходит все большее нивелирование республиканских отрядов рабочего класса, возрастание общих черт в их составе и качественном облике.

Доминирующее место в новейших трудах занимает вопрос о взаимопомощи и сотрудничестве рабочих советских республик как факторе укрепления экономических связей народов СССР. Отмечаются такие проявления этого содружества, как соревнование коллективов родственных предприятий разных республик, трудовое соперничество передовиков производства, взаимное использование передового опыта, взаимопомощь в деле внедрения технических новинок, обеспечение широкой гласности межреспубликанского соревнования и т. д.

Показывается вклад рабочего класса СССР, всех его национальных отрядов в укрепление мировой социалистической системы, в углубление международного рабочего и национально-освободительного движения, в реализацию принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами, в осуществление Программы мира, выработанной XXIV и XXV съездами КПСС.

Важное направление в историографии советских республик связано с разработкой истории социалистического преобразования сельского хозяйства, с изучением истории национального крестьянства.

Раскрывается творческий характер аграрной политики КПСС, ее органическая связь с национальной политикой. Освещается роль государства в материально-техническом снабжении национальной деревни, строительство кооперации, организация крестьянской бедноты и батрачества, деятельность Советов в деревне, организационная и идейно-воспитательная работа партии среди крестьянства. Большое внимание уделяется вкладу рабочего класса в социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства (снабжение деревни техникой, руководство проведением земельно-водных реформ и землеустройства, организация машинно-тракторных колонн и станций, электрификация села).

Огромное значение имело шефство городских рабочих над деревней. Историки показывают, что рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством был ведущей силой создания социалистических общественных отношений в деревне. Внимание историков привлек вопрос о характере аграрных преобразований 20-х годов в республиках Средней Азии и Казахстана. Одни из них считают, что эти преобразования носили революционно-демократический характер, поскольку непосредственно не утверждали социалистических отношений в деревне, а лишь подготавливали условия победы социализма в восточной деревне. Другие же, соглашаясь с этим, тем не менее характеризуют указанные преобразования как социалистические, ибо они проводились Советской властью, Коммунистической партией и являлись важным средством привлечения дехканских масс Советского Востока на сторону социализма.

Центральное место в работах, освещающих историю коллективизации сельского хозяйства, отводится проблеме классовой борьбы в деревне и, в частности, региональным особенностям ее проявления, вопросам пар-

тийного руководства колхозным движением, укрепления колхозного строя. В исследованиях, посвященных довоенной советской деревне, обращается внимание на формирование системы социалистических производственных отношений в коллективных хозяйствах, совершенствование в них организации и оплаты труда, подъем трудовой активности колхозников.

В ряде республик созданы труды по истории крестьянства¹¹. Ввиду новизны этой темы коллективно вырабатывалась методика, подход к ее изучению. Заметно стремление авторов к тесной увязке истории крестьянства как класса с анализом социально-экономических сдвигов в деревне, к изучению вопросов, касающихся производственной деятельности крестьянства в связи со структурными изменениями в его составе; к показу общественно-политической и трудовой деятельности крестьянства, изменений в характере и содержании его труда, сближения его с другими социальными группами советского общества, изменений в духовном и морально-политическом облике тружеников советской деревни.

Появился ряд новых исследований об осуществлении аграрной политики КПСС, о развитии сельского хозяйства и социально-экономических процессах в деревне советских республик на стадии развитого социализма. В них рассматриваются такие актуальные проблемы, как индустриализация сельскохозяйственного труда, все большее превращение его в разновидность труда индустриального; интенсификация сельскохозяйственного производства, связанная с повышением уровня его механизации, химизацией, развитием мелиорации и орошения; дальнейшее обобществление сельского хозяйства, позволяющее более полно реализовать возможности и преимущества колхозного строя; бурный рост масштабов колхозно-совхозного производства и решение задачи максимального удовлетворения растущих потребностей советского народа; формирование кадров механизаторов и специалистов сельского хозяйства; повышение культурного уровня и материального благосостояния сельских тружеников; динамика численности сельского населения; братская взаимопомощь сельских тружеников советских республик (например, в освоении целинных и залежных земель).

Был опубликован ряд исследований по теме союза рабочего класса и крестьянства. В них показывается дальнейшее повышение ведущей роли рабочего класса в советском обществе, обогащение качественного содержания его союза с колхозным крестьянством. Характеризуются формы и методы воздействия рабочего класса на социально-экономическое развитие деревни в период социалистического строительства, развитие союза рабочего класса и крестьянства в условиях зрелого социализма, расширение сферы приложения их совместных усилий в строительстве коммунизма.

¹¹ История крестьянства Украинской ССР, тт. 1—2. Киев, 1967; Балакаев Т. Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Алма-Ата, 1971; История советского крестьянства Киргизстана. Фрунзе, 1972; Овчинникова М. И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921—1929 гг.). Ростов н/Д, 1972; Алимов И. А. Узбекское дехканство на пути к социализму. Социально-экономические преобразования в узбекском кишлаке в 1921—1925 гг. Ташкент, 1974; История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана (1917—1970 гг.). Ашхабад, 1974; Тимоти К. П. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства МССР. 1951—1958 гг. Кишинев, 1974; Казахетян В. Н. История крестьянства Советской Армении в 1920—1929 гг. Ереван, 1975; Павлов Н. П. Крестьянство Удмуртии 1946—1970 гг. Историко-социологические очерки. Ижевск, 1975; Исабаев Р. Н. Колхозное крестьянство Казахстана в условиях развитого социализма. Алма-Ата, 1977; Швелидзе Н. К. Крестьянство Грузии в период подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства. Тбилиси, 1977 и др.

Значительно продвинулось вперед изучение различных аспектов культурного строительства в национальных республиках. Исходя из марксистско-ленинского понимания культурной революции как закономерности общественного развития в эпоху строительства социализма и коммунизма, историки раскрывают специфические проявления этой закономерности в различных национальных районах. Одно из центральных мест в новых трудах занимает проблема идейного становления социалистической культуры (борьба с буржуазно-националистическими и феодально-клерикальными идейными концепциями, теорией «единого потока», реакционными традициями и обычаями). Выделяются две основные линии, по которым шло и идет формирование и развитие интернационального сознания трудящихся: сама советская действительность, утверждающая в поступках и образе мыслей людей принципы братства и взаимопомощи, чувство интернационального долга, и целенаправленная деятельность партии по преодолению шовинизма и национализма, интернациональному и идейно-политическому воспитанию масс.

В трудах по истории культурной революции глубже исследуются ее этапы, методы ликвидации неграмотности, организации в стране народного образования, культурно-просветительной работы, издательского дела, подготовки национальных кадров; уделяется внимание процессу создания письменности у ряда народов, развития литературы и искусства.

В связи с изучением борьбы советского народа за построение коммунистического общества обстоятельно освещается процесс формирования нового человека, совершенствование его духовного и морально-политического облика. Обобщается опыт партии в области марксистско-ленинского образования кадров, воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, непримиримости к буржуазной идеологии, укрепления социалистической дисциплины труда, выработки атеистической убежденности населения. Историки выявляют тесную связь интернационального воспитания масс с дальнейшим совершенствованием национальных отношений; она выражается в еще большем укреплении и развитии чувства дружбы и уважения к лучшим национальным традициям народов СССР, в их все усиливающемся взаимообращении во всех областях жизни, в закреплении общих черт их духовного облика, в росте внутреннего единства советского народа как интернациональной общности людей. Подробно раскрывается проблема взаимообращения национальных культур, формы взаимообмена советских народов духовными ценностями, процесс развития общесоветской социалистической культуры.

В ряде работ характеризуется социальная функция интеллигенции в социалистическом обществе, показывается ее беззаветное служение интересам рабочего класса, всех трудящихся. Широко освещаются социальные и политические условия создания кадров национальной интеллигенции и методы их подготовки (поскольку в большинстве республик старая интеллигенция почти отсутствовала, основной упор делался на создание новых кадров интеллигенции). Уделяется внимание опыту идеологического воспитания интеллигенции, показу ее вклада в победу социализма, в создание материальных и духовных предпосылок коммунизма.

Во многих республиках изданы обобщающие труды о Великой Отечественной войне¹².

¹² Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., тт. I—III. Киев, 1967—1969 (изд. на русск. яз., 1975); Борьба литовского народа за свободу Родины в Великой Отечественной войне. Вильнюс, 1968; Борьба за Советскую При-

На новый уровень поднялось освещение проблем патриотизма и интернационализма народов СССР в войне. О высоком боевом духе советских воинов разных национальностей, их несгибаемой воле к победе, самоотверженности и героизме повествуется в работах, посвященных истории боевых операций, отдельных соединений, родов войск, военных округов. Глубоко исследуется проблема интернационализма народов СССР как одного из важнейших факторов победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Большой материал о боевом содружестве советских народов содержится в публикациях, посвященных партизанскому движению. Показана интернациональная сущность партизанского движения, участие в нем представителей десятков наций и народностей СССР. Акцентируется внимание на выявлении общности их морально-политического и духовного облика, единства интересов, целей и действий, направленных на достижение победы в борьбе за освобождение родной земли.

В последние годы возросло внимание историков к характеристике конкретного вклада той или иной республики в общую победу Советского Союза в Великой Отечественной войне. Освещается участие воинов — представителей отдельных республик в крупных сражениях, в партизанском движении, самоотверженный труд рабочих, колхозников, интеллигенции в тылу. Дружба, взаимопомощь народов СССР, глубокое понимание ими общего долга раскрывается в связи с эвакуацией и размещением промышленности на новых местах, подготовкой рабочих кадров, перестройкой промышленного производства на военный лад, организацией снабжения перебазируемых предприятий сырьем, электроэнергией и материалами. Интернационализм советских народов ярко проявился также в устройстве миллионов эвакуированных, обеспечении их жильем, продовольствием, работой, в организации нормальной деятельности переведенных на Восток учебных заведений, научных учреждений, в развертывании широкой сети госпиталей, во всенародной заботе об удовлетворении нужд сражающейся армии.

Раскрываются патриотические дела рабочего класса, его новаторские подвиги (движение двухсотников, пятисотников, «тысячников» и др.), изменения в промышленном облике восточных районов (появление многих новых отраслей индустрии). Прослеживаются сдвиги в дальнейшем выравнивании уровней экономического и культурного развития республик, подчеркивается усиление сходства их социально-классовой структуры.

Колхозное крестьянство, как убедительно показано на материале многих республик, продемонстрировало в годы войны безграничную преданность советскому строю, высокое чувство патриотического и интернационального долга. Анализируется соотношение моральных и матери-

балтику в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (в 3-х тт.). Рига, 1969; Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970; Бурятия в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Улан-Удэ, 1975; Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975; Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Нальчик, 1975; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., тт. I—II. Кишинев, 1975—1976; Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Саранск, 1975; Советская Армения в годы Великой Отечественной войны. Ереван, 1975; Советский Таджикистан в Отечественной войне 1941—1945 гг. Сб. статей. Душанбе, 1975; Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Таллин, 1975; Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., тт. I—II. Баку, 1976—1977; Б а б а л а ш в и л и И. П. Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тбилиси, 1977; Г и л ь м а н о в З. И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Казань, 1977 и др.

альных стимулов, личного и общественного в труде и хозяйстве колхозников, быт, общественно-политическая деятельность крестьянства. Широко освещается организаторская и идеологическая работа партии в деревне, участие колхозных масс во Всесоюзном социалистическом соревновании. Одним из важных аспектов исследований о крестьянстве военного времени является характеристика изменений в его численности и составе.

Исследуется проблема дальнейшего укрепления и развития союза рабочего класса и крестьянства — одного из факторов победы в Великой Отечественной войне. Выделяются основные формы помощи рабочего класса деревне: максимальное в тех условиях снабжение МТС и колхозов сельскохозяйственной техникой, ремонтными средствами и запасными частями, участие в сельскохозяйственных работах, организация соревнования промышленных предприятий с колхозами за увеличение выпуска продукции, совместное проведение «фронтowych декадников» и т. д. Показываются тесные связи фронта и тыла, их многообразные проявления.

Историки обращают внимание на факторы укрепления межнациональных связей в годы войны: рост многонациональности республик (немалую роль здесь играла эвакуация в восточные районы населения из временно оккупированных врагом территорий); совместный труд представителей разных народов по выполнению фронтowych заказов, а также в колхозах и совхозах, взаимообмен трудовыми и бытовыми традициями; помощь и непосредственное участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства западных республик и областей. Интернациональная общность народов СССР, сплотившихся вокруг Коммунистической партии, как показано в новейших исследованиях, явилась одним из важнейших источников нашей победы в Великой Отечественной войне.

В ряде работ раскрывается тема интернациональной солидарности народов СССР с поднявшимися на борьбу с немецким фашизмом патриотами других стран.

Предметом пристального внимания стала послевоенная история национальных республик. Развитие промышленности и сельского хозяйства, деятельность партийных, комсомольских и профсоюзных организаций по подъему творческой активности масс, в частности, их руководство движением за коммунистический труд, сотрудничество народов в строительстве промышленных и энергетических гигантов — таковы основные темы исследований, посвященных этому периоду.

В новых работах большое внимание уделяется характеристике национальных отношений на современном этапе. Освещается тема сближения советских наций и народностей во всех сферах жизни. Исследователи отмечают, что важным фактором, свидетельствующим о сближении наций, является усиление их социальной однородности. Тенденция возрастания социальной однородности советских наций проявляется в стирании межклассовых граней, развитии коммунистических общественных отношений. В наше время этот процесс стал характеризоваться сближением таких социальных показателей, как распределение городского и сельского населения различных республик по характеру труда, удельному весу квалифицированных работников, уровню образования населения.

В работах историков показано, что сближение наций происходит также в результате специализации и кооперирования производства республик и экономических районов, возрастания в условиях научно-технической революции численности рабочих и интеллигенции, повышения роли рабочего класса в советском обществе. Укрепляются экономические связи республик, краев, областей, расширяется обмен кадрами, ква-

лифицированными специалистами, достижениями науки и производственным опытом. Неуклонно повышается регулирующая роль Союзного государства. Стремясь к максимальному использованию достижений научно-технической революции и добиваясь всемерной интенсификации производства, Союзное государство держит курс на дальнейшее углубление промышленной специализации и кооперирование республик, выравнивание уровней их развития, рациональное использование общесоюзных материальных ресурсов, выступает организатором экономического и культурного сотрудничества советских народов.

В документах XXIV и XXV съездов КПСС сформулированы важные положения о советском народе как новой исторической общности людей¹³. В республиках началось интенсивное изучение этой проблемы¹⁴. Советский народ определяется, во-первых, как общность социально-классовая, объединяющая социалистические классы и социальные группы и, во-вторых, как общность межнациональная, олицетворяющая нерушимое единство всех советских наций и народностей. Характеризуются основные факторы, сплачивающие советских людей в новую историческую общность — единство социалистических общественных отношений, марксистско-ленинской идеологии, наличие общих существенных черт в морально-политическом и духовном облике рабочих, колхозников, интеллигенции, представителей всех народов СССР.

Национальная историография активно включается в борьбу с буржуазными и националистическими фальсификаторами истории народов СССР. Во многих трудах, опубликованных в республиках Прибалтики, на Украине, Молдавии, республиках Средней Азии¹⁵, разоблачаются

¹³ См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 75—76; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 81.

¹⁴ Холмогоров А. И. Единый и многонациональный. Рига, 1970; Даждамиров А. Ф. Советский народ — интернациональная общность людей. Баку, 1974; Кахк Ю. Черты сходства. Социологические очерки. Таллин, 1974; Великий советский народ. Киев, 1976; Советский народ — строитель коммунизма, тт. 1—2. Фрунзе, 1977; Становление советского народа и развитие социалистических наций. Киев, 1978 и др.

¹⁵ Даниленко С. Т. Дорогой позора и предательства. Историческая хроника. Киев, 1970; Рымаренко Ю. И. Украинский буржуазный национализм — враг интернационального единения трудящихся. Киев, 1970; Чередниченко В. П. Национализм против нации. Киев, 1970; Кочарли Т. К. Против фальсификаторов истории (история социалистической революции в Азербайджане в кривом зеркале буржуазных фальсификаторов). Баку, 1972; Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в Советском Союзе. Кишинев, 1972; Хидоятов Т. А. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; его же. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Аминова Р. Х. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане и ее буржуазная фальсификация. Ташкент, 1973; Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии (Ответ идеологам антикоммунизма, извращающим исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и Казахстане). Ташкент, 1973; его же. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976; Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1974; Абдуллаев М. А. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов (Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана). Ташкент, 1975; Романовский В. Ф. Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. Минск, 1975; Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация. Англо-американская историография о Казахстане. Алма-Ата, 1976; Мнацаканян А. Н. Против дашнакской фальсификации истории. Ереван, 1976; Фальсификаторы истории. Критика антикоммунизма зарубежных литовцев-националистов по вопросу истории Советской Литвы (1940—1974 гг.). Сб. статей. Вильнюс, 1976; Абдуллин М. И. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977; Иманджанова Г. З. Национальная государственность Узбекистана и ее фальсификаторы. Ташкент, 1977; Национальный вопрос и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1977; Полевой Л. П. Национально-государственное строительство в СССР. Факты и домыслы. Киев, 1977 и др.

буржуазные мифы о прошлом и настоящем советских народов, показываются их исторические достижения на пути строительства социализма и коммунизма, осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии. Характерной чертой современной историографии национальных республик является обращение ее к темам общесоюзной истории, к истории зарубежных стран.

Все шире начинают решаться вопросы, связанные с применением электронно-вычислительных машин в исторических исследованиях.

Таким образом, историческая наука в национальных республиках, как и вся советская историография, достигла высокого уровня развития. Она успешно осваивает сложнейшие проблемы истории народов СССР с древнейших времен до наших дней. По сравнению с предыдущим периодом не только намного расширилась проблематика исследований, но и закрепился углубленный подход к изучению исторического процесса на основе вовлечения в научный оборот и всестороннего анализа многих новых источников. Обогатился опыт совместной творческой работы историков национальных республик и ученых центральных научных учреждений. Наибольшее внимание привлекают проблемы социально-экономического развития народов, культуры и общественной мысли, национально-освободительного и революционного движения, истории Октябрьской революции, национально-государственного строительства, участия трудящихся советских республик во всенародной борьбе за построение социализма и коммунизма.

Эти достижения составляют прочную основу дальнейшего развития советской исторической науки. В свете решений XXV съезда Коммунистической партии, постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и других партийных документов важнейшее значение имеет разработка методологических проблем исторической науки, раскрытие действия объективных закономерностей всемирно-исторического процесса, соотношения истории и современности, обогащение методов исторического познания. Обобщение опыта КПСС по творческому развитию марксистско-ленинской теории — неисчерпаемый источник роста действенности исторической науки, повышения научно-теоретического уровня исследований по истории. По-прежнему актуальной остается задача всестороннего изучения вклада В. И. Ленина, КПСС в теорию национального вопроса и в практику его решения, исторического опыта партии по урегулированию национальных отношений, сплочению советских народов в интернациональное братство. Важно, опираясь на факты социалистической действительности в СССР и других странах социализма, глубоко раскрывать международное значение ленинского учения по национальному вопросу, опыта КПСС и братских партий по созданию межнациональных отношений социалистического типа. В современных условиях изучение и пропаганда интернациональной значимости этого богатейшего опыта приобретают мощную силу воздействия на углубление мирового освободительного процесса.

Непреодолимое значение имеет выявление решающей роли народных масс в истории, экономических, политических и культурных взаимосвязей народов России, их солидарности в освободительном и революционном движении. Предстоит глубоко изучить вопрос о гегемонии пролетариата в российских революциях начала XX в. его деятельность по интернациональному сплочению трудящихся в борьбе за свержение царизма и капитализма, исследовать механизм слияния рабочего и демократического национально-освободительного движения. Нужны новые труды, раскрывающие совместную борьбу народов за установление и упрочение

Советской власти, их участие в строительстве нового государственного аппарата, национализации основных средств производства, в творчестве социалистических общественных отношений, в защите революционных завоеваний.

Следует серьезно усилить разработку истории поисков форм сотрудничества народов в первые годы Советской власти, глубже изучать этапы их объединительного движения, завершившегося созданием Союза ССР. Необходимо уделить больше внимания проблемам острой идейно-политической борьбы в период образования СССР. Еще слабо разрабатывается история национально-государственного строительства у народов СССР после образования Союзного государства. Тут важно проследить рост политической активности национальных масс, пути и способы вовлечения их в политическую жизнь. Нужно обратить внимание на то, что определенную роль здесь сыграли мероприятия Советской власти по переустройству социально-экономических отношений в национальных районах, проведение индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции, формирование национальных отрядов рабочего класса, интеллигенции, преобразование социальной сущности крестьянства.

Ощущается потребность в новых глубоких исследованиях, раскрывающих процесс сближения народов, их дружбу и сотрудничество, солидарность и единую волю в строительстве социализма и коммунизма. Необходимо изучить конкретные формы экономического и культурного взаимодействия народов СССР, определить, какие из этих форм были важнейшими на различных этапах развития советского строя. Нуждается в сравнительном анализе история национальных отношений в СССР. Известно, что эти отношения не являются застывшей, раз навсегда данной категорией; они развиваются и совершенствуются, обогащаются новыми чертами и свойствами, т. е. предстают как живой, динамический процесс. Поэтому большой научный интерес представляет исследование движения этого процесса, тесно связанного с этапами развития социализма. Стоит задача усилить изучение межнациональных миграций как прогрессивного процесса, обусловленного коренными закономерностями социалистической экономики, способствующего дальнейшему сближению народов страны, усилению обмена материальными и духовными ценностями, взаимообогащению национальных культур. Следует обратить больше внимания на типологию этнических процессов, во многом по-разному протекающих среди больших и малых народов, на дифференцированный подход к характеристике сближения наций в различных сферах их жизни (экономика, культура, язык).

Много проблем возникает в связи с изучением истории формирования и развития советского народа как новой исторической общности людей: вопросы периодизации этого процесса, характеристика роли рабочего класса как ведущей социальной силы народа, возрастания социальной однородности наций и народностей и всей их общности в целом, усиления общесоветских черт в духовном облике и психологии советских людей и т. д. Принятие новой Конституции СССР и Конституций союзных республик открыло новые горизонты исследования национальных отношений в развитом социалистическом обществе, вопросов совершенствования национальной государственности, советского федерализма, процессов расцвета и сближения социалистических наций и народностей, укрепления их интернациональной общности. Необходимо и впредь настойчиво разоблачать буржуазно-ревизионистские (в том числе маоистские) фальсификации истории народов СССР.

Л. И. Брежнев отмечал: «Конституция СССР и республиканские конституции вновь подтвердили, что дружба народов — поистине бесценное завоевание социализма, могучая сила нашего развития»¹⁶. Партия постоянно крепила и крепит дружбу народов СССР, интернациональное единство советской общности людей. Она ставит задачу и впредь воспитывать у советских людей чувство гордости за социалистическое Отечество, нерушимой братской дружбы народов СССР, уважение к национальному достоинству и национальной культуре, непримиримость к любым проявлениям национализма, способствовать дальнейшему укреплению единства и сплоченности великого советского народа¹⁷. В решении этих задач по-прежнему почетной остается роль советской исторической науки.

¹⁶ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, с. 320.

¹⁷ См. постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». — «Коммунист», 1979, № 7, с. 13—14.

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ИЗУЧЕНИИ И ИЗДАНИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Советской историографией достигнуты немалые успехи в развитии источниковедения истории СССР дооктябрьского периода. Этот вывод можно было бы подкрепить перечислением большого количества публикаций источников (например, в таких серийных изданиях, как «Полное собрание русских летописей», «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — нач. XV в.», «Акты феодального землевладения и хозяйства», «Акты Русского государства XVI — начала XVII в.» и др.), исследований о различных разновидностях и комплексах источников, обобщающих работ по теории и методике источниковедения. Эти успехи связаны с общим процессом развития советской исторической науки на основе марксистско-ленинской методологии. В стране сложился и успешно работает ряд научных центров (сектора истории древнейших государств на территории СССР, истории СССР периода феодализма и источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР, Археографическая комиссия Отделения истории АН СССР, сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, кафедры источниковедения истории СССР Московского, Ростовского-на-Дону университетов, Московского историко-архивного института и др.). Большая работа в указанной области ведется историками союзных и автономных республик. Прделанная работа, очень большая и важная по своим масштабам и значению, выявила «белые пятна», малоисследованные области и недостатки, выдвинула в повестку дня новые задачи, которые предстоит решать в ближайшие годы и в более отдаленной перспективе. В статье речь пойдет не только о главных, наиболее важных проблемах в этой области, но и о тесно связанных с ними частных вопросах, которые имеют, на наш взгляд, особое значение для изучения письменных памятников русского средневековья. Несмотря на, казалось бы, известную исчерпанность работы по изданию основного массива источников указанного времени и богатые более чем двухсотлетние традиции их научного использования, описания и исследования, большой объем того, что сделано, позволяет ясно увидеть то, что сделать еще крайне необходимо.

В последнее время в научной печати говорилось о тех задачах, которые стоят перед советской источниковедческой наукой, но их постановка носила общий характер, поскольку касалась изучения источников с древнейших времен до наших дней¹. Естественно, она не исключает, а

¹ См. Буганов В. И., Трукан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. — «Вопросы истории», 1977, № 3; Буганов В. И. Источниковедение и специальные исторические дисциплины (дооктябрьский период). В сб. Археография и источниковедение (Северный археографический сборник, вып. IV). Сыктывкар, 1977; его же. Развитие источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода в 1970—1975 гг. В кн. Советская историческая наука от XXIV к XXV съезду КПСС. Дооктябрьский период. М., 1978.

наоборот, предполагает более детальное рассмотрение неотложных мер в разработке источниковедения, а также специальных исторических дисциплин применительно к отдельным эпохам. В данном случае нас интересуют состояние и вытекающие из него насущные вопросы дальнейшего развития указанной отрасли исторической науки, изучающей периоды раннего и зрелого феодализма в России. Естественно, в одной статье нельзя поставить все вопросы этой темы; нас интересуют лишь наиболее главные, на наш взгляд, моменты, связанные с развитием указанных дисциплин на современном этапе.

Общая тенденция в развитии источниковедения состоит в отпочковывании от него все новых и новых дисциплин. Процесс этот происходит по двум линиям. Во-первых, приобретают самостоятельное или «полусамостоятельное» значение дисциплины или их составные части, связанные с изучением отдельных видов источников. К традиционным же — дипломатике, нумизматике, эпиграфике, сфрагистике — теперь добавляются летописеведение, берестология (обе — составные части источниковедения), фалеристика и др. Во-вторых, возникают научные направления, связанные с возникновением новых методов исследования источников. Речь идет, например, о кодикологии, филигранологии, как составных частях палеографии, и других. Нам этот процесс представляется плодотворным, ибо он позволяет углубить источниковедческое исследование.

Необходимо помнить, что дальнейшее движение науки основывается и на совершенствовании методологии источниковедения и на углублении его методики.

Но, исходя из этого, важно также иметь в виду необходимость синтеза, интеграции данных разных научных дисциплин². Такой комплексный подход к изучению источников характерен для многих исследований выдающихся ученых прошлого и настоящего и должен быть положен в основу работы в области источниковедения и специальных исторических дисциплин.

В настоящее время источниковедение истории русского средневековья переживает важный период своего развития³. Как никогда раньше проявляются две тенденции — дифференциация и интеграция исследований.

В связи с этим насущно необходима координация усилий историков, лингвистов, литературоведов, специалистов по исторической географии, истории права. Одновременно встают новые задачи и проблемы более частного характера в пределах отдельных дисциплин или их составных частей, подразделений.

* * *

В организации поиска источников — немало нерешенных задач и прежде всего — в обеспеченности исследовательских поисков архивными описями. Более или менее благополучно с этим обстоит дело в рукописном отделе БАН СССР, где есть блестящее печатное описание рукописных книг⁴. Описаны все рукописи в отделе рукописных книг ГИМа (за-

² См. об этом Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — «История СССР», 1973, № 3; его же. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 3—21.

³ См. Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. В сб. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 427—449; его же. О методике изучения повествовательных источников XVI в. — Источниковедение отечественной истории, сб. 1. М., 1973, с. 187—211.

⁴ В последние десятилетия вышли: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959; вып. 2. М.—Л., 1956; вып. 3. Л., 1971; т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951.

вершено издание описания основного — Синодального собрания)⁵. Но многие описи до сих пор остаются неизданными. В ГБЛ почти два десятилетия идет работа над пятитомным путеводителем по рукописным книгам. В ЦГАДА собираются издать опись собрания рукописных книг библиотеки МИД. Не изданы основные описания в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ЛОИИ. Археографическая комиссия приступила к изданию описания всех славяно-русских рукописей до конца XV в., но пока появились только предварительный список (до конца XIV в.) и методические указания к описанию⁶. Нет и описаний писцовых книг. Акты XVI в. не имеют необходимых описей (кроме хронологического перечня, составленного С. М. Каштановым для имунитетных актов)⁷. Доведение до конца этих работ, издание указанных описаний — задачи первоочередные.

Основной корпус источников XI—XV вв. выявлен и опубликован (хотя имеются и материалы неизданные или изданные на невысоком археографическом уровне). Поиски источников продолжаются. М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и другие нашли и частично издали ряд летописных, повествовательных памятников. Археографические экспедиции, которые планомерно вел в Ленинграде В. И. Малышев, в Москве — отдел рукописей ГБЛ, в Новосибирске — Н. Н. Покровский и его коллеги, привели к открытию новых памятников литературы и общественной мысли или новых списков уже известных памятников (Повесть о Сухане, новый текст Судного дела Максима Грека, автограф Жития Аввакума, Артаксерксово действо конца XVII в. и др.)⁸. Но дело не только в этом. Настало время более широкого, планомерного и целенаправленного текстологического изучения памятников. Те из них, которые имели длительное бытование в рукописной традиции (а таких большинство), необходимо изучить как явление многовекового литературного процесса. Для этого нужно выявить и исследовать все сохранившиеся списки. Для дипломатики с ее вниманием к изучению формуляров актов также необходимо привлечение грамот того или иного вида с максимальной полнотой. То же можно сказать и о других видах источников. Следовательно, поиск древнерусских источников (до начала XVII в.) означает выявление всех без исключения текстов, относящихся к этому периоду, — подлинников или копий, оригинальных памятников или списков.

Одна из важных задач, стоящих перед историками, — изучение истории складывания и состава феодальных архивов. Поставлена она была в монографии Л. В. Черепнина применительно к княжеским архивам XIV—XV вв.⁹ В этом же направлении работали С. О. Шмидт, М. В. Ку-

⁵ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), ч. I. М., 1970; ч. II. М., 1973.

⁶ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (сост. Н. Б. Шеломанова). — «Археографический ежегодник» (далее — АЕ) за 1965 г. М., 1966, с. 177—272; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973; вып. II, ч. 1—2. М., 1976.

⁷ Каштанов С. М. Хронологический перечень имунитетных грамот XVI в. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 265—301; его же. Хронологический перечень имунитетных грамот XVI в., ч. II. — АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 129—200; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень имунитетных грамот XVI в., ч. III. — АЕ за 1966 г. М., 1968, с. 197—253.

⁸ Малышев В. И. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956; Артаксерксово действо. М.—Л., 1957; Судные списки Максима Грека и Исааки Собаки. М., 1971.

⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1—2. М., 1948—1952.

кушкина, И. П. Шаскольский и другие¹⁰. Тема о феодальных архивах важна в различных аспектах. Так, существенно исследование истории складывания и функционирования архива в системе государственного управления и роли его документов в политической истории страны¹¹. Не менее важно реконструировать первоначальный состав материалов в каждом из подобных архивов. В результате деятельности собирателей XVIII—XIX вв. была нарушена целостность архивов, и мы с трудом можем определить, в какой степени они сохранили первоначальный состав, к каким архивам принадлежат отдельные важные памятники, хранящиеся в позднейших собраниях. Так, Б. М. Клосс установил, что и Симеоновская летопись и Русский хронограф составлены в Волоколамском монастыре¹². Неожиданностью оказалось и то, что, несмотря на все превратности судьбы, библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря со времен П. М. Строева дошла до нас более или менее полно¹³.

В связи с весьма значительными успехами в деле публикации источников необходимо, на наш взгляд, произвести учет всего того, что издано, а также учет неопубликованных материалов и издать то, что не издано или издано на низком археографическом уровне в XVIII—XIX вв. Необходимо также — и это важнейшая задача — совершенствовать методику археографии, выработать научно обоснованную типологию изданий.

Основные виды памятников XI—XVI вв. в настоящее время или изданы или готовятся к печати. Так, подавляющее большинство летописей уже опубликовано, преимущественно в Полном Собрании Русских Летописей (ПСРЛ). Правда, нет научных изданий Новгородской III летописи¹⁴, т. н. «Русского временника» по Румянцевскому списку (издание последнего было осуществлено в 1820 г. по поздней редакции). Нужно собрать воедино многочисленные краткие и местные летописцы в рамках ПСРЛ. В этой же серии следует переиздать опубликованные отдельными изданиями А. Н. Насоновым Новгородскую I и псковские летописи, А. А. Зиминым — Иоасафовскую летопись, К. Н. Сербиной — Устюжский летописный свод¹⁵. Наконец, необходимо издать несколько летописей, опубликованных частично (например, Новгородскую хронографическую летопись) или недавно изученные по новым спискам — Типографскую (А. Н. Насоновым), Воскресенскую (С. А. Левиной)¹⁶, Новый летописец и др. Ждут своего переиздания и подготовленные А. Н. Насоновым тверские летописи. Отстающим участком является также издание

¹⁰ Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. — Труды МГИАИ, т. 8. М., 1957, с. 260—278; его же. К истории Царского архива середины XVI в. — Там же, т. 11. М., 1958, с. 364—407; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977; Шаскольский И. П. Судьба государственного архива Великого Новгорода. — Вспомогательные исторические дисциплины, сб. IV. Л., 1972.

¹¹ Государственный архив России XVI столетия (Опыт реконструкции). М., 1978.

¹² Клосс Б. М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в. — Вспомогательные исторические дисциплины, сб. VI. Л., 1974, с. 107—124; его же. Рец. на кн. О. В. Творогова «Русские хронографы». — История СССР, 1977, № 3.

¹³ Зимин А. А. История рукописного собрания Иосифо-Волоколамского монастыря — Записки отдела рукописей ГБЛ, т. 38. М., 1977; Слуховский М. И. Русские библиотеки XVI—XVII вв. М., 1973.

¹⁴ См. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1966.

¹⁵ См. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.—Л., 1950; Псковские летописи, вып. 1—2. М.—Л., 1941—1955; Иоасафовская летопись. М., 1957; Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.

¹⁶ Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 375—379; ее же. Тринадцатый список Воскресенской летописи. — АЕ за 1967 г. М., 1969, с. 96—97; ее же. К изучению Воскресенской летописи. — ТОДРЛ, т. XIII. М., 1957, с. 689—705.

памятников русской хронографии, которые в последнее время стали объектом пристального изучения.

В последние два десятилетия серия ПСРЛ пополнилась рядом важных изданий летописных текстов (Вологодско-Пермская, Никаноровская, Летописец начала царства Ивана Васильевича, Александро-Невская, Новгородская II, Холмогорская, белорусско-литовские и другие летописи, ряд летописцев XVII в.)¹⁷.

Должны выйти в свет белорусско-литовские летописи (второй том), подготовлены к изданию летописи Густынская, сибирские, готовятся — Радзивилловская, Софийская I по списку Царского, Воскресенская, Новгородская Карамзинская, Новгородская Хронографическая, северорусские. Впрочем, для окончательного выяснения вопроса о полном корпусе сохранившихся летописных текстов необходимо завершить работу по описанию рукописей, содержащих летописные памятники, которая была в значительной степени проделана А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым¹⁸.

Указанные успехи отечественной археографии тесно связаны с заметным продвижением вперед летописеведения как составной части источниковедения в исследовании русских летописных памятников X—XVI вв. В первую очередь следует назвать труды А. Н. Насонова, Д. С. Лихачева, В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и многих других ученых; несколько монографий готовится сотрудниками сектора источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР.

До сих пор не выполненным остается завет А. А. Шахматова — издание реконструкций несохранившихся летописных сводов применительно к летописанию XIV—XV вв. Сам Шахматов провел подобную работу для Повести временных лет и частично для предшествующих летописных памятников. М. Д. Приселков подготовил к изданию реконструкцию сгоревшей Троицкой летописи¹⁹. Теперь после выхода капитального труда Я. С. Лурье²⁰ и работ других исследователей (Б. М. Клосс и др.) можно попытаться создать свод реконструкций памятников русского летописания XIV—XV вв. Работа эта — трудная, но необходимая. Без нее невозможно представить себе, в какой мере гипотетические своды опираются на реальные тексты. Этими реконструкциями можно было бы пользоваться в повседневной работе, но, конечно, с соответствующими оговорками и ссылками на исследования, подкрепляющими гипотезу о существовании того или иного свода. Указанная задача по реконструкции источников имеет отношение не только к летописям, но и к другим источникам (акты, повести, сказания и др.).

Произведения публицистического, повествовательного характера в значительной степени изданы. Однако некоторые из них нуждаются в критическом переиздании (сочинения Курбского, Домострой, Стоглав). Необходимо доиздать Великие Четы-Минен. Уже накопились материалы для издания полного собрания сочинений Максима Грека, Ермолая-Еразма, Зиновия Отенского.

В основном опубликованы и актовые материалы до начала XVI в. Однако следовало бы подготовить к изданию дополнительный том «Ак-

¹⁷ ПСРЛ, тт. XXVI—XXXIV. М.—Л., 1959—1978.

¹⁸ Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, с. 235—274; его же. Летописные памятники хранилищ Москвы (Новые материалы). — Там же, т. IV. М., 1955, с. 243—285; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

¹⁹ Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.—Л., 1950.

²⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

тов социально-экономической истории XIV — начала XVI в.», материал для него уже накопился. Встает вопрос и об академическом издании юридических памятников, возникших в эпоху между Русской Правдой и судебниками конца XV—XVI в. (Псковская и Новгородская судные грамоты и др.). Подготовительную работу в этом плане проводит группа ленинградских историков (Ю. Г. Алексеев и др.). Начали издаваться акты XVI — начала XVII в. (это в первую очередь относится к документам из архива Троице-Сергиева монастыря)²¹. Северные акты готовятся к публикации А. И. Копанев и Н. Е. Носов; Л. И. Ивина подготовила акты Симонова монастыря; В. Д. Назаров работает над актами Московского Богоявленского, Калязина и Спасо-Ефимьева монастырей. Издать эти материалы сравнительно просто, ибо сохранились страхующие исследователя копииные книги актов этих монастырей. То же относится и к кирилло-белозерским актам. Более трудоемка подготовка к публикации остальных актов, которые надо сначала полностью выявить, составив их картотеку. Важная задача — издание Литовской метрики, к которой приступила А. Л. Хорошкевич²².

Многое еще предстоит сделать и в области издания писцовых книг. Новгородские писцовые книги после работ Г. В. Абрамовича, А. Л. Шапиро и других²³ выявлены, их подготовка к печати не представляет сложности. После исследований В. Б. Павлова-Сильванского²⁴ выяснилось, что для основных территорий России необходимо не только доиздать остающиеся неопубликованными писцовые книги (ярославские, рязанские и др.), но и переиздать все калачевское издание, осуществленное совершенно неудовлетворительно. Нужно завершить начатое П. А. Колесниковым издание сотниц XVI в.²⁵ Требуется продолжения предпринятая А. И. Яковлевым работа по изданию кабальных книг²⁶, подвергшихся тщательному изучению в трудах советских ученых (В. И. Шунков, А. И. Копанев, Е. Н. Кушева, В. М. Панеях и др.).

Публикация разрядных книг XVI — начала XVII в. завершается изданием В. И. Буганова²⁷; осталось подготовить и опубликовать три тома Пространной редакции этого источника. Хозяйственные книги Иосифо-Волоколамского монастыря опубликованы А. Г. Маньковым²⁸. Важно провести выявление и издание сохранившихся документов русских приказов XVI — начала XVII в. (Разрядного, Поместного и др.).

Необходима также научная публикация материалов Земского собора 1566 г., поручных записей, соборных грамот 1580 и 1584 гг. и некоторых

²¹ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.

²² См. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв., вып. 1. М., 1977; вып. 2. М., 1978.

²³ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974; Абрамович Г. В. Писцовые книги Бежецкой пятины как исторический источник. — «История СССР», 1964, № 1.

²⁴ Павлов-Сильванский В. Б. Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 91—102; его же. Писцовая книга Звенигородского уезда (к вопросу о публикации). В сб. Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 143—157.

²⁵ Северные писцовые книги, сотницы и платежные XVI в. В сб. Северный археографический сборник, вып. 2. Вологда, 1962.

²⁶ Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.—Л., 1938.

²⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1559—1605. М., 1974; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550—1636 гг., т. I. М., 1975; т. II, вып. 1—2. М., 1976; Разрядная книга 1475—1605 гг., т. I, вып. 1—2. М., 1977; вып. 3. М., 1978.

²⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590—1600 гг., вып. 1—3. М.—Л., 1976; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573—1595 гг., вып. 1—2. М.—Л., 1978.

других материалов. Законодательные памятники второй половины XVI в. подготовлены для издания ленинградскими учеными.

Посольские книги конца XV — начала XVII в. были изданы в XIX в. примерно наполовину, причем нередко очень плохо с археографической точки зрения. В публикациях отсутствуют легенды, не приводятся указания на пагинацию подлинников, нет палеографического описания с датировкой рукописей по водяным знакам. Часто издатели публиковали все имевшиеся в их распоряжении источники по каждой стране, нарушая единый исторически сложившийся комплекс документов посольских книг. Публикации не носили систематического характера, некоторые книги изданы далеко не полностью. В этой связи еще предстоит издать материалы посольских книг по сношениям с Данией, иерархами православного Востока, с Польшей, Турцией, Крымом, Ногаями²⁹. Было бы полезно также издание договоров России с иностранными державами за XIV—XVI вв., важнейших сказаний иностранцев о России (Герберштейна, Штадена в новом переводе³⁰ и с дополнениями, Горсея³¹, Д. Принца, Я. Кобенцля, Н. Варкоча, М. Шеля, Д. Флетчера и ряда других). Эта работа успешно начата Е. Ч. Скржинской и А. И. Копаневым (первая издала сочинения Барбаро и Контарини, второй — записки Конрада Буссова)³². Предстоит издание сочинений Гваньини, Поссевино, А. Л. Хорошкевич готовит к изданию сочинения Франциско да-Колло. Те сказания и записки, которые не были еще переведены на русский язык, необходимо издать в русском переводе. Таковы ближайшие и важнейшие задачи в деле издания источников русского средневековья.

Сложные вопросы предстоит разрешить в области методики археографии. А. И. Копанев недавно снова поднял вопрос о сокращенной передаче текста источников периода феодализма. Правильное решение этого вопроса должно быть проверено жизнью. Заметим в этой связи, что для XVI в. пользоваться регестами нет надобности, поскольку источники, еще не изданных, не так уж много. Но усложненные правила транскрипции также излишни — для историков они не нужны, а для филологов — все равно недостаточны.

Другой важный вопрос — правила передачи текста памятников различных эпох. Например, текст летописей, созданных до конца XV в., на наш взгляд, следует издавать по более сложным правилам с сохранением вышедших из употребления букв, тексты же более позднего времени — по упрощенным правилам (с заменой таких букв на современные и т. д.)³³. То же относится и к правилам издания других источников. В этом плане археография накопила за три столетия немалый опыт, который необходимо обобщить (например, учесть издания различных источников по изучаемому периоду, появившиеся в свет в XVIII—XX вв., изучить методы передачи текстов, применявшиеся в эти столетия), и, исходя из достижений и просчетов археографов, источниковедов прошлого и настоящего, выработать научные правила публикации, которые будут, разумеется, неодинаковыми для источников разных видов, эпох, регионов.

²⁹ Рогожин Н. М. К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. — АЕ за 1979 г. (принято к печати).

³⁰ Он подготовлен был в свое время И. И. Полосиным (ГБЛ, ф. 428, № 1—3 б).

³¹ Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея в конце XVI — начале XVII в. — «Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974, с. 6—124.

³² Буссов Конрад. Московская хроника 1584—1613. М.—Л., 1961; Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

³³ См. об этом Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1962, с. 497 и сл.; Буганов В. И. Об издании русских летописей. — АЕ за 1971 г. М., 1972.

В изданиях источников шире надо применять фототипические воспроизведения текстов. Подлежит обсуждению и вопрос о комментариях к публикациям массовых источников (акты, писцовые книги и т. п.), злоупотреблять ими, конечно, не следует. Важно использовать такие перспективные виды печати, как безнаборная. Поэтому нужны отдельные публикации, а не только серийные издания, подготовка и введение в научный оборот которых сопряжены с немалыми трудностями. С помощью безнаборной печати, кстати говоря, опубликован ряд ценных источников, например, упомянутые выше полоцкие грамоты, разрядные, вотчинные книги и др., но, к сожалению, тиражи подобных изданий очень невелики.

В развитии палеографии документов русского средневековья долгое время было заметно отставание; готовились только учебные пособия. Исключением были выдающиеся по своему значению альбомы и статьи по филиграням С. А. Клепикова³⁴, работы М. В. Кукушкиной, Т. В. Диановой и других. В последнее время исследования Б. М. Клосса, Н. В. Сяницыной и других показали, какие большие возможности заложены в палеографическом анализе древнерусских рукописей³⁵.

Вместе с тем они выявили лакуны, без заполнения которых дальнейшее развитие палеографии будет крайне затруднено. В данном случае речь идет в первую очередь о составлении справочников филиграней, например, для начала можно было бы сделать картотеку изданных альбомов водяных знаков в русских рукописях. Продолжая работу С. А. Клепикова, нужно изучить судьбу водяных знаков разного типа (особое значение имела бы работа о кувшинчиках и сферах). Важно было бы и увеличить фонд датированных водяных знаков. Большой и ценный материал накоплен в этой области Т. Д. Диановой, готовится его издание в виде альбома. Для этой цели целесообразно использовать публикации актовых материалов XVI в., в первую очередь «Акты Русского государства». Актовые материалы очень важны ввиду точности их датировок и их привязанности к определенным канцеляриям. Вообще же проблема связи различных типов водяных знаков с теми или иными канцеляриями (хранилищами рукописей) пока еще не поставлена, а значение ее очень важно. Только после этих работ и после совершенствования приемов датировки по водяным знакам (в связи с конкретными условиями проникновения бумаги в Россию) можно приступить к составлению общего каталога филиграней в русских рукописях.

Необычайно важную работу по изучению миниатюр и других украшений рукописей проводил Ю. А. Неволин на материалах ОР ГБЛ. Он составлял каталог, который позволил разобраться в динамике развития русских орнаментов, заставок и миниатюр (к сожалению, эта работа сейчас прекращена).

В настоящее время стало ясно, что необходим более дифференцированный подход к почеркам. Речь идет теперь уже об изучении типов почерков внутри столетия (а не по столетиям, как было раньше). Если в XI—XIV вв. писцы, как правило, стремились к тому, чтобы не только

³⁴ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959; его же. Бумага с филигранью «Герб Амстерлама». — Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 20. М., 1958, с. 315—352; его же. Филигранология на службе архивиста. — «Советские архивы», 1967, № 3; его же. Использование филиграней в работе с недатированными и печатными книгами XIII—XVI вв. — «Советские архивы», 1968, № 6.

³⁵ Клосс Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 318—337; Сяницына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев. — Там же, с. 286—317.

точно воспроизвести текст, но и особенности начертания букв лежавшей перед ними рукописи, то в XV—XVI вв.—старались только точно передать текст. Уровень проявления индивидуальности писца был различен в разные времена. В этой связи необходимы альбомы почерков разных времен (не только по столетиям, но и внутри них). Сложность заключается в том, что не изучено влияние канцелярий на почерки, а также влияние самих текстов (деловых или торжественно-религиозных) на выбор почерка. Словом, один писец мог писать несколькими почерками, а один почерк — употребляться несколькими писцами. С какими трудностями встречается исследователь почерков даже XVIII в., видно по книге Г. Н. Моисеевой. Автор показала, что различить почерк Ломоносова и Баркова практически невозможно³⁶.

Ограничиться составлением справочных альбомов (по канцеляриям и писцам), конечно, нельзя. Необходимо осмыслить и методику отождествления почерков. Очевидно, необходим комплексный анализ почерка, орфографии, бумаги (водяных знаков), содержания и оформления рукописей, принадлежности к одной или нескольким канцеляриям и т. п., чтобы установить принадлежность того или иного почерка или, скажем, двух почерков одному лицу. Полагаем, что применение математических приемов анализа также поможет в этом сложном деле.

За последнее время заметных успехов достигла текстология древнерусских памятников, главным образом благодаря работе сотрудников сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР (Ленинград). Не будем касаться текстологии в широком смысле слова. Речь пойдет о текстологии как дисциплине, занимающейся сопоставлением источников, имеющих сходные тексты. Развитие текстологии привело к немалым достижениям в изучении различных памятников — летописей, повестей, сказаний и др. Но и здесь имеются свои трудности (например, плохая сохранность памятников, многие списки которых погибли по разным причинам); исследователь подчас сталкивается с многовариантностью, когда стремится представить возможное соотношение дошедших до нас текстов. В текстологии, как в палеографии и других вспомогательных исторических дисциплинах, необходимо искать новые пути и методы. Например, применение математических методов в палеографии и текстологии может привести к очень существенным сдвигам в методике этих дисциплин. Речь в данном случае идет об изучении проблемы частотности. В этой связи представляется перспективным применение математических методов изучения источников, имевших длительное бытование в рукописной традиции. Так, анализ с помощью ЭВМ вариантов, имеющих в различных списках Закона Судного людем, позволил Л. И. Бородину и Л. В. Милову внести существенные уточнения в историю текста этого важного памятника древнерусского и славянского права³⁷. Очень ценные результаты может дать стилистико-терминологический анализ новых источников с применением математических методов. Именно таким образом Б. М. Клосс показал, что Никоновская летопись возникла в канцелярии митрополита Даниила³⁸. Этот метод нуждается в развитии и совершенствовании. Важно при этом осуществить подготовку частотных словарей отдельных произведений, авторов для различных веков, по отдельным жанрам и т. д.

³⁶ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

³⁷ Бородин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) В кн. Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977, с. 235—280.

³⁸ Клосс Б. М. О формализации понятия неравенства. В кн. Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975, с. 75—82.

Проблема конъектур тесно связана с изучением характера описок и ошибок. Каков был тип описок в XI—XIV вв., когда рукописи срисовывались? Возможны ли были произвольные описки в XVI в., какова степень их распространенности? Словом, это очень большая проблема, серьезно пока не изученная. Другой пример: исследователи отмечают факты существования «перебитых листов» в сохранившихся рукописях и, исходя из этого, например, реконструируют первоначальный порядок листов, в протографе (например, в Псковской судной грамоте и др.). Но насколько часто было подобное явление, чем оно вызывалось и как проявлялось? Имеем ли мы право ссылаться на него?

М. Д. Каган-Тарковская работает над математическим подходом к анализу всех вариантов различных рукописей. Несомненно, это очень важно. Сейчас исследователи при изучении текстов источников оперируют главным образом «бесспорными» случаями, а ведь их бывает не так уж много. Недаром А. А. Шахматов в своих текстологических разысканиях учитывал, например, описки писцов, хронологические погрешности списков и др., сравнивал их в разных списках одного памятника и т. д. Подобные «мелочи» нельзя недооценивать. При выявлении незаметных и необъяснимых на первый взгляд вариантов, которые подчас носят чисто фонетический или орфографический характер, следует иметь в виду, что каждый из них в отдельности ничего объяснить не может. Но подсчеты, сопоставление вариантов в родственных списках могут привести к интересным результатам.

В случаях, когда исследователь работает с большим по объему памятником, имеющим давнюю рукописную традицию (скажем, типа «Сказания о Мамаевом побоище», «Просветителя» Иосифа Волоцкого, «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского и др.), необходима разработанная и научнообоснованная система анализа с помощью «шурфов». Сейчас же эти «шурфы» изобретаются каждым исследователем на свой страх и риск.

Текстология тогда приобретает особенную убедительность, когда она применяется в комплексе с другими приемами источниковедческого характера (изучением «конвоя» и пр.).

В последнее время все большее внимание уделяется кодикологии, тоже одной из составных частей палеографии. К развитию этого молодого направления исследований приступили как литературоведы, изучающие сборники памятников письменности, так и историки, исследующие сборники актов, законодательных памятников (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, С. М. Каштанов, Я. Н. Шапов)³⁹. Постепенно намечаются методические приемы изучения сборников. Применяется палеографический анализ (в частности, для выявления текстов, вырезанных П. М. Строевым в различных сборниках и соединенных в новые)⁴⁰. Интересны попытки наметить идеологическую направленность отдельных сборников, установления авторства произведений по сборникам сочинений Максима Грека, Ермолая-Еразма. Важно исследование окружения изучаемых памятников письменности в тех сборниках, в составе которых они находятся (проблема «конвоя») и т. п.⁴¹

³⁹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941; Черепнин Л. В. Указ. соч.; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; Шапов Я. Н. Княжеские церковные уставы и церковь XI—XIV вв. М., 1972.

⁴⁰ Кроме упомянутой выше работы С. М. Каштанова см. также: Уо Д. К. К изучению истории собрания П. М. Строева.— ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 184—203; его же. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева.— Там же, т. XXXII. Л., 1977, с. 133—164.

⁴¹ Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.

Дипломатика — одна из дисциплин, неразрывно связанных с палеографией. Ее первоначальной целью было установление подлинности актовых материалов. С течением времени и задачи дипломатики усложнились и круг источников стал шире. Представляется, что нет смысла спорить, — можно ли дипломатику расширять до документоведения или считать ее разделом этой дисциплины. Так или иначе дипломатика и документоведение весьма близки друг к другу. В последние десятилетия дипломатика значительно шагнула вперед. Ее успехи связаны в первую очередь с трудами С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова и особенно Л. В. Черепнина, исследования которого охватывают все разновидности актов XIV—XVI вв. Л. В. Черепнин проложил новые пути исследования таких видов актов, как жалованные и правые грамоты. Он показал необходимость изучения актовых материалов в тесной связи с проблемами социально-экономической и политической истории страны. Его работы дали сильный толчок последующему новому подъему дипломатики.

Работы А. Д. Горского, В. И. Корецкого, С. М. Каштанова, Л. И. Ивиной и других ученых развивали методы анализа актов, применявшиеся Л. В. Черепниным. В монографиях С. М. Каштанова показаны широкие перспективы изучения актового материала в целом, в частности по социально-политической истории России XVI в. на основе широкого привлечения жалованных и указных актов. Если ранее политику единого государства в значительной мере изучали по законодательным предначертаниям, то теперь стало возможным исследовать ее в действии, т. е. по актовым источникам. С. М. Каштанов наметил и приемы формулярного (текстологического) анализа жалованных грамот, что позволяет показать складывание и развитие структуры жалованных грамот в связи со складыванием государственного аппарата и развитием его финансовой системы.

К числу очередных задач дипломатики относится изучение т. н. частных актов (духовных, данных, купчих, меновных грамот и других). В этом направлении достигнуты известные результаты. Е. И. Колычева исследовала полные грамоты, В. М. Панеях — записные книги кабал, что позволило отчетливее представить судьбы холопства в XVI в.⁴² Ценнейшим источником являются духовные грамоты. Анализ сведений о «людях» феодалов, содержащихся в духовных (см. работы Е. И. Колычевой и других)⁴³, хорошо показал одну из возможностей исследования этой разновидности актовых материалов. Неразработанной остается методика исследования формуляров частноправовых актов. А отсюда нет достаточной четкости в анализе значения трудов А. С. Лаппо-Данилевского в этой области дипломатики.

Документоведение XVI—XVII вв. изучено очень слабо. Так, неясно, когда возникла столбцовая форма делопроизводства, когда появились такие виды документов, как, скажем, челобитные. Очень существенно изучить появление делопроизводства в «тетрадах» и «книгах», особенности их составления (Дворовая тетрадь, напр., пополнялась на протяжении почти десяти лет в середине XVI в.). Некоторые данные для этой темы может дать источниковедческое изучение хозяйственных книг монастырей, начатое А. Г. Маньковым⁴⁴. Не изучены как вид делопроиз-

⁴² Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. — АЕ за 1961 г. М., 1962, с. 66—71; Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975.

⁴³ Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI вв.). М., 1971; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973.

⁴⁴ Маньков А. Г. Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян. — Проблемы источниковедения, сб. IV. М., 1955, с. 287—306.

водства статейные списки послов, посольские книги XVI в. и др. Словом, работы в этом направлении еще много.

Генеалогия как научная дисциплина долгое время по существу прозябала. С. Б. Веселовский, понимая ее огромные потенциальные возможности, накапливал материал, создавал росписи родов, писал этюды по истории боярских фамилий. Значение трудов С. Б. Веселовского для дальнейшего развития генеалогии непреходяще⁴⁵.

В последнее время появились серьезные работы по генеалогии В. Б. Кобрин, М. Е. Бычковой и других ученых⁴⁶. Приемы генеалогического анализа применяются для изучения истории северо-русского крестьянства (Н. Н. Покровский, Н. Е. Носов и др.)⁴⁷, русского купечества XVIII в. (А. И. Аксенов). Выводы по истории крестьянства центра России, в частности об отсутствии его «подвижности», основываются на сопоставлении крестьянских имен и прозвищ разных поколений (Г. А. Победимова)⁴⁸. Но все это только начало разработки крайне необходимого направления.

Генеалогия представляет собой как бы реальную основу изучения судеб конкретных людей. Для изучаемого времени, когда персональные отношения составляли нерв всего управления (ведь даже понятие «государство» происходило от «государя», а его жители были холопы государевы, а не подданные отечества), без генеалогического подхода невозможно изучать многие проблемы, например, вопросы формирования и функции государственного аппарата и др. Надо иметь в виду и то, что в XIV—XV вв. складывались крупные роды, а в XVI в. — основные дворянские фамилии.

И в данном случае основа основ дальнейшего движения науки — издание источников, особенно справочного характера. Нужно прежде всего опубликовать основные редакции родословных книг. М. Е. Бычкова не только собрала необходимый рукописный материал и создала классификацию списков, но уже издала древнейшую (Летописную) редакцию Государева родословца⁴⁹. Одной из задач является собирание и издание росписей родов, поданных в Разрядный приказ в конце XVII в. Эти росписи в подлинниках сохранились далеко не полностью. Но их можно отыскать в фондах, связанных с историей дворянства XVIII—XIX вв. Отметим, что подготовительная работа в этом направлении велась в XIX — нач. XX вв. (В. В. Руммель, Н. В. Мятлев)⁵⁰. Справочники генеалогического характера могут быть разнообразными. Так, В. Б. Кобрин завершает работу по составлению списка (справочника) землевладельцев России XIV—XVI вв. с использованием всех архивных материалов. Эту работу, основанную главным образом на актах и писцовых книгах, сле-

⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁴⁶ Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 16—91; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. См. также Сб. статей, посвященный С. Б. Веселовскому. История и генеалогия. М., 1977.

⁴⁷ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного владения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

⁴⁸ Победимова Г. А. К вопросу о стабильности сельского населения вотчины в XVI в. В сб. Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1966, с. 172—190.

⁴⁹ Редкие источники по истории России, вып. 2. М., 1977.

⁵⁰ Мятлев Н. В. О предстоящем издании родословных росписей, поданных в Разряд к составлению родословной книги представителями служилых родов Московского государства в конце XVII в. — Известия Русского генеалогического общества. вып. 4. СПб., 1911.

дует продолжить и дополнить данными, почерпнутыми из разрядов, местнических дел, летописей, дипломатических материалов. Необходимо более широко организовать подготовку и издание различных именных указателей, в том числе и особенно сводных (например, указателя ко всем опубликованным летописям, актам и т. д.), создание именных каталогов или указателей в архивах.

Необходимо перейти к подготовке монографий об отдельных родах и семьях, используя методику работы, намеченную С. Б. Веселовским. Речь идет о более широком применении топонимики, ономастики, а также более поздних исторических данных для реконструкции, например, первоначального землевладения⁵¹.

Для этой цели следует широко привлечь различные источники, например, писцовые книги XVII в. и даже материалы XVIII в. Ведь обычно данные, скажем, XVI в. рисуют историю тех частей вотчин, которые были утрачены родами (переданы в монастырь, проданы, конфискованы и т. п.). Основная же часть владения ускользает из поля зрения исследователей. Зная позднейшую судьбу вотчин и генеалогические данные о мужских представителях рода, мы можем восстановить самые ранние этапы истории «родового» землевладения (учитывая, в каком родственном отношении между собой находились предки владельцев земли в XVII—XVIII вв.): там, где «сходятся» родовые линии предков позднейших родичей — соседей по владениям, и находилось первоначальное ядро владений их предка.

В работах Н. П. Лихачева и П. А. Садикова было показано значение биографий дьяков для изучения процесса складывания приказной системы⁵². Это направление исследований нашло отражение в трудах С. Б. Веселовского, А. К. Леонтьева, В. Д. Назарова и других⁵³. Все большее значение приобретает изучение складывания дьяческих династий, которые обеспечивали стабильность личного состава приказной системы и развитие опыта административной деятельности. Наконец, исследование государева двора XVI в. и состава Боярской думы может дать плодотворные результаты при использовании такого обобщающего памятника, как Дворовая тетрадь, и генеалогического изучения истории важнейших родов, занесенных в ее текст.

Одной из особенностей источников по истории России XIV—XVI вв. является отсутствие в них прямых характеристик исторических деятелей. Это связано со своеобразным характером мышления того времени. Мы знаем факты, но не знаем истинных стимулов поступков людей. Только, пожалуй, один царь — Иван Грозный — предстает перед нами во плоти. Другие большей частью лишь бледные тени, штампы. Единственный путь к восстановлению характеров — изучение, истолкование поступков людей в их совокупности.

В изучении истории Древней Руси весьма заметно продвинулись геральдика, сфрагистика, нумизматика. После издания двухтомника В. Л. Янина о печатях X—XV вв.⁵⁴ ясно, что эту работу следует про-

⁵¹ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974; его же. Топонимика на службе у истории. — «Исторические записки», 1945, т. 17, с. 24—52.

⁵² Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950.

⁵³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1951; Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. — «История СССР», 1976, № 3, с. 76—96; Зимин А. А. Дьяческий аппарат второй половины XV — первой трети XVI в. — «Исторические записки», 1971, т. 87, с. 219—286.

⁵⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., тт. I—II. М., 1970.

должить. Хорошо было бы издать печати XIV—XVI вв., хотя бы сначала псковские и московские. Восковые печати ветшают, их издание насущно необходимо. Совершенно не изучена система изображений на т. н. «личных» печатях XV—XVI вв. Работами И. Г. Сласского, А. Г. Мельниковой, В. М. Потина, М. Сотниковой, В. Л. Янина и других ученых нумизматика отечественных древностей сделала большой шаг вперед в двух направлениях — в области систематизации, классификации и издания материала и в разработке новых методов исследования, особенно в области эволюции штемпелей, что позволяет более точно хронологизировать различные виды монет. Насущной задачей остается исследование кладов, как первоосновы изучения монетного материала. Нужна большая связь нумизматики с исторической наукой, в частности с исследованием торговли (внутренней и внешней), ремесла, финансов. Без этого трудно осмыслить конкретный нумизматический материал.

Упомянем об учебном пособии Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова по сфрагистике и геральдике⁵⁵. К сожалению, крайне недостаточно ведется работа по метрологии и хронологии; имеются известные учебные пособия Л. В. Черепнина, Н. В. Устюгова и Е. И. Каменцевой⁵⁶, фундаментальный труд Н. Г. Бережкова о хронологии древних русских летописей⁵⁷ и некоторые другие исследования подобного рода, но их очень мало. Нам кажется, что назрела задача подготовки новых специальных сборников статей и монографий по этим дисциплинам.

В настоящее время историки пользуются многими старыми справочниками, описями и другими вспомогательными материалами; новых же справочников появляется недостаточно. Между тем потребность в такого рода пособиях весьма велика.

Отсутствие полной отечественной библиографии по источниковедению и другим специальным дисциплинам, особенно для периода конца XIX — начала XX в., когда интенсивно развивались источниковедение и краеведение, становится все более ощутимым. Период 1917—1952 гг. только частично представлен указателем ФБОН (в нем отсутствует периодика)⁵⁸. Почти нет указателей по вспомогательным дисциплинам. Подготовленный В. Б. Павловым-Сильванским указатель по палеографии до сих пор, к сожалению, не опубликован. Очень ценное издание выходит под редакцией П. А. Зайончковского — аннотированная библиография дневников и воспоминаний⁵⁹. Возможны подобные указатели по эпистолярной и другим видам источников, как, например, указатель Р. П. Дмитриевой по летописанию, в котором учтены исследования и публикации (недавно вышло его продолжение)⁶⁰. Словом, еще непечатный край работы, которую надо вести совместно с библиографами. К сожалению, прекращен выход текущей библиографии по архивоведению, археографии и др., которую ежегодно печатали в «Археографическом ежегоднике»

⁵⁵ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963; изд. 2. М., 1974.

⁵⁶ Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944; его же. Русская хронология. М., 1944; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975; Ермолаев И. П. Историческая хронология. Казань, 1978.

⁵⁷ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

⁵⁸ История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. (т. 1). М.—Л., 1956.

⁵⁹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях, т. 1. XV—XVIII в. М., 1956.

⁶⁰ Библиография русского летописания. Сост. Р. П. Дмитриева. М.—Л., 1962; Казакевич А. Н. Советская литература по летописанию (1961—1972). — Летописи и хроники. 1976. М., 1976. с. 294—356.

(с 1958 г.). Правда, ГАУ при СМ СССР издало библиографию по архивному делу советского периода, а ВНИИДАД — каталог литературы по археографии⁶¹.

Всякая наука развивается на основе предшествующего опыта. Изучение этого опыта в источниковедении и вспомогательных исторических дисциплинах ведется пока еще недостаточно. Правда, есть ряд монографических работ по отдельным темам. Так, изданы работы В. И. Буганова об изучении летописей советскими учеными⁶², А. Т. Николаевой — об источниковедении в России XVIII столетия⁶³, Э. Г. Чумаченко — о В. О. Ключевском как источниковеде⁶⁴. Написаны исследования о В. И. Татищеве-источниковеде (М. Н. Тихомировым, С. Н. Валком, В. И. Корецким и др.) и о К. Ф. Калайдовиче — В. П. Козловым. Но все это начало. Необходимо специально рассмотреть полемику М. М. Щербатова и И. Н. Болтина, которая лежит у истоков развития научного источниковедения (первый опыт в этом направлении принадлежит Е. М. Добрушкину)⁶⁵. Заслуживают монографического исследования и источниковедческие работы А. Л. Шлецера и Г. Ф. Миллера. Статьи Л. В. Черепнина, посвященные этим историкам, наметили пути исследования их вклада в развитие источниковедения⁶⁶. Не оценена в должной степени роль Румянцевского кружка в издании источников и становлении вспомогательных дисциплин. Нет работ о вкладе Евгения Болховитинова в создание русской дипломатики. Нуждается в дальнейшем изучении и деятельность П. М. Строева.

Особо следует упомянуть о периоде, когда источниковедение пережило несомненный подъем, — конце XIX — начале XX в. Настало время создать капитальные труды, посвященные работам А. А. Шахматова, Н. П. Лихачева, А. С. Лаппо-Данилевского и других ученых.

Заслуживает монографического изучения вклад советских ученых в развитие источниковедения российских древностей. Речь идет об А. И. Андрееве, Н. Г. Бережкове, С. Н. Валке, А. Н. Насонове, М. Д. Приселкове, М. Н. Тихомирове, Л. В. Черепнине и других.

Наконец, необходимы обобщающие исследования по вспомогательным историческим дисциплинам, по историографии этих дисциплин, работы, посвященные критическому анализу источниковой базы современной буржуазной историографии по истории России периодов раннего и зрелого феодализма.

Поставленные выше проблемы, намеченные задачи охватывают, естественно, не весь обширный круг вопросов, встающих на повестку дня; наша задача состоит в том, чтобы обратить внимание на основные моменты, связанные с современными потребностями и перспективами источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Мы убеждены, что постановка и решение указанных задач важны для дальнейшего плодотворного развития советской исторической науки.

⁶¹ Советская археография, вып. 1 (1917—1970). М., 1974; вып. 2. М., 1976.

⁶² Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

⁶³ Николаева А. Т. Русское источниковедение XVIII века. М., 1968 (автореф. докт. дис.); ее же. Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII—XX вв. М., 1975.

⁶⁴ Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970.

⁶⁵ Добрушкин Е. М. «История Российская» В. И. Татищева в полемике И. Н. Болтина и М. М. Щербатова. — Источниковедение отечественной истории, вып. 1, с. 101—119.

⁶⁶ Черепнин Л. В. А. Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки — в сб. Международные связи России в XVII—XVIII вв., 1966, с. 303—311; его же. G. F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte — Festschrift für E. Winter zum 70 Geburtstag. Berlin, 1966, S. 303—331.

А. Я. ГРУНТ

ИСТОРИК ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

[Григорий Михайлович Деренковский. 1912—1978]

26 декабря 1978 г. ушел из жизни Григорий Михайлович Деренковский. Начав свою трудовую деятельность в 18-летнем возрасте учителем обществоведения и истории в средней школе, он навсегда связал свою жизнь с исторической наукой и стал одним из крупнейших исследователей первой русской революции. Он оставил после себя обширное литературное наследство. Список опубликованных работ Г. М. Деренковского насчитывает более 150 названий. Среди них — главы в фундаментальных обобщающих трудах, глубокие исследовательские статьи монографического характера, вводные статьи и комментарии к документальным изданиям, многочисленные историографические статьи и рецензии, публицистические выступления. Если же прибавить к этому незавершенное исследование о революционном движении в России в 1906—1907 гг. и главы для многотомной истории рабочего класса, то можно себе представить объем сделанного Григорием Михайловичем за 40 лет неустанныго труда.

При знакомстве с библиографическим списком его печатных работ бросаются в глаза три момента. Во-первых, широта исследовательских интересов Г. М. Деренковского. Нет, в сущности, крупных вопросов в истории России эпохи империализма, которые в той или иной степени, в той или иной связи не привлекали бы его внимания. Во-вторых, увеличение с годами общего «потока» опубликованных работ — убедительное свидетельство постоянно возрастающего творческого потенциала историка. В-третьих, последовательное и настойчивое сосредоточение внимания на проблемах истории революции 1905—1907 гг. Эта тема стала ведущей в исследовательской деятельности Г. М. Деренковского и главным делом его жизни. Работам именно этого направления и посвящается настоящая статья.

* * *

Первый подход к проблематике 1905 г. относится к самому началу 40-х годов и связан с работой над кандидатской диссертацией «Крестьянское восстание на Украине в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.». Уже здесь молодой ученый проявил способность к тщательному и тонкому анализу конкретно-исторического материала, умение вывести его на уровень исторических обобщений. Работа эта, казалось бы, не связанная непосредственно с темой революции 1905 г., на самом деле имеет ближайшее к ней отношение, став исходным пунктом изучения проблемы гегемонии пролетариата в демократических революциях — проблемы, неизменно присутствующей во всех последующих трудах Г. М. Деренковского. Позднее, в 1954 г., по материалам диссертации

была опубликована интересная и глубокая статья¹. Заявкой на занятия темой прозвучали и содержательные рецензии на сборник статей «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России»² и на монографию А. И. Сорокина «Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904—1905 гг.»³. И тем не менее переломным в творчестве Г. М. Деренковского явился 1955 год, когда страна отмечала 50-летний юбилей первой русской революции. Именно с этого времени он занимает ведущее место среди историков эпохи первого революционного натиска народных масс на царизм.

Деятельное и руководящее участие в создании многотомной документальной серии «Революция 1905—1907 гг. в России», публикации документов и вводных статей к ним в «Историческом архиве», серия статей в научных журналах по общим и отдельным проблемам революции 1905—1907 гг.— вот лишь краткое перечисление того, что было сделано Г. М. Деренковским в ближайшие за юбилеем годы.

В 60-е годы Г. М. Деренковский вступил признанным знатоком истории революции 1905—1907 гг. Это, в сущности, послужило основанием для приглашения его в состав авторского коллектива фундаментального издания многотомной «Истории КПСС». Автору этих строк довелось близко сотрудничать с Григорием Михайловичем в этой работе. Приходилось только удивляться его колоссальной эрудиции, знанию мельчайших, мало известных деталей. Он ввел в литературу заново или восстановил забытые имена многих участников революции. В этой связи им была проделана огромная работа в ЦПА ИМЛ по изучению персоналий революционеров. Вместе с тем Григорий Михайлович обладал необычайно зорким редакторским взглядом, умел находить емкие и точные формулировки для оценки сложных явлений. В основе всего этого было глубокое понимание ленинской концепции революционного процесса, а также превосходное знание фактического материала. Григорий Михайлович был нетерпим к проявлениям всяческой фальши и решительно отстаивал истину, не страшась представлять исторический процесс со всеми его зигзагами, трудностями и противоречиями.

В данном случае едва ли есть смысл разбирать каждую из работ Г. М. Деренковского в хронологической последовательности. Целесообразнее остановиться на некоторых узловых проблемах, характеризующих его творчество.

Одной из центральных для Г. М. Деренковского, как уже упоминалось, была тема пролетариата и его роли в освободительном движении в России XX столетия. Без выяснения роли пролетариата в буржуазно-демократической революции империалистической эпохи невозможно действительно научное понимание революции в целом. Сама по себе тема эта не нова в советской историографии. К истории и роли российского пролетариата в революции 1905—1907 гг. неоднократно обращались такие крупные исследователи, как М. Н. Покровский, В. И. Невский, А. М. Панкратова, Е. М. Ярославский, А. В. Шестаков, С. И. Черномордик, Н. Н. Яковлев, Е. Д. Черменский. Еще М. Н. Покровский отмечал, что события первой русской революции «...настолько четко обрисовывают гегемонию пролетариата в нашей буржуазной революции 1905 г., что лучшего оправдания теории историей нельзя себе пред-

¹ Деренковский Г. М. Ленинская «Искра» и крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, 1954, № 2.

² «Известия» АН СССР. Сер. истор. и филос. 1949, т. VI, № 6 (в соавторстве с М. Я. Гефтером).

³ «Морской сборник», 1949, № 4.

ставить... Мыслить нельзя крестьянскую революцию 1905 г. без пролетариата как вождя»⁴. Проблема гегемонии пролетариата продолжает оставаться в центре внимания советских историков и поныне. Это и естественно. Само движение науки открывает новые исследовательские горизонты, ставит новые вопросы и одновременно позволяет по-новому взглянуть на вопросы «старые». Вместе с тем изучение и обобщение опыта русских революций сохраняют свою актуальность и для исследования современного мирового революционного процесса. Работы Григория Михайловича затрагивают эту проблему как в конкретно-историческом, так и в методологическом аспектах. Среди работ первого направления выделяется статья «Всеобщая стачка и Советы рабочих депутатов в июле 1906 г.»⁵ Известно, что второй период революции 1905—1907 гг. изучен много слабее предыдущего. Проанализировав и обобщив огромный фактический материал, Григорий Михайлович не просто вписал новую страницу в историю русской революции, но показал через живую конкретику место и роль пролетариата на нисходящем этапе революционной волны, попытки революционных сил привлечь на свою сторону все слои трудящегося населения, максимально использовать неисчерпанные возможности и не допустить отступления революции. Той же цели — выяснению ведущей роли рабочего класса, служат и более ранние статьи «Узловое бюро РСДРП юго-западных железных дорог в 1906—1908 гг.»⁶ и «Движение безработных в Москве в 1906 г.»⁷

В статьях Г. М. Деренковского не раз встречаются замечания о том, что предлагаемая читателю тема «не была предметом специального исследования» или «почти не разрабатывалась». Смелое обращение к малоизученным вопросам, стремление заполнить достоверными фактами «белые пятна», уточнить ход событий или восстановить историческую правду составляют одну из самых характерных черт в его творчестве. Последовательно, шаг за шагом устранял он пробелы в изучении многих конкретных явлений, воссоздавая реальную общую картину революционного процесса в его динамике и жизненной противоречивости.

Изученный конкретный материал послужил надежной опорой для широких исторических обобщений. Первым крупным выступлением ученого по данной проблематике явилось участие в написании двух глав во 2-м томе «Истории КПСС» (1966), посвященных высшему подъему революции и ее отступлению. В 1968 г. увидел свет шестой том «Истории СССР», в котором Г. М. Деренковскому (в соавторстве с М. С. Симоновой и Е. Д. Черменским) принадлежит глава о революции 1905—1907 гг., лейтмотивом которой также является тема гегемонии пролетариата. В 1973 г. журнал «История СССР» опубликовал важнейшую в методологическом отношении статью о гегемонии пролетариата в первой русской революции, одним из авторов которой был и Г. М. Деренковский⁸. В статье напоминалось о том, что второй период русской революции был временем ожесточенной борьбы пролетарского авангарда с попытками либералов возглавить освободительное движение и направить его исключительно в «думское русло», с попытками меньшевиков и эсеров отдать руководство в руки либеральной буржуазии. Не на

⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932, с. 548.

⁵ «Исторические записки», 1965, т. 77.

⁶ Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. статей памяти академика Анны Михайловны Панкратовой. М., 1958.

⁷ Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сб. статей к 75-летию академика Николая Михайловича Дружинина. М., 1961.

⁸ Волин М. С., Деренковский Г. М., Колесниченко Д. А., Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. О гегемонии пролетариата в первой русской революции. — «История СССР», 1973, № 4.

основе произвольно выбранных фактов, а опираясь на анализ всей их совокупности, в статье убедительно подтверждался ленинский вывод о том, что на всех этапах революции пролетариат оставался ее гегемоном, что революция «неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной»⁹.

Особенно плодотворным стал для Григория Михайловича 1975 год, когда увидели свет обстоятельный очерк о рабочем классе в 1905—1907 гг.¹⁰ и две коллективные монографии, в которых проблемы гегемонии пролетариата также занимают центральное место¹¹. Кроме того, в этом же году были опубликованы три статьи в ведущих исторических журналах¹².

Теснейшим образом связан с проблемой гегемонии пролетариата один из самых существенных вопросов в истории не только русской революции, но и демократических революций вообще — вопрос о «левоблокизме». Эта интересная и важная сторона в творчестве историка связана с разработкой более общей проблемы — о расстановке классовых и партийно-политических сил в революции. Григорий Михайлович наряду с другими исследователями немало сделал в области разработки проблем буржуазно-демократической революции и положения о трех лагерях — царистско-помещичьего, буржуазно-либерального и революционно-демократического, — борьба между которыми пронизывала и определяла все содержание революционного процесса в пореформенной России. Что же касается «левого блока», то в литературе существовала тенденция ограничить вопрос о «левоблокизме» важной, но не главной его стороной — историей выборов во II Государственную думу и борьбой между большевиками и меньшевиками по тактическим вопросам. На самом же деле это — несравненно более широкая проблема, вытекающая из общей постановки вопроса о роли пролетариата в буржуазно-демократической революции и его союзниках среди непролетарских слоев. «Суть спора в том, — писал Ленин осенью 1906 г., — *по какой линии* должен социалистический пролетариат заключать соглашения с буржуазией, неизбежные, вообще говоря, в буржуазной революции ...должен ли социалистический пролетариат в буржуазной революции идти позади либерально-монархической буржуазии или впереди революционно-демократической буржуазии»¹³. Григорий Михайлович Деренковский был одним из тех, кто вывел этот вопрос на уровень исследования одной из важнейших закономерностей демократической революции. Уже в статье о всеобщей стачке и Советах в июле 1906 г. мы находим интереснейшие наблюдения о «левоблокизме» в действии. В разделе же

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 412.

¹⁰ Деренковский Г. М., Тютюкин С. В. Рабочий класс в революции 1905—1907 гг. — «Исторические записки», 1975, т. 95.

¹¹ Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917). М., 1975 (гл. 4. Вооруженное восстание — высшая форма классовой борьбы пролетариата); Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975 (гл. 7. Декабрьское вооруженное восстание).

¹² Деренковский Г. М., Слепов Л. А., Тютюкин С. В. Первая народная революция эпохи империализма. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 1; Деренковский Г. М., Иванов А. Е., Иванова Н. А., Колесниченко Д. А., Симонина М. С., Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние 20 лет. — «История СССР», 1975, № 5; Деренковский Г. М. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве. — «Вопросы истории», 1975, № 12.

¹³ Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 115.

«Тактика „левого блока“» в главе 2-го тома «Истории КПСС», написанном Г. М. Деренковским, аккумулирован огромный фактический материал, подтвердивший ленинский вывод о том, что «не было ни одного буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов „левоблокистской“ тактики, причем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма»¹⁴. «Левоблокистская» тактика, и это убедительно показано в указанном разделе, включала в себя отнюдь не только избирательные соглашения с непролетарскими партиями, но гораздо более широкий круг действий, способствовавших сплочению общедемократического фронта для свержения царизма. Вопросы истории «левого блока» в революции 1905—1907 гг. нашли свое отражение также в других трудах Григория Михайловича и прежде всего в работах о вооруженных восстаниях.

История Декабрьского вооруженного восстания принадлежит к числу наиболее полно и всесторонне исследованных сюжетов. Начав разрабатывать тему еще в 1955 г. с документальных публикаций о декабрьских днях в Нижегородской губернии и в Донбассе и вводных статей к ним¹⁵, он многократно возвращался к ней в своих трудах, а также в качестве одного из составителей, комментаторов и редакторов томов серии документов и материалов, посвященных высшему подъему революции.

Общее внимание историков привлекли его обстоятельные доклады по проблемам вооруженного восстания на юбилейных сессиях в ИМЛ при ЦК КПСС и в Институте истории АН СССР, посвященных шестидесятилетию первой русской революции¹⁶. В них был поставлен и творчески решен ряд вопросов, требовавших научного осмысления. Это — вопросы об общенародном характере восстания, о соотношении стачки и восстания, о стихийности и сознательности в нарастании восстания, о роли Советов как организаторов восстания и т. д. На некоторых из них следует остановиться подробнее.

В нашей литературе обозначилась тенденция несколько упрощенно представлять роль Советов как непосредственных организаторов восстания. Слишком общая, а потому и неточная постановка вопроса не вскрывала самого механизма руководства восстанием. Обобщая декабрьский опыт, В. И. Ленин писал о том, что «для организации восстания „советы“ и подобные массовые учреждения еще *недостаточны*. Они необходимы для сплочения масс, для боевого объединения, для передачи партийных (или по соглашению партий выдвинутых) лозунгов политического руководства, для заинтересования, пробуждения, привлечения масс. Но они недостаточны для организации *непосредственно боевых сил, для организации восстания* в самом тесном значении слова»¹⁷. Продолжая эту мысль, он подчеркивал: «Когда объективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата *должна* иметь „аппараты“ для „обслуживания“ *именно этих форм борьбы...*»¹⁸. Постановка Лениным вопроса об

¹⁴ Там же, т. 21, с. 89.

¹⁵ Деренковский Г. М. Декабрьские дни 1905 г. в Нижегородской губернии. — «Исторический архив», 1955, № 1; его же. К истории вооруженного восстания в Донбассе в декабре 1905 г. — «Исторический архив», 1955, № 1.

¹⁶ Институт истории АН СССР. Научная сессия по истории первой русской революции 1905—1907 гг. Доклады и тезисы сообщений. М., 1965; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Научная сессия, посвященная 60-летию революции 1905—1907 гг. (тезисы докладов). М., 1965.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 321.

¹⁸ Там же, т. 14, с. 162.

«аппаратах» восстания была классическим образцом отношения к восстанию как к искусству. Г. М. Деренковский не только напомнил об этих ленинских положениях, но и показал на фактах, почему в условиях подъема революции возникала необходимость создания специальных «аппаратов» для непосредственного руководства восстанием. В 1905 г. роль таких «аппаратов» — партийных, межпартийных и беспартийных — играли федеративные Советы, советы боевых дружин и т. д. В Советах, в боевых соглашениях «для борьбы и на борьбе»¹⁹, в Федеративных Советах, информационно-координационных бюро и других подобных им органах на практике реализовалась «левоблокистская» тактика большевистской партии. Новым словом в науке прозвучал анализ причин того, почему ноябрьская стачка в Петербурге не переросла в вооруженное восстание. Г. М. Деренковский возражал против объяснения этого факта только лишь субъективными обстоятельствами (меньшевистское руководство Советом и т. п.) и привел убедительные доводы в пользу того мнения, что отказ от восстания в столице был продиктован в первую очередь серьезными объективными причинами — истощенностью сил питерского пролетариата и т. д. Ведь именно поэтому Петербургский Совет рабочих депутатов принял написанную Лениным резолюцию, в которой указывалось, что «рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство»²⁰. Эти сюжеты нашли свое продолжение и развитие в позднейших работах Григория Михайловича и в работах других историков революции 1905—1907 гг.²¹

Еще один существенный момент в упомянутых докладах привлекает внимание читателя. Прежде в литературе при анализе ленинских взглядов на восстание как на искусство обращались почти исключительно к циклу его предоктябрьских статей и писем («Марксизм и восстание», «Кризис назрел», «Советы постороннего» и др.), оставляя как-то в стороне и ленинские работы времени первой русской революции, и выступления видных деятелей большевистской партии, связанные с теоретическими проблемами вооруженного восстания. Г. М. Деренковский ставит вопрос так: знали ли тогда большевики об идеях и выводах, сформулированных в знаменитой «Революции и контрреволюции» (в те времена автором ее считали К. Маркса и только позднее стало известно, что написана она Ф. Энгельсом) и отвечает: знали!²² Григорий Михайлович сослался на доклад А. В. Луначарского III съезду партии о вооруженном восстании, в котором были изложены взгляды основоположников научного коммунизма на восстание²³. Привел малоизвестный факт о том, что книга «Революция и контрреволюция в Германии» легально издавалась в России в русском переводе и была доступна работникам партии. Именно в этой связи Ленин подчеркивал, что революция 1905 г. много сделала для ознакомления пролетарского авангарда с «последним словом» социализма на Западе²⁴. Известно и то, что Ленин в 1905 г. «не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании, он прочел немало книг и по военному искусству, обду-

¹⁹ Там же, т. 9, с. 275.

²⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 106.

²¹ Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции, с. 163; Революция 1905—1907 гг. в России, с. 253—255; История рабочих Ленинграда, т. I. Л., 1972, с. 301—302; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 139—152.

²² Научная сессия по истории первой русской революции 1905—1907 гг., с. 141—142.

²³ III съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 105—106.

²⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 306.

мывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его»²⁵. На страницах большевистского «Пролетария», выходившего нелегально с августа 1906 г., Ленин выступал со статьями, где, пусть еще не в концентрированном виде, излагались правила и законы вооруженного восстания. Особенно поучительны в этом отношении «Уроки Московского восстания», в которых Ленин прямо напоминал о забытом оппортунистами положении из «Революции и контрреволюции в Германии» о том, что восстание есть искусство, главное правило которого — «отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление»²⁶. Вопрос об изучении и распространении в массах марксистских взглядов на восстание Г. М. Деренковский связывал с более широкой проблемой выбора форм и средств борьбы в различных исторических условиях.

Известны крылатые слова Ленина о том, что без «генеральной репетиции» 1905 г. победа Октября была бы невозможна²⁷. В общей форме большая и многоплановая проблема преемственной связи между тремя российскими революциями поставлена и разрабатывается во многих трудах советских историков. Выяснены и основательно освещены в литературе такие коренные вопросы, как расстановка классовых и политических сил в каждой из революций, программные, стратегические и тактические установки различных партий, формы и методы революционного действия и т. д. Но много ли найдется работ, в которых через живую конкретику было бы показано, что и как было «отрепетировано» в ходе первой русской революции, что из ее опыта было принято в дальнейшем, что изменено, а что отброшено как не оправданное практикой. Одной из немногих таких работ является опубликованная в 1977 г. статья, посвященная использованию опыта 1905 г. в Октябрьской революции²⁸. Авторы исходили из совершенно правильной посылки, что при изучении революционных традиций «...речь идет отнюдь не о механическом повторении опыта революции 1905—1907 гг. в ходе подготовки и проведения социалистической революции 1917 г. ...а о развитии и частичном видоизменении этого опыта применительно к новой исторической ситуации и новыми задачами, вставшими перед рабочим классом России в 1917 г.»²⁹ Из многих возможных аспектов раскрытия темы в статье избран один, органически связанный с предшествующими трудами Г. М. Деренковского. Внимание сфокусировано на центральной проблеме — использование опыта вооруженной борьбы пролетариата в 1905 г. в ходе революции 1917 г. (вооруженное восстание, военно-боевая работа, наконец, участие и роль ветеранов 1905 г. в Октябрьской революции). В статье с этой точки зрения рассмотрен послеиюльский период 1917 г., когда возможности мирного развития революции были исчерпаны и вооруженное свержение Временного правительства выдвинулось как единственно возможное средство спасения страны от национальной катастрофы. Авторы, обращаясь к истории декабрьских боев 1905 г., прослеживают развитие Лениным идей Маркса и Энгельса о вооруженном восстании как искусстве, показывают, как декабрьский опыт критически осмысливался и учитывался в 1917 г. С большим интересом читаются страницы, посвященные вопросам соотношения стачки и восстания и баррикадной борьбе в 1917 г. в свете опыта 1905 г. Впечатляюще выглядят сведения о том, что избранный

²⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 92.

²⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 374.

²⁷ Там же, т. 38, с. 306.

²⁸ Деренковский Г. М., Тютюкин С. В. К вопросу об использовании опыта первой русской революции в период подготовки Октября. — «История СССР», 1977, № 5.

²⁹ Там же, с. 106.

VI съездом РСДРП(б) Центральный Комитет на 100% состоял из партийных деятелей, вступивших в социал-демократическое движение не позже 1907 г., что из 15 членов первого Советского правительства — Совнаркома — лишь один (П. А. Дыбенко) не был участником первой русской революции, а из 62 большевиков — членов ВЦИК, избранного на II Всероссийском съезде Советов, 78% тоже участвовали в революции 1905—1907 гг.³⁰ Вслед за статистическими данными перед читателем встают дорогие имена В. И. Ленина и Я. М. Свердлова, А. С. Бубнова и Н. В. Крыленко, А. С. Ведерникова и П. К. Штернберга и других героев 1905 г., ставших героями Октября. Так приобретает конкретное содержание часто употребляемая общая фраза о том, что «память 1905 года жила в сердцах рабочих».

Наш обзор работ Г. М. Деренковского был бы далеко не полон без обращения к небольшому, но исключительно важному циклу статей, имеющих непосредственное отношение к Лениниане.

Изучая историю русской революции, Григорий Михайлович интересовался проблемой интернациональных связей русских большевиков. Конкретным выражением этого интереса явились две статьи о малоизвестной странице в биографии замечательной революционерки Розы Люксембург — времени ее пребывания в России в 1906 г.³¹ Такое исследование приобретало особенную важность потому, что буржуазная и ревизионистская историография, спекулируя на расхождениях между В. И. Лениным и Р. Люксембург, пыталась и пытается возвести эти расхождения в абсолют, замолчать и исказить факты сближения Р. Люксембург с большевиками, ее восторженную оценку героической борьбы российского пролетариата в декабре 1905 г. Опираясь на обширный круг архивных и опубликованных источников, Григорий Михайлович восстановил историческую правду, суть которой выражена в словах самой Р. Люксембург, произнесенных на V съезде РСДРП, и свидетельствовавших о ее полной солидарности с большевиками по коренным вопросам революции: «Русская революция является не столько последним актом в серии буржуазных революций XIX века, сколько предтечей новой серии будущих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его авангард — социал-демократия предназначены исторически к роли вождя»³². Эти две миниатюры являются примером мастерского анализа источников. Изучая факты, Г. М. Деренковский столкнулся с вопросом о времени приезда Р. Люксембург в Россию и ее встречи с В. И. Лениным. В литературе принято было считать, что Р. Люксембург приехала в Россию в конце июня 1906 г. и тогда же встретила с В. И. Лениным. Эта дата, основанная на воспоминаниях Н. К. Крупской, зафиксирована в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина»³³ и в справочном издании Ленинградского института истории партии³⁴. Но, как известно, мемуары не слишком надежный источник для датировки событий. Сперва исследователь обратил внимание на противоречие в самих воспоминаниях Надежды Константиновны. Назвав временем встречи В. И. Ленина и Р. Люксембург конец июня, Н. К. Крупская тут же сообщает, что при встрече «говорили о создавшемся положении и о той тактике, которой надо держаться»³⁵.

³⁰ Там же, с. 115, 116.

³¹ Деренковский Г. М. Роза Люксембург в России во время первой русской революции. — «История СССР», 1968, № 1; его же. Р. Люксембург в Петербурге и Куоккала (1906 г.). — «Вопросы истории», 1973, № 3.

³² Пятый (Лондонский) съезд РСДРП, протоколы. М., 1963, с. 103.

³³ Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 570.

³⁴ Ленин в Петербурге. Л., 1957, с. 111.

³⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 120.

Сам факт встречи, судя по описанию деталей, сомнений не вызывал, но ведь новое положение, требовавшее обсуждения тактики, возникло после роспуска I Государственной думы (о чем упоминает Н. К. Крупская) и вспышки восстаний в Свеаборге, Кронштадте и в районе Ревеля. Вот тут-то на помощь пришли архивы. Г. М. Деренковский установил, что освобожденная из Варшавской тюрьмы Р. Люксембург последний раз допрашивалась в Варшаве 18 июля 1906 г. и, следовательно, уехать в Россию могла только после этого допроса. Из письма же Р. Люксембург Карлу и Луизе Каутским явствует, что с 28 июля она жила в Куоккала, прибыв туда из Петербурга. Таким образом, была уточнена на целый месяц дата первой встречи В. И. Ленина и Р. Люксембург в Петербурге. Во 2-м томе ленинской биографии со ссылкой на статью Григория Михайловича сообщается, что между 20 и 28 июля «Ленин встречался с Р. Люксембург, приехавшей из Варшавы»³⁶.

О Таммерфорской конференции написано много, но о времени предшествовавшего ей заседания ЦК РСДРП ясности в литературе не было. В одних случаях называлась дата — 15 декабря, в других — 17-е, наконец, говорилось о «середине декабря». Но, как совершенно правильно заметил Григорий Михайлович, «для историко-партийной науки важен каждый вновь открытый факт, каждый штрих, дополняющий или уточняющий уже известное». В данном случае значение подобных уточнений возрастало потому, что в этом заседании участвовал В. И. Ленин. Установлению действительной даты декабрьского заседания ЦК и посвящена опубликованная в 1969 г. статья, из которой взяты цитированные выше строки³⁷. Автор подверг критическому рассмотрению все свидетельства, документальные и мемуарные, касающиеся этого заседания, и убедительно доказал, что оно могло происходить не ранее 18-го и не позднее 19 декабря. В ленинской биографии появилась запись, отличающаяся от предшествующих публикаций. Под датой «декабрь, позднее 17/30» со ссылкой на статью Г. М. Деренковского сообщается о заседании в Петербурге на Знаменской улице в доме 20/16, где был заслушан доклад члена МК большевиков М. Н. Лядова о вооруженном восстании в Москве³⁸. Но уточнение даты повлекло за собой и другое уточнение. В литературе бытовало утверждение о том, что ЦК на этом заседании по предложению Ленина дал указание Московскому комитету организованно прекратить вооруженную борьбу. Подобное утверждение явилось результатом упрощенных представлений о самом механизме начала и окончания Московского восстания. Установление новой даты делало очевидным, что подобной директивы ЦК дать не мог (что не менее убедительно установлено автором статьи), ведь к моменту заседания ЦК вооруженная борьба в Москве уже прекратилась.

Наконец, еще об одном существенном уточнении, связанном с биографией и деятельностью В. И. Ленина. Известно, что впервые В. И. Ленин встретился с А. М. Горьким 27 ноября 1905 г. в редакции газеты «Новая жизнь» после приезда Горького из Москвы. Что же касается второй их встречи, то считалось, что она состоялась в Финляндии лишь в начале 1906 г. Однако некоторые факты заставили Григория Михайловича усомниться в этом и предпринять специальное исследование вопроса о встречах Ленина с Горьким³⁹. Как упоминалось, декабрьское

³⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. 1905—1912. М., 1971, с. 269.

³⁷ Деренковский Г. М. К вопросу о заседании ЦК РСДРП в середине декабря 1905 г. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1.

³⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. 1905—1912, с. 211.

³⁹ Деренковский Г. М. О второй встрече В. И. Ленина с А. М. Горьким (декабрь 1905 г.). — «Исторические записки» т. 83. М., 1969.

заседание ЦК РСДРП происходило в квартире на Знаменской, 20/16. Но ведь это была совместная квартира А. М. Горького и книгоиздателя К. П. Пятницкого. Точно устанавливается, что как раз в эти декабрьские дни Горький находился в Петербурге и не выходил из дома по болезни. Но состоялась ли встреча? Автор статьи очень осторожен в своих выводах. Он ограничивается предположением, что «Горький мог видеть здесь Ленина». Но тут же замечает, что на вопрос, участвовал ли Горький в заседании ЦК и имел ли возможность беседовать с Лениным, «источники не дают ответа»⁴⁰. Изучая воспоминания М. Ф. Андреевой, Григорий Михайлович заметил, что в них кроме сообщения о встрече в «Новой жизни» и в тот же день на квартире у писателя (эти встречи принято считать за одну) есть еще упоминание о встрече Ленина с Горьким на квартире сестры М. Ф. Андреевой, Е. Ф. Крит. Исследователи как-то оставляли без внимания это свидетельство. Фигурировало оно только в ленинградском справочном издании⁴¹. Оно-то и стало отправным пунктом в дальнейших изысканиях. Шаг за шагом восстанавливаются обстоятельства встречи, документально подтверждается адрес квартиры Е. Ф. Крит, известный доселе только по мемуарам, дается объяснение и тому, что местом встречи на этот раз была избрана именно эта квартира, а не дом на Знаменской. Выясняется не только время встречи, но и состав участников, а также содержание состоявшейся беседы. И вот новая запись в биохронике, аккумулирующая наблюдения и выводы из статьи Г. М. Деренковского: «Вторая половина декабря. Ленин принимает участие в совещании членов ЦК РСДРП (набережная реки Фонтанки, д. 24, кв. 9), где обсуждался вопрос о выпуске в издательстве товарищества „Знание“, которым руководил А. М. Горький, серии социал-демократических книг. На совещании присутствовали члены ЦК Л. Б. Красин и П. П. Румянцев, а также А. М. Горький, К. П. Пятницкий и М. Ф. Андреева»⁴². Это и была точно установленная вторая встреча вождя революции с писателем⁴³. Г. М. Деренковский убедительно доказал, что она происходила при свидании в декабре⁴⁴.

Мы не случайно так подробно остановились на четырех статьях, составляющих бесспорный вклад в Лениниану. Ведь каждый новый штрих, каждая новая деталь жизни и деятельности В. И. Ленина помогают с максимальной полнотой познать и изучить бессмертный облик великого вождя. Вместе с тем статьи эти как нельзя лучше раскрывают высокий профессионализм, исключительную добросовестность и строгую научность в анализе фактического материала покойного историка.

Здесь предпринята попытка показать главную, но не единственную сторону творчества Г. М. Деренковского. Другие его работы могут быть предметом специального историографического анализа. Заметим только, что Григорий Михайлович в течение многих лет был постоянным автором журнала «История СССР».

Пройдут годы, наша историография пополнится новыми содержательными трудами по истории первой русской революции. Работы же Г. М. Деренковского прочно заняли свое почетное место в ее золотом фонде. И ни один из будущих историков «генеральной репетиции» Великого Октября не сможет обойтись без обращения к ним.

⁴⁰ Там же, с. 225.

⁴¹ Ленин в Петербурге. Л., 1957, с. 95.

⁴² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. 1905—1912, с. 212—213.

⁴³ Горький М. Собр. соч. в 30 томах, т. 28. М., 1954, с. 573.

⁴⁴ «Исторические записки», т. 83, с. 227—231.

А. С. ПАВЛОВ

ПОВЫШЕНИЕ ВЕДУЩЕЙ РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА В МЕСТНЫХ СОВЕТАХ В ПЕРИОД УПРОЧЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1946—1961 гг.)

Рабочий класс был и остается ведущей силой советского общества. Это положение нашло свое закрепление в новой Конституции СССР, где подчеркивается, что в нашей стране построено развитое социалистическое общество, создано общенародное государство, сложилось социально-политическое и идейное единство советского народа, ведущей силой которого выступает рабочий класс¹.

Осуществляя руководство всеми сферами жизни нашего общества, рабочий класс проявляет авангардную роль и в Советах, являющихся политической основой Советского государства и наиболее полно воплощающих его демократический характер. «Диктатуру,— указывал В. И. Ленин,— осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия...»² Через систему Советов Коммунистическая партия содействует неуклонному развитию социалистической демократии, создавая условия для вовлечения многомиллионных масс в управление страной и общественными делами.

В условиях развитого социализма, когда в СССР осуществляются грандиозные социально-экономические и культурные преобразования, происходит дальнейшее усиление роли рабочего класса в управлении государством. Это вызывает необходимость изучения и обобщения предшествующего опыта партии и Советского правительства по повышению ведущей роли рабочего класса в Советах, в частности, в период упрочения и дальнейшего развития социалистического общества. В этот период на основе решений XIX, XX, XXI, XXII съездов партии и специального постановления ЦК КПСС от 22 января 1957 г. «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами»³ происходит значительное оживление деятельности Советов и повышение в них ведущей роли рабочего класса.

Советские ученые проделали большую работу по исследованию ве-

¹ См. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.

² Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 30.

³ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 7. М., 1971, с. 237—248.

душей роли рабочего класса в Советах в указанный период⁴. В общих и специальных трудах, посвященных Советам, также рассматриваются отдельные вопросы темы⁵. В последние годы вышел в свет ряд монографий и коллективных работ, которые также вносят определенный вклад в ее разработку⁶.

Вместе с тем некоторые аспекты названной проблемы требуют своего изучения. Назрела необходимость глубокого изучения и обобщения опыта Коммунистической партии и Советского правительства по повышению роли рабочего класса в Советах в период упрочения и дальнейшего развития социалистического общества⁷⁻⁸. Актуальность избранной проблемы усиливается в свете новой Конституции СССР и конституций союзных и автономных республик, ее исследование приобретает особую значимость в условиях обострившейся идеологической борьбы системы социализма и капитализма⁹.

В сообщении делается попытка проанализировать процесс повышения роли рабочего класса в Советах в 1946—1961 гг.: рост представительства рабочих в составе местных органов государственной власти всех звеньев, деятельность депутатов-рабочих в Советах, их участие в работе сессий и постоянных комиссий.

После окончания Великой Отечественной войны перед советским народом встали гигантские задачи по восстановлению народного хозяйства и дальнейшему развитию социалистического общества. Враги социализма строили свои расчеты на том, что Советский Союз длительное время не сможет справиться с причиненной войной разрухой. Многие буржуазные политики и экономисты определяли этот срок десятками лет, более того, некоторые из них утверждали, что СССР не сумеет решить эти задачи и якобы превратится в одну из самых слабых стран.

Однако империалисты и на этот раз просчитались. Организуя трудящиеся массы нашей многонациональной страны на восстановление и развитие народного хозяйства, Коммунистическая партия ясно указала ближайшую цель — построение развитого социализма. «Лишний раз, — пишет в своей книге Л. И. Брежнев, — показаны были всему миру неисчерпаемые резервы социалистической экономики, возможности нашего планового хозяйства, великая мощь страны, которая может в случае

⁴ См. Сенявский С. Л. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.). М., 1966; Полетаев В. Е. Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма (1945—1958 гг.). М., 1967; Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967. М., 1968; Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.). М., 1969; Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). М., 1971; Ежов В. А. Рабочие Ленинграда в годы пятой пятилетки (1951—1955). Л., 1971 и др.

⁵ См. Горкин А. Ф. XX съезд КПСС о дальнейшем развитии советской демократии. М., 1956; Тихомиров Ю. А. Советы депутатов трудящихся — органы народной власти. М., 1959; Органов Н. Н. Партия и Советы. М., 1962; Чернова В. М. Партийное руководство Советами. Алма-Ата, 1964; Белитченко Н. Д. Руководство КПСС Советами депутатов трудящихся. Волгоград, 1965; Лепешкин А. И. Советы — власть народа (1936—1967 гг.). М., 1967; Советы за 50 лет. М., 1967 и др.

⁶ См. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма (1938—1958 гг.). Новосибирск, 1977; Куликова Г. Б. Демократические основы деятельности местных Советов в развитом социалистическом обществе. М., 1978; Проблемы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР (1943—1950 гг.). М., 1978; Зеленин И. Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни. М., 1978 и др.

⁷⁻⁸ См. Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974, с. 42; Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 30; «История СССР», 1978, № 4, с. 14.

⁹ См. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС. М., 1979.

необходимости перегруппировать силы, сконцентрировать их на главных направлениях»¹⁰.

Большая роль в решении этих задач отводилась местным Советам. Однако в их деятельности имелись существенные недостатки: сессии созывались нерегулярно, слабо работали постоянные комиссии и депутаты. Если в годы войны все это было объяснимо, то после ее окончания требовалось решительно улучшить работу Советов.

В первую очередь необходимо было провести выборы как в верховные, так и в местные органы власти. Следует отметить, что в годы войны произошло значительное сокращение состава депутатов местных Советов. В рядах Советской Армии сражалось 34,7% депутатов, число возвратившихся с фронта на 1 января 1945 г. составило лишь 7,9%. К моменту первых послевоенных выборов в составе местных Советов осталось 42,9% общего состава ранее избранных депутатов¹¹.

В феврале 1946 г. ЦК ВКП(б) опубликовал Обращение ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР¹². В нем были подведены итоги деятельности партии и Советского правительства и намечалась грандиозная программа восстановления народного хозяйства страны, дальнейшего продвижения советского общества по пути завершения строительства социализма. В ответ на призыв партии советский народ на выборах в верховный орган государственной власти оказал полную поддержку блоку коммунистов и беспартийных.

В течение 1947—1948 гг. были повсеместно проведены первые послевоенные выборы в местные Советы. В исследуемый период выборы в местные органы государственной власти проводились согласно Конституции СССР 1936 г. семь раз и осуществлялись на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании для всех граждан, достигших 18 лет. Порядок проведения выборов регулировался Положениями о выборах в Советы, утвержденных Президиумами Верховных Советов союзных республик¹³. Внесенные изменения в Положения по сравнению с 1939 г. позволили дополнительно вовлечь в работу Советов сотни тысяч советских граждан, дали возможность трудящимся избрать в состав местных органов государственной власти значительно большее число рабочих и колхозников.

Следуя ленинским указаниям, Советское правительство, Коммунистическая партия проводили большую работу по увеличению представительства рабочих в Советах. Преобладание в них рабочих и крестьян позволяет, как подчеркивал В. И. Ленин, установить «крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различные реформы самого глубокого характера без бюрократии»¹⁴.

Особое значение для увеличения рабочей прослойки в местных Советах имело постановление ЦК КПСС от 22 января 1957 г., в котором отмечалось, что «нельзя признать нормальным, когда в прошлые годы в Советы мало избиралось рабочих и колхозников, занятых непосредственно на производстве»¹⁵. ЦК КПСС потребовал исправить положение

¹⁰ Брежнев Л. И. Возрождение. М., 1978, с. 8.

¹¹ См. Из истории деятельности Советов. М., 1966, с. 85.

¹² См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 6, с. 138—148.

¹³ Положения о выборах в местные Советы союзных республик РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Литовской ССР, Киргизской ССР и Таджикской ССР были утверждены в 1950 г., в Туркменской ССР — в 1952 г., в Азербайджанской, Молдавской, Латвийской, Армянской и Эстонской союзных республиках — в 1954 г. и в Грузинской ССР — в 1963 г.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 304.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 7, с. 247.

Динамика роста числа депутатов-рабочих в местных Советах *

	1947— 1948 гг.	1950 г.	1953 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1961 г.
Всего депутатов	1 437 098	1 490 583	1 509 792	1 536 310	1 549 777	1 801 663	1 822 049
из них рабо- чих	101 843	120 001	129 824	164 420	239 860	338 627	433 293
процент	7,1	8,1	8,6	10,7	15,5	18,8	23,8

* Таблица составлена по материалам: ЦГАОР СССР, ф. 7523, сп. 40, д. 218, л. 10; оп. 58, д. 589, л. 16; оп. 75, д. 506, л. 73; состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся 1959 г. Статист. сб. М., 1959, с. 32; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1961 г. Статист. сб. М., 1961, с. 20; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов 1977 г. Статист. сб. М., 1977, с. 226—227.

ние и обеспечить более широкое избрание в их состав людей, занятых в сфере материального производства.

Разрабатывая новые законодательные акты, Президиумы Верховных Советов большинства союзных республик приняли в 1955—1959 гг. новые Положения о местных Советах. Эти акты более четко определили правовой статус депутатов, учли как уровень экономики и культуры, достигнутый страной, так и опыт, накопленный и проверенный советскими органами на практике ¹⁶.

В результате принятых мер во всех звеньях местных Советов наблюдался постоянный и стабильный рост числа депутатов-рабочих (см. табл.).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что удельный вес депутатов-рабочих в составе местных Советов с 1947 по 1955 г. увеличился всего лишь в полтора раза, а с 1955 по 1961 г. — в два с лишним раза: среди депутатов краевых, окружных и областных Советов он увеличился с 6,8% в 1947—1948 гг. до 13,5% в 1955 г., а в 1961 г. он составил 27,3%; районных соответственно — 4,9%, 7,4% и 18,6%; городских — 22,1%, 27,7% и 45,2%; районных в городах — 24,6%, 29,2% и 48,0%; сельских — 4,0%, 6,5% и 17,5%; поселковых — 24,0%, 25,6% и 40,6% ¹⁷.

Рост числа депутатов-рабочих наблюдался в местных Советах всех союзных республик. Так, если в 1955 г. в местных Советах РСФСР депутаты-рабочие составляли 13,4%, то в 1961 г. — 29,1%, Украинской ССР соответственно — 8,1% и 16,3%, Грузинской ССР — 3,3% и 10,4% ¹⁸. В 1961 г. депутаты-рабочие составляли в местных Советах Узбекской ССР 20,3%, Казахской ССР — 29,8%, Латвийской ССР — 20,4%, Эстонской ССР — 26,2% ¹⁹. Эти показатели свидетельствуют о возрастающей роли рабочего класса национальных республик в управлении делами государства.

Наиболее показательным в этом плане является состав городских, районных в городах и поселковых Советов. С 1947—1948 гг. по 1961 г. число рабочих депутатов увеличилось в городских Советах более чем в два раза. В 1961 г. число депутатов-рабочих в городских Советах РСФСР составило 47,3%, Узбекской ССР — 53,4%, Казахской ССР — 43,9%, Литовской ССР — 42,1%, Туркменской ССР — 55,2%, Украинской ССР — 45,5% ²⁰. В городских Советах промышленных областей ра-

¹⁶ См. Положение о сельских Советах депутатов трудящихся РСФСР. М., 1957, с. 4.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 40, д. 218, лл. 10, 19, 46, 58, 64; д. 1053, л. 7; Итоги выборов... 1961 г., с. 28, 36, 44, 52, 60, 68.

¹⁸ См. Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.), с. 406; Итоги выборов... 1961 г., с. 20.

¹⁹ См. Итоги выборов... 1961 г., с. 20.

²⁰ См. там же, с. 44.

бочие в них стали преобладающими уже в конце 50-х годов. Так, в горсоветах Московской области депутаты-рабочие составили в 1959 г. 53,3%, Ивановской — 50,5%, Куйбышевской — 50,1% ²¹.

Ведущая роль рабочего класса в управлении государством проявляется и в его участии в формировании и деятельности Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик. Так, в Верховном Совете СССР депутаты-рабочие составляли в 1954 г. 23,1%, в 1958 г. — 23,2%; в Верховных Советах союзных республик в 1955 г. они составляли 17,0%, в 1959 г. — 20,6%. Среди депутатов Верховного Совета РСФСР 1955 г. рабочие составляли 21,3%, в 1959 г. — 26,6%, Азербайджанской ССР соответственно — 12,9% и 20,9%, Казахской ССР — 26,8% и 29,6%, Молдавской ССР — 16,3% и 20,6%, Армянской ССР — 13,3% и 21,7% ²².

Тенденция к увеличению числа рабочих в государственных органах власти в исследуемый период была неразрывно связана с повышением роли рабочего класса во всей хозяйственной, культурной и политической жизни страны, с развитием самого рабочего класса, с ростом его численности.

Важно отметить не просто увеличение в составе местных Советов депутатов, занятых на производстве, а рост числа кадровых, общественно активных рабочих. Например, среди депутатов-рабочих, избранных в 1961 г. в состав Моссовета, к моменту избрания около 8% имели стаж работы более 10 лет ²³. Депутатами Моссовета нескольких созывов избирались токарь завода «Динамо» А. К. Шурухнова, хроморетушер типографии «Красный пролетарий» Т. Н. Тишина, бригадир слесарей ГПЗ-1 С. С. Минаев, электросварщик завода им. Владимира Ильича В. Д. Алексахин и другие ²⁴. Депутатами Ленинградского городского Совета III, IV, V созывов избирались токарь Кировского завода П. А. Зайченко, наладчик В. Я. Карасев, токарь Металлического завода А. Н. Рябов и другие ²⁵.

Показателен в этом отношении состав депутатов горсоветов подмосковных промышленных городов Коломны и Серпухова. В 1961 г. в горсовет Коломны было избрано 168 депутатов-производственников. Из них — 13 руководителей и 42 члена бригад коммунистического труда, 68 участников движения за это высокое звание. В Серпухове из 154 рабочих, избранных в Совет VIII созыва, 113 были членами и руководителями бригад коммунистического труда ²⁶.

Лучшие представители рабочего класса, получившие опыт работы в низовых звеньях Советов и оправдавшие доверие избирателей, выдвигались в вышестоящие органы власти. Московский слесарь П. М. Чугунов, например, дважды избирался в районный Совет, а в 1965 г. стал депутатом Моссовета. Пряильщица В. М. Петрищева была избрана сначала депутатом Моссовета, а в 1961 г. — депутатом Верховного Совета СССР. Токарь-универсал Пензенского машиностроительного завода Ю. Е. Седов избирался в советские органы с 1949 г.: был депутатом райсовета, дважды — депутатом Верховного Совета РСФСР, депутатом областного Совета, членом облисполкома ²⁷.

²¹ См. Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 141.

²² См. Кириченко М. Г. Высший орган государственной власти союзных республик. М., 1958, с. 30; Состав депутатов... 1959 г., с. 10, 16.

²³ См. Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 143.

²⁴ См. Городское хозяйство Москвы, 1961, № 2, с. 42; «Известия», 1965 г., 6 февраля.

²⁵ См. Ежов В. А. Указ. соч., с. 82.

²⁶ См. Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 143.

²⁷ Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.), с. 411.

Ведущая роль рабочего класса в Советах ярко проявляется в ходе проведения самих выборов, в работе избирательных комиссий. Как писал В. И. Ленин, сама процедура выборов в нашей стране обеспечивает «непосредственное воздействие трудящихся масс на устройство и управление государства»²⁸.

В работе избирательных комиссий участвовали широкие трудящиеся массы и в первую очередь представители рабочего класса. Об этом убедительно свидетельствуют следующие данные: в 1947—1948 гг. в состав избирательных комиссий было привлечено 8 млн. человек, в 1950 г. — более 7 млн., в 1953 г. — 7 млн., в 1955 г. — более 7 млн., в 1957 г. — около 7 млн., в 1959 г. — более 7 млн., в 1961 г. — около 8 млн. человек²⁹.

В составе, например, Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР III созыва рабочие составляли более 30%, среди них — нефтяник И. Ш. Ахмадулин, шахтер О. П. Загуменников, слесари Н. К. Харитонов, Н. К. Константинов и др. В состав Ленинградской избирательной комиссии по выборам в местные Советы 1957 г. были выдвинуты токарь-новатор Кировского завода Л. Лалетин, фрезеровщик А. Логинов, вязальщица трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя» Н. Кузнецова и др. Коллектив комбината «Трехгорная мануфактура» выдвинул в состав Московской городской избирательной комиссии ткачиху А. А. Долгих, в эту же комиссию был рекомендован машинист паровозного депо Московской окружной железной дороги В. П. Глебов и др.³⁰

Выборы в нашей стране являются ярким проявлением всенародного характера социалистической демократии. Они проходят при большой активности избирателей. Известно, что во всех выборах в Советы, состоявшихся после принятия Конституции СССР 1936 г., участвовало примерно 99,9% избирателей, из них более 99% отдавали свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных³¹.

Активность избирателей в выборах в местные Советы, их голосование за кандидатов в депутаты отражает идейное единство советского народа, его сплоченность вокруг Коммунистической партии, Советского правительства. Это убедительное свидетельство незыблемости принципа социалистической демократии — всеобщность, реальность участия народа в формировании органов государственной власти. Как отмечал Л. И. Брежнев, выборы в Советы — это также «своего рода испытание прочности связи коммунистов с массами, а голосование — высшая форма народного волеизъявления, всенародная оценка деятельности партии, ее политики»³².

Подлинно народный характер государственных органов власти обеспечивается гарантированной на практике возможностью всех граждан страны выдвигать и избирать депутатами лучших представителей трудящихся, в том числе и рабочего класса.

На сессиях депутаты решают коренные вопросы хозяйственного и социально-культурного строительства, направляют и контролируют деятельность исполнительных и распорядительных органов, проверяют ис-

²⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 92.

²⁹ См. Ткаченко В. Советский социалистический строй — подлинно народный. М., 1954, с. 30; Горкин А. Ф. Партия и Советы. М., 1955, с. 17; «Советы депутатов трудящихся», 1959, № 2, с. 94; Состав депутатов... 1959 г., с. 91; «Итоги выборов... 1961 г., с. 113.

³⁰ См. «Известия», 1954 г., 18 декабря; 1957 г., 3 и 9 января.

³¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1977, № 6, с. 25.

³² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, М., 1970, с. 426.

полнение директив партии и правительства³³. Вместе с тем сессия — это школа управления, где депутаты и многочисленный актив приобретают навыки государственной работы. Характеризуя Советы, В. И. Ленин писал: «Советская власть есть аппарат — аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе»³⁴.

На основе ленинских указаний в эти годы во многих союзных республиках были изменены сроки проведения сессий городских, районных, сельских и поселковых Советов. Практика показала, что ежегодное проведение сессий этих Советов не способствовало их тщательной подготовке и выполнению принятых ими решений. Обобщив опыт, Президиумы Верховных Советов ряда союзных республик установили, что сессии упомянутых Советов должны впредь созываться не ежемесячно, а не реже одного раза в два месяца³⁵. Это положительно сказалось на повышении уровня подготовки и проведения сессий и целиком себя оправдало в последующие годы.

Особо важную роль в улучшении сессионной деятельности Советов сыграло постановление ЦК КПСС от 22 января 1957 г. В нем намечались конкретные меры по активизации работы сессий как основного коллегиального органа, которые должны полнее использовать свои права, решать актуальные вопросы хозяйственного и социально-культурного строительства и обеспечивать широкую гласность в работе Советов³⁶.

Постановление ЦК КПСС явилось конкретной программой борьбы за совершенствование сессионной деятельности местных Советов. Так, в 1956 г. на заседании бюро ЦК Коммунистической партии Туркмении обсуждался вопрос об улучшении оргмассовой работы Советов республики. ЦК КПТ поставил перед обкомами, горкомами и райкомами партии задачу улучшить руководство Советами: обеспечить созыв сессий в установленные сроки и проводить их на высоком организационном и политическом уровне, шире вовлекать в работу Советов постоянные комиссии, депутатов и советский актив³⁷. В порядке контроля бюро ЦК КПТ осуществило в 1957 г. проверку своего решения³⁸.

В свете постановления ЦК КПСС значительно больше внимания работе Советов, совершенствованию сессионной деятельности уделяли Ленинградская, Московская и Горьковская парторганизации³⁹.

Все это способствовало совершенствованию сессионной деятельности Советов. Так, если в 1946 г. сессии созывали в сроки, предусмотренные Конституцией СССР, около 25% местных Советов, то в 1961 г. — 95%, в

³³ Подробнее по этому вопросу см. Григорян Л. А. Сессии местных Советов депутатов трудящихся. М., 1956; Платов Е. И. Сессия Совета. Л., 1971; Васенин В. К. Сессии местных Советов. М., 1968; Москалев А. В. Сессионная деятельность местных Советов. М., 1975.

³⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 52.

³⁵ См. «Ведомости Верховного Совета Казахской ССР», 1956, № 5 (189), с. 12—14; «Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР», 1956, № 9 (105), с. 90; «Ведомости Верховного Совета Литовской ССР», 1956, № 2 (212), с. 23—24; «Заседания Верховного Совета Молдавской ССР». Стеногр. отчет. Кишинев, 1956, с. 192; «Заседания Верховного Совета Украинской ССР». Стеногр. отчет. Киев, 1957, с. 137.

³⁶ См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 7, с. 241.

³⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 56, д. 592, лл. 161—165.

³⁸ Там же, оп. 57, д. 607, лл. 87—90.

³⁹ Там же, ф. 556, оп. 2, д. 670, лл. 156—158; Партархив Института истории при МГК и МК КПСС, ф. 3, оп. 167, д. 20, лл. 32—39; Партархив Горьковского обкома КПСС, ф. 3, оп. 402, д. 5, лл. 223—227.

РСФСР в 1948 г. — 42,4%, а в 1959 г. — 94,5%. Украинской ССР соответственно — 38,8% и 98,6%, Литовской ССР — 21,1% и 90,6% ⁴⁰.

Характерным для послевоенных лет является повышение роли сессий в хозяйственном и социально-культурном строительстве, в осуществлении контроля за работой аппарата управления. Возросла активность депутатов на сессиях местных Советов, появились новые формы, которые способствовали укреплению их связей с массами. В Ленинграде, например, в 1952 г. в подготовке сессий городского и районных Советов принимали участие около 6 тыс. депутатов, 3 тыс. членов постоянных комиссий и более 3,5 тыс. активистов. В 1953 г. в подготовке VI сессии Ленинградского горсовета, обсуждавшей вопрос о состоянии общественного питания, участвовало около 600 депутатов и активистов; было образовано 25 бригад, которые в 18 районах города обследовали более 500 предприятий общественного питания ⁴¹. В 1959—1960 гг., например, в обсуждении вопроса на сессиях Московского городского и районных Советов участвовали более 1800 депутатов ⁴².

Депутаты-рабочие принимали самое активное участие в работе сессий: обсуждали вносимые на них вопросы, высказывали свои предложения, выступали с запросами и т. д. Так, депутат Калужского городского Совета водитель троллейбуса В. Д. Утенков поднял на сессии горсовета в 1959 г. вопрос о качестве строительства и ремонта дорог. Он внес ряд конкретных предложений, которые были учтены сессией. В частности, по его предложению на асфальтном заводе были изменены компоненты и дозировка материалов при изготовлении асфальта, что позволило резко улучшить качество дорог ⁴³. При обсуждении проекта народнохозяйственного плана и бюджета Украинской ССР на 1960 г. депутат-шахтер А. А. Колчин внес предложение увеличить ассигнования на капитальный ремонт больниц и школ Донецкой области. От имени избирателей он рекомендовал протянуть вторую линию водопровода в г. Чистяков, чтобы обеспечить население водой. Его предложения были приняты ⁴⁴.

В годы восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества Советы стали применять более разнообразные и эффективные формы работы. Так, многие Советы Ленинграда регулярно проводили выездные сессии. Например, сессии Фрунзенского и Выборгского районных Советов прошли в 1961 г. на предприятиях — швейной фабрике «Большевичка» и прядильно-ткацком комбинате «Красная нить». Накануне сессий работники райисполкомов и депутаты побывали на предприятиях, беседовали с рабочими, привлекли к проверке многочисленный актив. На сессии обсуждались такие актуальные вопросы, как условия труда и быта рабочих и служащих на предприятиях. Все это позволило полнее вскрыть недочеты и наметить конкретные меры по улучшению условий труда и быта рабочих и служащих на этих предприятиях ⁴⁵.

В конце 50-х — начале 60-х годов трудящиеся массы принимали все более активное участие в работе самих сессий. При этом местные органы власти исходили из ленинских указаний о том, что Советы «это —

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 42, д. 212, л. 14; оп. 78, д. 770, л. 7; Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 174.

⁴¹ См. Лужин А. В. Городские Советы депутатов трудящихся. М., 1954, с. 187.

⁴² См. «Бюллетень исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся», 1960, № 15, с. 5.

⁴³ См. Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.), с. 412.

⁴⁴ См. Заседания Верховного Совета Украинской ССР IV созыва (вторая сессия). Стеногр. отчет. Киев, 1960, с. 193.

⁴⁵ См. «Советы депутатов трудящихся», 1961, № 1, с. 94.

власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли»⁴⁶. Например, в сессиях Моссовета в 1961 г. участвовало до 500 активистов, Фрунзенского и Ленинградского райсоветов столицы — 150—200, Горьковского горсовета — 300 человек⁴⁷.

Важным направлением повышения ведущей роли рабочего класса в Советах является участие депутатов-рабочих в деятельности постоянных комиссий. Комиссии выступают как основная организационно-правовая форма работы представительных органов власти в межсессионный период и содействуют непрерывности функционирования Советов⁴⁸. Дальнейший путь развития советской демократии В. И. Ленин видел не только в систематическом повышении роли представительных органов власти, но и в том, чтобы «каждый член Совета обязательно выполнял известную работу по управлению государством...»⁴⁹.

До середины 50-х годов каждый Совет образовывал такие комиссии и в таком количестве, которые считал целесообразными, исходя из местных условий, числа депутатов и объема своей хозяйственной и социально-культурной деятельности. Изданные в рассматриваемый период Положения о постоянных комиссиях⁵⁰ учли имевшийся опыт их организации и работы. Они несколько унифицировали количественный состав комиссий, определили основные направления их деятельности.

С изданием Положений повысилась целенаправленность в работе постоянных комиссий, стали яснее их задачи, разнообразнее формы и методы их организаторской деятельности. Все это способствовало тому, что к середине 50-х годов постоянные комиссии накопили немалый опыт. ЦК КПСС в постановлении от 22 января 1957 г. одобрил практику деятельности некоторых комиссий. Вместе с тем Центральный Комитет, вскрыв отдельные недостатки, наметил широкую программу совершенствования деятельности постоянных комиссий, которые должны принимать участие в разработке проектов решений Советов, в обсуждении хозяйственных планов, осуществлять контроль за деятельностью предприятий и учреждений, подотчетных Совету⁵¹. Усилили свое внимание к изучению, обобщению и распространению передового опыта постоянных комиссий верховные и местные органы власти⁵².

⁴⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 381.

⁴⁷ См. Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 200.

⁴⁸ Подробнее по этому вопросу см. Тодорский Ю. В. Постоянные комиссии местных Советов депутатов трудящихся. М., 1955; Соловьева С. В. Постоянные комиссии местных Советов на новом этапе. М., 1963; Чехарин И. М. Постоянные комиссии местных Советов. М., 1975 и др.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 93.

⁵⁰ Положения о постоянных комиссиях местных Советов были утверждены Президиумами Верховных Советов союзных республик: Украинской ССР — 31 мая 1957 г.; Белорусской ССР — 23 августа 1951 г.; Узбекской ССР — 2 октября 1950 г., измененное и дополненное — 17 июня 1955 г.; Казахской ССР — 4 июля 1950 г., измененное и дополненное — 27 апреля 1957 г.; Грузинской ССР — 11 июня 1948 г., новое Положение — 26 сентября 1956 г.; Азербайджанской ССР — 2 сентября 1948 г.; Литовской ССР — 20 июня 1951 г., измененное и дополненное — 27 мая 1957 г.; Молдавской ССР — 25 декабря 1952 г., новое Положение — 8 июля 1957 г.; Латвийской ССР — 24 мая 1951 г.; Киргизской ССР — 12 октября 1949 г.; Таджикской ССР — 19 января 1951 г., измененное и дополненное — 5 марта 1957 г.; Армянской ССР — 26 мая 1949 г., измененное и дополненное — 20 сентября 1955 г.; Эстонской ССР — 13 января 1955 г., новое Положение — 26 января 1957 г.

⁵¹ См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 7, с. 244.

⁵² См. Постановление Президиума Верховного Совета Литовской ССР «О работе постоянных комиссий местных Советов Каймядорского района». — «Ведомости Верховного Совета Литовской ССР», 1958, № 8, с. 255—256; постановление Президиума Вер-

В годы восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества постепенно складывались основные направления работы постоянных комиссий: систематическое их участие в подготовке вопросов к сессиям и заседаниям исполкомов, осуществление контроля и организации выполнения решений Советов и вышестоящих партийных и советских органов. Так, постоянная комиссия по строительству Новороссийского городского Совета V созыва проводила большую работу по ускорению жилищного строительства. Среди членов этой комиссии были депутаты с большим опытом — штукатур Т. Фодор, электросварщик П. Валахов, слесарь В. Черников и др.⁵³ Активно работала постоянная комиссия по благоустройству Брестского городского Совета VI созыва. По ее инициативе на многих улицах города были отремонтированы мостовые и тротуары, покрашены дома и приведены в порядок дворы. На улицах было дополнительно высажено 3 тыс. деревьев и 6 тыс. кустарников. В этом немалая заслуга членов постоянной комиссии, депутатов-рабочих — слесаря Ф. К. Савчука, маляра Е. К. Гусевой, стрелочницы П. И. Шепиловой и др.⁵⁴

Новым в деятельности постоянных комиссий того периода явилось увеличение числа расширенных заседаний, в которых принимали широкое участие рабочие, специалисты, руководители предприятий и др. Сошлемся на такой пример. На некоторые заседания постоянных комиссий Моссовета приглашалось от 50 до 100 активистов. Так, на заседании комиссии транспорта и связи Моссовета 9 апреля 1959 г., посвященном вопросу «О задачах городского транспорта и связи на 1959 г.», присутствовало около 100 человек; на совместном заседании комиссий торговли и общественного питания, а также народного образования 9 марта 1960 г. около 70 депутатов и 70 активистов обсуждали вопрос о питании детей в школах⁵⁵.

Практика работы постоянных комиссий полностью подтвердила правильность принятых мер по увеличению числа постоянных комиссий и вовлечению в них большего числа депутатов, непосредственно связанных с производством, хорошо знающих условия труда и быта трудящихся и квалифицированно решающих обсуждаемые вопросы.

Вся деятельность советских представительных органов власти зависит от активности депутатов, их практического участия в выполнении решений Советов⁵⁶. Их деятельность является подтверждением ленинского указания о том, что депутаты должны «сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями»⁵⁷.

Претворяя в жизнь ленинские указания, верховные и местные органы власти добивались от депутатов выполнения своих обязанностей, си-

ховного Совета РСФСР «О практике работы постоянных комиссий местных Советов депутатов трудящихся Горьковской области». — «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 49 (170), с. 776—778; постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР «О работе постоянных комиссий местных Советов Северо-Казахстанской области Целинного края». — «Ведомости Верховного Совета Казахской ССР», 1962, № 47 (400), с. 17—19 и др.

⁵³ См. «Известия», 1955 г., 5 июля.

⁵⁴ См. «Советы депутатов трудящихся», 1957, № 1, с. 109.

⁵⁵ См. Куликова Г. Б. Указ. соч., с. 227.

⁵⁶ О депутатской работе подробнее см. Савенков Н. Т. Основные формы деятельности депутатов. М., 1956; Васенин В. К. Депутат местного Совета. М., 1965; Безуглов А. А. Советский депутат. М., 1971; Смирнов А. А. Когда депутат активен. М., 1977 и др.

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 33, с. 48.

стематической отчетности перед избирателями⁵⁸. Названные постановления способствовали усилению активности депутатов, укреплению их связей с массами, повышению их роли в осуществлении решений партии и правительства. Так, если в 1954 г. отчитались перед населением 43,7% депутатов местных Советов, то в 1961 г. — 80,8%, в РСФСР соответственно — 40,2% и 73,0%, Литовской ССР — 43,3% и 77,6%, Грузинской ССР — 53,2% и 89,3%⁵⁹.

Депутаты-рабочие с большой ответственностью относились к этой обязанности. Так, отчитываясь перед своими избирателями, депутат Саратовского городского Совета В. И. Гавриков рассказал о культурно-бытовом строительстве в городе, о мерах, принятых горсоветом по улучшению бытового обслуживания трудящихся. В частности, он отметил, что в городе электрифицировано 18,5 тыс. квартир, сданы в эксплуатацию три здания детских яслей, новая больница, расширена торговая сеть и т. д.⁶⁰ На собрании избирателей поселка Запорожье-Левое в 1956 г. выступившие в прениях отметили, что в результате заботы депутата улучшилось водоснабжение и освещение поселка. Вместе с тем они обратили внимание на то, что в поселке нет школы, больницы, плохо работает связь. После собрания депутат поставил эти вопросы перед исполкомом, где было принято решение изыскать в 1957 г. необходимые средства для выполнения наказов избирателей⁶¹.

Встречи депутатов с населением, их отчеты перед избирателями становились надежным средством их связи с массами и важнейшим средством контроля масс за их деятельностью. Это положение ныне нашло закрепление в новой Конституции СССР⁶².

Одним из направлений деятельности депутатов-рабочих, как и всех депутатов, являлась работа по приему населения и выполнению наказов избирателей. Трудящиеся Щербаковского района Москвы хорошо знали И. М. Шатова, мастера завода АТЭ-1, неоднократно избиравшегося депутатом Моссовета. О его тесных связях с населением свидетельствуют частые встречи со своими избирателями. Так, в 1953 г. им было принято 557 человек, в 1954 г. — 574. Он являлся инициатором возрождения в послевоенные годы такой формы работы, как депутатские группы. Активно выполняли свои обязанности и другие депутаты-рабочие Моссовета: работница типографии «Красный пролетарий» А. М. Тишина, швея фабрики «Большевичка» К. П. Кучерова и др.⁶³

Трудящиеся Магдагачинского избирательного округа тепло отзывались о депутате Амурского областного Совета, путевом обходчике М. А. Тарасовой. По ее инициативе в поселке Магдагач были капитально отремонтированы здания рабочей столовой, бани и больницы. За

⁵⁸ См. постановление Московского городского Совета «О работе исполкома Ленинградского районного Совета с депутатами и советским активом». — «Бюллетень исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся», 1957, № 18, с. 1; постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР «О созыве сессий, отчетах депутатов перед избирателями, исполкомов перед Советами и о работе постоянных комиссий местных Советов республики». — «Советы депутатов трудящихся», 1958, № 10, с. 108; постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О недостатках в организации работы депутатов и постоянных комиссий местных Советов Орловской области». — «Советы депутатов трудящихся», 1960, № 1, с. 101 и др.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 78, д. 767, лл. 5, 13; «Известия», 1961 г., 5 марта; «Ведомости Верховного Совета Литовской ССР», 1955, № 7 (202), с. 26; «Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР», 1956, № 2 (71), с. 74; «Советское государство и право», 1956, № 3, с. 5; Коток В. Ф. Советская представительная система. М., 1963, с. 44.

⁶⁰ См. «Известия», 1954 г., 15 июня.

⁶¹ См. «Известия», 1956 г., 28 декабря.

⁶² См. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, ст. 107.

⁶³ См. Полетаев В. Е. Указ. соч., с. 196—197.

образцовую работу на производстве она была награждена медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие»⁶⁴.

Важно подчеркнуть, что советские депутаты выполняют свои государственные обязанности без отрыва от непосредственного участия в труде, от жизни своих производственных коллективов. «Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом,— писал В. И. Ленин,— получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики...»⁶⁵.

Эти ленинские слова нашли воплощение в реальной деятельности депутатов. В послевоенные годы именно депутаты-рабочие выступали в ходе социалистического соревнования производственных коллективов инициаторами многих трудовых патриотических починов. Всей стране в годы пятой пятилетки своей высокой производительностью труда был известен депутат Тульского городского Совета, токарь котельно-вентиляторного завода Н. Чекалин, который за пятилетку выполнил 14 годовых норм⁶⁶. В конце 50-х годов на многих московских заводах и фабриках депутаты городского и районных Советов явились инициаторами борьбы за коммунистический труд. На фабрике «Красный Октябрь» депутаты райсовета Н. В. Гришина, В. В. Рогова, А. В. Саратова, Р. П. Ситникова возглавили бригады коммунистического труда. Депутатами районных Советов Москвы избирались ударники коммунистического труда — слесарь А. Сенин (завод им. Владимира Ильича), строитель Д. Затворницкий (Мосстрой-1), ткачиха В. Петришева (фабрика им. Фрунзе) и др.⁶⁷

Активность депутатов в избирательных округах и на производстве способствовала повышению уровня работы Советов в целом, расширению их влияния на все стороны экономической и культурной жизни страны.

Таким образом, повышение ведущей роли рабочего класса в местных Советах в период упрочения и дальнейшего развития социалистического общества проявлялось в постоянном и неуклонном увеличении в них рабочего представительства, повышении трудовой и политической активности депутатов-рабочих.

Исторический опыт СССР и других стран социалистического содружества со всей убедительностью показал, что обязательным условием выполнения рабочим классом ведущей роли в управлении государством является руководство им со стороны Коммунистической партии. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций,— говорится в Конституции СССР,— является Коммунистическая партия Советского Союза»⁶⁸. Вооруженная марксистско-ленинским учением, она определяет генеральную перспективу развития общества, руководит великой созидательной деятельностью советского народа в его борьбе за победу коммунизма.

В современных условиях, когда государство диктатуры пролетариата переросло в общенародное, рабочий класс не утратил, а наоборот, сохранил и еще более упрочил свою ведущую роль в общественно-политической жизни страны. «Поскольку рабочий класс — самая передовая, организованная сила советского общества,— записано в Програм-

⁶⁴ См. «Известия», 1956 г., 16 июня.

⁶⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 150.

⁶⁶ См. «Известия», 1955 г., 15 июня.

⁶⁷ См. Дмитренко В. П., Лельчук В. С., Остапенко И. П., Рогачевская Л. С. Цвет и гордость рабочего класса. М., 1962, с. 68, 78.

⁶⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, ст. 6.

ме КПСС,— он осуществляет свою руководящую роль и в период развернутого коммунистического строительства»⁶⁹.

В условиях зрелого социализма КПСС творчески развивает ленинские идеи о ведущей роли рабочего класса в управлении государством, в воспитании всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности социалистической Родине, коммунистического отношения к труду и общественной собственности.

⁶⁹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 8, с. 273.

Т. ДУРДЫЕВ

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вопросы истории советской интеллигенции и ее национальных отрядов все больше привлекают внимание историков, философов и экономистов. За последнее время появились многочисленные научные и научно-популярные книги, освещающие различные аспекты формирования и развития многонациональной советской интеллигенции и ее роли в социалистическом и коммунистическом строительстве¹.

Серьезный шаг был сделан и в разработке истории интеллигенции союзных и автономных республик, в том числе республик Средней Азии и Казахстана². В работах по этому региону исследуется широкий круг вопросов по истории советской многонациональной интеллигенции на различных этапах социалистического строительства. Однако период 1959—1975 гг. затрагивался лишь в общих чертах.

В данном сообщении сделана попытка рассмотреть рост инженерно-технической интеллигенции и научных работников в республиках Средней Азии и Казахстана в 60—70-е годы. На этапе развитого социализма повышается роль интеллигенции в решении важнейших социально-экономических, научно-технических, культурно-воспитательных задач, реализация которых необходима для успешного продвижения нашей страны по пути к коммунизму. Быстро увеличивается ее численность. Анализ конкретных данных показывает, что за все время социалисти-

¹ Процько М. А. Роль интеллигенции в строительстве коммунистического общества. М., 1962; Лутченко А. В. Советская интеллигенция. М., 1962; Бармин И. П. Из опыта работы КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции. М., 1965; Стадухин С. П. Некоторые закономерности развития социалистической интеллигенции в период строительства коммунизма. М., 1966; Из истории советской интеллигенции. Сб. ст. М., 1966; Советская интеллигенция (история формирования и роста. 1917—1965). Сб. ст. М., 1968; Амелин П. П. Интеллигенция и социализм. Л., 1970; Власов М. Г. Рождение советской интеллигенции. М., 1968; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917—1975). М., 1977 и др.

² Гулямова М. Из истории формирования узбекской социалистической интеллигенции. Ташкент, 1963; Соктоев М. А. Партийное руководство формированием советской интеллигенции в Киргизии. Фрунзе, 1969; Валиев А. К. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. Ташкент, 1966; его же. Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль. Ташкент, 1969; его же. Октябрь, культура и интеллигенция. Ташкент, 1977; Дурдыев Т. Формирование и развитие туркменской советской интеллигенции. Ашхабад, 1972; Тастанов Ш. Ю. Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов. Алма-Ата, 1975 и др.

ческого строительства, вплоть до 60-х годов, темпы роста интеллигенции в республиках Средней Азии и Казахстана были опережающими. Однако на этапе развитого социализма в связи с тем, что этот регион по насыщенности народного хозяйства специалистами с высшим и средним специальным образованием приблизился к среднесоюзному уровню, темпы роста этого показателя постепенно выравниваются.

Вступление нашей страны в период развитого социализма, задачи создания материально-технической базы коммунизма, формирования коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека потребовали увеличения количества специалистов в различных отраслях народного хозяйства, способных решать сложные производственно-экономические, научно-технические, идеологические и культурные задачи.

Важную роль в подготовке кадров играет развитие среднего специального и высшего образования. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 мая 1963 г. «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов», от 3 сентября 1966 г. «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране», от 16 ноября 1967 г. «Об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров» и от 18 октября 1971 г. «О мерах по дальнейшему улучшению материальных и жилищно-бытовых условий студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений» определили задачи дальнейшего развития и совершенствования системы специального образования, всех форм и методов воспроизводства специалистов, улучшения подготовки научных и научно-педагогических кадров. В них большое внимание уделялось усилению темпов подготовки кадров со средним образованием, созданию новых высших и средних специальных учебных заведений в восточных районах страны, совершенствованию профиля подготовки специалистов высшей и средней квалификации с учетом научно-технического прогресса. В решениях XXIV и XXV съездов КПСС намечались конкретные мероприятия по укреплению учебно-материальной базы, по улучшению учебной, научной, идейно-политической и воспитательной работы вузов и средних специальных учебных заведений, подготовки и переподготовки их преподавательского состава.

В течение 1958/59—1975/76 учебных годов в Средней Азии и Казахстане были открыты 33 новых вуза и 200 средних специальных учебных заведений. За это время общая численность студентов увеличилась почти в 3 раза, учащихся средних специальных учебных заведений — в 3,1 раза против 2,2 и 2,4 раза по СССР³.

Наряду с ростом сети высших и средних специальных учебных заведений и численности студентов в них неуклонно увеличивался выпуск специалистов. За период с 1960 по 1975 г. выпуск специалистов с вузовским образованием на 10 тыс. человек населения увеличился по Узбекской ССР с 16 до 26 человек, Казахской ССР — с 10 до 22, Киргизской ССР — с 11 до 23, Таджикской ССР — с 11 до 22 и по Туркменской ССР — с 14 до 19 человек. Подготовка специалистов в средних специальных учебных заведениях этих республик соответственно выросла в 2,2, 2, 1,7, 1,9 и 1,3 раза⁴.

³ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966, с. 691—692; Народное образование, наука и культура в СССР. Статист. сб. М., 1977, с. 156, 217.

⁴ Подсчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 177, 249.

Изменилась структура подготовки кадров. Быстро росло общее количество студентов индустриально-технических учебных заведений. За 1960—1975 гг. удельный вес студентов технических вузов повысился: в Узбекской ССР — с 12,3% до 20% от общей численности всех студентов, в Казахской ССР — с 12,8 до 30,2%, в Киргизской ССР — с 12,2 до 27,4%, в Таджикской ССР — с 6,5 до 10,3% и в Туркменской ССР — с 0 до 18%⁵.

Повысился удельный вес студентов из числа коренных национальностей. В течение одного десятилетия (1960—1970) он вырос в Узбекской ССР — с 35,9 до 48,3%, в Казахской ССР — с 31,6 до 37,6%, в Киргизской ССР — с 34,4 до 41,7%, в Таджикской ССР — с 23,1 до 31,2% и в Туркменской ССР — с 34,5 до 41,8%⁶.

Научно-техническая революция, ускоряя прогресс, способствует расширению масштабов и усилению темпов подъема народного хозяйства, вносит коренные изменения в общественное разделение труда и обуславливает возникновение новых профессий и специальностей. Это ведет к глубоким количественным и качественным изменениям в составе интеллигенции, к возрастанию ее роли в создании материальных и духовных предпосылок коммунизма.

Быстрыми темпами идет увеличение численности работников умственного труда в общем составе населения. Между двумя последними переписями общее число лиц, занимавшихся преимущественно умственным трудом, возросло с 19,3 млн. до 31,4 млн. человек, или на 60,3%. За это время прирост населения страны составил 15,7%. Темпы роста численности интеллигенции в 4 раза опережали темпы прироста населения. В результате удельный вес людей, преимущественно занятых умственным трудом, относительно общего числа занятого населения возрос до 27,3%⁷. Аналогичную картину наблюдаем и в Средней Азии и Казахстане, где, несмотря на очень благоприятную демографическую ситуацию, темпы как естественного прироста населения, так и роста занятого населения отставали от темпов роста работников интеллектуального труда. Удельный вес этой части населения повысился в Узбекистане с 16,3 до 23,6%, в Казахстане с 21 до 28,1%, в Киргизстане — 18,2 до 24,5%, в Таджикистане — с 15,3 до 22,2%, в Туркменистане — с 19,2 до 25,7%⁸.

В условиях возрастания степени занятости населения страны, под влиянием научно-технической революции в развитии интеллигенции определилась еще одна важная прогрессивная тенденция — опережающий рост ее численности по сравнению с самодеятельным населением. В рассматриваемый период темпы роста численности работников умственного труда превысили темпы роста численности самодеятельного населения в Узбекской ССР в 2,6 раза, в Казахской ССР — более чем в 2, в Киргизской ССР — в 2,4, в Таджикской ССР — в 1,8 и в Туркменской ССР — в 2,4 раза⁹.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Л. И. Брежнев, останавливаясь на глубоких изменениях социально-классовой структуры населения, говорил: «Численность интеллигенции продолжает быстро расти. Увеличивается число научных работников, инженеров, техников,

⁵ Подсчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 234—236, 240—244.

⁶ Подсчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР. Статист. сб. М., 1971, с. 198—203.

⁷ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР, 1922—1972. М., 1972, с. 9; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI. М., 1973, с. 6—13.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 8—13.

⁹ Там же, с. 6—13.

агрономов, учителей и врачей, а темпы роста научно-технической интеллигенции в последние годы у нас стали превосходить темпы роста всех других социальных групп. Этот процесс закономерен. Он является результатом политики партии, направленной на всемерное ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее повышение культуры и образованности народа»¹⁰.

Потребности научно-технической революции вызвали колоссальный спрос на различные виды интеллектуального труда, обусловили возрастание численности лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование, сдвиги в профессионально-квалификационной структуре интеллигенции.

Если в 1959 г. на 1000 человек населения СССР, занятых преимущественно умственным трудом, 476 имели высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, — то в 1970 г. — 589. Удельный вес практиков к общей численности работников интеллектуального труда с 52,4% сократился до 41,1%. За это время количество лиц, имевших высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование на 1000 человек населения, занятых преимущественно умственным трудом, увеличилось в Узбекской ССР с 448 до 570, в Казахской ССР — с 430 до 540, в Киргизской ССР — с 493 до 599, в Таджикской ССР — с 473 до 560 и в Туркменской ССР — с 461 до 566¹¹.

Научно-техническая революция предъявляет высокие требования к квалифицированным кадрам различных специальностей и их профессиональной выучке и тем самым объективно обуславливает тенденцию постоянного увеличения как абсолютной, так и относительной численности специалистов с высшим и средним специальным образованием. Это естественно. В послевоенный период советская интеллигенция главным образом пополняла и пополняет свои ряды за счет молодых кадров, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения.

Одной из важных тенденций в развитии интеллигенции являются высокие темпы роста специалистов и неуклонное повышение их удельного веса в составе работников, занятых в народном хозяйстве. За период с 1 декабря 1957 г. по ноябрь 1970 г. при общем увеличении самодеятельного населения СССР на 16,2%, Узбекской ССР — на 30%, Казахской ССР — на 47,4%, Киргизской ССР — на 34,4%, Таджикской ССР — на 21,3% и Туркменской ССР — на 32,9% численность специалистов высшей и средней квалификации увеличилась в СССР в 2,5 раза, в Узбекской ССР — в 2,9, в Казахской ССР — в 2,9, в Киргизской ССР — в 2,8, в Таджикской ССР — в 2,7 и в Туркменской ССР — в 2,4 раза¹². Темпы роста специалистов с высшим и средним специальным образованием значительно превысили темпы роста работников умственного труда. Между переписями населения 1959 и 1970 гг. доля специалистов с высшим и средним специальным образованием в их составе выросла в СССР с 35,2% до 53,5%, в Узбекской ССР — с 30 до 53,5%, в Казахской ССР — с 32,6 до 47,7%, в Киргизской ССР — с 36,4 до 56,5%, в Таджикской ССР — с 35,1 до 53,7% и в Туркменской ССР — с 37,6 до 49,7%¹³.

¹⁰ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет, ч. I, М., 1971, с. 99.

¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1962, с. 175; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 628, 678, 690, 759, 789.

¹² Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 578; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1971, с. 234; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 6—13.

¹³ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 576; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1971, с. 234; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 6—13, данные о специалистах на 1 декабря 1957 г.

Опережающий рост специалистов с высшим образованием по сравнению со специалистами средней квалификации является одной из отличительных черт развития интеллигенции данного региона в послевоенные годы. Следует отметить, что особенно высокими были темпы роста числа специалистов с высшим образованием в 50-е годы, когда решение важных задач развития народного хозяйства потребовало создания научно-технических кадров. В 1959 г. по сравнению с 1940 г. при росте специалистов со средним образованием в Узбекистане в 3,2 раза, Казахстане — в 5,5, Киргизстане — в 5,1, Таджикистане — в 4,4 и в Туркменистане — в 2,9 раза число специалистов с высшим образованием соответственно увеличилось в 5, 6,8, 7,4, 6 и 5,5 раза¹⁴. С конца 50-х годов по мере решения задачи обеспечения кадрами развивающихся отраслей хозяйства Среднеазиатских республик темпы их роста несколько замедлялись, хотя оставались все же высокими. За период с конца 1957 по 1975 г. при общем росте численности специалистов со специальным средним образованием в Узбекской ССР в 4 раза, в Казахской ССР — в 4,2 раза, в Киргизской ССР — в 3,7, в Таджикской ССР — в 3,5 и в Туркменской ССР — в 3 раза численность специалистов с высшим образованием соответственно увеличилась в 4,7, 4,3, 4,0, 4,8 и 4 раза¹⁵. Следует отметить, что по сравнению с предыдущим периодом в Средней Азии и Казахстане в условиях развитого социализма, в связи с ростом потребности народного хозяйства в кадрах средней квалификации, значительно усилились темпы их подготовки. Но они не опережали темпы подготовки специалистов с высшим образованием, как этого требуют условия производства. На 1 января 1941 г. на одного специалиста с высшим образованием в Узбекской ССР приходилось 1,7 специалиста со средним образованием, а в 1975 г. — 1,0. В Казахской ССР эти показатели составляли в те же годы 2,1 и 1,5, в Киргизской ССР — 2,0 и 1,2, в Таджикской ССР — 2,0 и 1,1 и в Туркменской ССР — 1,9 и 1,2¹⁶. По стране в целом та же тенденция проявлялась в меньшей степени.

Благодаря высоким темпам подготовки кадров через специальные учебные заведения Средняя Азия и Казахстан по уровню насыщенности народного хозяйства специалистами с высшим и средним образованием приближались к среднесоюзному уровню. Так, если в 1959 г. по СССР на 1000 занятых приходилось 109 человек с высшим, незаконченным высшим и специальным средним образованием, то в 1970 г. — 183; в то же время в Узбекской ССР — соответственно 83 и 155, в Казахской ССР — 106 и 175, в Киргизской ССР — 103 и 169, в Таджикской ССР — 85 и 140 и в Туркменской ССР — 103 и 158¹⁷. Эти данные свидетельствуют о том, что были достигнуты большие успехи в выравнивании уровней обеспечения республик кадрами специалистов с высшим и средним специальным образованием. По данным переписи населения 1970 г., каждый восьмой житель СССР, каждый десятый житель Среднеазиатского региона и Казахстана в возрасте 10 лет и старше имели высшее, незаконченное высшее и специальное среднее образование¹⁸.

¹⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статист. ежегодник. М., 1960, с. 608—611.

¹⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 578; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 292.

¹⁶ Подсчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 292; Среднее специальное образование в СССР. М., 1962, с. 30—31.

¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972, т. III. с. 408, 518, 527, 531, 534, 538.

¹⁸ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. III, с. 206, 316, 337.

В профессионально-отраслевой структуре работников интеллектуального труда определилась тенденция высоких темпов роста ряда ее отраслевых отрядов. Если за 1960—1975 гг. общая численность специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве СССР, выросла в 2,6 раза, то на промышленных предприятиях — в 3,3 раза, в строительных организациях — в 4,8 раза. Это явление свойственно в эти годы интеллигенции Средней Азии и Казахстана. При общем увеличении численности специалистов, занятых в народном хозяйстве Узбекской ССР, в 3,2 раза, Казахской ССР — в 3, Киргизской ССР — в 3, Таджикской ССР — в 3,1 и Туркменской ССР — в 2,8 раза¹⁹, их число на промышленных предприятиях этих республик соответственно увеличилось — в 3,9, 4,7, 4,8, 4,7 и 3 раза, в строительных организациях — в 7,5, 6,7, 6, 5,4 и 5,5 раза²⁰.

На этапе зрелого социализма произошли крупные сдвиги в территориальном размещении производительных сил, вследствие чего в национальных республиках развиваются перспективные отрасли промышленности, идет перевооружение предприятий высокопроизводительной техникой, совершенствуются формы организации производства, внедряются достижения научно-технического прогресса и передового опыта и т. д. В связи с этим возрастает потребность в технических кадрах. Так, между переписями населения 1959 г. и 1970 г. при росте общей численности работников, преимущественно занятых умственным трудом, по СССР на 163% численность инженерно-технических кадров возросла на 209%²¹.

В рассматриваемый период такая же тенденция прослеживается и в развитии интеллигенции Средней Азии и Казахстана. Общая численность работников, занятых преимущественно умственным трудом, выросла в Узбекской ССР на 188%, в Казахской ССР — на 197%, в Киргизской ССР — на 181%, в Таджикской ССР — на 177% и в Туркменской ССР — на 177%; в то же время число инженерно-технических работников увеличилось соответственно в Узбекской ССР — на 262%, в Казахской ССР — на 239%, в Киргизской ССР — на 247%, в Таджикской ССР — на 258% и в Туркменской ССР — на 280%²². Как видно из этих данных, темпы роста как интеллигенции в целом, так и ее отраслевых отрядов значительно превысили среднесоюзный уровень. Благодаря этому, удельный вес инженерно-технических работников в общей численности занятых преимущественно умственным трудом поднялся в Узбекской ССР с 15,1 до 21,1%, в Казахской ССР — с 18,4 до 22,5%, в Киргизской ССР — с 15,3 до 21,9, в Таджикской ССР — с 13,2 до 19,4 и в Туркменской ССР — с 15,1 до 20%²³.

В данном регионе более быстрыми темпами росла также численность преподавателей общеобразовательных школ и других учебных заведений, врачей, экономистов, плановиков.

¹⁹ Данные по Туркменской ССР за 1960—1976 гг.

²⁰ Подсчитано по статист. сборникам: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 294; Советский Узбекистан за 40 лет. Ташкент, 1964, с. 273—274; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 г. Ташкент, 1976, с. 292; Народное хозяйство Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 249; Народное хозяйство Казахстана в 1975 г. Алма-Ата, 1976, с. 171—172; Народное хозяйство Киргизской ССР в 1974 г. Фрунзе, 1975, с. 231—232; Народное хозяйство Киргизской ССР в 1975 г. Фрунзе, 1976, с. 262—263; Народное хозяйство Таджикской ССР в 1971 г. Душанбе, 1972, с. 131—132; Народное хозяйство Таджикской ССР в 1975 г. Душанбе, 1976, с. 166—167; Туркменистан за 50 лет. Ашхабад, 1974, с. 133—134.

²¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 20—21.

²² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 61, 71, 128, 136, 153.

²³ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1970 года, т. VI, с. 20, 21, 60, 61, 70, 71, 127, 128, 135, 136, 152, 153.

Одним из важных показателей изменений в отраслевой структуре интеллигенции является ускорение темпов роста научной интеллигенции. На этапе развитого социализма неизмеримо возросла роль науки, превратившейся в непосредственную производительную силу, решающий фактор дальнейшего совершенствования и расширения материального производства, повышения его эффективности, наиболее рационального использования материальных, трудовых, природных и финансовых ресурсов страны. Отсюда — объективная необходимость постоянного расширения сети научно-исследовательских учреждений, всемерного укрепления их материально-технической базы и обеспечения широкого масштаба подготовки высококвалифицированных научных и научно-технических кадров. За период с 1959 по 1970 г. численность научных работников по СССР увеличилась на 242%, преподавателей вузов — на 236%. Темпы их роста были соответственно в 1,5 и 1,4 раза выше, чем лиц, преимущественно занятых умственным трудом²⁴.

Высокие темпы роста численности научных работников характерны и для республик Советского Востока. Между последними переписями населения численность научных работников и преподавателей вузов соответственно увеличилась: в Узбекской ССР — на 271 и 320%, в Казахской ССР — на 234 и 384%, в Киргизской ССР — на 262 и 282%, в Таджикской ССР — на 194 и 268% и в Туркменской ССР — на 197 и 231%²⁵. Как видно из вышеперечисленных данных, несмотря на быстрый рост научной интеллигенции в данном регионе, ее развитие (за исключением Узбекской и Киргизской ССР) отставало от роста численности научных работников по стране, что объясняется еще сказывавшейся былой отсталостью этих республик в социально-экономическом и культурном развитии.

Формирование новой народной интеллигенции и ее дальнейшее развитие составляют одну из общих закономерностей для всех народов, вступивших на путь социалистического развития. В этих условиях перед большими и малыми народами стояли и стоят проблемы воспитания интеллигенции в духе социализма, коллективизма и пролетарского интернационализма. Общность экономических, политических и идеологических основ, общность исторических задач органически объединяют национальные отряды советской интеллигенции, совершенно новые по своему качеству, социальному составу, духовному и моральному облику.

В рамках одного многонационального государства, каковым является Советский Союз, коренные задачи формирования и развития интеллигенции и ее национальных отрядов были общими: создание кадров специалистов с учетом потребностей народного хозяйства, способных содействовать развитию производительных сил, умножению материальных и духовных ценностей, развитию культуры, науки и техники, литературы и искусства, воспитанию качественно нового человека — всесторонне развитой личности.

Однако процесс формирования и развития национальной советской интеллигенции наряду с общими закономерностями имел ряд специфических черт, вызванных социально-экономическими, национально-бытовыми и культурными особенностями в историческом развитии народов СССР, наложившими свой отпечаток на весь ход подготовки национальных кадров. В связи с этим в процессе развития национальной интеллигенции данного региона прослеживаются некоторые своеобразные тенденции, присущие в основном народам, переходившим к социализму,

²⁴ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 20—22.

²⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 62, 72, 129, 132, 154.

минуя капитализм. В отличие от развитых народов, национальный рабочий класс и национальная интеллигенция республик Средней Азии и Казахстана формировались только после победы Октябрьской революции, в ходе социалистического строительства. Кадры интеллигенции в предвоенный период готовились главным образом из среды дехкан. По мере развития социалистических отношений источники пополнения рядов интеллигенции расширялись. По данным 1959 г., из 100 представителей коренного населения, занятых в народном хозяйстве Узбекской ССР, являлись рабочими — 27 человек, служащими — 8; Казахской ССР — 44 и 16, Киргизской ССР — 22 и 9, Таджикской ССР — 18 и 8, Туркменской ССР — 25 и 9. В 1970 г. соответственно — 39 и 16, 65 и 22, 41 и 15, 37 и 15, 32 и 17²⁶. В настоящее время пополнение кадров интеллигенции происходит в основном за счет рабочего класса и служащих коренного населения²⁷.

В Средней Азии и Казахстане подготовка специалистов через высшие и средние специальные учебные заведения в соответствии с ленинскими принципами национальной политики проводилась опережающими темпами с целью выравнивания в культурном отношении этих отсталых в прошлом районов с более развитыми. Если в 1959—1975 гг. количество специалистов, занятых в народном хозяйстве СССР, возросло в 2,8 раза, в том числе русских — в 2,8 раза, украинцев — в 2,9, белорусов — в 3,2, грузин — в 2,3, армян — в 2,6, латышей — в 2,2 раза, то за то же время число специалистов узбеков увеличилось в 5,3 раза, казахов — в 4,5, киргизов — в 4,2, таджиков — в 3,9, туркмен — в 4 раза²⁸. Особенно быстро пополнялись национальные кадры. Их рост превысил темпы роста всей интеллигенции республики: в Узбекистане — на 47%²⁹, в Казахстане — на 36,4%, в Киргизии — на 30%, в Таджикистане — на 15%, в Туркмении — на 38%³⁰.

В результате таких больших сдвигов в подготовке национальной интеллигенции непрерывно повышался ее удельный вес в составе интеллигенции данного региона. За период с 1959 по 1975 г. общая численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Средней Азии и Казахстана, увеличилась в 3,4 раза, из них представителей основных национальностей — в 4,7 раза. Их удельный вес в общей численности специалистов с 30,5% повысился до 42%³¹.

Формирование национальной интеллигенции у ранее отсталых народов, в том числе у народов Советского Востока, протекавшее в условиях социализма, шло несколько быстрее, чем у развитых народов. В этом решающую роль сыграла политика Коммунистической партии и Советского правительства, направленная на усиление темпов роста произво-

²⁶ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. В кн. Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 24.

²⁷ См. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976, с. 191.

²⁸ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1959 г., с. 617; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 296.

²⁹ При оценке данных, характеризующих темпы роста национальных кадров, необходимо учитывать, что определенная часть коренных национальностей проживает за пределами своей республики.

³⁰ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1959 г., с. 608—611; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 292, 296.

³¹ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1959 г., с. 617; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 292, 296. Необходимо учитывать, что, по данным переписи 1970 г., 0,8% узбеков, 9,2% казахов, 0,8% киргизов, 0,8% таджиков, 1,5% туркмен проживали за пределами Средней Азии и Казахстана.

дательных сил в национальных республиках и выравнивание уровней их экономического и культурного развития, помощь рабочего класса русского и других развитых народов, применение специфических форм и методов, ускорявших социальные процессы, и др. Эта политика привела к социальному и национальному освобождению этих народов, преобразованию их быта, коренным изменениям семейных отношений, высоким темпам развития их экономики и культуры, определивших быстрые темпы развития интеллигенции.

В силу отсутствия технических вузов до начала 60-х годов обеспечение народного хозяйства Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР инженерами (за исключением сельского хозяйства) осуществлялось исключительно за счет выпускников учебных заведений других республик.

По мере своего развития и укрепления индустриально-технические учебные заведения Средней Азии и Казахстана взяли на себя основную тяжесть по подготовке технических кадров. Это ознаменовало собой новый этап в процессе развития здесь технической интеллигенции. За 1960—1975 гг. число индустриально-технических вузов данного региона увеличилось с 11 до 20, средних технических учебных заведений — с 80 до 165, а численность студентов в них — соответственно с 34 тыс. до 169,6 тыс. и с 64,5 тыс. до 216,3 тыс., или в 5 и в 3,3 раза. Темпы роста численности студентов индустриально-технических учебных заведений значительно превысили темпы роста общей численности студентов высших и средних учебных заведений республик Советского Востока. Опережающими были темпы подготовки инженерно-технических кадров по сравнению с другими отрядами интеллигенции. За это время выпуск специалистов из вузов Узбекистана вырос в 2,5 раза, а из технических вузов — в 3,7 раза, Казахстана — в 3 и 11, Киргизстана — в 3,1 и 6,8 раза³². За этот период выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений Средней Азии и Казахстана увеличился почти в 3 раза, а из индустриально-технических — почти в 4 раза³³.

Таким образом, индустриально-технические учебные заведения региона стали обеспечивать подготовку кадров для промышленности, строительства, транспорта и связи.

В период строительства и утверждения развитого социализма партийные, советские и комсомольские организации, органы народного образования продолжали работу по вовлечению девушек коренных национальностей в высшие и специальные средние учебные заведения. В результате в деле подготовки женских национальных кадров удалось добиться больших сдвигов. Так, если в стране за 1960—1970 гг. общая численность студенток возросла в 2 раза, то число студенток-узбечек увеличилось в 3,7 раза, казашек — в 3,5, киргизок — почти в 4, таджичек — в 3,5, туркменок — в 2,5 раза³⁴.

Непрерывно увеличивалась численность национальных женских кадров, получивших высшее и среднее специальное образование. В конце 1968 г. в народном хозяйстве СССР насчитывалось 66,3 тыс. узбечек, 63,3 тыс. казашек, 13,8 тыс. киргизок, 9,8 тыс. таджичек и 8,6 тыс. туркменок — специалистов. Несмотря на это, в отличие от центральных районов страны, в данном регионе в составе кадров национальной интел-

³² В Таджикской ССР и в Туркменской ССР в начале 60-х годов не было технических вузов.

³³ Подсчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 160—171, 234—245.

³⁴ Подсчитано по: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1971, с. 197—203.

лигенции еще явно преобладали мужчины. Так, если среди специалистов русской, украинской, белорусской национальности с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, женщины составляли соответственно 61,9%, 56% и 58,2%, то среди специалистов узбекской национальности они составляли только 30,3%, казахской — 39,5%, киргизской — 36,6%, таджикской — 21,9% и туркменской — 21,2%³⁵.

Советская интеллигенция Средней Азии и Казахстана, как и в довоенные годы, является многонациональной по своему составу. Основной костяк интеллигенции этих республик (за исключением Казахстана) — представители коренных национальностей. Показатели удельного веса и профессиональной структуры национальной интеллигенции этого региона в настоящее время близки к показателям, характерным для других республик страны.

Устранена региональная неравномерность размещения специалистов. До войны квалифицированные кадры специалистов, особенно инженерно-технические и научные работники, сосредоточивались в центральных районах страны. По данным 1975 г., на 1000 рабочих, служащих и колхозников приходилось специалистов с высшим и средним специальным образованием в СССР 195, в Узбекской ССР — 179,5, в Казахской ССР — 184, в Киргизской ССР — 186,4, в Таджикской ССР — 179,9 и в Туркменской ССР — 165,1³⁶. Изменилось географическое размещение интеллигенции и внутри республик Советского Востока. Теперь не только в крупных, но и в средних и малых городах, в рабочих поселках, в колхозах и совхозах трудится многочисленная армия специалистов. Так, за период с 1959 по 1975 г. общая численность специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве Узбекской ССР, увеличилась в 2,9 раза, в то же время в Кашкадарьинской области — в 6,2 раза, в Хорезмской области — в 4,4 раза, в Бухарской области — в 4,9, в Сурхандарьинской области — в 6,2 и в Каракалпакской АССР — в 4 раза. Удельный вес специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве Ташкента и Ташкентской области, в общей численности специалистов республики сократился с 44,8 до 39,8%³⁷. Аналогичные изменения в размещении кадров интеллигенции произошли и в других республиках Средней Азии, а также в Казахской ССР. Устранение региональной неравномерности размещения работников интеллектуального труда является одной из прогрессивных тенденций в развитии советской интеллигенции и ее национальных отрядов.

За годы девятой пятилетки, как и в предыдущий период, исключительно высокими темпами увеличивалась численность советской интеллигенции, особенно национальной, удельный вес которой постоянно возрастал в составе работников умственного труда. При этом опережающими были темпы роста представителей коренных народов среди инженерно-технических и научных работников, происходило дальнейшее расширение социальных источников пополнения национальной интеллигенции, продолжался рост численности национальных женских кадров с высшим и средним специальным образованием. Л. И. Брежнев

³⁵ Подсчитано по: СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статист. сб. М., 1970, с. 165.

³⁶ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейн. статист. ежегодник. М., 1977, с. 356—357, 465; Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977, с. 292.

³⁷ Подсчитано по: Советский Узбекистан за 40 лет. Юбилейный статист. сб. Ташкент, 1964, с. 275; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 г. Статист. ежегодник. Ташкент, 1976, с. 293—294.

в своем докладе о пятидесятилетии образования СССР, останавливаясь на больших успехах народов Советского Востока в социально-экономическом развитии, говорил: «Не менее разительны итоги культурного развития Казахстана и среднеазиатских республик. Практически они достигли уровня стопроцентной грамотности. Почти половина населения каждой из них — это люди с высшим и средним (полным и неполным) образованием. В одной Узбекской ССР работает сейчас больше специалистов с высшим и средним специальным образованием, чем в народном хозяйстве всего Советского Союза в конце 20-х годов. Родилась и прочно встала на ноги большая наука — в республиканских академиях плодотворно трудятся многие тысячи ученых»³⁶.

Создание материально-технической базы коммунизма, воспитание нового человека выдвигают все новые задачи в области подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства во всей стране, в том числе и в Средней Азии и Казахстане, которые располагают огромными потенциальными возможностями для дальнейшего развития производительных сил. Задачи освоения природных богатств этого региона и их использования, повышения качества и эффективности производства, дальнейшего совершенствования технологических процессов и организации труда, широкого внедрения достижений науки и техники в производство требуют дальнейшего роста квалифицированных кадров.

³⁶ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 28—30.

В. Я. ЛАВЕРЬЧЕВ

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ [1917—1918 гг.]

После Великой Октябрьской социалистической революции в Советской России развернулись интенсивные процессы перестройки всей общественной жизни, создания и укрепления социалистического уклада в экономике. Передовой отряд российского рабочего класса — Коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, организуя пролетарские массы, осуществляла решительные меры по организации народного хозяйства страны на новых социалистических принципах. Естественно, что эта проблема привлекает пристальное внимание советских историков. Она обстоятельно исследуется, в частности, в монографии Е. Г. Гимпельсона¹, где рассматривается установление советской системы управления народным хозяйством в 1917—1920 гг. Такой подход, бесспорно, выражает главное направление исследования проблемы, которая и в наши дни в связи с переходом на путь социалистического строительства ряда стран имеет большое международное значение. Составной ее частью является вопрос об использовании Советской властью учетно-регистрационного и распределительного аппарата, сложившегося до Великой Октябрьской социалистической революции в банках, синдикатах и государственно-монополистических органах. Изучение его позволяет ярче раскрыть созидательную, творческую сторону диктатуры пролетариата,

¹ См. Гимпельсон Е. Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917—1920 г.). М., 1977.

всемерно развивавшей и бережно охранявшей финансово-экономический аппарат управления народным хозяйством страны.

Еще в 1919 г. появилась книга А. И. Потяева, в которой освещались некоторые аспекты этого процесса², а в 1925 г. в журнале «Пролетарская революция» были опубликованы содержательные мемуарные материалы Д. П. Боголепова³.

История национализации частных коммерческих банков достаточно обстоятельно была исследована Б. Ривкиным⁴. Она освещалась также в книгах В. П. Дьяченко и М. С. Атлас⁵. Исследование этого вопроса было продолжено в новом издании книги Б. Ривкина, появившейся под другим названием к 40-летию Великого Октября⁶. В обобщающей работе В. П. Дьяченко национализации банков также уделяется значительное внимание⁷. Следует отметить существенный вклад в освещение темы А. М. Гиндина, который попытался последовательно показать, как проводилась национализация частных коммерческих банков на примере Петрограда⁸.

Известный итог разработки вопроса суммирован в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», где отмечается, что национализация банков проводилась в острой борьбе с саботажниками, что она обеспечила не только национализацию промышленности, но и организацию всего народного хозяйства. Декрет о национализации «был полностью осуществлен» к осени 1918 г.⁹

Тем не менее дальнейшее изучение тех или иных аспектов проблемы продолжается. Об этом свидетельствуют, в частности, статьи В. В. Журавлева и Л. Е. Шепелева, содержащие детальный анализ источников по истории подготовки декрета ВЦИК от 14 декабря 1917 г. о национализации банков¹⁰. Специального рассмотрения заслуживает, на наш взгляд, вопрос об осуществлении диктатурой пролетариата своих государственных и классовых функций при проведении декрета.

В первые же часы Октябрьской революции, утром 25 октября 1917 г., вооруженные моряки по предписанию Петроградского ВРК установили охрану Государственного банка. Известно, что Советское правительство сразу же столкнулось с организованным и активным саботажем всего аппарата банка и бывшего Министерства финансов. Подавляющая часть старых чиновников не признавала новой народной власти, была резко враждебно настроена по отношению к большевикам, стремилась внести хаос и дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны. Местные конторы Государственного банка также не выполняли требований Советов¹¹.

² См. Потяев А. Финансовая политика Советской власти. Пг., 1919.

³ См. Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции. — «Пролетарская революция», 1925, № 4 (39).

⁴ См. Ривкин Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Госфиниздат, 1939.

⁵ См. Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства, ч. 1. 1917—1925. М., 1947; Атлас М. С. Национализация банков в СССР. М., 1948.

⁶ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.

⁷ См. Дьяченко В. П. История финансов СССР. 1917—1950. М., 1978, с. 8—24.

⁸ См. Гиндин А. Как большевики национализировали частные банки (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962.

⁹ См. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, книга первая. М., 1967, с. 470—472.

¹⁰ См. Журавлев В. В. Три декрета Советской власти. В кн. Исторические записки, т. 100. М., 1977; Шепелев Л. Е. Декрет о национализации банков. В сб. Вспомогательные исторические дисциплины, т. IX. Л., 1978.

¹¹ См. Боголепов Д. Указ. соч., с. 148—153; Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 76—78.

В обзоре деятельности Народного комиссариата финансов отмечалось: «Было время, когда почти единственным работником во всем Комиссариате финансов был народный комиссар и несколько его помощников, которые одни должны были готовить финансовые мероприятия и проводить их в жизнь, вся же остальная сложная машина бездействовала и вся страна, где саботаж был слабее или его вовсе не было, была отрезана от центра и предоставлена своей собственной участи»¹².

Магнаты финансового капитала, объединенные в Комитете съездов представителей акционерных коммерческих банков, стремились сохранить свои руководящие позиции. Собрание представителей банков, постановив открыть частные коммерческие учреждения в Петрограде 27 октября, вместе с тем приняло решение «сообразовать часы функционирования частных банков с деятельностью Государственного банка и ограничить круг операций наиболее необходимыми»¹³. Старшие чиновники Министерства финансов и Государственного банка, игнорируя требования Советского правительства, подчинялись только решениям нелегального совещания министров и товарищей министров Временного правительства, координирующего всю антисоветскую деятельность в Петрограде¹⁴. Развертывалась экономическая контрреволюция. Например, в период с 25 октября по 24 ноября частные банки в дни, когда они работали, открывались всего на один или два часа, а неделю они вообще не действовали.

Советское правительство стремилось не допустить обострения обстановки. Так, фактический руководитель Наркомата финансов В. Р. Менжинский вынужден был направить 30 октября в Комитет съездов акционерных коммерческих банков следующее указание: «Настоящим предписываю завтра, 31 октября, открыть все банки для оплаты чеков по текущим счетам торгово-промышленных предприятий. Неисполнение означенного приказа повлечет за собой самую строгую революционную ответственность». Только под угрозой ареста руководители банков дали распоряжение открыть их 31 октября всего на один час¹⁵.

9 ноября Советское правительство предъявило Государственному банку ультиматум о выдаче на нужды Совнаркома 25 млн. руб. После очередного отказа саботажников комиссаром банка с правами управляющего назначается В. В. Оболенский (Н. Осинский), организовавший ревизию кладовых банка¹⁶. Решительные действия рабоче-крестьянского правительства (арест 50 организаторов саботажа, отстранение от службы явных контрреволюционеров, привлечение на сторону Советской власти низших чиновников и счетчиков, смещение управляющего и пр.) дали возможность, сохранив механизм Государственного банка, постепенно все эффективнее направлять его работу в интересах социалистического строительства¹⁷. Овладение Государственным банком позволило Советскому правительству проводить более твердую политику по отношению к частным коммерческим банкам, остававшимся важнейшим инструментом финансирования промышленности, сельского хозяйства, торговли и транспорта.

¹² ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 2.

¹³ Комитет съездов акционерных коммерческих банков. Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г.—1 января 1918 г. Пг., 1918, с. 111.

¹⁴ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 79.

¹⁵ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 16.

¹⁶ См. История Коммунистической партии..., т. 3, кн. 1, с. 471.

¹⁷ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 77—81.

В. В. Журавлев совершенно справедливо отмечает, что Советское правительство «никогда не делало тайны из своих принципиальных намерений на этот счет»¹⁸. Курс на национализацию банков как важнейшей составной части учетно-регистрационного и распределительного аппарата, который нельзя разрушать и необходимо, расширяя и усовершенствуя его, поставить на службу делу социалистического строительства, В. И. Ленин, как известно, обстоятельно обосновал еще накануне Великого Октября в таких выдающихся теоретических трудах, как «Грозная катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть». После революции этот курс был подтвержден в опубликованном 6—8 ноября обращении В. И. Ленина «К населению», где определенно говорилось о подготовке закона о национализации банков и синдикатов. В самом же начале обращения внимание акцентировалось на сопротивлении капиталистов, помещиков и их служащих мероприятиям Советского правительства. При этом В. И. Ленин прямо указывал, что они «грозят прекращением деятельности банков»¹⁹.

Действия магнатов финансового капитала в этом направлении характеризовались необыкновенной целеустремленностью и большой оперативностью. Во второй половине ноября 1917 г. частные коммерческие банки якобы из-за отсутствия средств были большей частью закрыты. В это же время «для регулирования отношений» между ними был устроен частный расчетный отдел в помещении Азовско-Донского банка. Отдел, координируя расчеты по чекам, переводам и другим денежным документам²⁰, способствовал объединению частных коммерческих банков и как бы отчасти заменял для них Государственный банк, опираться на который они теперь уже не имели возможности.

Советское правительство в этот период было заинтересовано в использовании существовавшей системы кредитования промышленности, находившейся в руках частных коммерческих банков. Поэтому комиссар Государственного банка Н. Осинский 30 ноября обратился к Комитету съездов акционерных коммерческих банков с предложением представителям правлений банков прибыть на совещание, где предполагалось обсудить вопрос о подкреплении частных коммерческих банков средствами и о согласованных действиях их в области кредитования промышленности с Государственным банком²¹. Результатом этих совещаний явилось соглашение, благодаря которому частные банки получили из Государственного банка значительные средства²². Распределение их оказалось фактически вне контроля Советского правительства. В обзоре деятельности Народного комиссариата финансов указывалось: «Со дня Октябрьской революции и до середины декабря Комиссариат финансов тщетно пытался установить контроль над деятельностью банков. Разного рода ведомости, предоставляемые банками, но не подкрепляемые наблюдением и контролем на местах агентами Советской власти, являлись лишь прямой формальностью, и деятельность банков протекала на прежних основаниях, поскольку она не ограничивалась отсутствием наличных денежных знаков. Назначения комиссаров в банки встречало препятствия не только со стороны банкиров, но и со стороны служащих, объявлявших, что появление комиссаров в банке повлечет за собой забастовку»²³. В докладной записке Временного правления Народного

¹⁸ См. Исторические записки, т. 100, с. 273.

¹⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 65.

²⁰ См. Комитет съездов акционерных коммерческих банков, с. 112.

²¹ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 1.

²² Там же, ф. 7733, оп. 1, д. 343, л. 80.

²³ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 3.

банка отмечалось также, что техническая сторона банковской работы в учреждениях частного коммерческого кредита в последние месяцы 1917 г., т. е. после Октябрьской революции, была далеко не на высоте требований: «Записи в книгах велись неаккуратно и несвоевременно; они отставали иногда на целые месяцы»²⁴. Нет сомнения, что отнюдь не безграмотностью определялось такое положение. Умышленно нарушая нормы бухгалтерского учета, руководители банков стремились тем самым избежать контроля народной власти, иметь возможность продолжать свою контрреволюционную деятельность²⁵.

Комитеты местных отделений частных коммерческих банков также упорно уклонялись от лояльного сотрудничества с Советской властью. Это вызывало решительные действия со стороны местных Советов, революционными мерами пресекавших их попытки дезорганизовать экономическую жизнь республики. В документах Комитета съездов указывалось, что начиная с конца ноября местные комитеты уведомляли его о «захвате банков военной силой, об арестах отдельных лиц из состава администрации и о назначении в банки комиссаров. На такие действия новой власти администрация банков и служащие обычно реагировали прекращением работ»²⁶.

Используя дополнительные денежные резервы Государственного банка, магнаты финансового капитала в первой половине декабря активизировали и деятельность Частного расчетного отдела²⁷. Именно в это время объединенные банки провели свою организационную работу по выпуску чеков, вводимых под взаимную круговую ответственность, для обеспечения денежного обращения. В буржуазной печати эти чеки расценивались как денежные суррогаты, которые будут приниматься в оплату наряду с государственными деньгами. Было уже напечатано таких бонов-чеков на один миллиард рублей. По существу это была попытка вступить на путь самостоятельной (помимо Государственного банка) эмиссии денежных знаков²⁸.

Игнорирование частными банками контроля Государственного банка, подготовка подрывной акции, посягающей на его руководящую роль в финансово-экономической жизни страны, ускорили национализацию частных коммерческих банков. В речи о национализации банков на заседании ВЦИК 14(27) декабря 1917 г. В. И. Ленин говорил: «Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призвали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: „они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам“. И мы поспешили»²⁹.

Советское правительство решительно пресекло коварные замыслы магнатов финансового капитала. Во избежание ущерба делу национализации ее начали не с декларирования, а с фактического овладения банками, иначе руководители банков изъяли бы ценности и еще более запутали делопроизводство. Утром 14 декабря вооруженные отряды во главе с представителями Советской власти заняли большую часть петроградских банков, а 15 декабря такую операцию осуществили в Москве. В банки были назначены комиссары, от членов правлений затребо-

²⁴ Там же, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 64.

²⁵ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 31—34.

²⁶ Комитет съездов акционерных коммерческих банков, с. 198.

²⁷ Там же, с. 113—114.

²⁸ См. Ривкин Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с. 62—63.

²⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 172.

ваны ключи кладовых, некоторые из банковских деятелей подверглись временному аресту. Вечером 14 декабря ВЦИК принял декрет о национализации банков. Обосновывая провозглашенные декретом меры, В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость наложения железной руки диктатуры пролетариата на старый мир. «Слова — диктатура пролетариата, — говорил он, — мы произносим серьезно, и мы ее осуществим»³⁰.

Руководители финансовой жизни капиталистического общества рисковали на дальнейшее усиление борьбы, пытаясь во что бы то ни стало сохранить в своих руках важнейшие нити воздействия на экономическую жизнь. Под их руководством началась забастовка служащих коммерческих банков как в Петрограде, так и в Москве³¹. В Москве, например, из более чем 6 тыс. банковских служащих первоначально лишь несколько десятков человек остались на своих местах и стали работать вместе с представителями Совета³². Такое же положение было и в Петрограде. Обзор Наркомфина так характеризует общее состояние дела к концу декабря: «Работа финансового аппарата иногда почти замирала, некому было послать денежные знаки, некому было распределять их по кассам и выдавать населению». Руководители Наркомата финансов справедливо оценивали эту ситуацию как результат подрывной деятельности заклятых врагов народного правительства, «которые не брезговали никакими средствами, чтобы сорвать или скомпрометировать новую власть»³³. И тем не менее даже в этих чрезвычайных обстоятельствах комиссары банков, используя отдельных специалистов, оформляли первоочередные чеки представителям фабрично-заводских комитетов и начинали по ним оплату³⁴.

В ходе упорной борьбы с саботажниками, привлекая на свою сторону честных специалистов, Советское правительство постепенно налаживало работу центрального финансового аппарата³⁵. Особое значение при этом на первых порах имела организация бесперебойного текущего финансирования промышленных предприятий. Полная их остановка даже на короткий срок угрожала параличом всей хозяйственной жизни и могла вызвать недовольство и брожение малосознательных слоев населения, на что и рассчитывали организаторы саботажа.

В Петрограде, где саботаж банковских служащих был особенно упорен, вся работа по овладению аппаратом частных коммерческих банков первоначально координировалась товарищем управляющего Государственным банком, руководившим специальным управлением бывших частных банков, размещавшимся в здании Учетно-ссудного банка Персии. В первую очередь он опирался на комиссаров банков. Все текущие операции бывших частных коммерческих банков сосредоточивались в четырех самостоятельных отделениях Государственного банка. В этих

³⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 173.

³¹ См. Комитет съездов акционерных коммерческих банков, с. 114—115; Гиндин А. Указ. соч., с. 54—55. При этом показательно, что 15 декабря на совещании комиссаров Государственного банка с представителями правлений, приглашенными для определения порядка ликвидации дел, последние внесли предложение «выяснить сущность и форму контроля», т. е., игнорируя декрет о национализации, пытались вернуться к старым и безобидным для них формам контроля. Они откровенно заявляли при этом, что если правила такого контроля окажутся приемлемыми, то «быть может удастся склонить профсоюз в интересах скорейшего возобновления деятельности банков прекратить забастовку» (см. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 93).

³² ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 64.

³³ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 2.

³⁴ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 59—64.

³⁵ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 96.

отделениях, сформированных по территориальному принципу (расположение банковских учреждений в одном районе), была объединена соответствующая документация и постепенно производилось слияние текущих счетов³⁶. В дальнейшем число таких отделений увеличивается. Так, в конце 1917 г. VI отделение Государственного банка (район бывшей Сенной площади), размещенное в помещении городской конторы Петроградского Международного коммерческого банка, объединило делопроизводство Петроградского Международного коммерческого банка, Русского для внешней торговли банка, Русско-Азиатского банка и Московского промышленного банка³⁷.

К началу апреля 1918 г. отделения, объединившие текущие операции бывших частных банков в Петрограде, встали на достаточно прочную почву. Управление бывших частных банков было упразднено, а его функции переданы Центральному управлению Народного банка (бывшего Государственного банка)³⁸. Несколько позже определенные функции по координации работы в национализированных банках были возложены на Совет экспертов, в распоряжении которого имелся штат инспекторов³⁹. Решение всех этих задач облегчалось тем, что в начале января 1918 г. в Петрограде была уже пробита первая серьезная брешь в едином фронте саботажников. Более 600 сотрудников бывших частных коммерческих банков приступили к работе⁴⁰.

Такие же, как в Петрограде, принципы осуществления национализации (образование единого Народного банка республики путем слияния и централизации отделов бывших частных банков) наблюдались в Москве и в провинции, хотя организационные формы имели иногда существенные различия.

В Москве вся повседневная работа по национализации банков направлялась Финансовым отделом (Советом) Моссовета, назначившим комиссаров частных коммерческих банков и руководившим их деятельностью. Практические меры в этом направлении определялись на совместных заседаниях Финансового отдела и банковских комиссаров, проходивших в конце декабря почти ежедневно. На первом же совещании 24 декабря 1917 г. был создан Совет комиссаров частных коммерческих банков Москвы, начавший координировать всю повседневную работу по осуществлению национализации банков⁴¹. Совет банковских комиссаров, видя основную цель «в полной централизации всех банков путем объединения по возможности большего числа отделов», вынужден был учитывать факт отсутствия технических сил. Поэтому 26 декабря он признал необходимым работы по централизации пока ограничить операциями текущих счетов. Было решено к 29 декабря в одном из банков сосредоточить книги, денежные документы и соответствующую текущую корреспонденцию всех московских банков. Отделение текущих счетов, в котором намечалось постепенно объединить текущие счета тех или иных клиентов, разбросанные по всем московским банкам, предполагалось открыть 3 января 1918 г.⁴² Центральный отдел текущих счетов первоначально обслуживал лишь по 200 клиентов в день, а в конце января — уже свыше 600⁴³. Наплыв посетителей в январе — марте был настолько значительным, и аппарат отдела настолько слабым, что «одно время

³⁶ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 3, л. 73; оп. 25, д. 42, лл. 16—18.

³⁷ Там же, оп. 25, д. 146, л. 48.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 3, л. 73.

³⁹ Там же, д. 10, л. 164.

⁴⁰ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 92—93.

⁴¹ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 25, д. 18а, л. 91.

⁴² Там же, л. 92.

⁴³ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 64; оп. 25, д. 18а, лл. 103—104.

отдел вынужден был не впускать всех желающих получить деньги, да и попавшие в банк простаивали по несколько часов в хвосте»⁴⁴.

Расширение финансовых операций отдела текущих счетов, необходимость осуществления основных задач национализации заставили в конце февраля 1918 г. создать в Москве Временное правление отделения Народного банка, действующее параллельно с правлением Народного (бывшего Государственного) банка и оказавшее здесь более долговечным, чем специальный центральный орган в Петрограде. Временное правление сосредоточило в своих руках все функции Финансового отдела Моссовета по осуществлению национализации бывших частных банков⁴⁵. Под руководством Временного правления постепенно налаживается деятельность Центрального отдела текущих счетов и предпринимаются первые шаги по централизации других отделов бывших частных коммерческих банков.

Огромное значение имело преодоление саботажа банковских служащих. Постепенно в этом деле наметились сдвиги. 28 января 1918 г. поступило заявление значительной группы (свыше 200 человек) бывших служащих Московского купеческого банка о желании вернуться на работу. Они были использованы при создании планов и осуществлении централизации банковского дела⁴⁶.

В январе 1918 г. представители основных саботирующих групп служащих стали обращаться к органам Советской власти (в Финансовый отдел Моссовета) с предложениями о ликвидации «забастовки». Однако они выдвигали требование о передаче им всей технической организационной части банковского дела, соглашаясь оставить Советской власти лишь руководство банковской политикой⁴⁷. Подобное «анархо-синдикалистское» требование на деле означало сохранение руководства в руках хозяев банков, контролировавших действия своих старых служащих. Естественно, что оно было отвергнуто. В конце января совещание служащих бывших частных коммерческих банков приняло решение обратиться в Совнарком с просьбой принять на службу всех саботажников без исключения. Совнарком, обсудив этот вопрос по докладу Я. М. Свердлова, постановил: никаких переговоров с организованными саботажниками не вести. Вместе с тем народным комиссарам было предоставлено право принимать на работу лиц, подчиняющихся Советской власти и необходимых для дела.

На первом заседании Временного правления и Совета банковских комиссаров в Москве, состоявшемся в феврале 1918 г., в принятом по этому же вопросу решении отмечалось: не вести никаких переговоров «с какими бы то ни было организованными группами саботажников..., ибо прием для них на службу выработан один, то есть поодиночке, по разным банкам и путем фильтрации через местные комитеты и комиссариаты»⁴⁸. В начале марта служащие бывших частных коммерческих банков Москвы обратились с заявлениями в Моссовет о своем желании прекратить «забастовку». Совет, определив общие условия приема, все дальнейшие переговоры передал Временному правлению. С 11 марта по 2 апреля поступили заявления от всех пожелавших начать работу. Они рассматривались в Центральной паритетной комиссии, созданной Временным правлением в целях отбора сотрудников для финансового аппа-

⁴⁴ Там же, д. 10, лл. 70—71.

⁴⁵ Там же, лл. 64—65.

⁴⁶ Там же, л. 65.

⁴⁷ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 63, л. 5.

⁴⁸ Там же, ф. 2324, оп. 25, д. 3, л. 50.

рата Советской власти. В общей сложности в списках лиц, подавших заявления, значилось 3500 бывших служащих банков. Комиссия отобрала из них лишь 30% ⁴⁹. Руководители советских органов проводили тщательную проверку специалистов, стремясь не допустить в государственный аппарат активных контрреволюционеров, убежденных противников Советской власти. Механизм диктатуры пролетариата и в этом случае призван был обеспечить хозяйственное строительство первого в мире социалистического государства.

Таким образом, осуществление национализации банков в центрах финансово-экономической жизни (Петроград, Москва) сталкивалось с огромными трудностями, вызванными саботажем и связанной с ним задержкой в овладении сложным механизмом аппарата общественного регулирования. Преодоление саботажа к апрелю 1918 г. как бы давало возможность «естественного» развития процессов, прерванных активным противодействием магнатов финансового капитала и их агентуры на 2—3 месяца.

Весьма интенсивно протекал процесс национализации на местах. Так, 2 апреля из Рязани сообщалось в отдел местных органов Государственного банка, координировавшего работу по национализации на местах, что национализированные банки «являются уже филиальными отделениями» Государственного банка, находящимися под его повседневным контролем. Формальное их слияние не осуществилось лишь по техническим причинам. В конце апреля бывшие отделения столичных банков и формально стали именоваться филиалами Народного банка Российской Федерации в Рязани ⁵⁰.

В Казани саботаж служащих прекратился к 1 февраля 1918 г. Это позволило начать операцию объединения текущих счетов частных коммерческих банков в I отделении Народного банка (бывшем Казанском купеческом банке), где сосредоточены были текущие счета отделений Азовско-Донского и Русско-Азиатского банков, и во II отделении (Волжско-Камском банке), куда собрали документы остальных отделений частных коммерческих банков ⁵¹.

В Иваново-Вознесенске функционировавшие в городе отделения Московского и Соединенного банков были первоначально закрыты, а затем ликвидационная комиссия приступила к слиянию их с Народным банком ⁵². В Твери отделение Русско-Азиатского банка было закрыто, и ликвидационный баланс на 1 апреля 1918 г. передан отделению Народного банка ⁵³. В Томске все отделения национализированных банков в конце марта уже стали филиалом местного отделения Народного банка ⁵⁴.

К сожалению, в ряде случаев местные органы Советской власти не сумели установить действенный контроль над отделениями банков, что позволило банковским служащим перевести значительные денежные резервы в столицу, использовавшиеся для финансирования саботажников ⁵⁵.

Характеризуя трудности того периода, важно отметить, что Советское правительство во главе с В. И. Лениным, проявляя дальновидность и партийную принципиальность, продолжало последовательно осуществлять национализацию банков. Развивая и закрепляя идеи декрета о национализации, оно 29 декабря 1917 г. запретило сделки с процентными

⁴⁹ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 63, л. 6.

⁵⁰ Там же, ф. 2324, оп. 25, д. 46, лл. 4, 7.

⁵¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 2, д. 71, л. 36.

⁵² Там же, ф. 2324, оп. 25, д. 170, л. 11.

⁵³ Там же, д. 169, л. 4.

⁵⁴ Там же, д. 48, л. 235.

⁵⁵ См. Потяев А. Указ. соч., с. 25.

бумагами и оплату купонов и дивидендов, а 23 января 1918 г. принял декрет о конфискации всех акционерных капиталов бывших частных коммерческих банков и передаче их Народному банку⁵⁶.

Укрепление позиций Советской власти к апрелю 1917 г. в целом и ликвидация саботажа банковских служащих, в частности, позволили партии и Советскому правительству активизировать деятельность в сфере финансового строительства. В программной работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» содержится определенное указание «продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме». Для этого необходимы были и привлечение вкладов, и увеличение числа отделений Народного банка⁵⁷. Вопросы банковской политики в конце марта — начале апреля 1918 г. при активном участии В. И. Ленина обсуждались на совещании руководителей Народного банка и Наркомфина (А. П. Спундз, И. Э. Гуковский и др.). Первое совещание завершилось принятием тезисов банковской политики, в которых указывалось, что она, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно направляться в сторону их превращения в единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом. Вместе с тем первый пункт тезисов был нацелен на завершение предыдущего этапа работы. Он гласил: «Прежнему персоналу служащих (с правом Комиссариата государственного банка отвести некоторых из них) каждого частного банка дается ультимативное поручение в кратчайший срок привести в порядок все дела банка и составить баланс в окончательной форме, во-первых, на 14 декабря 1917 г., во-вторых, на последний день операций»⁵⁸. К этому же времени относится написанный В. И. Лениным между 10 и 15 апреля 1918 г. документ об основных положениях хозяйственной и банковской политики. В числе важнейших мер социалистического строительства здесь указаны: «I. Доведение до конца национализации промышленности и обмена. II. Национализация банков и постепенный переход к социализму». Далее определяется значение принудительного объединения населения в потребительские общества, организация учета и контроля над производством и распределением, укрепления трудовой дисциплины и пр.⁵⁹ В мае — июне 1918 г. вопросы финансовой политики неоднократно рассматривал Совнарком⁶⁰.

Еще в момент определения высшими органами Советской власти общих линий конкретной деятельности в области финансово-экономической жизни, 10 апреля в Государственном (Народном) банке созывается совещание специалистов (теоретиков и практиков) банковского дела для разработки плана завершения национализации банков в Советской России. При этом уместно заметить, что при последовательном проведении линии диктатуры пролетариата В. И. Ленин и партия никогда не игнорировали знания и опыта буржуазных специалистов, всегда отдавали себе отчет в важности привлечения к делу социалистического строительства широких слоев интеллигенции. Это в полной мере относится к такому сложному и тонкому делу, как национализация банков. Еще 14 декабря 1917 г. В. И. Ленин признавал: «Мы знаем, что это сложная

⁵⁶ См. Шепелев Л. Е. Указ. соч., с. 293—294; ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 240, л. 21.

⁵⁷ См. Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 182, 183.

⁵⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 219—220.

⁵⁹ Там же, с. 217—218, 597; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 373.

⁶⁰ Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 136—138; Гиндин А. Указ. соч., с. 118—122.

мера. Никто из нас, даже имеющий экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позволим специалистам, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках»⁶¹. Не вина Советского правительства, что, овладев частными коммерческими банками, оно более трех месяцев не могло привлечь специалистов к разработке конкретных практических вопросов национализации банков. Укрепление власти Советов и ликвидация саботажа дали возможность активно использовать опыт практиков и знания теоретиков банковского дела в интересах социалистического строительства. На первом заседании комиссии по выработке детального плана доведения до конца национализации банковского дела, проходившем под руководством А. П. Спундз, присутствовали, например, проф. М. И. Боголепов (член Комитета Совета съездов акционерных коммерческих банков и Совета Сибирского банка), К. П. Асмус (директор Петроградского Международного банка), Л. С. Сирвинт (директор Русско-Азиатского банка), Е. М. Эпштейн (член правления Азовско-Донского банка) и другие. Предлагая совещанию программу его работ, А. П. Спундз категорично заявил, что «национализация банков предпринята Советом Народных Комиссаров, что точка зрения Советской власти не подлежит изменению». Далее он подчеркнул, что «от членов совещания ожидается деловое содействие в выработке и проведении в жизнь определенного плана национализации»⁶².

Совещание разбилось на ряд секций (переходного времени, организационную, финансирования промышленности и пр.). Работа секций протекала в апреле — мае 1918 г., и результаты ее были представлены в Наркомфин, где учитывались в повседневной практической деятельности⁶³.

Заметим, что бывшие руководители частных коммерческих банков обнаруживали явное стремление воспрепятствовать слиянию их делопроизводства как реальному шагу по пути осуществления декрета о национализации. Так, на одном из первых заседаний секции переходного времени В. Ф. Соллогуб (член правления Волжско-Камского банка) поставил вопрос о восстановлении временной работы старых частных коммерческих банков и отказался от своего предложения лишь после того, как выяснилась его неосуществимость⁶⁴. Аналогичные предложения высказываются неоднократно и в дальнейшем, хотя и в более завуалированной форме.

Таким образом, участвуя в налаживании финансового аппарата Советского государства, буржуазные специалисты, не верившие в прочность нового строя, пытались по возможности сохранить прежнюю структуру банковского дела⁶⁵.

Отмеченные выше и некоторые иные объективные трудности, возникавшие иногда в ходе самого хозяйственного строительства и требовавшие радикальной перестройки финансового учета и отчетности (в связи с национализацией промышленности и транспорта, в частности), задерживали завершение процесса национализации частных коммерческих банков, органическое слияние их в единой системе Народного (Государственного) банка. Тем не менее по мере их преодоления дело финансового строительства продвигалось вперед. Более успешно оно развертывалось в период мирной передышки Советской Республики в апреле —

⁶¹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 172.

⁶² ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 179, лл. 2, 29.

⁶³ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 179, л. 42; д. 180, лл. 1—2; Гиндин А. Указ. соч., с. 113—117.

⁶⁴ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 25, д. 42, лл. 51—56.

⁶⁵ См. Потяев А. Указ. соч., с. 31, 44, 58 и др.

июне 1918 г. В первую очередь заметные сдвиги наблюдались в работе централизованных отделов текущих счетов. Текущее финансирование торгово-промышленных предприятий осуществлялось теперь достаточно четко и организовано. Уже к маю окончательно исчезли очереди около отделений банков. В Москве в первых числах июня функционировало 9 городских отделений Народного (Государственного) банка, а в Петрограде их насчитывалось 15⁶⁶.

Временное правление Народного банка в Москве весьма успешно развивало деятельность отдела текущих счетов. В общем итоге в нем было централизовано 175 тыс. текущих счетов бывших частных коммерческих банков. Все они были разнесены по новым книгам, а часть их объединена. При объединении 52 500 счетов дали 35 700 счетов на общую сумму 623 500 тыс. руб. В январе — апреле 1918 г. отдел оплатил 73 755 чеков на сумму 819 092 051 руб., из них приблизительно половину — наличными и чеками на Государственный банк. Поступления в то же время выразились в сумме 402 млн. руб., из которых наличными (в том числе из сейфов) — 33,2 млн. руб.⁶⁷.

Временное правление открыло также II отдел текущих счетов, который свободно (без ограничений) выдавал вклады, внесенные наличными деньгами. К началу мая там было открыто около 200 счетов и оставалось на них 20 млн. руб. К 10 июня остаток составлял 40 млн. руб. К середине июля оборот отдела достиг 180 млн. руб. Конечно, капиталисты сознательно избегали нести в Народный банк свои свободные средства. Не принимая Советскую власть, они и в такой форме саботировали ее важнейшие экономические мероприятия. Количество и сумма вложенных капиталов к лету 1918 г. в значительной степени увеличились лишь по той причине, что Народный банк с его новыми подразделениями все более становился (особенно в сфере финансирования промышленности) единственным кредитным учреждением в стране⁶⁸.

Закреплению монопольного положения Народного банка в известной степени препятствовало то, что Советская власть временно сохранила кредитные учреждения, связанные с буржуазными кооперативами. Как известно, в целях организации снабжения населения (прежде всего продовольствием) Советское правительство вынуждено было использовать буржуазную кооперацию. К работе кооперативной комиссии Наркомпрода были привлечены представители кооперативных организаций⁶⁹. В связи с этим, видимо, Московский народный (кооперативный) банк, финансировавший крупнейшие буржуазные кооперативы и имевший характер крупного частного коммерческого учреждения, не был национализирован вместе с остальными крупными банками. 30 декабря 1917 г. он по просьбе кооператоров был освобожден от действия закона о национализации крупнейших кредитных учреждений⁷⁰. Не были национализированы различные кредитные общества взаимопомощи и прочие кредитные учреждения.

Именно эти кредитные учреждения попыталась активно использовать крупная буржуазия в своих антинародных целях. Операции их значительно расширились⁷¹. Особенно заметно возрастала роль Московско-

⁶⁶ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 4.

⁶⁷ Там же, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 67.

⁶⁸ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 67.

⁶⁹ См. Морозов Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969, с. 57—60.

⁷⁰ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 162, л. 4.

⁷¹ См. Потяев А. Указ. соч., с. 30.

го народного (кооперативного) банка. К сентябрю 1918 г. баланс банка вырос в $4\frac{1}{2}$ раза и достиг $1\frac{1}{4}$ млрд. руб.⁷²

Существование этих кредитных учреждений, естественно, отрицательно сказывалось на деятельности создаваемого единого Народного банка Российской Федерации.

Тем не менее имелись определенные позитивные результаты. Весной 1918 г. наблюдался и интенсивный процесс централизации учетно-ссудного дела. Вексельный портфель 18 московских банков достигал суммы 949 млн. руб. После централизации учетно-ссудного дела заметно стали возрастать требования переучета векселей. С 15 декабря 1917 г. по 1 мая 1918 г. было реализовано векселей лишь на 18,3 млн. руб., а ходатайств об отсрочках поступило на сумму 60 млн. руб. Более успешно шла реализация товарных ссуд, сумма которых по сводному балансу на 15 декабря 1917 г. составляла 273,4 млн. руб. К лету 1918 г. в счет погашения ее поступило почти 27 млн. руб. (9,87%)⁷³.

В отделе складов, выделенном в начале марта путем объединения бывших товарных отделов частных банков, были централизованы все товарные склады, как принадлежавшие банкам, так и арендуемые ими. Отдел действовал в тесном контакте с «Центроскладом» при Московском Центральном транспортном комитете. В начале июня удалось также открыть переводно-комиссионный отдел, который должен был оплачивать переводы иногородних отделений на Москву⁷⁴.

В Петрограде также развернулась аналогичная работа. Итоги ее в середине июля 1918 г. в известной степени подвело совещание по урегулированию деятельности отделений Народного банка, образованных на базе бывших частных банков, и по выработке мер к скорейшему полному слиянию их с Народным банком. Совещание наметило план дальнейшей работы в этом направлении. Было решено, не открывая контор бывших частных банков, все операции по ликвидации активов проводить специальными техническими коллегиями. Последние все материалы обязывались представлять в соответствующее централизованное отделение, которое должно было осуществлять операцию ликвидации.

В результате работы совещания процесс фактического слияния частных коммерческих банков с Народным (Государственным) в Петрограде протекал более успешно⁷⁵. Совещание действовало при Совете экспертов и существовало до начала сентября, обсуждая технические вопросы слияния балансов частных коммерческих банков с балансом Народного банка⁷⁶.

В обзоре деятельности Наркомфина, относящемся к июлю 1918 г., подводился следующий итог работе по национализации банков: «В общем, бывшие частные банки с постепенной передачей своих дел центральным отделам суживают круг своей деятельности; на их долю остается ликвидация главным образом товарных и фондовых отделов и бухгалтерии, окончательная централизация которых ожидается через 2—3 месяца. Взамен бывших частных банков постепенно вырастает мощная фигура единого Народного банка»⁷⁷.

Можно признать, что осенью 1918 г. фактическая централизация банковского дела в Советской России была завершена. Именно к этому времени на деле национализированным и объединенным частным бан-

⁷² ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 162, л. 8.

⁷³ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 63, лл. 8—9.

⁷⁴ Там же, лл. 13—14.

⁷⁵ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, лл. 34—38, 163—164, 175—176.

⁷⁶ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 126—127, 133—134.

⁷⁷ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 4.

кам, составившим вместе с бывшим Государственным банком контуры единой финансовой системы, все в большей степени становится свойственной деятельность на новых началах, возлагаемая на них задачами социалистического строительства. Формальное же объединение их балансов и операций с Народным банком еще не закончилось. Ликвидационная работа по сведению балансов бывших частных банков продолжалась до конца 1918 — начала 1919 г. Завершение этого процесса в известной степени знаменует циркуляр Наркомфина от 14 декабря 1918 г., в соответствии с которым начиная с 1919 г. «все учреждения Народного банка должны представлять свои балансы по форме баланса бывшего Государственного банка с изменениями, которые своевременно будут установлены». Циркуляром предписывалось в месячный срок после его получения на местах завершить всю работу по окончании финансовой отчетности, связанной с завершением национализации и полным слиянием бывших частных коммерческих банков в едином Народном банке⁷⁸.

Завершение процесса национализации к концу 1918 г. выразилось и в том, что были ликвидированы последние частные коммерческие учреждения. Деятельность их вызывала нараставшую тревогу Советского правительства, ибо она начинала наносить все больший ущерб интересам социалистического строительства. Особенно это касалось операций Московского народного (кооперативного) банка, который, получив от Государственного банка огромные средства для закупки продовольствия и других товаров, пытался направлять часть их в районы белогвардейской контрреволюции⁷⁹.

В конце 1918 — самом начале 1919 г. ликвидируются кредитные общества взаимопомощи, городские общественные банки, частные земельные банки, городские и губернские кредитные общества⁸⁰. Подготовка национализации Московского народного банка велась еще с сентября 1918 г. Советское правительство приняло решение изъять из банка 150 млн. руб. государственных средств. Это заставило правление банка, неспособное вовремя возратить государственные деньги, проявить сговорчивость и согласиться на национализацию путем преобразования его в кооперативный отдел Центрального управления Народного (Государственного) банка РСФСР⁸¹.

Таким образом, в течение 1918 г. в результате осуществления национализации частных коммерческих банков, постепенного фактического объединения их с Государственным банком и перестройки всех существовавших финансовых органов в Советской Республике создаются основы единой централизованной системы Народного банка, активно содействовавшего своей финансовой политикой решению задач социалистического строительства, предотвращения голода и разрухи, угроза которых становилась все более реальной опасностью в связи с развертыванием экономической контрреволюции под руководством монополистов и магнатов финансового капитала. Успешность национализации банков, как и других шагов в деле социалистических преобразований экономики, обеспечивалась диктатурой пролетариата, твердой и последовательной классовой политикой Советского правительства. Решительные действия по отношению к саботажникам в первую очередь распространялись на вдохновителей и организаторов саботажа, стремившихся контрреволюционными акциями подорвать устои Советской власти, обеспечить реставрацию капиталистических отношений. Они не касались тех, кто был

⁷⁸ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 25, д. 42, лл. 84—85.

⁷⁹ См. Потяев А. Указ. соч., с. 28—30; «Известия», 1918 г., 14 сентября.

⁸⁰ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 240, л. 4.

⁸¹ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 162, лл. 8—9, 18.

готов, осознав свои ошибки и заблуждения, честно сотрудничать с Советским правительством, поставив свои знания и опыт на службу народу. Только такая четкая и ясная линия непримиримой борьбы с убежденными и активными врагами народной власти, сочетавшаяся с широким привлечением буржуазных специалистов, обеспечила решение не только сложнейших вопросов хозяйственного строительства, но и острейших проблем всей социально-политической жизни молодого Советского государства.

Советское правительство, национализировав банки, выбило из рук классового врага опаснейшее оружие, которое в любой момент могло обрушиться на революционные завоевания народа. Саботаж банковских служащих затянул и серьезно осложнил активное использование этого мощного аппарата в интересах социалистического строительства. Но все же в результате быстрого перехода частных коммерческих банков в руки государства крупная российская буржуазия лишилась своей основной финансовой базы. Всевластие хозяев экономической жизни России был нанесен второй (после Великого Октября) сокрушительный удар. Финансовая база внутренних сил контрреволюции была тем самым резко подорвана. Возможности финансирования различных контрреволюционных организаций существенно ограничивались.

Кроме того, без поддержки частных коммерческих банков предпринимательские союзы и торгово-промышленные организации не могли теперь безнаказанно игнорировать требования Советского правительства. Это помогало также успешно подчинять крупную промышленность государственному регулированию на основе экономической политики диктатуры пролетариата.

Активная и целеустремленная деятельность Народного банка, особенно после преодоления саботажа банковских служащих, объективно обеспечивала решение сложнейшей задачи национализации промышленности, создания и укрепления первых органов управления социалистическим производством (главков и центров).

Опыт социалистического строительства в нашей стране в первые месяцы после Великого Октября имеет огромное историческое значение. Он наглядно свидетельствует о том, что буржуазия, свергнутая победоносной пролетарской революцией, не мирилась со своим поражением. Она мобилизовала все свои силы и средства для того, чтобы задушить революционное движение масс. При этом она пыталась использовать свою экономическую мощь, свои ключевые позиции в народном хозяйстве, в частности, объединенную мощь аппарата частных коммерческих банков. Диктатура пролетариата, организуемая большевистской партией, опиравшейся на профсоюзы, на широкие массы трудящихся, была той силой, которая не только сломила сопротивление этого мощного и очень важного хозяйственного аппарата, но и поставила его, коренным образом реорганизовав, на службу делу социалистического строительства.

В. Н. ЧЕРНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ МОНОПОЛИЗАЦИИ ЦЕМЕНТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. СИНДИКАТ «ЦЕМЕНТКРУГ»

В создании экономического фундамента капиталистической промышленности дооктябрьской России немаловажная роль принадлежала промышленности строительных материалов, а в ней — производству цемента как одного из основных компонентов индустриальных конструкций и строений. На фоне широких потребностей капиталистического развития пореформенного времени строительный потенциал России выглядел весьма слабым. Рост торговли, фабрик, городов, железных дорог предъявлял спрос на совершенно иные постройки, не похожие ни по своей архитектуре, ни по своей величине на старинные здания феодальной эпохи. Эти потребности привели к возникновению новых, основанных на более совершенной технике, производств. Среди последних видное место заняло портланд-цементное.

Российское цементное производство¹, зародившееся незадолго до падения крепостного права, в 1894 г. уже давало 28,8 млн. пудов продукции в год. Это вывело Россию на третье место в мире после Германии и Англии². В 1913 г. указанный объем был превзойден более чем в 4 раза, но, несмотря на это, страна отставала в производстве цемента от крупных империалистических держав.

Г. В. Цыперович первым среди советских исследователей обратил внимание на социально-экономические процессы в цементной промышленности. Исследуя главные промышленные и банковские монополии дореволюционной России, делая акцент на изучении особенностей хозяйственного развития страны в целом, он в качестве примера сослался на два монополистических объединения предпринимателей цементной промышленности: «Русское товарищество торговли цементами» и «Польский синдикат»³. Автор явно преувеличил вес монополистического объединения «Цементкруг» и его роль в регулировании цементного рынка страны.

Сведения о монополистических тенденциях в цементной промышленности содержатся и в известном труде П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР»⁴. Автор упоминает о появлении цементного синдиката, но не рассматривает историю его создания и деятельности.

Интересна для раскрытия темы публикация А. Л. Цукерника «Из истории цементного синдиката Южной России»⁵. Краткий комментарий к четырем архивным документам насыщен оригинальными обобщениями. Но А. Л. Цукерник не показал до конца форму деятельности синдиката «Цементкруг» и его эволюцию.

¹ Термин «цемент» нами употребляется как синоним портланд-цемента. «Цемент, — справедливо писал Д. И. Менделеев в 1891 г., — составляет драгоценнейший строительный материал, с течением времени долженствующий вытеснить почти всех других соперников, это строительный материал будущего» (Менделеев Д. И. Собр. соч., т. 19. М. — Л., 1950, с. 494—495).

² Монковский С. Перспективы цементных предприятий в России. — «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1911, № 17.

³ Цыперович Г. Синдикаты и тресты. Л., 1927, с. 266—270.

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1952, с. 700.

⁵ «Исторические записки», т. 78, 1965, с. 223—247.

И. Я. Лившин, не выделяя этапы в развитии «Русского товарищества торговли цементами», датировал рождение этой монополии 1900 годом⁶.

Цель статьи — изучить процесс монополизации цементной промышленности на примере синдиката «Цементкруг». Важность темы очевидна для понимания таких явлений, как создание монополий, сращивание банкового и промышленного капитала, и для выявления общих закономерностей развития российской промышленности периода империализма.

При написании статьи использованы опубликованные и неопубликованные материалы центральных и местных архивов, статьи периодической печати дореволюционного времени, уставы акционерных обществ и монографические исследования, посвященные смежным проблемам.

В конкретных наблюдениях В. И. Ленина над развитием цементной промышленности отмечен особенно быстрый рост российского цементного производства в 80—90-е годы XIX в., свидетельствовавший о развитии промышленности строительных материалов⁷. Ленин пришел к выводу о том, что в цементной отрасли не наблюдалось смешения крупного производства с мелким. Среди монополистических организаций, на долю которых приходилось свыше 40% функционирующего капитала крупнейших петербургских банков, он называет наряду с Продуглем и Продаметом и «синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности»⁸. На этом основании Ленин подчеркивал, что слияние банкового и промышленного капитала сделало в России громадные шаги вперед. Важная характеристика В. И. Ленина цементной промышленности Германии. Он выделил следующие обстоятельства, отражавшие наиболее существенные черты развития и монополизации германской цементной промышленности начала XX в.:

1) сырой материал для этой отрасли имеется всюду; 2) сильное картелирование (синдицирование) ее, характерны порайонные синдикаты; 3) очень прибыльный вид промышленности; цены установлены монопольные; 4) использование монополистами любых средств, чтобы устранить конкуренцию: распространение ложных слухов о плохом положении промышленности, скупка «посторонних» заведений (т. е. не участвующих в синдикатах), уплата им отступного⁹. Изученные нами материалы позволяют считать, что эти основные положения можно отнести и к российской цементной промышленности.

С момента зарождения цементная промышленность России приняла крупнозаводскую форму. Предприятия возникали вне прямой связи с мануфактурой, так как условия цементного производства требовали эксплуатации мощных механизмов и машин, силовых установок, высокой интенсивности обжига сырья, большого количества топлива и тары и транспортировки громадного количества грузов. Наконец, условие, последнее по счету, но не по значению: завод должен был располагать определенным числом рабочих разных специальностей, опытными химиками и химиками-технологами, а на главнейших участках технологического процесса — квалифицированными рабочими. Цементное предприятие являло собой крупную производственную и социальную единицу, в структуре которой насчитывалось до 10—12 подразделений. Другой его особенностью было объединение всех стадий производства от

⁶ Кроме того, И. Я. Лившиным допущены отдельные неточности фактического характера (завод «Союз» и завод М. П. Черного — единичные фирмы, между тем они классифицируются как акционерные общества и т. п.). Лившин И. Я. Монополии в экономике России. М., 1961, с. 37.

⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 477.

⁸ Там же, т. 27, с. 349—350.

⁹ См. Ленин В. И. ПСС, т. 28, с. 164—165.

добычи сырья до выпуска готовой продукции, что означало комбинирование добывающей промышленности с обрабатывающей. Строительство и эксплуатация цементных предприятий требовали больших капиталовложений. Отдельным лицам произвести их часто оказывалось не под силу. Отсюда вытекала необходимость объединения капиталов нескольких предпринимателей. По данным В. Кинда, подавляющее большинство цементных предприятий России построено на ассоциированные (совокупные) капиталы¹⁰.

Цементное предприятие сложилось в процессе капиталистической концентрации. В капиталистическом развитии России важное место занимают промышленный подъем 1893—1899 гг. и экономический кризис 1900—1903 гг. Годы промышленного подъема ознаменовались крупными количественными и качественными изменениями. В это время выросли, в частности, совершенно новые цементные районы страны: черноморский, сибирский, поволжский и южный. Они использовали только отечественные сырье и топливо. За семь лет промышленного подъема число заводов увеличилось в 4 раза, а производство цемента — в 3,9 раза.

Кризис 1900—1903 гг. по-разному отразился на состоянии различных отраслей. Первыми испытали трудности те из них, продукция которых пользовалась усиленным спросом в годы подъема: металлургия, цементная промышленность и транспортное машиностроение. За годы кризиса и трехлетней депрессии более 27% цементных заводов были вынуждены прекратить производство, хотя в те же годы вступили в строй три новых завода (10%). Первые признаки перепроизводства в цементной промышленности обнаружили еще в 1898—1899 гг.

Начальный этап монополизации цементной промышленности прослеживается с 70—80-х годов XIX в., но союз предпринимателей, характерный для империалистической стадии развития капитализма, возник только в феврале 1900 г., когда восемь заводов Царства Польского учредили «Центральное бюро для продажи портланд-цемента в Варшаве»¹¹. Не останавливаясь на специальном рассмотрении деятельности этой монополии, отметим, что она функционировала, хотя и с различной активностью, вплоть до первой мировой войны. В литературе она известна под названием «Польский синдикат». Вторая цементная монополия — «Главная контора по продаже портланд-цемента Юга России в С.-Петербурге» («Цементкруг») — была создана в декабре 1900 г. Под различными вывесками она просуществовала до 1918 г., когда Советская власть национализировала ее. В монополистическое объединение «Цементкруг» входили три акционерные компании, которым принадлежали самые крупные заводы Южной России. Сведения о них приведены ниже.

Данные таблицы 1 характеризуют эти заводы как крупные отраслевые предприятия, а «Черноморский» — как гигант не только отечественной, но и мировой цементной промышленности. Заводы размещались сравнительно близко один от другого: «Черноморский» и «Цепь» — у Новороссийска, а «Геленджик» — в 30 км южнее. Завод «Черноморский» (ныне «Пролетарий») был построен акционерным обществом «Черноморское цементное производство» в 1881—1882 гг. Более 15 лет общество занимало исключительное, можно сказать, монопольное положение на кавказском и южном рынках. Ранняя монополия основывалась на отсутствии конкурентов и на обладании уникальным сырьем. Эти преимущества позволяли фирме получать колоссальные прибыли. Второй по времени постройки (1896 г.) завод «Геленджик» принадле-

¹⁰ Кинд В. Акционерные общества по производству портланд-цемента. — «Вестник спликатной промышленности», 1922, № 5—6.

¹¹ Новороссийский филиал ГАКК, ф. 9, оп. 1, д. 82, лл. 1—7.

Таблица I

Черноморские цементные заводы накануне синдицирования *

Завод	Акционерный капитал (тыс. руб.)		Число рабочих	Количество печей	Номинальное годовое производство (млн. пуд.)
	учредительский	в 1900 г.			
«Черноморский»	500	2100	1007	20	7
«Геленджик»	843,750 **	843,750 **	400	10	3,5
«Цепь»	750	1250	430	15	3,5
Итого . . .	2093,750	4193,750	1837	45	14

* Таблица составлена на основании: Доклада Кавказского горного управления Горному Департаменту 11 июля 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 167, л. 43; Пршения общества «Черноморского цементного производства» Управляющему государственным ба.км. 7 октября 1900 г. ЦГИА СССР, ф. 588, оп. 2, д. 636, л. 1; Постановления присутствия по горнозаводским делам при Кавказском горном управлении 1901—1902 гг. ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 68, д. 90, л. 5; Уставов этих обществ: «Портланд-цемент», 1917, № 1, с. 47—52.

** В французской валюте — 2250 тыс. франков.

жал франко-русской компании портланд-цементного завода, правление которой находилось в Париже. Завод работал круглогодично. Пуск третьего завода «Цепь» (ныне «Октябрь») произошел в 1899 г. Он принадлежал акционерному обществу портланд-цементного завода «Цепь», которое приобрело свыше 280 дес. земли у Новороссийска, тем самым обеспечив себя высококачественным сырьем. Завод также работал круглогодично. Около 25% основного капитала общества принадлежало немецким капиталистам.

В советской исторической литературе попытку создания региональной монополии между тремя черноморскими заводами, предпринятую фирмой «Э. Тильманс и К^о», впервые отметил В. И. Бovyкин¹². Переговоры, проходившие в 1899 г., не привели к соглашению. Договор об учреждении «Главной конторы по продаже портланд-цемента Юга России в С.-Петербурге» представители трех черноморских заводов подписали 9 декабря 1900 г. Одновременно была подписана «Инструкция Главной конторе...» Договор и инструкция составляли одно целое. За 18 лет своего существования эта монополия не только меняла наименование, но и претерпела качественную эволюцию. Монополистическое объединение «Цементкруг» прошло три основных стадии развития.

Первая — с 1901 по 1903 г. — стадия становления и тайного существования синдиката, без юридического прикрытия в лице легального акционерного общества. На этой стадии «Цементкруг» не принимал на себя делькредере по всем сделкам, совершенным при его обязательном посредничестве. Поэтому риск по предоставлению кредита принимал на себя каждый контрагент отдельно. Хотя окончательный (годовой) расчет между контрагентами производил только «Цементкруг», контрагентам разрешались мелкие продажи и продажи полуфабриката на местах. Разрешались и продажи цемента через агентства и представительства каждого контрагента, но всякий раз только с разрешения «Цементкруга».

На второй стадии — 1904—1911 гг. — действовал и мощный синдикат, имевший двувариантную систему представительства контрагентов синдиката. Юридически он действовал под вывеской «Русского товарищества торговли цементами», устав которого был утвержден властями, одна-

¹² Бovyкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 182.

ко фактически вся его деятельность регулировалась другими тайными договорами, заключенными между этим товариществом как юридическим лицом и каждым контрагентом сепаратно. Положения этих договоров видоизменяли и приспособляли форму товарищества для использования его в качестве легальной ячейки синдиката. Такая форма существования монополистических союзов была весьма распространена в России. Связь между контрагентами и клиентурой осуществляли и правление, и весь его аппарат; ответственность за выполнение договора и риск по предоставлению кредита нес также синдикат. На этой стадии была создана и действовала большая разветвленная сеть торгового аппарата монополии. При одинаковом количестве контор (четыре — Харьковская, Батумская, Новороссийская и Петербургская) число агентств и представительств оказалось величиной далеко не постоянной. Все свои агентства и представительства контрагенты передали синдикату. В 1906 г. синдикат реализовывал товар контрагентов через 21 агентство и представительство (два из которых находились за границей). В 1908—1909 гг. 34 агентства и представительства продавали цемент синдигированных предприятий. Однако в 1914 г. их осталось только 20. Кроме того, синдикат периодически прибегал к услугам различных торговых фирм. Размещение агентств имело широкую географию; на Дальнем Востоке функции агентства синдиката нередко выполнял и Русско-китайский банк. Заграничные агентства синдиката работали в Константинополе (фирмы Лагоса и Жиро), в Софии (фирма Ваккаро), в Харбине (фирма Шварца), в Гамбурге (фирма Визенер и Гирш; ее деятельность прослеживается только с 1907 по 1909 г.). Особую гордость руководителей монополии вызывали агенты-путешественники. Эта должность введена была летом 1904 г. для интенсивной обработки харьковского рынка и Донецкого бассейна и для более энергичной борьбы с конкуренцией¹³. Синдикат практиковал командировки экспертов в различные местности для изучения рыночной конъюнктуры непосредственно на месте. В роли экспертов выступали как работники синдиката, так и служащие Азовско-Донского банка и банкирского дома Э. Мейер. Синдикат постоянно совершенствовал и рекламу. Помимо этого, каждый контрагент рекламировал свой товар. На этой стадии развития «Цементкруг» предпринимал энергичные попытки для утверждения на заграничных рынках (Ближний Восток, Иран, Маньчжурия, Бразилия).

Отличительные черты третьей стадии развития «Цементкруга» довоенного времени — 1912 г. — июль 1914 г. — нашли свое выражение в резком усилении центробежных сил двух группировок внутри синдиката, подконтрольных разным банкам; вводились дальнейшие ограничения ассортимента продаж: мелкая продажа на местах и продажа полуфабриката запрещались. Первоначальный договор (1900 г.) содержал ряд типичных для синдикатских соглашений пунктов. Вступление других заводов в монополию допускалось только на основании согласия всех контрагентов. Как всякое синдикатское соглашение, договор содержал определение «средней продажной цены товара за истекший год». Никакой выдачи дивидендов не предусматривалось, так как прибыль от участия в монополии определялась повышенными (монопольными) ценами на товар, продаваемый «Цементкругом». Особенно важными были положения о квотах (долях) в ежегодных продажах каждого контрагента, которые соответствовали финансовой и производственной мощи каждого контрагента (см. табл. 2).

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1460, оп. 1, д. 52, л. 21.

Таблица 2

**Состав и квоты контрагентов монополистического объединения «Цементкруг»
по первоначальному договору ***

Завод	Квота (в млн. пуд.)				Квота (в %)				Число го- лосов
	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	
«Черноморский»	7	7	7	7	50	50	50	50	14
«Геленджик»	3,5	3,5	3,5	3,5	25	25	25	25	7
«Цепь»	3,5	3,5	3,5	3,5	25	25	25	25	7
Итого . . .	14	14	14	14	100	100	100	100	28

* Таблица составлена на основании данных публикации А. Л. Цукерника «Из истории цементного синдиката Южной России». — «Исторические записки», т. 78, с. 233—237.

Итак, сбыт цемента монополизировался. Одновременно определялись количество, цена товара и принцип распределения прибыли. Следовательно, регулирование касалось не только сбыта. Поставив своей главной задачей, подобно всякому капиталистическому предприятию, получение максимальной прибыли, монополистическое объединение «Цементкруг» на всех стадиях своего развития изыскивало и применяло различные формы и способы для ее успешного решения.

Одной из важнейших задач «Цементкруг» считал борьбу против свободных предприятий. Первые плоды монополии пожинал уже в марте 1901 г.: завод «Союз» («Альянс»), принадлежавший французу Р. Мишо, был вынужден присоединиться к «Цементкругу», причем он брал обязательство производить 3,5 млн. пудов в год. Второе условие касалось даты вступления: хотя фактически «Союз» стал контрагентом с марта, юридически он был признан с января 1901 г. Такая же участь постигла и завод «Донецкий». Исчерпав все возможности получить кредит и погасить долги, фирма была вынуждена в декабре 1903 г. присоединиться к монополии. Более двух лет «Цементкруг» вел ожесточенную борьбу с заводом «Белянский», пока не добился выгодного соглашения. Не менее энергично «Цементкруг» вел борьбу с заводом М. П. Черного, приступившим к производству в 1905 г. В результате политики «Цементкруга» завод Черного подписал договор о вступлении с 1 января 1908 г. в это монополистическое объединение. Основные условия сепаратного договора синдиката с заводом Черного соответствовали принятым другими контрагентами условиям. Но были и отличия. Так, этот контрагент получал самую малую квоту — всего 4,8276% всех ежегодных продаж. Другое условие, не вошедшее ни в один сепаратный договор, заключалось в том, что синдикат брал на себя обязательство ежегодно обеспечивать контрагенту заказы в размере 800 тыс. пудов цемента. За это контрагент уплачивал синдикату премию — по пять копеек с 20 пудов, т. е. 4 тыс. руб. ежегодно. Проектная мощность заводов «Цементкруга» в 1904 г. равнялась 20,75 млн. пудов, что составило 88% от проектной мощности всех заводов Юга России. Фактически же синдцированными заводами было произведено 11 млн. пудов, что составило свыше 91% от фактического производства всеми заводами района. Общероссийское производство в том же году не превысило 17 млн. пудов¹⁴, что свидетельствует о глубине процесса монополизации южной цементной промышленности.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 400, л. 1.

Из таблицы следует, что за годы кризиса объем продаж оставался почти стабильным. Резкое падение началось с 1904 г. Только через пять лет объем продажи 1902 г. был превзойден, а самые трудные годы продажи падают на трехлетие после кризиса. Главная причина недогрузки заводов заключалась в экономическом и политическом положении страны. Но нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что именно с 1904 г., когда «Цементкруг» выступил как официальное товарищество, резко падает производство и продажа цемента. В этой связи нам представляется необходимым выявить обстоятельства создания товарищества.

Прошение об учреждении «Товарищества торговли цементами Юга России» (учредители Ф. Е. Енакиев, К. Р. Брант и П. Дарси) с приложением к нему проекта устава было подано 18 марта 1903 г. в отдел торговли Министерства финансов¹⁵. В объяснительной записке учредители писали о причинах создания товарищества: «Общий застой промышленности в последние годы имел весьма нежелательное сокращение этого производства и упадок вообще цементной промышленности. Вследствие этого и вообще для развития отечественной промышленности, в особенности цементной... главнейшая цель нашего товарищества является развивать потребление цемента в России и на Дальнем Востоке»¹⁶.

Отдел торговли установил, что образуется синдикат. Тем не менее, проводя политику в интересах монополий, министр финансов С. Ю. Витте вынес заключение о дозволении учредить акционерное общество. Устав был утвержден царем 13 декабря 1903 г.¹⁷ Формально регламентируя основные функции товарищества, устав на практике представлял ширму для прикрытия монополистической деятельности капиталистов. Цель создания товарищества в уставе определялась так: «Для торговли цементами... и вообще всякого рода изделиями цементной промышленности, как за собственный счет, так и по поручениям, а также для производства цемента и изделий цементной промышленности»¹⁸. Ни в одном параграфе устава не говорится о существовании контрагентских договоров и их значении. Формально возникло скромное торговое товарищество. Устав был составлен по обычному типу акционерных обществ.

Основной капитал товарищества составил 250 тыс. руб., разделенных на 500 паев по 500 руб. каждый. Вести дела контрагентов, акционерный капитал которых достигал 9,9 млн. руб., при помощи такой суммы, разумеется, можно было при определенных условиях. Объяснялось это тем, что акционерный капитал не играл значительной роли, так как «Цементкруг» фактически не покупал товаров, а только продавал их по поруче-

Таблица 3

Продажа цемента монополистическим объединениям «Цементкруг» в 1901—1907 гг.*

Год	Общее количество проданного цемента (в млн. пудов)	Процентное отношение проданного количества к номинальному производству заводов
1901	11,024	52,02
1902	11,050	57,04
1903	11,083	56,84
1904	9,592	42,63
1905	9,687	41,97
1906	9,948	43,25
1907	13,983	60,79

* Таблица составлена по «Отчетам и ведомостям цементных заводов о продаже за 1901—1912 гг.», ЦИИА СССР, ф. 1460, оп. 1, д. 48, л. 1—221.

¹⁵ ЦИИА СССР, ф. 23, оп. 25, д. 367, лл. 1—12.

¹⁶ ЦИИА СССР, ф. 23, оп. 25, д. 367, лл. 1—12, 48. Отношение Управляющего делами отдела торговли барону Нольде, 8 ноября 1903 г.

¹⁷ Там же, л. 49. Рапорт отдела торговли Министерства финансов в Правительствующий сенат, 29 декабря 1903 г.

¹⁸ Устав «Русского товарищества торговли цементами». СПб., 1904, с. 3.

нию своих контрагентов. Вскоре совет принял два принципиальных постановления. Первое — по письму завода «Союз», касавшемуся его обязательства не уступать принадлежавших ему 90 паев без общего на то согласия всех остальных владельцев паев. Используя как повод выдвинутое предложение, совет постановил и остальным контрагентам представить письменные обязательства такого же содержания. Второе предусматривало поведение контрагентов при возникновении ситуации, когда в течение действия договора открылись бы новые цементные заводы на Юге России, которые отказались бы передать товариществу продажу своих изделий. В этом случае контрагенты могли расторгнуть все договоры и даже требовать ликвидации товарищества, но постановлением трех четвертей голосов. И это постановление стало обязательным дополнением к сепаратным договорам их. Но и оно нарушало устав. Состав контрагентов стабилизировался к 1908 г.

Относительно квоты завода «Черноморского» фирма добилась права присоединения годового производства закрытого «Лисичанского» завода к доле «Черноморского». Это условие поставило контрагента в необычайно выгодное положение: ему всегда гарантировались крупные премии за недостававшее количество товара.

Теперь рассмотрим результаты и характер деятельности синдиката за пятилетие с 1908 по 1912 г.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что производственные мощности заводов контрагентов никогда полностью не использовались. Это подтверждается прямым признанием совета «Цементкруга», что производство их предприятий не достигало того объема, который назван в договорах синдиката. Следует учесть три обстоятельства: 1) в стране с 1910 г. ощущался «цементный голод» — ведущие отрасли народного хозяйства, как и частные потребители, не могли вполне удовлетворить свои нужды в цементе; 2) синдикат продолжал вывозить цемент на внешний рынок; 3) с января 1912 г., используя благоприятную рыночную конъюнктуру, «Цементкруг» повысил цены на 30, а «Польский синдикат» — на 26% по сравнению с предыдущим годом. Следовательно, нехватка цемента была вызвана и сознательной политикой российских монополий, в частности, «Цементкруга».

Характеристика деятельности синдиката окажется неполной, если не принять во внимание участие его самого в других торгово-промышленных компаниях, причем для контрагентов «Цементкруга» это было обязательным. Участие синдиката выразилось в том, что он выступил одним из учредителей районного синдиката под названием «Контора по продаже портланд-цемента заводов Юго-Востока России в С.-Петербурге»¹⁹ и приобрел 1/4 паев товарищества «Приморский портланд-цемент». Совет синдиката предписал каждому контрагенту внести его долю.

Позиции «Цементкруга» в приморском предприятии настолько упрочились, что с 1913 г. он выступил инициатором, а затем и руководителем преобразования товарищества в акционерное общество с капиталом 2,5 млн. руб., но устав акционерного общества «Приморский портланд-цемент» был утвержден только 29 ноября 1915 г.²⁰ Акционирование провели два банка: Азовско-Донской и Русско-Азиатский. Текущий счет правление открыло в первом из них. Как и другие монополии, «Цементкруг» использовал свои связи с банками для давления на мелкие предприятия путем ухудшения условий предоставления им кредита и прямого отказа. Например, в прошении владельца ейского цементно-алебастр-

¹⁹ ГАРО, ф. 250, оп. 1, д. 2, лл. 12—18. Копия соглашения от 1 декабря 1906 г.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 12, д. 1876, лл. 1, 67.

Таблица 4

Состав и квоты контрагентов
«Цементкруга» с 1908 г. *

Завод	Квота	
	в млн. пуд.	в %
«Черноморский»	9	37,2
«Геленджик»	3,5	14,5
«Цепь»	3,5	14,5
«Союз»	3,5	14,5
«Донецкий»	3,5	14,5
«Черный»	1,16	4,8
Итого . . .	24,16	100

* Таблица составлена на основании «Таблицы годовой производительности заводов в пропорциональном отношении» 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1460, оп. 1, д. 5.

Таблица 5

Продажа цемента монополистическим
объединениям в 1908—1912 гг. *

Год	Общее количество проданного цемента (млн. пудов)	Процентное отношение проданного количества к нормальному производству заводов
1908	15,452	63,94
1909	17,668	73,11
1910	22,137	91,60
1911	22,072	91,33
1912	25,630	89,40

* Таблица составлена на основании «Отчетов и ведомостей цементных заводов о продажах». ЦГИА СССР, ф. 1460, оп. 1, д. 48.

рового завода «Пионер» И. В. Варварова 16 августа 1912 г. на имя председателя Совета министров отмечалось: «Мой завод в настоящее время является бельмом для цементных синдикатов и последние прилагают все усилия, чтобы меня задавить... В Новороссийске и Екатеринодаре влияние моего злейшего конкурента „Южного цементного синдиката“ (т. е. «Цементкруга». — В. Ч.) настолько сильно, что можно заранее с уверенностью предсказать, что будут пущены в ход все средства и способы, чтобы на долгие месяцы затормозить мое ходатайство о ссуде для снабжения оборотными средствами... Я лишен возможности иметь кредит и в частных банках, где заправилами являются сторонники синдиката»²¹. Не найдя кредитора, Варваров под угрозой банкротства был вынужден продать завод группе местных предпринимателей.

Синдикат прибегал к испытанному средству — политике боевых цен. Именно под ее действием завод «Белянский» был вынужден подписать 1 февраля 1905 г. соглашение с «Цементкругом»²², по условиям которого завод прекращал производство цемента и торговые операции. За это «Цементкруг» обязывался выплачивать заводу 48 тыс. руб. в год. Летом 1908 г. синдикат и контрагент подписали два договора, по условиям которых общество «Белая» обязывалось ликвидировать завод, не заниматься производством цемента «прямо или косвенно и не разрешать кому-либо устраивать цементного завода на своей земле... равно обязывается нигде в России не учреждать и не эксплуатировать цементного завода»²³. За все это «Цементкруг» уплачивал 119 тыс. руб. Итак, производственные мощности действовавшего предприятия с февраля 1905 г. по май 1908 г. из-за узких интересов группы капиталистов были исключены из сферы материального производства. За бездействие «Це-

²¹ ЦГИА СССР, ф. 587, оп. 40, д. 449, лл. 12—15.

²² ЦГИА СССР, ф. 1460, д. 3, лл. 97—97 об. Текст соглашения см. Малоизученные источники по истории монополизации цементной промышленности России. — В кн. Историко-научные исследования по истории Кубани. Краснодар, 1975.

²³ Там же, лл. 10—12. Соглашение между «Русским товариществом» и анонимным обществом производства цемента и обжига извести в Белой «Донец», 24 июня 1908 г.; там же, д. 2, лл. 85—86. Соглашение между анонимным горным и промышленным обществом «Белая» и «Русским товариществом», 1908 г.

менткруг» выплатил контрагенту 168 тыс. руб., в июне 1908 г. завод был ликвидирован. Таково проявление уродливой сущности империализма.

Помимо беспощадной борьбы с монополизированными заводами, велась и борьба за рынки сбыта и сферы интересов. Монополистические союзы внимательно следили за поведением конкурентов, отмечая малейшие изменения как в рыночной конъюнктуре, так и в районах сбыта ими товаров. «Цементкруг», опасаясь, что высокие цены на цемент в районе Баку могут привлечь конкурентов, решил направить туда группу специалистов для поиска карьера и земельного участка под строительство завода. Одновременно бакинский рынок подвергся глубокому изучению с целью удовлетворения его потребности в цементе.

Объектом особого внимания синдиката были заказы казенных и частных железных дорог, а также заказы военного и морского ведомств. «Цементкругу» удавалось заключать и продлевать контракты на поставку цемента с КВЖД, Владикавказской, Екатерининской, Черноморской и некоторыми другими железными дорогами. За 6—7 лет постоянных поставок синдикат продал только правлению КВЖД 9 млн. пудов цемента — колоссальное по тем временам количество. За этот же период Морское министерство приобрело у синдиката для крупных строительных работ (зданий, доков, тоннельных сооружений) в С.-Петербурге, Либаве, Владивостоке и в Порт-Артуре до 2 млн. пудов²⁴. Получения таких крупных и долговременных заказов, особенно казенных, синдикат добивался, преодолевая различные препятствия со стороны конкурентов.

Большое место в политике «Цементкруга» отводилось взаимоотношениям с другими монополистическими союзами в цементной промышленности России — синдикату северных заводов (синдикату Севера), Центральному бюро в Варшаве, совместной политике заводов Московского района, заводов Поволжья и т. д. В 1904 г. «Цементкруг» заключил договор на три года с синдикатом Севера. Но острые разногласия между ними не были устранены этим соглашением. «Поскольку наши отношения с синдикатом Севера невыносимы, — констатировали руководители „Цементкруга“, — то следует передать ему, что мы больше не считаемся с договором и будем продавать, не считаясь с предписанным количеством и устанавливать цены по своему усмотрению»²⁵. Но все-таки между синдикатами была достигнута устная договоренность о возобновлении договора²⁶.

Опираясь на всю мощь Мальцевского фабричного округа, его цементный завод на протяжении восьми лет успешно конкурировал с «Цементкругом» и не связывал себя соглашениями с монополиями. Но эта борьба приводила к обоюдным потерям. Используя благоприятную конъюнктуру, сложившуюся к 1909 г. на внутреннем рынке, стороны пришли к соглашению, впоследствии неоднократно возобновлявшемуся. Смысл его заключался в сговоре о совместной политике цен на огромном пространстве²⁷. Так, в период экономического подъема накануне войны на 347 железнодорожных станциях 13 губерний Европейской России и Донбасса договорившиеся стороны установили минимальную цену, ниже которой они не продавали цемент. Единая политика цен дала возможность «Цементкругу» и Мальцевскому обществу продавать товар по цене, выше существовавшей до заключения соглашения. Но и при этом

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1460, оп. 1, л. 9; удостоверение правления КВЖД, 23 августа 1906 г.; л. 8; удостоверение Морского министерства, 22 августа 1906 г. (Подлинники).

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1425, оп. 2, д. 442, л. 45.

²⁶ Там же, л. 52. Протокол № 17 от 11—13 декабря 1906 г.

²⁷ ГАБО, ф. 200, оп. 1, д. 57, лл. 39—42, 99, 121—122; ф. 105, оп. 3, д. 22, лл. 150—154.

сговоре двух фирм против остальных конкурентная борьба между ними не прекратилась.

Синдикат «Цементкруг» активно включился в борьбу и за внешние рынки. Несколько агентств и представительств при акционерных компаниях были переданы «Цементкругу». К их числу относились агентство франко-русской компании в Константинополе (фирма Лагоса) и Ваккаро в Софии. «Цементкруг» стремился через учредителя квантунского предприятия А. Тетюкова принять участие в строительстве и эксплуатации цементного завода в Порт-Артуре. А. Тетюков заключил контракт с командующим крепостью о строительстве в Порт-Артуре завода под обязательство с 1904 г. продавать цемент Морскому ведомству. Некоторая часть продукции завода находила сбыт на рынках Маньчжурии. Постоянные и энергичные усилия, предпринимаемые синдикатом для завоевания российского рынка, как видим, перерастали в довольно серьезные попытки утвердиться и на зарубежном дальневосточном рынке.

Планы синдиката простирались очень далеко. «Для потребностей казны и частных лиц в Маньчжурии и в Квантунской области используется цемент как русский, так и иностранный, — отмечалось в договоре синдиката А. Тетюковым, — если Маньчжурия останется в сфере русского влияния и товары, вырабатываемые в России для удовлетворения потребностей Маньчжурии на русские капиталы, будут соответствующим образом ограждены таможенной пошлиной от иностранной конкуренции, то вытеснение иностранного цемента и завоевание местного рынка не представит затруднений. Если же, наоборот, местные рынки сделаются в одинаковой мере доступными для иностранных капиталов, то борьба с иностранным цементом сделается возможной только в том случае, если русские заводы, сбывающие цемент в Маньчжурию, сплотятся для борьбы против иностранного цемента»²⁸. Но этим планам не суждено было полностью сбыться вследствие поражения царизма в войне с Японией.

Руководители «Цементкруга» придавали большое значение экспортным делам синдиката. 11 декабря 1906 г. совет рекомендовал дирекции вести переговоры с целью заключения контракта по поставке цемента в Америку и санкционировал снижение цен в тех районах, где товар синдиката еще не получил известности, а 9 декабря 1907 г. распорядился «вести дела при полных загрузках по более низким ценам»²⁹.

«Цементкруг» пытался использовать правительственный аппарат. 15 июня 1906 г. совет направил управляющему Министерством торговли и промышленности письмо, в котором сообщал, что синдикат экспортирует цемент в Малую Азию, на Балканский полуостров и в восточные части Средиземного моря. Один из директоров-распорядителей синдиката «обращался за содействием некоторых российских дипломатических представителей» и встретил благожелательный прием, но дипломаты высказали пожелание, чтобы МИД России уведомило их относительно гарантий точного исполнения обязательств, взятых «Цементкругом». Совет просил содействовать ему в том, чтобы МИД подтвердил, что синдикат «является уполномоченным продавцом могущественной группы русских цементных заводов, заслуживающим доверия и поддержки со стороны представителей России за границей»³⁰. Министерства финансов и иностранных дел поддерживали просьбу синдиката, причем проявили несвойственную им оперативность.

²⁸ ЦГИА Эстонской ССР, ф. 4924, оп. 1, д. 5553, лл. 108—113.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1425, оп. 1, д. 442, лл. 51, 58. Протокол № 20.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 25, д. 367, л. 63.

Условия контрагентских договоров не содержали равных возможностей деятельности. Основной объект противоречий — это квоты каждого контрагента в сбыте товара и получении наиболее выгодных условий реализации его. Еще в период выступления под вывеской «Главная контора» серьезные трения вызывал сбыт товара на константинопольском рынке. Франко-русская компания утвердилась здесь до образования «Цементкруга». С его появлением остальные контрагенты потребовали места на этом рынке, используя агентства и представительства, ранее принадлежавшие «Геленджикю». Условия поставок и конкретных исполнителей их совет синдиката выдвигал на каждый год заново. Серьезные противоречия, перераставшие иногда в конфликты, возникали и между другим контрагентом — заводом «Донецким» — и синдикатом. Секретная переписка между правлением Ростовского-на-Дону отделения Азовско-Донского банка, и его управляющим Б. Фалькнером, а также еженедельное информирование правления последним об экономической конъюнктуре и всех важнейших экономических и политических событиях регионального масштаба содержали конкретные проявления таких трений между сторонами. Откровенные признания и оценки Фалькнера заслуживают внимания и потому, что он совмещал свою должность с положением одного из директоров-распорядителей завода «Донецкого» и администратора.

Фалькнер 10 июля 1906 г. сообщал правлению банка: «„Цементкруг“ заявил уже „Донецкому“ заводу свой отказ от контракта с ним, выражая надежды, что будет заключен новый контракт». Следовательно, синдикат не расторгал договор с контрагентом, а пытался, используя его бедственное положение, навязать более обременительные условия участия в нем. «Выход из синдиката, — писал Фалькнер, — который явился бы прямым следствием процесса разрыва с ним, грозит весьма тяжелыми последствиями... так как при настоящем финансовом положении предприятия администрация не считает возможным принять борьбу с синдикатом...»³¹ С каждым днем сообщения и выводы Фалькнера приобретали все более минорный тон. «Синдикат, — телеграфирует он председателю Совета банка Б. А. Каменке 16 июля 1906 г., — дал распоряжение... не высылать „Донецкому“ поступающих векселей денег, желая поступающие покрытия зачесть в долг завода. Если синдикат не отменит этого решения и не вышлет без всякого промедления все задержанные покрытия, не даст категорического обещания до конца года не задержать ни одного покрытия, мы должны немедленно приостановить завод, дабы не подвергать его риску конфликта с рабочими, поставщиками и убытками»³². По-видимому, личное вмешательство Б. А. Каменки предотвратило полное крушение контрагента, так как достигался компромисс, который оказался более выгоден контрагенту, чем синдикату, и достигался ценой дальнейшего усиления зависимости контрагента от Азовско-Донского банка. Степень этой зависимости видна из следующих обстоятельств. Завод дал обязательство передать все поступающие синдикату от покупателей покрытия наличными и векселями, минуя контрагента, непосредственно банку. В счет этих покрытий банк выдавал заводу авансы. Одновременно банк выступал перед синдикатом гарантом платежеспособности контрагента за комиссию, содержание торгового аппарата и других его обязательств по синдикатским договорам.

Серьезные разногласия контрагентов внутри «Цементкруга» подтверждают известное положение о том, что монополии, вырастая из

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1460, оп. 1, д. 5, л. 105. Протокол заседания Совета администраторов от 14 июня 1906 г.

³² ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 548, л. 56.

свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, сохраняя этим характерные для нее острые противоречия.

Расстановку сил внутри синдиката до 1912 г. показал Фалькнер: с одной стороны, заводы «Донецкий», «Союз» и «Геленджик», чьи интересы не всегда совпадали с интересами первых двух, а с другой, — «Черноморский» и «Цепь». Заводы первой группировки были прочно связаны с Азовско-Донским банком и французским капиталом. Участие банка выражалось не только в кредитовании и в контроле за деятельностью «Союза» и «Донецкого», но и в том, что крупные должностные лица банка, как правило, занимали посты председателей и директоров и в правлениях этих обществ. Финансовый магнат Б. А. Каменка — председатель совета банка, кроме многих других должностей, занимал и пост председателя правления акционерного общества Соединенных заводов («Союза» и «Донецкого»). Два других представителя банка — Б. Фалькнер и А. Каминка — являлись членами правлений этих организаций и директорами-распорядителями. Накануне первой мировой войны обнаружилась тенденция завоевания господствующего положения этой группировкой внутри «Цементкруга», а когда Азовско-Донской банк купил контрольный пакет акций «Цепи», она стала доминирующей.

Вторая группировка («Черноморский» и «Цепь») была связана с банкирским домом Э. Мейера в С.-Петербурге, торговым домом «Клейгильс и сын» в Ревеле и, кроме того, завод «Цепь» имел связи с некоторыми немецкими банками. Руководители этих контрагентов на практике осуществляли личную унию.

С подчинением контрагента завода «Цепь» Азовско-Донскому банку образовалась новая группировка, состоявшая из четырех контрагентов («Донецкого», «Союза», «Геленджика» и «Цепи»). Хотя противостоявшему ей контрагенту «Черноморскому» все-таки удалось отстоять тот уровень квот, который он захватил в 1908 г. (37,2%), и это условие нашло отражение в новых сепаратных соглашениях 1913 г., его позиции внутри синдиката нарушались: председатель совета и 4 директора из пяти избирались из представителей первой группировки, усиливался контроль совета за деятельностью «Черноморского» и т. п.

Азовско-Донской банк, крупный представитель финансового капитала, захватывая командное положение в старых и создавая новые торгово-промышленные предприятия, накануне первой мировой войны прочно закрепился не только в металлургических, угольных, текстильных, сахарных, но и в цементных предприятиях. Через акционерное общество «Донецкого» завода банк произвел покупку завода Р. Мишо «Союз». Предприятие приобреталось за 1,6 млн. руб., уплачиваемых акциями нового выпуска по номинальной стоимости. Одновременно заменились купюры акций (вместо 250-рублевых выпускались 100-рублевые) и произволился выпуск новых. Тогда же основной капитал общества увеличился на 2,8 млн. руб., в целом составив 4,8 млн. руб. Оно стало называться «Обществом соединенных цементных заводов» («Донецкого» и «Союза»), а его правление из Ростова-на-Дону переехало в столицу. В результате размена акциями устанавливалось единство интересов, и создавалась более мощная промышленная группировка трестовского типа. Руководство производственно-хозяйственной деятельностью предприятий стало общим, а прямой контроль за ним осуществлял банк. Характерными были и взаимное участие одного предприятия в делах другого, и личные унии членов правлений, директоров объединенных акционерных предприятий и членов правлений банков. Что же касается «Черноморского», то по совместной операции группы дружественных банков и банкирских домов он вошел в состав новой цементной монополии,

образованной в начале 1914 г.³³ В ее состав вошли два гиганта промышленности — «Черноморский» и «Мальцевский» заводы, товарищество Э. Липкарта и К°, акционерное общество «Ассерин» (оно владело двумя крупными заводами) и Соединенные портланд-цементные заводы «Железоцемент» и Д. Зейферта.

Появление этих объединений свидетельствовало о вызревании новых, более высоких форм монополий внутри и вне «Цементкруга». Удельный вес «Цементкруга» как в южном, так и в общепромышленном производстве значительно понизился. Достигнув апогея в 1904—1905 гг., эти показатели в начале 1914 г. имели самый низкий уровень: фактически заводами «Цементкруга» было произведено 63—65% от общего объема производства цемента на Юге России и 30—31% — от общепромышленного.

Итак, хотя тенденции к образованию трестов накануне первой мировой войны существовали еще в рамках синдиката «Цементкруг», новые процессы сращивания банков с промышленностью вели к качественным сдвигам в самой монополии. Следует отметить, что обстоятельства военного времени обострили конфликтную ситуацию внутри синдиката. «Существующая в Цементкруге организация, — заявило правление Соединенных заводов, — для конкуренции в столь трудное время, как теперь, оказалась весьма тяжелой и несовершенной, результатом чего явилась невозможность быстро приспособливаться к изменяющимся условиям на рынке и в производстве». 8 декабря 1915 г. правление потребовало от совета «Цементкруга» прекратить действие договора с 1 января 1917 г.³⁴ Только П. Дарси «не приветствовал мысль о разрыве соглашения», хотя разделял вывод о несовершенстве «Цементкруга». Он пытался доказать Б. А. Каменке, что все рассуждения о несовершенстве организации — «предлог для тех, кто хотел бы взорвать наше объединение», и призывал его «для будущего ...сохранить синдикат»³⁵. И хотя формального разрыва не произошло, в действительности «Соединенные заводы» не считались с синдикатскими условиями деятельности.

Характерным для 1912—1914 гг. оказалось внушительное увеличение основных капиталов цементными фирмами, как входившими в «Цементкруг», так и другими. Только восемь фирм увеличили акционерный капитал на 14,9 млн. руб. И здесь ведущая роль принадлежала банкам (главным образом петербургским). Фирмы реконструировали свои заводы. Глубокие связи с цементными предприятиями имели 18 русских банков и 4 банкирских дома.

Одним из итогов дальнейшего сращивания промышленного капитала с банковским явилось повышение нормы прибыли цементных предприятий. По итогам 1912 операционного года чистую прибыль «Черноморского» составили 636 тыс. руб., а дивиденд выдан в размере 24% на акцию первых четырех выпусков и 16% — на акцию пятого выпуска. «Общество Соединенных заводов» («Донецкий» и «Союз») получило чистой прибыли свыше миллиона рублей, дивиденд выдало в размере 16%. Третий контрагент — «Цепь» — выплатил дивиденд в размере 14%. Но самые внушительные доходы оказались у Глухоозерского товарищества, чистая прибыль которого превышала 1,7 млн. руб. (дивиденд составил 25%).

Качественно новый этап в развитии монополизации отрасли, начавшийся в 1912 г., подтверждается и попыткой цементных предпринима-

³³ Варнин Е. Портланд-цементная промышленность Саратовской губернии, вып. 7. Саратов, 1922.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1464, оп. 1, д. 15, л. 10.

³⁵ Там же, ф. 616, оп. 1, д. 212, лл. 1—2. Письмо П. Г. Дарси Б. А. Каменке от 29 декабря 1915 г. Пер. с франц.

телей создать всероссийскую отраслевую организацию под вывеской «Общества для содействия развитию портланд-цементной промышленности и торговли». С этой целью намечался выход из состава «съездов русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу», функционировавшему с 1885 г. Производственно-отраслевое построение общества было выбрано как наиболее удобная форма организации для одновременного выполнения двух функций: защиты перед правительством интересов предпринимателей данной отрасли и центрального правления монополистического союза. Рассмотрев проект устава, правительственные инстанции не утвердили его, так как пришли к заключению, что он носит монополистический характер. Но в январе 1916 г. общество было открыто при Министерстве торговли и промышленности. Вызревание государственно-монополистического капитализма наряду с другими и в цементной отрасли промышленности было прервано Великой Октябрьской социалистической революцией.

Советская власть успешно использовала для строительства новой социалистической экономики материально-организационные предпосылки обобществления в цементной промышленности. При переходе к новой экономической политике новороссийские и кубанские цементные заводы образовали трест Новоросцемент, заводы «Донецкий» и «Союз» стали ядром второго треста — Донбассцемент, предприятия Центрального, Петроградского и Волжского районов объединились в «Цемтрест». На базе акционерного общества мальцевских заводов был создан комбинат, куда вошел и цементный завод³⁶.

Итак, анализ неизвестных ранее фактов дает основание уточнить трактовку вопроса о формах и размерах процесса монополизации цементной промышленности России накануне первой мировой войны. В целом структура цементной монополии оказалась более сложной, многообразной, внутренне противоречивой, чем это еще сравнительно недавно представлялось исследователям. По уровню монополизации цементная промышленность России накануне первой мировой войны относилась к числу наиболее затронутых этим процессом отраслей производства.

³⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 729, оп. 1, д. 117, л. 30.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К 75-летию революции 1905—1907 годов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сб. статей (Отв. ред. В. П. Наумов). М., «Наука», 1978, 317 с., тир. 2900

Литература о советской историографии революции 1905—1907 гг. в России невелика и представлена рядом обзорных статей и очерков об изучении революции на том или ином этапе развития советской исторической науки, преимущественно современном¹, а также статьями о разработке отдельных проблем истории революции² и

историографии революции 1905—1907 гг. в национальных районах России³. Подготовленные в разное время, далеко отстоящие друг от друга по уровню обобщения материала, эти статьи и обзоры выявили определенные успехи и недостатки в изучении революции, но охватили собою сравнительно небольшой круг проблем и исследований. Поэтому трудно судить о закономерностях развития советской историографии первой российской революции.

Литература о революции 1905—1907 гг. обширна и многообразна. Без глубокого усвоения шестидесятилетнего опыта научной разработки ее проблематики и создания на этой основе достаточно обстоятельного цельного историографического труда представляется немыслимым разрешение актуальнейшей задачи советской исторической науки — подготовки фундаментальной научной истории трех революций в России. Рецензируемый сборник статей

¹ Первая русская революция в советской историографии. В кн. Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 1966, с. 411—427 (авт. И. Ф. Угаров и Н. Н. Яковлев); Колесниченко Д. А., Курашова Н. А. Изучение истории первой русской революции. — «Вестник» АН СССР, 1966, № 3; Приймак Н. И. Советская историография первой русской революции 1905—1907 гг. (середина 30-х — 60-е годы). В кн. Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. II. Л., 1967; Деренковский Г. М., Иванова Н. А., Колесниченко Д. А., Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет. — «История СССР», 1975, № 5; Волобуев О. В. Современная историография революции 1905—1907 годов. В кн. Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976.

² Яковлев Н. Н. Московское декабрьское восстание 1905 г. в исторической литературе. — История и историки. Историография истории СССР. М., 1965; его же. Вооруженные восстания 1905 года на местах в советской исторической литературе. — «Труды» МГИАИ, т. 22, 1965; Колесниченко Д. А. Трудовая группа в период первой русской революции в освещении советской историографии. — «История и историки». Исторический ежегодник.

1971. М., 1973; Злобин В. И. Историко-партийная историография первой русской революции. — «Вестник Московского университета», сер. IX, истор., 1975, № 3; Симонова М. С. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии. — «Исторические записки», т. 95, М., 1975 и др.

³ См., напр., Лось Ф. Е., Олійник Л. В. Стант завдання вивчення революції 1905—1907 років на Україні. — «Український історичний журнал», 1965, № 1; Бирон А. К. Ленинская концепция революции 1905—1907 гг. в латвийской историографии. В кн. В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968 и др.

представляется несомненным достижением на пути к созданию подобной работы.

Вклад авторского коллектива и редколлегии сборника в разработку историографии революции, его научную новизну можно, пожалуй, охарактеризовать следующим образом. В сборнике предпринята попытка в целом обосновать периодизацию советской историографии революции, определить главные черты каждого ее этапа, подвести некоторые итоги исследовательской работы советских историков в изучении важнейших проблем первой революции в России, оценить достигнутые результаты. Далее, авторы сборника рассмотрели процесс утверждения ленинской концепции истории революции в советской исторической науке. Историографическому исследованию подверглись сюжеты, ранее почти не затронутые специальной литературой, — историография профессионального рабочего движения, деятельности большевистской партии в военной области, Советов, либерального лагеря, I и II Государственных дум, внутренней и внешней политики царизма. Наконец, в поле зрения авторов постоянно находилась проблема создания труда по истории трех революций в России, что побуждало их оценивать историю изучения революции 1905—1907 гг. в связи с перспективами предстоящих исследований.

Сборник открывает статья акад. А. Л. Нарочницкого «Историография революции 1905—1907 гг. Основные итоги и задачи изучения». В ней выделены три этапа в изучении советскими историками революции 1905—1907 гг.: октябрь 1917 — середина 30-х годов, с середины 30-х годов последующие 20 лет, с середины 50-х годов; — рассмотрена ведущая проблематика на каждом из них, наиболее характерные публикации и исследования, отмечены главные недостатки исторической литературы в тот или иной период. В статье справедливо подчеркнуто, что сложившаяся в нашей науке проблематика исследований образовала комплекс тесно связанных между собой вопросов, восходящих к двум центральным проблемам истории революции — гегемонии пролетариата в ней и союзу рабочего класса и крестьянства⁴.

Представляется, однако, что вопрос о периодизации, закономерностях и чертах развития советской историографии революции 1905—1907 гг. нуждается в дальнейшей разработке. Упомянутая периодизация учитывает два фактора — общую схему развития советской исторической науки и роль юбилеев революции (особенно юбилей 1955 г.) в разработке ее истории. С этими факторами, безусловно, необходимо считаться. Но наряду с этим есть и более глубокие критерии подхода, связанные с возникновением и развитием новых явлений в методологии, проблематике, методике исследования, системе оценок. Рубеж середины 30-х годов с этой точки зрения сомнений не вызывает. Что же касается следующего рубежа, то новые явления, на наш взгляд, в большей мере прослеживаются с конца 50-х — начала 60-х годов, нежели в юбилейной литературе 1954—1957 гг.

Утверждению ленинской концепции революции 1905—1907 гг. в советской историографии посвящена статья В. Г. Егорова. Останавливаясь главным образом на трактовке характера, движущих сил и значения революции в литературе 20-х — начала 30-х годов, автор проследил, как в ходе дискуссий и острой борьбы с антиленинскими концепциями происходил отход от вульгарных и односторонних определений и представлений («пролетарская», «крестьянская», «чистобуржуазная», революция «эпохи промышленного капитализма» и т. п.), преодолевались крайности и ошибки в отражении ленинского понимания революции и тактики большевизма. Наблюдения В. Г. Егорова показали, что освоение нового обширного фактического материала, движение к воссозданию картины революции, соответствующей объективному ходу и содержанию событий, и освоение ленинских теоретических положений и оценок были двумя взаимообусловленными сторонами единого процесса научного развития.

В статье лишь в самой общей форме поставлен вопрос об использовании истории

истории революции ни изучался, в конечном счете он лишь часть того исследовательского комплекса, ядром которого является борьба пролетариата за свою гегемонию в 1905—1907 гг.» (Волобуев О. В. Указ. соч., с. 96).

⁴ К подобному выводу пришел и О. В. Волобуев в статье, посвященной современной советской историографии революции 1905—1907 гг.: «Какой бы вопрос

ками 20-х — начала 30-х годов лишь тех или иных ленинских работ. Думается, конкретный анализ в этом плане мог бы значительно обогатить статью. Так, по работам М. Н. Покровского 1924—1931 гг., посвященным первой российской революции, нельзя не заметить — по терминологии, цитированию, изложению, стилю, научно-справочному аппарату, — что его систематическое обращение к ленинским трудам по этому вопросу начинается примерно с 1927—1928 гг. Этим же временем В. Г. Егоров и ряд других авторов датируют начало пересмотра и уточнения М. Н. Покровским своего понимания революции.

Та же проблема — утверждение ленинской концепции в историографии интересующей нас темы — исследуется Т. А. Игнатенко применительно к освещению профессионального движения в революции 1905—1907 гг. В силу ряда причин эта область оказалась в 20-е годы наиболее «засоренной» меньшевистскими оценками. Отмечая связь идейно-политической борьбы в партии по вопросу о профсоюзах с борьбой против меньшевистской концепции истории профдвижения, Т. А. Игнатенко раскрыла сложный процесс преодоления меньшевистских взглядов по двум центральным проблемам — происхождения профсоюзов и отношения В. И. Ленина и партии большевиков к профсоюзам в ходе революции 1905—1907 гг. Утверждение ленинских методологических принципов шло по линии борьбы с меньшевистскими тезисами о «нейтральности» профсоюзов и примате их экономической деятельности, восстановления объективной картины взаимоотношений партии, Советов и профсоюзов, фальсифицированной меньшевиками, анализа стройной, целостной программы действий большевиков в профдвижении и ее реализации в революции 1905—1907 гг. Заслугой автора является обстоятельный анализ форм и методов борьбы с меньшевистскими воззрениями — научно-организационных мероприятий, дискуссий, критикобиблиографической деятельности и др.

В статье «В. И. Ленин о буржуазной демократии в России в период первой русской революции» Д. А. Колесниченко сопоставила ленинские положения о трех политических лагерях в революции, либерализме и буржуазной демократии, крестьянстве как классовой опоре последней

в России, характере отражения интересов крестьянства политическими партиями и борьбы за крестьянство между ними с трактовкой этих вопросов в современной исторической литературе. Д. А. Колесниченко пришла к выводу о недостаточной изученности деятельности мелкобуржуазных партий в среде самого крестьянства, неразработанности важнейшего аспекта ленинской критики мелкобуржуазных партий по самому существенному для В. И. Ленина вопросу: взаимодействию народнической идеологии, теории и практики с ее «социальным корнем» — крестьянством, которое и раскрывает по-настоящему всю глубину и закономерность процесса политической гибели партий и организаций буржуазной демократии в России.

Вызывает определенное недоумение, пожалуй, одно обстоятельство. Понятия «буржуазная демократия», «мелкобуржуазные партии» полностью ассоциированы Д. А. Колесниченко с народничеством в самом широком смысле слова и с эсерами и подобными им представителями других организаций — в узком. Оправдано ли такое сужение принципиальных понятий? В. И. Ленин указывал на достаточно широкую амплитуду понятия «буржуазная демократия»⁵. С другой стороны, блокирование меньшевиков с либералами составляет, конечно, особый вопрос, но вряд ли правомерно вывести фактически за скобки этих двух понятий меньшевизм, не имевший массовой пролетарской базы и не выражавший пролетарской демократии.

Две статьи сборника — историко-партийного характера. В современной литературе о революции особенно широко представлены работы о борьбе партии за идеологическое и организационное руководство вооруженной борьбой трудящихся, ее деятельности в царской армии и на флоте. Говоря об этой проблематике, как наиболее насыщенной исследованиями, притом плодотворными по результатам, Л. Т. Сенчакова усматривает перспективы дальнейшего изучения в выявлении специфики и соотношения трех составных частей революционной

⁵ Буржуазная демократия, писал В. И. Ленин, «выражает на деле иногда диктатуру буржуазии, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре» (Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 313).

армии (вооруженных рабочих, крестьян, воинских частей, переходивших на сторону революции), раскрытии их интернационального характера, освещении деятельности центров руководства военно-боевой работой, анализе «левоблокнистской» тактики в этой области, разрешении вопросов о преемственности военно-боевой работы партии в 1905—1907 и последующих годах. Другая статья, принадлежащая П. М. Шморгуну, содержит обзор литературы 20—70-х годов о большевистских организациях Украины в 1905—1907 гг.

Статья И. М. Пушкаревой «Некоторые вопросы изучения Советов в революции 1905—1907 гг.» подводит итоги новых явлений в исследовании этой проблемы, характерных для современной науки (топография, хронология, статистика, партийный состав Советов, система выборов, экономическая деятельность Советов), и привлекает внимание к дискуссионным вопросам генезиса и эволюции Советов. Современна и верна постановка вопроса о развитии Советов и их функций в связи с ходом революционной борьбы и осуществлением через Советы руководящей роли рабочего класса и его авангарда в отношении союзников в демократической революции.

Интересная проблема поставлена М. Г. Вандалковской, статья которой раскрывает идейную борьбу, нашедшую отражение в марксистской и либерально-народнической оценках освободительного движения 60-х годов в период революции 1905—1907 гг.

Четыре заключающих сборник статьи — Е. Д. Черменского, А. Д. Степанского, В. В. Шелохаева и В. И. Дурновцева — поднимают не освещенные до настоящего времени сюжеты историографии революции. Историографический очерк Е. Д. Черменского о I и II Государственных думах впервые в сравнительном плане освещает дооктябрьскую большевистскую, либеральную, меньшевистскую, народническую и советскую марксистскую литературу по этому вопросу. Очерк не претендует на исчерпывающую полноту. В центре внимания автора — три основных вопроса: как представляли историки различных направлений отражение в обеих думах соотношения сил в стране; отношения кадетов и трудовиков; последовательно революционная тактика большевизма, направленная к освобожде-

нию крестьянских депутатов из-под кадетского влияния. Иной характер носит статья В. В. Шелохаева о советской историографии либерального лагеря: автор прослеживает в ней развитие проблематики, аргументации, оценок либерального лагеря и его партий в революции, начиная от исследований 20-х годов.

Сложный комплекс проблем, включая государствоведческие, историко-правовые и др., поднят в статье А. Д. Степанского об историографии внутренней политики царизма в 1905—1907 гг. Сложность состоит прежде всего в отсутствии единой точки зрения по вопросу о границах и структуре понятия «внутренняя политика». Имея в виду под функциями внутренней политики охранительные, экономические и идеологические мероприятия, учитывая также, что структура внутренней политики определяется не только разновидностями деятельности государства, но и объектами, на которые эта деятельность направлена (классы, нации и другие социальные, этнические, религиозные, территориальные общности людей), А. Д. Степанский смог впервые собрать воедино и систематически рассмотреть и оценить разнородную литературу о самодержавии в целом, государственном аппарате и его преобразованиях, политическом режиме, карательных функциях царизма, экономической политике, идеологической борьбе с революцией, политике в отношении рабочего класса, крестьянства, буржуазии, дворянства, интеллигенции.

Конечно, подобный универсальный характер статьи не позволил автору равномерно раскрыть все затронутые в ней аспекты (например, экономическую и национальную политику царизма; не разрешен вопрос об исследованиях, выполненных в «пограничных зонах», в частности, о взаимоотношениях субъекта и объекта внутренней политики в ходе ее проведения), но сама попытка систематизации литературы, а через нее — уточнения объекта исследования заслуживает одобрения. Подробный обзор литературы по истории внешней политики царизма в 1905—1907 гг. сделан В. И. Дурновцевым.

Сборнику в целом свойственна черта хороших историографических работ — почти каждая его статья ориентирована в будущее, насыщена размышлениями авторов о путях углубления добытого знания, изу-

чения малоизвестной или неисследованной проблематики, исторического синтеза; идя от конкретно-исторического знания, авторы вновь возвращаются к нему через историо-графический анализ. В этом смысле сбор-

ник безусловно будет способствовать дальнейшему исследованию одной из важнейших проблем истории нашей страны — первой российской революции.

В. А. Муравьев

ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА И РУКОВОДИМЫХ ИМ УЧРЕЖДЕНИЙ РСДРП С ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ. 1905—1907 гг. Сборник документов в пяти томах. Т. 1. 22(9) января — март 1905 г. Кн. 1. 22(9) января — февраль 1905 г. М., «Мысль», 1979, 382 с., тир. 12 000; кн. 2. март 1905 г., 372 с., тир. 12 000

Рецензируемый том документов и материалов, посвященный началу первой русской революции 1905—1907 гг., является продолжением публикации архивных данных периода 1900—1903 гг. (в трех томах) и 1903—1905 гг. (в трех томах)¹ Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, Институтом истории СССР АН СССР. Том открывает, таким образом, третий выпуск документальной серии переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП. Этот выпуск будет состоять из пяти томов, десяти книг.

Исследователи уже оценили по достоинству предыдущие выпуски. Новый выпуск охватывает один из наиболее сложных и важных этапов дооктябрьской истории КПСС, героический рубеж истории нашей Родины — годы первой народной революции в России.

Значение вводимого в научный оборот богатого документального материала велико не только потому, что ученые получают новые архивные данные, но и потому, что они позволяют историкам полнее и глубже изучить революционный опыт ленинской партии большевиков, ее стратегию и тактику в годы первой русской революции. Как подчеркивал В. И. Ленин, эта революция поставила перед РСДРП такие задачи, которые по своей сложности и масштабам «ни разу еще и нигде не ставила история

перед рабочей партией в эпоху демократического переворота»².

Документы рецензируемого тома дают представление о размахе рабочего движения, о массовых стачках, о расширении состава местных комитетов путем приема в них рабочих социал-демократов — таково было реальное проявление гегемонии российского пролетариата в начавшейся революции.

«В годы революции, — указывалось в постановлении ЦК КПСС „О 70-летию революции 1905—1907 годов в России“, — ярко проявилась роль В. И. Ленина как величайшего теоретика марксизма и вождя трудящихся. Ленин обосновал идею гегемонии пролетариата в народной революции, показал, что, чем шире и глубже революционное движение масс, тем больше возрастает роль и значение пролетарской партии, ее идейно-политической и организаторской деятельности. В разгар революции, весной 1905 года, III съезд партии на основе ленинских идей выработал большевистскую стратегию и тактику революционной борьбы рабочего класса, всех трудящихся»³.

Вполне понятно, что ленинские документы занимают в рецензируемом томе ведущее место. Исследователи, разумеется, знают их по Полному собранию сочинений В. И. Ленина, но здесь они даны в историческом контексте переписки Владимира Ильича и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями.

Известно, какое огромное место занимала в деятельности В. И. Ленина в тот период борьба за созыв III съезда партии. Получив известия, что к съезду присоеди-

¹ См. Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искры» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903. М., «Мысль», 1969—1970. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. М., «Мысль», 1974—1977.

² Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 218.

³ «Правда», 1975 г., 9 января.

нились Петербург, Тула, Москва, Север, Нижний, Кавказ, Одесса, В. И. Ленин писал из Женевы 28(15) февраля 1905 г. социал-демократическим организациям в России: «Крайне важно начать немедленно готовиться к съезду и привлечь к этому делу самым энергичным образом все кружки, районные, пропагандистские, фабричные, словом все и особенно рабочие... Было бы крайне полезно участие на съезде рабочих»⁴.

Это ленинское письмо, как явствует из комментариев тома, было послано Северному комитету, в Ригу, Тулу, Харьков, Одессу и Москву (док. № 222 первой книги первого тома, с. 358—359). В тот же день В. И. Ленин и Н. К. Крупская шлют из Женевы в Тулу П. Ф. Куделли письмо с советами, как бороться с меньшевиками (док. № 223, с. 359—361), и к этому письму приложено цитированное выше ленинское письмо о съезде партии.

Одним из активнейших корреспондентов В. И. Ленина был в тот период С. И. Гусев. Он подробно излагал и анализировал обстановку в России. Во второй книге рецензируемого тома печатаются его письма (в частности, док. № 260, с. 42—46 и док. № 266, с. 52—55). Не позднее 8 марта (23 февраля) 1905 г. В. И. Ленин отвечал С. И. Гусеву из Женевы (док. № 279, с. 67):

«Дорогой друг! За письма громадное спасибо. Вы нас прямо спасаете от заграничных впечатлений. Непременно продолжайте так же. Ради бога, доставляйте корреспонденции от самих рабочих. Почему они не пишут?? Это прямо позор! Ваш подробный рассказ об агитации комитета на выборах в комиссию Шидловского великолепен. Напечатаем»⁵. Добавим, что в № 10 газеты «Вперед» в разделе «Из рабочего движения» была опубликована большая часть письма С. И. Гусева.

Корреспондентами В. И. Ленина были видные «искровцы», верные большевики, которые регулярно, несмотря на трудности, сообщали о подготовке III съезда партии, общей обстановке в России, распространении большевистской литературы. Мы встречаем в рецензируемом томе имена М. М. Литвинова, П. А. Краскова, Л. М. Книпович, А. М. Стопани, М. Н. Ля-

дова, А. В. Шотмана, В. И. Невского, Д. А. Лазуркиной и др. В каждом письме — известия об аресте товарищей, новых потерях, о дезорганизаторской деятельности меньшевиков, о настроениях рабочих, о положении на местах. Все это вместе взятое давало В. И. Ленину необходимую сумму сведений, тот объем информации, который позволял ему делать соответствующие политические выводы. В этом — огромная ценность рецензируемого сборника.

Многие письма из Женевы в Россию шли в ту пору от Н. К. Крупской. Это она неутомимо вела переписку с местными организациями РСДРП, зашифровывала и расшифровывала письма, шедшие от В. И. Ленина в Россию и из России на имя В. И. Ленина. Так, в письме из Женевы С. И. Гусеву в Петербург от 30(17) марта 1905 г. (док. № 448, с. 267) Надежда Константиновна выражает беспокойство, что «не все места объезжены», что позиция Л. Б. Красина, изложенная им в письме одесситам, явно несостоятельна, что пришло письмо из Курска, в котором товарищи пишут о своем неведении, но склоняются к большинству и выступают за съезд. Н. К. Крупская сообщает С. И. Гусеву, что дала курским товарищам две явки. И тут же пишет шифром письмо Курскому комитету РСДРП, указывая эти явки — в Питере и Берлине.

Часто письма Н. К. Крупской начинались словами: «Отчего от Вас ни слуху, ни духу? За весь месяц ни одного письма. Посылаю новый адрес» (док. № 456, с. 276). Документы рецензируемого тома наглядно показывают ту огромную, повседневную и кропотливую работу, которую вела Н. К. Крупская, работая бок о бок с В. И. Лениным, будучи его верным помощником.

Составители и редколлегия рецензируемого издания проделали большую работу. Все документы в томе пронумерованы. Каждому дан заголовок, содержащий полные фамилию, инициалы автора и адресата (кроме тех случаев, когда псевдоним остался нераскрытым) и названия городов, откуда и куда послано письмо. Датировка дана по новому стилю, в скобках указан старый. Тексты документов публикуются по правилам современной орфографии. Зашифрованные части текста, если их уда-

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 288.

⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 47, с. 16.

лось расшифровать, выделены курсивом вразрядку, а их обозначение шифром приводится в подстрочном примечании с указанием, кем произведена расшифровка.

Научно-справочный аппарат новой серии публикации состоит из предисловия к изданию, помещенного в рецензируемом томе, введения, содержащего сведения по истории партии и характеристику документов в хронологических рамках тома; примечаний по содержанию после каждого документа; текстуальных примечаний под строкой; перечня документов (содержа-

ния). Каждый том снабжен указателями: произведений В. И. Ленина, именным, партийных организаций и учреждений, географическим.

Первый том третьего выпуска документальной серии переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями — серьезный вклад в источниковую базу изучения истории первой русской революции. Исследователи получили весьма нужное издание, подготовленное и изданное на высоком научном уровне.

Ю. П. Шарапов

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. ДОКУМЕНТЫ И ЛИСТОВКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ. Указатель документальных публикаций. Вып. 1. М., 1979, 110 с., тир. 300; вып. 2, 111—248 с., тир. 300

В рецензируемом издании* предпринята попытка дать систематическое описание и анализ опубликованных в советских изданиях партийных документов и листовок, обращенных непосредственно к крестьянам в период революции 1905—1907 гг.

Известно, что за годы Советской власти историки провели большую работу по выявлению и научной разработке основных источников по истории первой революции в России; особенно много таких документальных сборников было выпущено в середине 20 и 50-х годах в связи с 20- и 50-летними юбилеями этой революции. Указатель содержит описание материалов по крестьянскому движению, которые входят в состав 71 сборника документов, одних «Ученых записок» и одного археографического сборника, изданных главным образом в последние 15—20 лет, начиная с середины 50-х годов (см. Указатель сборников, документов, вып. 2, с. 235—244).

Хотелось бы иметь описание и всех публикаций 20—40-х годов, появившихся как в виде отдельных сборников документов, так и подборок материалов и листовок на страницах журналов «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Летопись революции» и др. Добавим, что те публикации делались еще на невысоком научном уровне, в них включались документы всех социал-демократических организаций и не

проводилась четкая грань между большевистскими и меньшевистскими документами, как это имело место в вышедших к 20-летию юбилею революции сборниках «1905 год в Харькове», «1905 год в Гомеле и Полесском районе», «Материалы по истории Екатеринославской социал-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905—1906 гг.» и др. Документы большевистских организаций были потом перенесены в сборниках 50—70-х годов (в них, кстати, вошли и подборки «Исторического архива» и других журналов 50—70-х годов). Составителю указателя нужно было лишь сделать соответствующее разъяснение во введении, а не в особом комментарии к таблицам в конце издания (вып. 2, с. 246).

В таблице 1 указателя дан перечень документов (вып. 1, с. 32—108), в которых нашла отражение руководящая и направляющая деятельность как центральных, так и местных партийных органов и организаций по аграрно-крестьянскому вопросу в период первой революции в России.

В издании содержится типологический указатель партийных документов (вып. 1, с. 109—110), позволяющий исследователю провести их анализ по основным группам. К первой из них относятся 8 документов и материалов общепартийных съездов и конференций, которые отражают общую политику партии, ее стратегию и тактику по крестьянскому вопросу в ходе развертыва-

* Сост., авт. вступ. ст. Л. Т. Сенчакова.

ния революции. Следующую группу составляют 72 документа областных, губернских, окружных и городских конференций и съездов социал-демократических организаций — их резолюции, постановления, отчеты, протоколы, свидетельствующие о роли и значении местных партийных организаций в разъяснении и доведении до крестьянских масс решений партии по аграрному вопросу. К этой группе по своему содержанию и характеру примыкают решения и постановления ЦК РСДРП и местных партийных комитетов — включено 40 их названий. В указателе учтены также манифесты, обращения, извещения и наказания (38), письма (12), уставы (9), программы и планы занятий (13), отчеты об издании и распространении литературы (26 документов), в которых содержатся сведения о тех или иных сторонах деятельности местных партийных организаций среди крестьян. Конечно, документы различаются по своему значению и содержащейся в них информации, но изучение их в совокупности позволяет более глубоко раскрыть планомерную и систематическую деятельность большевистской партии на селе.

Как показывает анализируемый материал, за годы первой русской революции прошло не менее 63-х областных, губернских, окружных и городских конференций и съездов социал-демократических организаций (10 — в 1905 г., 42 — в 1906 г., 11 — в первой половине 1907 г.), на которых в той или иной форме поднимались вопросы крестьянского движения и организационной деятельности партии в деревне (вып. 1, с. 7). Это заслуживающая внимания новая цифра в нашей историографии; она выявлена на основе уже опубликованных документов. Безусловно, дальнейшая исследовательская работа в этом направлении будет способствовать ее уточнению.

Следует заметить, что в указателе учтены не все партийные документы, посвященные крестьянскому движению. В частности, в нем не описана листовка с отчетом Екатеринбургского комитета «большинства» РСДРП об издании листовок за март—июнь 1905 г., где отмечен тираж 800 экз. листовки «Крестьяне!...»¹ (вып. 2,

док. № 24 — дана без обозначения тиража). Но таких пропусков немного.

Среди источников по истории крестьянского движения в революции 1905—1907 гг. особое место занимают листовки и прокламации большевистских организаций, являвшиеся наиболее действенным средством связи партии с массами, острейшим оружием их политического воспитания и организации. В своей агитационно-массовой работе среди крестьянства большевики использовали, конечно, все издававшиеся листовки, адресованные не только специально крестьянам, но и имевшие общие заголовки — такие, как: «Ко всем», «К гражданам», «Товарищи», «К годовщине революции» и др. Но составителем указателя взяты для описания и анализа лишь такие листовки, которые были специально обращены к крестьянам, а также листовки, хотя и обращенные к другим слоям населения, но изданные в связи с различными «крестьянскими» сюжетами, например, обращение к московскому пролетариату в связи с годовщиной реформы 1861 г. (вып. 2, док. № 3), обращение к сельским учителям с призывом вести разъяснительную работу среди крестьянства (вып. 2, док. № 33) и т. д. Думается, что это правильный критерий отбора документов, ибо иначе пришлось бы включать в издание почти все листовки местных социал-демократических организаций. Однако отдельные листовки не учтены, в частности, нет указаний на листовку Одесского комитета «К рабочим и крестьянам», разоблачавшую манифест 17 октября 1905 г.², листовку Уманской организации «Как отобрать землю у помещиков и уделов» за ноябрь 1905 г.³ Вместе с тем не следовало включать листовку Харьковского комитета «К крестьянам» (вып. 2, док. № 56), поскольку в Харькове существовало тогда два параллельных комитета и эту листовку выпустил меньшевистский Харьковский комитет РСДРП. Кстати, именно поэтому ее не включили в сборники листовок, подготовленные ИМЛ при ЦК КПСС и его украинским филиалом, и в сборник документов «Харьков и Харьков-

² Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.). Киев, 1955, с. 289—291.

³ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции, ч. 3, кн. 1. М., 1956, с. 274—276.

¹ См. Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.). Киев, 1955, с. 183.

ская губерния в первой русской революции 1905—1907 годов» (Харьков, 1955).

В таблице 1 нарушена последовательность при описании партийных документов за ноябрь 1905 г.: под № 37 дан материал Василеостровской районной организации большевиков Петербурга, затем идут материалы Московской, Кавказской и Нижегородской организаций, а под № 44 — снова районная организация Петербурга — Выборгская.

Указатель отражает не все, а лишь некоторые виды опубликованных партийных источников по истории крестьянского движения. В нем нет описания всех произведений В. И. Ленина по данной проблематике, статей и газетных сообщений В. Д. Бонч-Бруевича, В. В. Воровского,

А. Г. Шлихтера и других соратников В. И. Ленина, корреспонденций и заметок из периодической печати, переписки местных партийных организаций и, в частности, крестьянских групп, мемуаров старых большевиков и беспартийных революционеров — участников аграрного движения. Как справедливо указано во «Введении» (с. 4) все эти источники могут стать предметом специального исследования.

В целом рецензируемый указатель заслуживает безусловно положительной оценки. Он будет способствовать более широкому вовлечению в научный оборот документов и материалов о связи партии с крестьянскими массами, географии этих связей, формах и методах партийной работы на селе в период первой революции в России.

П. М. Шморгун

С. З. НОВАКОВ. УКУРПЕНИЕ КОЛХОЗОВ МОЛДАВСКОЙ ССР (1950—1965 гг.). Кишинев, «Штиинца», 1978, 176 с., тир. 900

Опираясь на достижения советской исторической науки, автор рецензируемой монографии рассмотрел основные проблемы укрупнения колхозов Молдавской ССР и его экономические и социальные последствия. При этом такие вопросы, как объективная необходимость укрупнения колхозов, основные этапы и особенности этого процесса в Молдавии, влияние укрупнения на зарождение и успешное развитие межколхозной производственной кооперации, повышение уровня обобществления колхозного производства, совершенствование организации труда и производственных отношений на селе, изменения в социально-профессиональном составе колхозников, повышение их общественно-политической и трудовой активности, по сути дела впервые рассмотрены в историческом плане.

Исходя из конкретных исторических и природно-экономических условий Молдавии, автор подразделяет укрупнение колхозов республики на три этапа (осень 1949 — середина 1950 г., вторая половина 1950 г. — 1957 г., 1958—1964 гг.) и считает, что этот процесс, хотя и имел свои особен-

ности, но в целом для него характерны те же общие закономерности, что и для всей страны.

На основании обширного исторического материала, в том числе и впервые введенного в научный оборот, автор раскрыл деятельность ЦК Компартии Молдавии и правительства республики, местных партийных, советских и хозяйственных органов в осуществлении мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства по укрупнению колхозов.

Для укрепления руководства партийной организации Молдавской ССР ЦК ВКП(б) в 1950 г. направил в республику опытного партийного работника Л. И. Брежнева, избранного на пленуме первым секретарем ЦК КП(б)М. Занимая этот пост до XIX съезда КПСС, Л. И. Брежнев внес большой вклад в становление и развитие колхозного строя в Советской Молдавии.

В книге приводятся обобщенные данные о результатах укрупнения. Средние размеры колхоза в Молдавской ССР с 1950 по 1964 г. увеличились по числу дворов с 222 до 1155 или в 5,1 раза, по численности колхозников — с 368 до 1941 человека или в

5,3 раза, по посевной площади — с 902 до 3266 га.

В укрупненных хозяйствах в единые массивы были сведены пахотные земли, сады, виноградники, ликвидирована чересполосица, укрупнены поля севооборотов, усовершенствована структура производства и внутрихозяйственная специализация, укреплен материально-техническая база. Размеры созданных колхозов способствовали не только дальнейшему техническому оснащению сельского хозяйства, но и лучшему использованию техники, внедрению современной технологии и снижению себестоимости продукции. Укрупнение колхозов в республике, как и в целом по стране, создавало условия для повышения уровня интенсификации и концентрации производства.

Колхозы увеличили производство валовой продукции и ее товарность, выросли денежные доходы, что позволило направлять значительные суммы отчислений в неделимые фонды, развернуть большие работы по укреплению экономики и культуры колхозного села.

В книге предпринята попытка раскрыть проблему дальнейшего совершенствования производственных отношений на селе в связи с повышением уровня обобществления колхозного производства и развитием межколхозной производственной кооперации. В работе раскрыто огромное значение укрупнения колхозов для дальнейшего обобществления колхозного производства, ускорения процесса сближения двух форм социалистической собственности, повышения уровня колхозной собственности до уровня общественной. Анализируя процесс концентрации, автор показал, что в 1965 г. на 100 колхозных дворов приходилось больше, чем в 1950 г.: поголовья крупного рогатого скота — в 2,3 раза, свиней — в 4,6, овец и коз — в 1,3, неделимых фондов — в 20, денежных доходов — в 8,2, основных средств производства — в 22 раза. Следует отметить, что в МССР в исследуемый период общее количество колхозных дворов возросло на 18,4%, а площадь общественных посевов в колхозном секторе оставалась почти без изменений.

Таким образом, объединение мелких колхозов в республике, как и в стране, не только изменило численность колхозных коллективов, дворов в среднем на сельско-

хозяйственную артель, но и обеспечило условия для укрупнения самой колхозно-кооперативной собственности, ее концентрации. Средства производства, поголовье скота, денежные доходы, неделимые фонды увеличивались в колхозах более быстрыми темпами и в гораздо большей степени, чем число колхозных дворов. Конкретные данные, сведенные в таблицу, свидетельствуют о высоком уровне концентрации колхозного производства, достигнутого в ходе укрупнения мелких сельхозартелей в Молдавии.

Научный и практический интерес представляет исследование возникновения и развития форм межколхозных производственных связей в республике.

Приведенные данные показывают, что в Молдавской ССР межколхозные производственные связи начали осуществляться уже с конца 40-х годов главным образом для строительства радиоузлов и электростанций. Повышение уровня обобществления колхозного производства обеспечивало более широкое развитие межколхозной кооперации производственного характера, создавало условия для усиления государственно-колхозных производственных связей.

В республике в течение 1956—1958 гг. было образовано 25 межрайонных и межколхозных советов, объединявших 340 колхозов-пайщиков. В основном это были объединения по добыче и производству строительных материалов и строительству. Руководящим органом районных и межрайонных строительных объединений стал созданный в июле 1959 г. республиканский межколхозный совет «Межколхозстрой», который руководил хозяйственно-финансовой деятельностью межколхозных строительных организаций, оказывал им помощь в планировании, осуществлял материально-техническое снабжение. В 1957 г. был организован республиканский межколхозный страховой семенной и фуражный фонд для оказания взаимопомощи семенами и фуражом. В 1965 г. пайщиками межколхозных объединений являлись 495 колхозов, т. е. почти все сельхозартель республики.

Укрупнение колхозов и их успешное развитие объективно потребовало резкого увеличения объема строительства крупных объектов производственного и культурно-бытового назначения на современной основе, призванных обеспечить ускоренное раз-

витие производительных сил в колхозном секторе и удовлетворять растущие культурно-бытовые нужды жителей колхозного села. Благодаря своим преимуществам межколхозная кооперация развивалась и в других отраслях колхозного производства, в частности, в животноводстве. Началось строительство и организация межколхозных откормочных пунктов и площадок, птицефабрик, комбикормовых заводов. С их возникновением (в начале 60-х годов) в организации этой отрасли происходят коренные изменения: колхозы превращают свои фермы в репродукторы молодняка, а дорастиванием его занимаются межколхозные хозяйства. Межколхозные животноводческие комплексы, подобно строительным, были объединены в республиканскую организацию «Межколхозоткорм».

Колхозы республики стали принимать долевое участие в государственных предприятиях и организациях с 1957 г., т. е. примерно в то же время, когда начали создаваться межколхозные организации и объединения.

Специализация и кооперирование ряда отраслей колхозного производства на межколхозной основе способствовали дальнейшему росту производительных сил, обществу разделению труда.

В работе показано, что возникновение и развитие межколхозных и колхозно-государственных производственных связей способствовало укреплению колхозной собственности, повышению уровня ее обобществления, сближению с государственной, более эффективному использованию огромных возможностей колхозного строя.

Автор приходит к выводу, что будучи объективной закономерностью, рост обобществления колхозного производства происходит планомерно, благодаря организационно-хозяйственным мероприятиям Коммунистической партии и государства в масштабе всей страны и в каждом регионе с учетом местных условий.

Укрупнение колхозов создало условия значительного совершенствования организации труда. В этой связи в работе раскрыто значение возникновения и деятельности комплексных и специализированных бригад. Эта проблема рассмотрена с точки зрения совершенствования организации труда и повышения его производительности в самих колхозах, бригадах и звеньях.

Используя опубликованные и вводя в научный оборот новые материалы, автор приводит интересные данные о возрастании технической вооруженности крупных колхозов, укреплении их материально-технической базы. Более крупные колхозы объективно создавали широкие возможности использования сельскохозяйственной техники, индустриализации не только земледельческой отрасли, но и ведения на более высоком научном уровне животноводства, садоводства и виноградарства.

В результате усиления механизации и электрификации сельскохозяйственного производства в условиях укрупненных хозяйств, общего культурного роста колхозников произошли значительные качественные изменения в социально-профессиональном составе колхозного крестьянства. Автор выделяет такие социально-профессиональные группы колхозников: механизаторы; инженерно-технические работники и административно-управленческий персонал (аппарат), колхозники квалифицированного труда — строители, садоводы, виноградары, табаководы, пчеловоды; колхозники, занятые ручным трудом, без специальной профессиональной подготовки; работники межколхозных предприятий и объединений промышленного типа.

Важное место в монографии уделено повышению материального благосостояния колхозников, вкладу колхозов в развитие материальной базы культуры и быта на селе. В 1965 г. сельхозартели Молдавии выделили к оплате 383,8 млн. руб. против 39,9 млн. руб. в 1950 г. По инициативе и на средства колхозов было построено в 1951—1965 гг. 878 школ на 175,4 тыс. мест, или более половины всех общеобразовательных школ сельской местности республики, введено в действие детских учреждений почти на 50 тыс. мест, больницы и поликлиники на 366 коек, 430 клубов и Домов культуры, множество библиотек, столовых, пекарен, бань, спортивных сооружений и т. д.

Одобрения заслуживает и то, что автор показал не только положительные явления, связанные с процессом укрупнения колхозов, но и раскрыл имевшиеся трудности и допущенные ошибки в осуществлении этой работы. Во всех разделах работы приводятся примеры деятельности партийных, советских и хозяйственных органов Мол-

давской ССР, направленной на укрепление колхозов высококвалифицированными руководящими кадрами и специалистами сельского хозяйства, внедрение прогрессивной технологии, достижений науки и передового опыта, повышение творческой активности колхозников.

Есть в монографии и недостатки: отдельные страницы перегружены цифровым материалом, встречаются повторения; следовало бы сказать более обстоятельно о предпосылках, ходе и последствиях реорганизации МТС.

М. А. Выпцан, Г. Н. Топузул

Х. Ш. ИНОЯТОВ. ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ. М., «Мысль», 1978, 364 с., тир. 10 000

Работа посвящена исследованию и обобщению исторического опыта борьбы Коммунистической партии за победу социалистической революции в Средней Азии. На примере этого региона книга показывает закономерность социалистической революции на восточных окраинах России, прослеживает органическую связь экономических и социально-политических предпосылок революции в Туркестанском крае и в России.

Характеризуя исторические предпосылки Октября, автор на новых материалах раскрывает социально-экономическое положение края, развитие в крае социал-демократического движения. При рассмотрении политической обстановки в Туркестане после свержения царизма справедливо подчеркивается, что народы Туркестана стали активным союзником русского пролетариата в назревавшей социалистической революции.

Достоинством книги является то, что, рассказывая о повсеместном создании в Туркестане Советов рабочих и солдатских депутатов, автор анализирует причины возникновения национальных революционно-демократических организаций — Советов мусульманских рабочих депутатов (Муссовдепов) и союзов трудящихся мусульман (иттифаков). Деятельность Муссовдепов от их появления до момента усиления тенденции к объединению с Советами рабочих и солдатских депутатов (что свидетельствовало о сближении национально-освободительной борьбы с революционной борьбой русского пролетариата) хорошо показана в монографии. Отмечаются также и крепнущие связи иттифаков — этих своеобразных народных организаций — с Советами Нового города и профсоюзами рус-

ских рабочих, а также постепенное перерастание подобных связей в стремление к объединению трудящихся всех национальностей. Подчеркивается важнейшая роль в создании национальных революционно-демократических организаций тыловых рабочих — местных трудящихся, мобилизованных царским правительством на военно-тыловые работы. Прошедшие революционную школу в России, они стали надежной опорой большевиков в их работе среди национальных народных масс.

В книге раскрываются условия, в которых происходило возрождение социал-демократических организаций Туркестанского края. Указывая, что вновь созданные после февраля социал-демократические организации на первых порах, когда большевиков в крае насчитывалось мало, были объединенными, автор подчеркивает, что организационная связь с меньшевиками, с которыми большевики расходились по коренным вопросам революции, являлась большим тормозом в повседневной работе большевиков по завоеванию масс.

На страницах книги показано усиление большевистского влияния в массах, возникновение в объединенных социал-демократических организациях самостоятельных большевистских групп, организационное оформление которых произошло позднее. Среди первых их членов были представители местных национальностей.

Большое значение для вовлечения трудящихся среднеазиатской окраины в революционное движение имела политика большевиков, связывавшая борьбу за национальное освобождение с решением насущных социальных проблем, прежде всего аграрного и рабочего вопросов. Апрельские тезисы В. И. Ленина, а также решения

Апрельской конференции РСДРП(б) стали боевой большевистской программой, отражавшей самые насущные нужды трудящихся всех национальностей. В центральной главе монографии, посвященной подготовке и победе пролетарской революции в Туркестане, автор рассматривает связь освободительного движения народов восточных окраин России в эпоху империализма с общероссийским революционным движением.

Читатель получает представление о том, как под воздействием большевистской агитации и пропаганды, а также усилившейся классовой борьбы рабочих и крестьян Центральной России в Туркестане уже с конца апреля 1917 г. активизировалась революционная национально-освободительная борьба масс. Стачечное движение охватило рабочих и низших служащих предприятий Ташкента, Коканда, Намангана, Самарканда, Кагана, Каттакурмана, Ашхабада, острова Челекен, Кизыл-Арвата, Пишпека и других городов. Под непосредственным воздействием революционной борьбы рабочего класса ширилось аграрное движение. Одной из многочисленных его форм были выступления сельских тружеников за смену, наряду с царскими чиновниками, и национальной сельской администрации, против незаконных выборов ее с помощью подкупов, запугиваний и т. п. Эта наиболее массовая форма борьбы туркестанского дехканства представляла собой дальнейшее развитие национально-освободительного движения против колониального гнета.

Достоинством работы является то, что в ней обстоятельно охарактеризовано значение сентябрьских событий в Ташкенте, в ходе которых 12 сентября 1917 г. на массовом митинге был избран Временный революционный комитет Туркестанского края, а в самом Ташкенте было решено передать всю власть городскому Совету.

Как известно, сентябрьские выступления народных масс не привели к установлению Советской власти в Туркестане. Для этого необходимо было победоносное вооруженное восстание в центре страны и разгром буржуазного Временного правительства, ликвидация его органов на местах. Но важнейшим результатом сентябрьских событий было изменение соотношения сил в пользу большевиков, потеря соглашательскими элементами доверия масс. Не слу-

чайно с октября начинается усиленный процесс большевизации Советов. Это сыграло немалую роль в подготовке и свершении Октябрьского вооруженного восстания в центре края. Все эти события получили освещение в монографии.

В книге обобщен обширный материал о подготовке большевиками Октябрьского восстания ташкентского пролетариата, показан весомый вклад в его победу национальных рабочих и бедноты. Приводится много интересных примеров активного участия местного населения в восстании на стороне революции.

Подробно рассматриваются особенности процесса установления Советской власти на местах. Указывая на трудности, которые возникали на пути победы Советов в отдельных районах, автор глубоко раскрывает их причины. Например, освещая напряженную борьбу за установление Советской власти в Пишпеке, Пржевальске и одноименных уездах, он показывает, что здесь столкнулись значительные противоборствующие силы: с одной стороны, возглавляемые большевиками рабочие, киргизская беднота, объединенная в демократические организации, демобилизованные из армии солдаты, среди которых были участники установления Советской власти в Ташкенте, с другой — контрреволюционная национальная буржуазия, поддерживаемая преобладавшими в Советах меньшевиками и эсерами, а также колонизаторским чиновничеством и казачьими верхами, ратовавшая за отделение Семиречья от Советского Туркестана и присоединение его к занятой белогвардейцами Сибири. Если к этому добавить отмеченную в монографии крайне незначительную в целом пролетарскую прослойку в уездах, о которых идет речь, отдаленность и изолированность от центральных районов края, то становится совершенно ясно, почему, например, в Пржевальске передача власти Советам затянулась до 20 марта, а в его уезде — до 26 июня 1918 г.

Из книги явствует, что, несмотря на трудности при установлении власти Советов в некоторых районах, организаторская деятельность большевиков, неустанная работа среди населения, борьба с контрреволюцией за интересы народа, руководство всем государственным, хозяйственным и культурным строительством, ленинское ре-

шение национального вопроса — все это ускорило триумфальное шествие Советской власти и привело к победе социалистической революции в Туркестане.

В главе, посвященной дальнейшему развитию революции и упрочению Советской власти, раскрываются особенности партийного и советского строительства в регионе, специфика начального этапа создания социалистической экономики. Так, показав историческую обусловленность широкой социальной основы среднеазиатских национальных Советов и их мусульманских секций в уездах и городах, автор пишет, что «...если в целом по стране социальной основой Советов являлся союз рабочего класса и трудового крестьянства, так сказать, „в чистом виде“, то в Туркестане Советы были политической формой союза пролетариата России с ранее угнетавшимися народами колоний в общей борьбе против империализма и национализма» (с. 237). «Такая гибкая политика, — отмечает автор, способствовала вовлечению в советское строительство значительных масс коренного населения, и это в условиях его крайней политической отсталости, слабой социально-классовой дифференциации кизилбаша, большого влияния духовенства и баев» (там же). Автору удалось убедительно показать, как коммунисты Средней Азии использовали те указанные В. И. Лениным пути, средства, которые нужны для перехода от докапиталистических отношений к социализму*. Широко освещая становление советского государственного аппарата власти, автор значительное место отводит созданию в Туркестане Красной гвардии, а затем Красной Армии. На новых материалах освещены в книге становление советской экономики, история создания советской автономии Туркестана.

В монографии есть и некоторые недочеты. Так, говоря о трудностях установле-

ния Советской власти в двух киргизских уездах Семиреченской области, автор не показал сложность этой победы в казахских районах и самое главное, в центре этой области — г. Верном (ныне Алма-Ата). А между тем победа вооруженного восстания рабочих, революционных солдат, казахской, дунганской, уйгурской бедноты в ночь со 2 на 3 марта 1918 г. в г. Верном имела большое значение для всего Семиречья.

Встречаются в работе грубые цифровые ошибки. На с. 16 читаем: «Численность сельского населения накануне революции 1917 года не превышала 16%, а Хивы и Бухары — 6%». Хорошо известно — и автор сам пишет об этом много раз, — что Туркестан (и в еще большей степени Бухарский эмират и Хивинское ханство) были отсталыми сельскохозяйственными районами со сравнительно немногочисленным городским населением. На с. 58 говорится, что в Фергане насчитывалось более 18 тыс. «относительно крупных кустарных заведений, приближавшихся к типу промышленных предприятий, в них трудилось 29 460 ремесленников. В Самаркандской области таких заведений имелось 8370, кустарей — 11 472». Нетрудно подсчитать, что на каждое такое заведение не приходилось в среднем и ... двух человек.

На наш взгляд, работа, посвященная такому обширному и своеобразному региону, как Туркестан, выиграла бы, если бы была снабжена одной — двумя картами, показывающими ход создания самостоятельных большевистских групп в объединенных социал-демократических организациях после Февральской революции, триумфальное шествие Советской власти и т. п.

В целом книга Х. Ш. Иноятова вносит полезный вклад в изучение истории Великого Октября.

А. Я. Полякова

* См. Ленин В. И. ПСС, т. 43, с. 228.

Г. И. ЗЛОКАЗОВ. ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ НА ПУТИ К ОКТЯБРЮ. М., «Наука», 1978, 341 с., тир. 2550

В последние годы советские историки, значительно расширив круг документальных источников, опубликовали ряд серьезных трудов по истории Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.¹ Исследовательский интерес к его истории обусловлен весьма существенной ролью столичного Совета в подготовке победы Великого Октября. Хотя после свержения самодержавия в России Петроградский Совет в силу ряда причин и уступил государственную власть буржуазии, он тем не менее стал общероссийским центром в системе Советов — органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Значение Петроградского Совета в политической жизни страны особенно возросло к осени 1917 г., после его перехода на большевистские позиции. В результате победы Октябрьского вооруженного восстания он стал первым Советом пролетарской диктатуры.

Рецензируемая книга — первое монографическое исследование деятельности Петроградского Совета в июле — октябре 1917 г., т. е. в тот период, когда политический курс ведущего Совета страны стал определяться большевистской программой борьбы за социалистическую революцию. Поставив своей задачей раскрыть процесс борьбы партии большевиков с мелкобуржуазными партиями за победу пролетарской линии в Петроградском Совете, автор, используя большой фактический материал, убедительно показал, что именно в результате большевизации столичного Совета и изоляции соглашателей стало возможным его превращение в орган вооруженного восстания против Временного правительства, в орган пролетарской диктатуры. Однако для того, чтобы подчеркнуть, сколь сложным и вместе с тем закономерным был процесс этого превращения, автор начинает исследование с рассмотрения дея-

тельности Совета в период июльских событий. При этом в книге отмечается, что линию эсеров-меньшевистских лидеров Совета, открыто перешедших в лагерь контрреволюции, нельзя отождествлять с позицией Совета в целом, в особенности его рабочей секции, которая еще 3 июля приняла большевистскую резолюцию о переходе власти к Советам. Именно это обстоятельство, по мнению автора, объясняет тот факт, что в дни июльского кризиса эсеров-меньшевистские вожди предпочитали действовать преимущественно через ЦИК Советов, не решаясь, видимо, созывать пленум Петроградского Совета. Тем не менее ученый справедливо полагает, что временное поражение революционных масс в июльские дни и присоединение эсеров-меньшевистских лидеров столичного Совета к лагерю буржуазной контрреволюции привели к потере Советом функций органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Подлинное возрождение Советов, в том числе и Петроградского Совета, как это хорошо показано в монографии, произошло только в результате отражения корниловского выступления и последовавшего затем нового революционного подъема. Подробно освещается тактика столичного Совета в ходе борьбы с корниловщиной, раскрывается ведущая роль большевистских депутатов в принятии Советом решительных мер против контрреволюции. В книге говорится, что усиление революционных настроений рядовых депутатов Петросовета было также связано с активной ролью районных Советов и их координирующего органа — Междурайонного совещания — в разгроме корниловщины.

Большое внимание уделяется анализу политического положения в стране и расстановки политических сил в Петроградском Совете после победы над корниловщиной. Рассматривая резолюцию ЦК РСДРП(б) «О власти», принятую Петроградским Советом 31 августа 1917 г., автор разделяет обоснованную рядом советских историков точку зрения о том, что эта резолюция, хотя и не содержала прямого требования передачи власти Советам, но своим содержанием подводила к нему.

¹ Потехин М. Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969; Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976 и др.

Вопрос о времени восстановления лозунга «Вся власть Советам!», по которому в нашей исторической литературе ведется полемика, автор затронул лишь в самых общих чертах. Касаясь вопроса о возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины, он ограничился лишь констатацией того факта, что меньшевики и эсеры трусливо отказались от предложенного им большевиками политического компромисса, хотя в данном случае автор имел все основания высказать свое мнение о том, когда именно исчезли всякие надежды на мирное развитие революции.

Важное значение имеет проведенное в монографии изучение партийного состава Петроградского Совета в июле — октябре 1917 г. Отсутствие обобщающих материалов затрудняет выяснение партийного лица депутатов в исследуемый период. Используя достижения своих предшественников, данные периодической печати и архивные материалы, автор дополнил и уточнил сведения о партийном составе столичного Совета, его рабочей и солдатской секций. Это позволило сделать в книге ряд выводов и наблюдений.

Изучение соотношения политических сил в Петроградском Совете показывает, что большевистская фракция Совета была самой влиятельной и представительной — ей принадлежала половина всех мест, в то время, как численность эсеровской и меньшевистской фракций сократилась. Показателем поляризации политических сил в Совете накануне Октябрьской революции явилось резкое уменьшение числа беспартийных депутатов. Последние вступали, как правило, в партию большевиков. Сосредоточив свое внимание на выяснении партийного состава Петроградского Совета, автор, к сожалению, в меньшей степени осветил вопрос о профессиональном и возрастном составе депутатов, хотя имеющиеся в нашей литературе сведения, а также архивные источники давали такую возможность.

В книге раскрывается принципиально иной характер деятельности Петроградского Совета после его большевизации. Решая неотложные экономические и политические проблемы, подчеркивается в монографии, Совет исходил теперь прежде всего из интересов пролетариата и всех трудящихся

масс, выступал с революционной программой борьбы против империалистической войны и экономической разрухи. Новый политический курс Петроградского Совета встречал мощную поддержку рабочих и солдат не только в Петрограде, но и в стране в целом. Это свидетельствовало о том, что столичный Совет к этому времени выражал настроения большинства народа, убеждавшегося в правильности линии партии большевиков.

Вместе с тем в книге отнюдь не идеализируется деятельность Петроградского Совета в исследуемый период, автор раскрывает ошибочность линии Троцкого, Каменева и Зиновьева в вопросах об отношении к Демократическому совещанию и Предпарламенту, о Всероссийском съезде Советов, о составе президиума Петроградского Совета и др. В результате решительной критики этой линии В. И. Лениным, подчеркивает автор, столичный Совет занял принципиальную, большевистскую позицию по отношению к Демократическому совещанию и Предпарламенту, твердо выступил против попыток меньшевиков и эсеров помешать своевременному созыву Всероссийского съезда Советов.

Борьба Петроградского Совета против буржуазии и соглашателей превращала его в центр по объединению всех революционных Советов страны, противостоявший эсеров-меньшевистскому ЦИК Советов, который к осени 1917 г. стал открытым пособником буржуазной власти. Придавая этому факту огромное значение, В. И. Ленин писал в конце сентября, что «Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству»².

В книге подробно характеризуется та роль, которую отводили Петроградскому Совету В. И. Ленин и партия большевиков в подготовке и проведении вооруженного восстания. Анализируя деятельность столичного Совета в канун Великого Октября, Г. И. Злоказов показывает, что она была направлена прежде всего на революционную мобилизацию масс, на подготовку к вооруженному восстанию рабочих и солдат против Временного правительства. В книге прослеживаются этапы создания Военно-революционного комитета, образованного по инициативе большевиков. Справедливо подчеркивая, что руководство дея-

² Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 264.

тельностью Петроградского Военно-революционного комитета осуществлял В. И. Ленин, автор характеризует основные военно-боевые мероприятия ВРК, которые привели к победе Октябрьского вооруженного восстания. Вместе с тем представляется, что предметом специального рассмотрения в монографии мог стать вопрос о том, как ленинские указания о руководящем органе восстания, изложенные, в частности, в письме председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смильге, нашли свое конкретное выражение в деятельности Петроградского ВРК.

Таким образом, предпринятое в книге изучение истории превращения Петроград-

ского Совета из органа соглашения с буржуазией в орган вооруженной борьбы за власть рабочего класса помогает глубже понять и оценить роль Советов в победе Великого Октября. Опыт борьбы большевиков за Советы, за пролетарскую ориентацию их деятельности имеет важное значение и для современного революционного движения. К бесценному ленинскому теоретическому наследию, к опыту партии большевиков в 1917 г. сегодня обращаются все те, кто борется за идеалы социалистической революции.

Г. Л. Соболев

Ц. П. АГАЯН. РОЛЬ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ АРМЯНСКОГО НАРОДА. К 150-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ. М., «Наука», 1978, 311 с., тир. 3500

Соединение Восточной Армении с Россией полтора века назад явилось историческим актом огромного прогрессивного значения. Оно спасло армянский народ от угрозы истребления чужеземными завоевателями, создало объективные предпосылки для его социального и национального возрождения. В рецензируемой монографии освещена история вековой дружбы, экономических, политических и культурных связей армянского народа с Россией в дореволюционную эпоху. Автор показывает успехи Армянской ССР, достигнутые за годы Советской власти, ставшие возможными благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции.

В центре внимания автора — проблема борьбы армянского народа за вхождение в состав России, раскрытие прогрессивного значения этого акта для армянского народа. Многие аспекты присоединения народов Закавказья к России были обстоятельно проанализированы в советской исторической литературе¹. Вместе с тем обоб-

щающий характер монографии и привлечение нового документального материала делают ее интересной для читателя.

Хронологически работа охватывает значительный исторический период. Автор рассматривает армянскую историю начиная с глубокой древности и до установления Советской власти на территории Армении. Выделение одной, главной темы — истории развития дружественных связей между армянским и русским народами — помогает избежать описательности. Вместе с тем не все этапы и проблемы складывания русско-армянских связей освещены с достаточной полнотой. Так, несколько схематично характеризуются процессы взаимообогащения русской и армянской литературы и искусства, а также развитие отношений между православной и грегорианской церквями.

В книге показано, как в борьбе против иноземных завоевателей — Османской империи и шахского Ирана — стремившихся к порабощению народов Кавказа, «передовые представители закавказских народов обратили свои взоры к северному соседу — к России» (с. 29). Анализируя развитие русско-армянских экономических, политических и культурных связей в XV—XVIII вв., автор раскрывает историю формирования программы освобождения и возрождения народов Закавказья с помо-

¹ См. Ионисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958; Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. (Из военно-политической истории). М., 1969. См. также литературу на национальных языках.

шью России. В XVIII в. связи армянского народа с Россией приобрели ярко выраженную политическую окраску. В этот же период происходила консолидация сил армянского, азербайджанского и грузинского народов в борьбе против иноземных завоевателей.

Приведенные в книге факты убеждают в том, что в связи с внутренним положением и международной обстановкой в конце XVIII в. «единственным спасением Грузии и всего Закавказья была помощь России» (с. 119). Русская ориентация в истории армянского народа была важнейшим явлением, возникшим и развивавшимся вместе с освободительной борьбой, имевшим свои экономические, политические и культурные предпосылки. Совпадение интересов России на границах Черного и Каспийского морей с интересами народов Закавказья послужило благоприятной основой для их соединения в составе Российского государства.

С конца XVIII — начала XIX в. начинается упорная борьба народов Закавказья за присоединение к России. Особое значение в этом процессе имело добровольное вхождение Восточной Грузии в состав Российской империи, происшедшее в 1801 г.; оно ускорило политические и экономические связи России с Закавказьем, «вдохновляло и поднимало» народы «на освободительную борьбу... от шахского и султанского ига» (с. 157—158).

В связи с историей Закавказья в монографии охарактеризована сущность британской и французской колониальной политики на Среднем Востоке в эту эпоху. Автор показал, что уже в начале XIX в. французская и английская буржуазия принимала все меры для противодействия России в Закавказье, провоцировала военные столкновения Ирана с Россией и вооружала войска шаха и султана. Закавказье, таким образом, становилось ареной противоречий европейских государств. В условиях шахской и османской агрессии, поддерживаемой колониальными устремлениями западных держав, народы Закавказья не смогли собственными силами отстоять независимость. Свое спасение они видели в соединении с Россией.

В монографии исследуется деятельность армянских колоний в России, направленная на укрепление уз дружбы между рус-

ским и армянским народами. Армянские поселения в России «еще больше усилили экономические и политические связи армянского и русского народов, подготовили благоприятную основу для осуществления русским народом благородной миссии освободителя» (с. 149).

Привлекают внимание страницы о совместной борьбе народов Закавказья против иностранных поработителей, об общности интересов и дружбе между армянами, грузинами и азербайджанцами. Во время нашествия Ага-Мухаммед-хана для борьбы с ним объединились все народы Закавказья (с. 114—115). В период русско-иранской и русско-турецкой войн 20-х годов XIX в. население Закавказья оказывало действительную помощь русской армии. Появление русских войск в Араратской долине во время наступления на Эривань в 1827 г. вызвало ликование местного населения. Повсеместно создавались армянские, грузинские и азербайджанские добровольческие отряды и народное ополчение.

Положение армянского народа в первой четверти XIX в. было крайне тяжелым. В книге приводятся данные о значительном сокращении численности армянского населения в Закавказье. Например, в провинции Шорагель к 1817 г. из тысячи армянских семей осталось всего 174 (с. 202). Недовольство народных масс Эриванского ханства резко возросло. В этих условиях население ханства все более настойчиво заявляло о своем желании перейти под покровительство России.

Таким образом, продвижение России в Закавказье опиралось на непоколебимую волю его народов перейти в российское подданство и тем самым избавиться от угрозы уничтожения иранскими шахами и турецкими султанами. Развязанная шахом новая русско-иранская война (1826—1827 гг.) стала последним звеном в цепи событий, предшествовавших присоединению народов Закавказья к России. Русская армия в своих боевых действиях опиралась на помощь армянского народа. Народ «вступил в отчаянную борьбу с врагом, выдвинул из своей среды героев и организаторов партизанской войны» (с. 205). В результате подписания Туркманчайского мирного договора между Россией и Ираном Восточная Армения вошла в состав России.

В отдельной главе рассматривается историческое значение присоединения Восточной Армении к России. Отмечается, что армянский народ прежде всего избавился от реально существовавшей угрозы физического истребления. В рамках Армянской области он получил возможность национальной консолидации. В Восточную Армению началось переселение армян из Ирана и Турции. «Восточная Армения стала пристанищем для армянского народа, маяком для сотен тысяч рассеявшихся по свету и причаливших к чужим берегам армян» (с. 235). С момента присоединения началось неуклонное оживление экономической и культурной жизни края. В конце XIX и в начале XX в. Закавказье было уже вовлечено в процесс развития промышленного капитализма. Это обусловило формирование рабочего класса и создавало предпосылки для распространения марксизма-ленинизма в Армении. В книге показано, что в начале XX в. вместе с российским пролетариатом и крестьянством десятки тысяч армян вступили в активное революционное движение, связывая социальное и национальное освобождение своего народа со свержением царизма, а затем с победой социалистической революции.

Приводятся интересные данные о духовных связях между русским и армянским народами, о роли передовых людей России первой половины XIX в., в частности А. С. Грибоедова, в освободительной борьбе народов Закавказья.

Содержатся новые данные об участии декабристов в деле присоединения Восточной Армении к России, в частности, М. И. Пущина, Н. Н. Депредадовича, Е. Е. Лачинова и других. И все же эти вопросы освещаются несколько общо.

В книге недостаточно четко показаны цели и задачи России на Кавказе в XIX в. Довольно расплывчато характеризуется соотношение между объективно-прогрессивными последствиями политики России на Кавказе и собственно целями российского царизма. Говоря об образовании Армянской области, автор не раскрывает социально-классовую сущность политики царизма, проводившейся в Закавказье. В книге не указано, что особая Армянская область просуществовала недолго и вскоре была преобразована в Эриванскую губернию. В целом представляется, что автор

недостаточно раскрыл ленинское положение о том, что Кавказ, наряду с некоторыми другими регионами служил как бы колонией царской России².

Не всегда верно автор оценивает международную обстановку на Среднем Востоке; в частности, в книге постоянно отождествляется политика Англии и Франции. Между тем в конце XVIII — начале XIX в. Франция была наиболее активной на Ближнем и Среднем Востоке, выступая с широкой завоевательной программой в этом регионе. Англия, напротив, ведя напряженную борьбу против наполеоновской агрессии, вынуждена была солидаризироваться с Россией. После разгрома Наполеона активизируется британская политика на Ближнем и Среднем Востоке, обостряются русско-английские противоречия. Именно Англия выступила инициатором ревизии Гюлистанского мирного договора и подталкивала Иран на новую войну с Россией. В работе важно было бы подчеркнуть появление новой агрессивной силы на Ближнем Востоке — милитаристской Германии, которая, опираясь на Турцию, предпринимала попытку овладения Кавказом в ходе первой мировой войны.

В книге, к сожалению, есть ряд неточностей в географических названиях, фактических погрешностей. Отметим, в частности, что Иоанн Сабанидзе был не географом (с. 20), а религиозным деятелем. Рескрипт от 23 января 1802 г. главнокомандующему на Кавказе генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу не мог исходить от имени императора Павла I (с. 152), убитого в марте 1801 г. На с. 268 автор пишет, что «в июле 1918 г. Андраник объявил в Нахичевани Советскую власть...» В действительности же Советская власть была там провозглашена 28 июля 1920 г. Нужно сказать и об одностороннем подходе автора к освещению деятельности Андраника, которая не получила в монографии необходимой целостной характеристики.

В заключение подчеркнем, что книга Ц. П. Агаяна расширяет наши представления о русско-армянских связях и прогрессивном значении соединения Армении с Россией.

В. А. Георгиев

² См. Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 86.

«СВОДНЫЙ КАТАЛОГ РУССКОЙ НЕЛЕГАЛЬНОЙ И ЗАПРЕЩЕННОЙ ПЕЧАТИ XIX ВЕКА». ЛИСТОВКИ. ЧАСТИ 1—3. М., 1977, тир. 1100

В трех частях библиографического справочника отражены все имевшиеся к 1977 г. данные о русских запрещенных и нелегальных листовках. Издание охватывает период 1830—1900 гг.; в нем отмечено 2250 выявленных и зарегистрированных листовок XIX в., из которых 2050 описаны по печатным изданиям и 200 — по копиям. Среди них 700 опубликовано в различных изданиях, другие 700 упоминались в литературе, о 850 никаких сведений обнаружить не удалось. В числе найденных изданий прежде всего следует отметить микрографированный вариант листовки В. И. Ленина «К рабочим и работницам фабрики Торнтон», ранее известной только по гектографированному воспроизведению. Находка позволила установить окончательный текст ленинского воззвания. Среди разысканных листовок можно отметить четыре прокламации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», изданные в то время, когда им руководил В. И. Ленин. Из последних находок упомянем также некоторые неизданные ранее документы первой «Земли и воли», «Приложение» к № 2 листовки «Свобода» от 1863 г., существование которого точно не было доказано. Впервые учтено большое число листовок, выпущенных в связи с первой всероссийской студенческой забастовкой 1899 г.

Большую работу провели составители справочника по выявлению авторов многих листовок, выпущенных анонимно. В результате названы авторы 260 анонимных листовок, а также установлены издательские организации 210 листовок, что позволяет лучше понять содержание соответствующих изданий и их направленность. Значительных результатов достигли составители и в датировке многих листовок. Из 1170 листовок 340 датировано с точностью до десяти дней, 400 — до месяца и т. д. Лишь для 30 листовок не удалось определить сравнительно точную дату издания.

Изучение всей массы листовок XIX в. дает возможность исследовать в совокупности с другими материалами программы различных общественных направлений, революционных партий, кружков, организаций, позволяет оценить и масштабы революционного движения по годам и десяти-

летиям, поскольку увеличение числа выпускавшихся листовок свидетельствовало, как правило, об оживлении революционного движения. Исключение составляет разве что 1874 год — год массового «хождения в народ» революционных народников. Призыв идти в народ содержался лишь в единственной листовке 1873 г., вышедшей из кружка «долгушинцев». В связи с отсутствием каких-либо публикаций листовок в 1874 г. должен привлечь внимание исследователей хронологический указатель «Сводного каталога...» книг и периодических изданий, где за 1874 г. приводится значительное число изданных революционных книг и брошюр, многие из которых предназначались для распространения в народе.

Уже одно только сопоставление числа листовок по времени выхода, позволит исследователю сделать важные выводы и наблюдения. Еще больше возможностей дает ознакомление с информацией о каждой из упомянутых листовок справочника. Это, собственно, уже может стать объектом специального обзора.

Распределение изданных листовок по годам вполне обоснованно. В частности, такое расположение материала позволяет рассмотреть увеличение удельного веса листовок, выпускавшихся рабочими и социал-демократическими организациями.

Подготовка рецензируемого каталога потребовала фронтального исследования многочисленных архивов и библиотек. Работа проведена колоссальная и выполнить ее мог лишь большой коллектив. Сегодня трудно что-либо добавить, и наши замечания по некоторому увеличению каталога, второе издание которого уже подготавливается, носят сугубо частный характер. Думается, что в дальнейшем необходимо больше внимания уделить личным фондам и, например, Архиву внешней политики России, где имеется ряд листовок, опубликованных за рубежом. Так, в личном фонде З. К. Ралии (ЦГАОР СССР, ф. 7026, оп. 1, д. 3, л. 6) хранится печатное обращение, о котором говорится в первой части справочника под номером 114, но указывается лишь один архивный фонд, где можно ознакомиться с указанной листовкой.

«Катехизис революционера», который числится в «Списке необнаруженных русских нелегальных и запрещенных изданий, XIX века, известных по печатным и архивным источникам» под номером 115 и в приложении ко второй части справочника по листовкам под номером 2, в действительности не может быть отнесен к необнаруженным изданиям, поскольку хранится в АВПР¹. Шифр этого издания, как отмечено в советской литературе, применялся и в других материалах².

В справочнике почему-то не фигурирует известная «Программа революционных действий», основным автором которой был, по-видимому, П. Н. Ткачев, и, хотя она распространялась в рукописных списках, на наш взгляд, желательно было на нее откликнуться. В трехтомнике ничего не говорится о прокламации «К русским революционерам», отпечатанной в сентябре 1873 г. русскими анархистами в Швейцарии и неоднократно упоминаемой в литературе³ (в справочнике она названа в каталоге книг, ч. I, № 432). В литературе содержится также множество упоминаний о других листовках, точное существование которых, однако, определить не всегда удается. Многие из таких листовок перечислены в библиографическом словаре «Деятели революционного движения».

В справочнике не указаны следующие листовки, фигурирующие в первом томе этого словаря: «К полякам», «Пора», «Послание старца Кондратия», «К гражданам», «К офицерам», «Русским солдатам», «К солдатам» и др.⁴ Без труда можно определить, что листовка «Послание старца Кондратия» — это известные прокламации В. А. Энгельсона — «Первое видение св. отца Кондратия» или «Второе видение св. отца Кондратия», отпечатанные еще в 1854 г.⁵ и отмеченные лишь в «Сводном каталоге...» книг и периодических изданий

под номерами 2231, 2232. Что же касается листовок «К полякам», «К офицерам», «Русским солдатам», то в их отношении можно строить довольно обоснованные предположения. Оставшиеся две листовки не только нигде не фигурируют, но трудно сказать с большей или меньшей степенью вероятности, существовали ли они в действительности. Возможно, речь идет о «Слушной поре» В. Кельсиева или о рукописных листовках. О еще большем числе подобных листовок говорится на страницах второго тома словаря⁶.

Представляется, что при подготовке второго издания справочника эти материалы могут быть использованы, и будет небесполезным составление специального указателя рукописных листовок, фигурирующих под другими названиями. Видимо, особо нужно выделить издания провокационного (напр., № 510, 604) и монархического (№ 1090, 1131) характера. В целом же вспомогательные указатели, расположенные в третьей части справочника, явившиеся результатом большого труда, окажут значительную помощь исследователю в работе над материалами, помещенными в двух других книгах; они представляют и самостоятельную ценность. Это — «Указатель заглавий», «Указатель организаций, групп, кружков, издававших листовки», «Указатель нелегальных и зарубежных типографий, литографий, гектографов и мимеографов» и др.

Выход всего «Сводного каталога...», который состоит из одиннадцати книг, — значительное событие в научной жизни.

В. Я. Гросул

¹ АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 1189 (1872 г.), лл. 13—27.

² Из истории экономической и общественной жизни России. М., «Наука», 1976, с. 245—246.

³ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., «Наука», 1965, с. 221.

⁴ Деятели революционного движения. Библиографический словарь, т. I. М., 1928, с. 25, 46, 66, 70, 105, 186, 385, 465.

⁵ Энгельсон В. Статьи, прокламации, письма, М., 1934, с. 106—111.

⁶ Речь идет о следующих листовках: «Голос честных людей», «Воззвание по поводу казни Лукьянова», «Товарищи по убеждению», «Воззвание луганских казаков ко всем товарищам казакам», «Братцы-товарищи», «Развитие», «К новому поколению Грузии», «Воззвания к свободным», «Птицы с железными носами», «Прокламация В. С. Стрелкова» (См. «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь, т. II, с. 579, 604, 777, 1408, 1588, 1954, 972, 1064, 1197, 523, 562, 1241, 1425, 1482, 1542, 1625, 1626. Здесь же — с. 523, 583, 1197 — упоминается о литографии И. Д. Кавского, о которой в справочнике ничего не говорится).

ИСТОРИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ. С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. М., «Наука», 1977, 288 с., тир. 3500

Рецензируемый сборник статей посвящен не только традиционным проблемам генеалогических исследований, но и новым направлениям в их развитии, отражающим тенденции расширения задач исторической науки на современном этапе, в частности, интерес к вопросам исторической биографии и роли различных социальных групп в историческом процессе.

Сборник задуман как издание, посвященное памяти крупнейшего специалиста в области генеалогии академика С. Б. Веселовского (1876—1952), труды которого на наших глазах пережили второе рождение¹. Помещенные здесь статьи Л. В. Черепнина и М. Е. Бычковой, подводя итог деятельности этого ученого в области генеалогии, в то же время намечают дальнейшие перспективы развития наиболее ценных его идей. Своеобразие судьбы наследия С. Б. Веселовского в отечественной науке (в частности, поздняя публикация ряда его капитальных трудов, посвященных собственно генеалогическим разысканиям) обусловило то, что наиболее значительные его работы в области генеалогии уже в период их публикации вызвали интерес широких кругов специалистов и любителей истории к затронутым в них проблемам. Громадный материал, введенный С. Б. Веселовским в научный оборот, его преданность науке являют собой образец для каждого серьезного исследователя, какой бы отраслью исторического знания он не занимался (см. с. 40—41).

Отсюда не только историографическую ценность представляют наблюдения и выводы С. Б. Веселовского о связи генеалогии и истории в целом с ономастикой — топонимикой, антропонимикой и другими ее разделами². В этом плане привлекает внимание в рецензируемом сборнике иссле-

довательская статья В. Б. Кобрин, посвященная проблемам связи генеалогии и антропонимии на материалах XV—XVI вв., которые находились в сфере изучения С. Б. Веселовского. Наряду с историографией, большим кругом источников, автор привлек и специальную литературу по антропонимике, в том числе работы современных специалистов в этой области — В. А. Никонова и А. В. Суперанской, критически подводя к отдельным выводам лингвистов по вопросу о происхождении фамилий.

В значительной мере продолжением и развитием трудов С. Б. Веселовского являются также помещенные в сборнике статьи А. А. Зимина и В. Л. Янина, научные интересы которых уже прочно закрепились в плане историко-генеалогических исследований. Работы С. Б. Веселовского в области генеалогии и личное общение с ним определили во многом и направление разысканий одного из авторов сборника — Б. А. Воронцова-Вельяминова.

Значительная часть публикаций сборника выходит за рамки направлений и методов традиционной генеалогии (и в этом мы видим одно из главных его достоинств), в русле которой, между прочим, находились и основные историко-генеалогические труды С. Б. Веселовского. В статьях А. Л. Хорошкевич, М. М. Громыко и Л. Н. Семеновой рассматриваются проблемы исследования генеалогии непривилегированных сословий сельского и городского населения — мещан, крестьян, мастеровых, — которые долгое время оставались, да и в значительной степени еще остаются за рамками генеалогических разысканий. Ценность этих работ заключается не только в привлечении новых, еще не использованных исследователями источников (например, формулярных списков мастеровых Петербурга XVIII — начала XIX в., анализируемых в статье Л. Н. Семеновой)³, но и в тесной связи генеалогических разысканий их авторов с проблемами социально-

¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; его же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; его же. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; его же. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

² См., напр., Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории. — «Исторические записки», 1945, т. 17, с. 24—52.

³ Вряд ли удачен заголовок статьи «К истории генеалогии мастеровых Петербурга в XVIII — начале XIX в.», в котором слово «история» представляется лишним.

экономической истории с конца XV по начало XIX в. (если рассматривать хронологию указанных статей обобщенно).

Проблемы взаимосвязи генеалогии с нумизматикой затронуты в статье ленинградского исследователя В. М. Потина. Таким образом, все названные статьи сборника значительно расширяют представление об изучаемой социальной базе, методике генеалогических исследований, связывая их с проблемами как общен исторического, так и историко-экономического плана и намечая пути использования данных различных исторических (и не только исторических) дисциплин в процессе историко-генеалогических исследований.

Несколько статей сборника носят историографический и историко-методологический характер, в них подводятся итоги предшествующего развития генеалогической науки в России, а также содержится информация о методике генеалогических исследований в зарубежных странах Европы. Прежде всего здесь необходимо выделить содержательную статью А. И. Аксенова «Очерк истории генеалогии в России»,

представляющую по существу первый в нашей историографии обзор отечественных генеалогических исследований со времени зарождения генеалогии как науки (в XVIII в.) до начала XX в. В ней автор предпринял попытку очертить предмет и задачи генеалогии с точки зрения современного исследователя⁴. В этом плане интересны также помещенные в сборнике работы О. М. Медушевской и Н. А. Соболевой, в которых раскрываются некоторые аспекты подхода к задачам генеалогии и методике генеалогических исследований в Польше и Франции.

Рецензируемый сборник, поставивший ряд новых проблем в области историко-генеалогических разысканий, свидетельствует о необходимости продолжения работы, предпринятой его авторами и составителями.

Р. Ф. Хохлов

⁴ Этому вопросу посвящена опубликованная ранее статья того же автора. См. Аксенов А. И. Генеалогия. — «Вопросы истории», 1972, № 10, с. 206—212.

Я. Е. ВОДАРСКИЙ. НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА. (ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСЛОВНО-КЛАССОВЫЙ СОСТАВ, РАЗМЕЩЕНИЕ). М., «Наука», 1977, 263 с., тир. 3350

Демографические проблемы решаются в книге в тесной связи с социально-экономическим и политическим развитием страны. Главные хронологические рамки работы — 1678—1719 гг. В монографии сопоставляются итоги подворных и подушных переписей этих лет; при их анализе применяется комплексный подход, опирающийся на фундамент марксистско-ленинской методологии. В книге — четыре главы, посвященные методике изучения источников, составу феодалов, податных сословий, движению населения. О богатстве научно-справочного, иллюстративного и статистического материала говорит тот факт, что в тексте и приложениях помещены 54 таблицы с итогами переписей, схема уездов России конца XVII — начала XVIII в. с указанием станов и волостей, 12 карт и др.

Получить новые результаты и решить ряд сложных демографических и общен исторических проблем автору помогли оригинальная, строго научная методика исследования и использование широкого круга источников. В XVII в. не было еще массовых и сведенных вместе данных, собранных относительно всей территории страны по одной определенной программе, редко составлялись материалы обобщенного характера, только начинала налаживаться единая и централизованная отчетность. Сетовать на скудость источников не приходится, но их разбросанность и разнохарактерность, неудачи при отыскании сопоставимых данных порождают большие трудности. Все это требует от исследователя большого искусства в выборе приемов обработки и критики источников.

В основу монографии положены многочисленные архивные и опубликованные источники: несколько десятков сводных ведомостей, перечней, справок, содержащих итоги переписи 1678 г., переписные книги, сказки Генерального двора 1700 г., списки

В основу монографии положены многочисленные архивные и опубликованные источники: несколько десятков сводных ведомостей, перечней, справок, содержащих итоги переписи 1678 г., переписные книги, сказки Генерального двора 1700 г., списки

феодалов, материалы первой подушной переписи 1718—1724 гг. и др. Поскольку многие переписные книги до нас не дошли, разумно было при исчислении населения использовать, в первую очередь, сводные источники, дополняя и уточняя их другими документами и переписными книгами. Автор сопоставил сделанные в разное время подсчеты по переписным книгам с итогами самих книг (там, где эти итоги имеются) и убедился в достоверности сводных источников. Достоверны в общем итоги самих переписных книг 1678 г.: ошибки в крупных итогах составляют всего несколько процентов (редко превышая 10%), чем можно пренебречь (с. 26).

Дополнительной проверкой полноты итогов переписных книг 1678 г. послужило их картографирование и сравнение охваченных переписью территорий с территориями уездов на картах первой половины XVIII в. Своеобразная методика позволила впервые составить карту административно-территориального деления России в конце XVII — начале XVIII в., а также сопоставить итоги переписей 1678 г. и 1719 г. Потребовался многолетний труд, чтобы нанести на карту 215 уездов и 10 полков тетманской Украины.

Заслугой автора является районирование России в XVII в., основанное не на формальных признаках, а на учете уклада общественного хозяйства, специализации хозяйства, исторических традиций. Я. Е. Водарский руководствовался схемой районирования Европейской России, выполненной В. И. Лениным для конца XIX в., но вполне приемлемой и для более раннего времени. Ученый наметил 8 районов, которые отличались один от другого социально-экономическими и природными условиями. Данное районирование имело целью, помимо сопоставления итогов переписей 1678 г. и 1719 г., определить особенности районов по таким показателям, как характер феодальной зависимости населения, степень освоения территории, направление и масштабы передвижения населения (с. 148). При этом была применена остроумная методика вычисления масштабов миграций в целом по стране.

Сравнивая численность населения в различных районах между переписями 1678 г. и 1719 г., автор обнаружил интересную закономерность: в то время как в освоен-

ных районах население увеличилось на 20%, в заселяемых оно выросло на 72%. Естественный же прирост за эти годы в целом по стране составил 32—41% (при среднем ежегодном приросте 0,66%) (с. 153, 154). Общая численность мигрантов за 40 лет между переписями равнялась примерно 350 тыс. человек, в том числе беглых среди них насчитывалось около 200 тыс. человек, или 54% (с. 166).

Такое сравнение поуездных итогов движения населения позволило очертить районы выхода и районы притока переселенцев. В книге дан обстоятельный очерк заселения Черноземного Центра, Среднего Поволжья, восточных районов.

В исторической литературе бытуют разные точки зрения на численность населения России в конце XVII — начале XVIII в. Называются цифры — от 6,5 млн. до 16 млн. человек. Существовало мнение и об убыли населения в Петровскую эпоху (по П. Н. Милюкову — на 20% по сравнению с 1678 г.). Я. Е. Водарский получил уточненные данные. Он установил, что в России проживало в 1678 г. около 4,7 млн., а в 1719 г. — 6,6 млн. человек мужского пола (с. 90, 134). Число мужских душ на 1678 г. высчитано по средней населенности дворов и округлено с учетом порайонного процента утайки. Главный вывод, который вытекает из этих цифр, — в годы петровских преобразований население не уменьшилось, а наоборот, возросло примерно на 39%, причем увеличение произошло преимущественно благодаря естественному приросту. Политика правительства, войны и реформы, принудительные мобилизации для отбывания повинностей, подати и репрессии только замедлили естественный прирост, но не привели к убыли населения.

В качестве вспомогательного средства автор выделил сословные группы населения. Все классы-сословия и мелкие сословные образования сведены им к семи большим группам, которые последовательно характеризуются: дворяне, духовенство, приказные люди, армия, частновладельческие крестьяне, государственные крестьяне, городское население.

Удельный вес феодалов был небольшим: в 1678 г. — 4,7%, в 1719 г. — 4,4% от общей массы населения. Выяснена также социальная и иерархическая структура класса

феодалов (по числу крестьян и по месту в управлении государством и церковью). Изучение состава Боярской думы привело автора к выводу о наличии сравнительно устойчивой земельной аристократии, правившей страной в XVI—XVII вв. Политическое влияние знати базировалось на экономическом могуществе. В книге убедительно показана концентрация крепостных дворов в имениях относительно небольшого круга столичного дворянства.

Наблюдения над эволюцией дворянства в изучаемое время дали основания автору говорить о нарастающем процессе складывания крупного землевладения, для которого были характерны не только высокая концентрация крепостных дворов, но и индивидуальный характер собственности на землю, а также разбросанность имений по многим уездам.

Продолжало расти и уездное (городовое) дворянство. К 1737 г. общее количество поместий увеличилось на 121% (с. 76), что свидетельствовало о расширении крепостничества. Преобразования «Петра I и политика его преемников не изменили существенно структуру помещичьего землевладения, но количество имений значительно возросло» (с. 78). Последний отмеченный факт привлекает к себе особое внимание. Действительно, если в 1678 г. насчитывалось примерно 23 тыс. помещиков, то в 1737 г. в руках уже 46 тыс. дворян находилось 63 тыс. владений (с. 64). Только в Черноземном Центре число владений выросло с 5778 до 17 169, т. е. на 197%, а число крепостных душ в них — с 378 тыс. до 547 тыс., или на 45% (с. 169). Большая часть прироста закрепощенного населения приходилась на крупные имения.

Примерно такая же картина наблюдалась и в других районах заселения. И это происходило в обстановке действия закона о единонаследии 1714 г., когда дробление наследственной недвижимости было затруднено. К сожалению, автор не объяснил, за счет чего росло число владений. Если рост происходил по причине массового опомещения, а не мобилизации земли, то в таком случае распространенное мнение о сокращении земельных раздач в эпоху петровских реформ не подтверждается фактами.

Землевладению духовенства также была присуща концентрация крепостных дворов

в крупных вотчинах. Более медленный рост числа крестьян у духовенства по сравнению с дворянами говорил о том, что правительство стремилось сократить владения церкви, подорвать ее экономическую силу.

Расширялись ряды бюрократии, особенно в низших звеньях управления, что свидетельствовало об укреплении абсолютизма. Число приказных людей увеличилось с 3 тыс. в 1686 г. до 5,3 тыс. в 1738 г. (с. 90).

В главе о феодально зависимом населении исследуются как динамика численности крестьян и горожан, так и сближение разных групп крестьянства на основе классовой общности, ускорение процесса градообразования в условиях углубления общественного разделения труда и роста товарного производства. Из материалов главы видно, как пополнялось крестьянство за счет дворовых людей и мелких служилых людей — однодворцев. Крепостное право распространилось на новые группы крестьян, в частности, на украинских переселенцев. Примерно 2/3 крестьян было закрепощено: в 1678 г. насчитывалось 3,4 млн. частновладельческих и 0,9 млн. государственных крестьян, а в 1719 г. их стало соответственно 4,7 млн. и 1,4 млн. (с. 134). Главную роль в увеличении численности крестьян играл естественный прирост.

Существенное значение имеет раздел о социальном составе крестьянства, где показано соотношение крестьян, бобылей и жолопов (задворных и деловых людей) в общей массе крестьянства, принадлежавшего разным владельцам. Так, по переписи 1678 г. среди крестьян светских феодалов удельный вес бобылей равнялся 25%, задворных и деловых людей — 5%. Среди крестьян духовенства бобылей было 20%, среди дворцовых крестьян — 6%, среди черносошных — 10% (с. 113—114). Не одинаковой была средняя населенность двора у крестьян, бобылей и холопов. Бобыльский двор был малолюднее крестьянского в среднем на 25% (с. 114). Таким образом, в книге даются исходные обобщенные материалы для изучения расслоения сельских жителей.

Городские сословия составляли в 1678 г. 2% и в 1719 г. — 3% от всей массы трудовых слоев города и деревни (с. 134).

В связи с трудностью классификации поселений феодальной эпохи, в монографии

предложены критерии для определения города. Следует считать городом такое поселение, «жители которого занимаются торговлей и промышленностью (ремеслом) в качестве основного занятия, при объединении части жителей в сословную городскую (посадскую) общину, причем степень сословного оформления в разные периоды различна. Иначе говоря, город интересующего нас периода — это торгово-промышленный центр, имеющий посадскую общину и постороннее население...» (с. 124). Другие торгово-промышленные поселения и военно-административные пункты автор не считает возможным относить к числу городов. Думается, что такой подход перспективен для изучения процессов градообразования, для выявления количества городов в XVII—XVIII вв. и численности городского населения.

Представляется, что раздел об административно-территориальном делении страны в конце XVII — начале XVIII в. мог быть дополнен сведениями о таких единицах, как разряды. Приложенные карты нуждаются в дальнейшей доработке: на них отсутствует ряд уездов юга страны. Хотелось бы, чтобы карта давала представление обо всей стране, а не только об отдельных ее районах, как это сделано в приложениях. Научно-справочный аппарат монографии выиграл бы, если бы содержал перечень сохранившихся переписных книг 1678 г.

Монография вносит заметный вклад в науку, в разработку актуальных проблем народонаселения нашей страны.

В. М. Важинский

И. К. КИРИЛОВ. ЦВЕТУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. М., «Наука», 1977, 444 с., тир. 6100

Труд И. К. Кирилова — одного из сподвижников Петра I был впервые опубликован почти 150 лет назад М. П. Погодиным. Эта публикация была выполнена на низком научном уровне даже для 30-х годов XIX в. и подвергалась в связи с этим критике в тогдашней прессе. Выявление новых, более исправных списков сочинения Кирилова, чем тот, которым пользовался Погодин, сделало необходимость новой публикации еще более очевидной. Все эти обстоятельства объективно придают вышедшей под редакцией акад. Б. А. Рыбакова рецензируемой работе большое научное значение.

Ни один исследователь, занимающийся проблемами русской истории, демографии, экономики, географии XVIII в., не может пройти мимо сочинения Кирилова. Особую значимость этому труду придает то, что он был написан в 1726—1727 г., т. е. сразу же после смерти Петра I и завершения четвертьвекового периода реформ, а это, по справедливому замечанию публикаторов, делает это сочинение как бы подводящим итоги преобразовательной деятельности в России (с. 24).

Труд поражает обилием фактического (преимущественно цифрового) материала,

лишенного, как правило, авторского комментария. Книга содержит многочисленные и подробные данные о топографии городов, их оборонительных сооружениях, торговле, промышленности, населении, армейских частях, размещенных в уездах, административном аппарате, просвещении. Все данные, извлеченные автором из десятков документов, приведены в книге в строгой последовательности, согласно единому плану, в основу которого положен региональный принцип изложения материала по истории, экономике, топографии описываемого города, провинции, губернии. Единство замысла и четкая последовательность в реализации его делают сочинение Кирилова целостным и оригинальным трудом, статистические данные которого характеризуют значение происшедшего в истории России сдвига.

Издание включает в себя вступительный очерк о жизни и творчестве И. К. Кирилова, археографическое предисловие, текст кириловского сочинения в двух книгах, а также обширное приложение. Авторы очерка-предисловия вводят в научный оборот новые, собранные буквально по крупицам факты из жизни Кирилова. Очерк в рецензируемом издании приобретает, по нашему

мнению, вполне самостоятельное значение, пополняя крайне бедную литературу о Кирилове. Одновременно очерк неразрывно связан и с публикуемым источником. В нем хорошо показана предыстория создания книги; отмечается, что Кирилов приступил к ней, будучи уже сведущим чиновником, имевшим опыт работы с документами не только как канцелярист-систематизатор, но и как помощник А. Макарова и самого Петра в деле сбора и обработки материалов, необходимых для написания «Истории Свейской войны». Именно с проявившимся в ходе этой работы умением автора углубленно анализировать документы, отбирая из них самое важное, и связана та целостность, законченность книги Кирилова, которая придает ей определенные черты исследования.

Отдавая должное труду Кирилова как первому и наиболее полному научному страноведческому описанию России (с. 19), авторы все же несколько преувеличивают «чисто научные цели» (с. 19), которые он мог ставить перед собой. На наш взгляд, большего внимания и развития заслуживает высказанная авторами мысль о том, что Кирилов готовил своеобразное справочное пособие для внутреннего пользования в системе высших государственных учреждений, не предназначенное для публикации.

В предисловии говорится об огромной источниковой базе сочинения Кирилова, но в подтверждение этого лишь перечисляются некоторые материалы, использованные Кириловым. Между тем следовало бы тщательным образом исследовать вопрос об источниках, привлеченных Кириловым. Хорошая сохранность сенатских материалов, думается, позволила бы выявить те комплексы источников, которые Кирилов взял за документальную основу книги. Это, в свою очередь, помогло бы в решении вопросов о методике обработки Кириловым источников, о достоверности приводимых в книге данных, о степени полноты сообщаемых автором статистических сведений (например, о количестве ярмарок и предприятий, численности населения и т. д.). Отсутствие такого источниковедческого анализа является недостатком публикации.

Археографическое введение, передача текста памятника говорят о значительной

и плодотворной археографической работе. Сложность и ответственность задачи, заключалась в том, чтобы при отсутствии подлинника сочинения Кирилова отобрать из нескольких известных списков трех редакций такой, который мог стать основой публикации. Основой стал Татишевский список первой редакции, хранящийся в Рукописном отделе БАН СССР. Он действительно является наиболее полным и, кроме того, наиболее близким к подлиннику по времени создания из всех известных ныне списков. Анализ отмеченных в публикации разночтений списков показывает, что Татишевский список — наиболее исправный из сохранившихся.

Без преувеличения можно утверждать, что в результате проделанной работы было подготовлено и осуществлено новое, по-прежнему научное издание ценнейшего источника на надежной источниковой базе. При этом авторами был сохранен погодинский заголовок сочинения Кирилова («Цветущее состояние Всероссийского государства»), хотя не без оснований утверждается в предисловии, что название было присвоено труду позднейшим переписчиком (с. 19). Этот вывод позволял публикаторам в принципе отказаться от погодинского заголовка, однако, учитывая 150-летнюю историографическую традицию (и, кроме того, не зная заголовка, который дал своему труду Кирилов), они не решились (и думается — справедливо), на нововведение (с. 19).

Принципы передачи текста памятника в целом не вызывают нареканий, хотя нельзя не обратить внимания на весьма существенный негативный момент, ухудшающий общее впечатление от публикации. На с. 31, говорится, что подготовка текста труда Кирилова проводилась в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Отмечается, что при подготовке рукописи к печати «был произведен пересчет итогов таблиц: в тексте приведены правильные подсчеты, а в подстрочных примечаниях указаны итоги источника» (с. 31). Согласно же упомянутому «Правилам» (с. 39—40), должно было быть как раз наоборот: неисправности «в изданиях научного типа в цифровых данных в тексте не устраняются. Выверенные на основании других источников правильные цифры приводятся

в текстуальных примечаниях». К числу серьезных недостатков публикации следует отнести хотя и мелкие, но многочисленные ошибки, допущенные при пересчете итогов таблиц Кирилова. Это ошибки двух видов: либо публикаторы не заметили допущенных Кириловым ошибок в итогах таблиц, либо неверно их исправили. Приведем примеры.

Подводя общий итог численности населения, «положенного» на полки в С.-Петербургской губернии, Кирилов обозначил сумму в 884 437 $\frac{1}{4}$ душ (с. 368—369). Публикаторы, проверив таблицу и обнаружив допущенную Кириловым ошибку, внесли в таблицу вычисленный ими итог: 884 463 $\frac{1}{16}$. Однако они ошиблись. Следовало указать другие цифры: 884 466 $\frac{1}{8}$ д. При проверке итогов этой таблицы по каждому из отмеченных в таблице полков также не были замечены многочисленные ошибки Кирилова. Так, по Алартову полку следовало указать 50 708 $\frac{1}{8}$ $\frac{3}{4}$ без $\frac{1}{16}$ д., а не 50 679 $\frac{3}{4}$ $\frac{1}{16}$ д. (как в таблице). Не замечены ошибки в итогах по Невскому драгунскому полку (указано — 60 268 $\frac{5}{8}$, а следовало — 60 270 $\frac{5}{8}$), а также по другим полкам (Черниговскому, Тобольскому, Копорскому, Ренцелеву). Небольшая ошибка вкрадлась и в проверочный результат общей суммы подушного сбора (у Кирилова — 654 685,55 $\frac{1}{2}$ руб., публикаторы исправили на 654 685,00 руб., а следовало — 654 685,06 руб.).

Много ошибок допущено и при проверке таблицы по Московской губернии (с. 370—371). Так, итоговое число душ по Московской провинции указано у Кирилова 463 114 $\frac{1}{2}$, а проверка показывает, что итог следовало исправить на 463 113 $\frac{1}{2}$. По Рязанской провинции должно быть не 161 628 $\frac{1}{4}$, а 161 622 $\frac{1}{4}$; по Владимирской — не 190 369 $\frac{3}{4}$, а 190 363 $\frac{3}{4}$. Неверны оказались и итоговые числа душ по ряду полков, размещенных в губернии (по Бутырскому, Воронежскому, Белгородскому, Нарвскому и др.). Так, по Белгородскому гарнизонному полку общий итог у Кирилова составляет 21 864 д. вместо 28 742 д. Наконец, обнаружив, что общий итог по всей губернии — 1 572 327 $\frac{3}{4}$ д. — в рукопи-

си Кирилова неверен, публикаторы убрали его из таблицы, заменив своим, казавшимся им более правильным — 1 579 199 $\frac{1}{16}$ д. Однако, если проверить все итоги по полкам и провинциям и сложить их, то получим другой общий итог — 1 579 187 $\frac{1}{16}$ д. Допущены подобные ошибки и при проверке таблиц по Нижегородской, Смоленской, Азовской губерниям (с. 372, 373, 375). Наконец, ошибочно указана общая численность душ. Согласно данным Кирилова, всего на полки было «положено» 5 410 084 $\frac{1}{2}$ д. (с. 378). Публикаторы не внесли изменений в этот показатель, хотя сложение погубернских итогов (даже без проверки их) дает другое число — 5 415 534 д. Если же проверить все погубернские итоги и сложить их, то получим иное общее число душ, «положенных» на полки, — 5 415 524 $\frac{5}{16}$ д.

К числу недостатков издания следует отнести и примененную в нем не совсем правильную, на наш взгляд, систему подстрочных примечаний. Следовало ввести распространенную в нашей археографии дифференцированную систему сносок: одну (например, буквенную) — для фиксации текстуальных особенностей публикуемого списка и вторую (цифровую) — для фиксации разночтений редакций публикуемого памятника.

Заслуживает в целом положительной оценки помещенное в конце рецензируемого издания пространное приложение, состоящее из комментариев, терминологического словаря, именного и географического указателей. Все приложение содержательно и весьма облегчает работу с источником специалистам разных профилей. Достоинством издания является подробный именной указатель и тщательно выполненный терминологический словарь.

В целом рецензируемое издание, несмотря на отмеченные недостатки, представляет существенный вклад в дело публикации источников эпохи позднего феодализма. Книга удачно оформлена (художник Н. А. Сидельников), при этом использованы фрагменты карт России Кирилова и гравюры того времени.

Е. В. Анисимов

ОПИСЬ АРХИВА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА 1626 ГОДА. М., 1977; ч. 1, 416 с., тир. 1000; ч. 2, 104 с., тир. 1000

Рецензируемая опись так же, как опись Царского архива и опись 1614 г.¹, содержит уникальные сведения не только по истории внутренней и внешней политики России, но и по истории архивного дела. При этом опись 1626 г. существенно дополняет ранее опубликованные описи.

Особую ценность опись 1626 г. имеет для изучения опричнины Ивана Грозного и «Смутного времени». Важность издания описи 1626 г. сознавалась давно. Отдельные отрывки из нее публиковались с середины XIX в. Парадоксально, что С. Ф. Платонов, более всех из дореволюционных ученых сделавший для изучения «Смуты», ни разу не привлек опись 1626 г. в своих исследованиях. С. А. Белокуров, напротив, рассматривая вопрос о царской библиотеке XVI в., обратился в числе прочих источников и к описи 1626 г. Специально изучал опись 1626 г. И. А. Голубцов. В 1927 г. он выступил в Обществе истории и древностей российских при Московском университете с докладом «Опись архива Посольского приказа 1626 г. (К ее 300-летию)». Доклад этот, к сожалению, до сего времени не опубликован², а его следовало бы издать. Он впервые вводит в научный оборот описательную статью углицкого следственного дела 1591 г., известие об «Извете» Варлаама Яцкого, спутника Григория Отрепьева во время бегства его в Литву, и ряд других интересных сведений; в нем содержатся ценные замечания об организации архивного дела в России XVII в.

Рецензируемому изданию предпослана содержательная вводная статья, а в приложении к ней опубликованы некоторые наиболее интересные места ее черновика, разысканного В. И. Гальцовым в ЦГАДА во время подготовки описи 1626 г. к печати. Жаль только, что во вводной статье не говорится о том, что же нового дает ее черновик, а сделаны лишь глухие отсылки в примечаниях к соответствующим листам беловика.

Толчком к созданию описи 1626 г. послужил знаменитый московский пожар 3 мая 1626 г., опустошивший архивы Поместного, Разрядного, Холопьяго и других приказов. Сильно пострадал и Посольский приказ, но все-таки в меньшей степени, ибо его спасали прежде всего. Уцелевшие документы Посольского приказа царским указом от 24 декабря 1626 г. предлагалось переписать и опись отдать думному дьяку Ефиму Телепневу, возглавлявшему тогда этот приказ. Опись составлял дьяк И. И. Болотников под руководством окольного Ф. Л. Бутурлина.

Все богатейшие документы Посольского приказа, в который поступил и Царский архив XVI в., были разбиты на четыре основных раздела: «Грамоты»; «Книги»; «Столпы», «Рознь». Помимо духовных и договорных грамот великих и удельных князей, отчетов русских посольств, документов о приемах иностранных послов и самых различных материалов приказной деятельности, в архиве Посольского приказа хранились «чертежи», т. е. географические карты (глава 62) и печати, деньги, соболи (глава 46). В границах основных разделов заметна четкая систематизация документов по главам, когда на первое место ставится русская документация внутриполитического характера, а затем в строгом порядке идут главы, посвященные широким международным связям России — с греческими патриархами, Грузией, Турцией, Крымом, Ногаями, Персией, Бухарой, Польшей и Литвой, Империей, Швецией, Францией, Данией, Англией, Голландией, вольными германскими городами.

Сравнение описи 1626 г. с описью 1614 г. дает возможность определить потери, понесенные архивом Посольского приказа в результате пожара 3 мая 1626 г. (погибли многие «столпы» и грамоты, в особенности азиатских государств), а также выявить те новые принципы, которые были внесены в описание 1626 г. Опись 1626 г. чрезвычайно подробна. В ней скрупулезно описывается каждый документ (тогда как опись 1614 г. обращает внимание прежде всего на внешнеполитическую документацию), приводятся его палеографические признаки, о которых опись 1614 г. обычно умал-

¹ Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

² Текст его хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея СССР, ф. 504.

чивает. Так, об угличском следственном деле 1591 г. сказано, что оно уже к 1626 г. сильно обветшало («роспалось все и верху у него нет»). Многочисленные упоминания описи 1626 г. о «белорусском письме», под которым подразумевалась юго-западная скоропись³. Любопытно, что так же понимал «белорусское письмо» в XVIII в. В. Н. Татищев⁴. Все это создает благоприятные условия для реконструкции и поиска упоминаемых в описи 1626 г. материалов. Образцом здесь может служить реконструкция Л. В. Черепинным копийной книги духовных и договорных княжеских грамот начала 80-х годов XV в. Исследователь учел сообщаемые описью 1626 г. сведения о внешних признаках копийной книги (формат бумаги и тетрадей) и сумел обнаружить ее фрагменты в составе великокняжеского архива государственного древлехранилища ЦГАДА⁵.

Опись 1626 г.— незаменимый источник для воссоздания остатков великокняжеского и царского архивов, для определения местонахождения их в настоящее время. Такая работа чрезвычайно трудоемка, требует большого исследовательского мастерства, но она должна быть проделана в будущем и опись 1626 г. представляет для нее необходимую основу.

О многих важных, не дошедших до нас (или еще не разысканных) материалах мы можем судить по описи 1626 г. Внимание исследователей уже давно привлекла подробная описательная статья описи 1626 г. о новгородском деле времени опричнины Ивана Грозного. Из нее стали известны имена основных обвиняемых, проходивших по этому делу и предъявленные им обвинения в намерении сдать Новгород и Псков литовскому королю, «а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии... злым умыслением извести, а на государство посадити князя Володимера Ондревича»⁶.

Опись 1626 г. содержит множество свидетельств острой внутриклассовой борьбы

второй половины XVI в., подготавливавшей наступление «Смуты». Еще со времени опричнины Грозного в политические процессы против князей и бояр были активно втянуты господские холопы. Эта практика продолжалась и при царе Федоре Ивановиче, руководимом Борисом Годуновым, и особенно в царствование самого Годунова. Отметим в этой связи дело «доводное, что извещали при царе Борисе князь Ивановы люди Ивановича Шуйского Янка Иванов сын Марков да брат его Полуехтко на князя Ивана Ивановича Шуйского в коренье и в вдовском деле, 108-го году», предвосхищавшее или сопутствовавшее делу бояр Романовых. «Дело, что извещали на князя Ивана Катырева — Ростовского люди его, Федька Мошкова Той да Илюшка Дудакин, при царе Борисе, во 110-м году, распалось все». Наконец, целую «связку сыскных доводных дел старых при царе Федоре Ивановиче всеа Русии и при царе Борисе, все розбиты и погнили распались, иных и перебрать нельзя»⁷.

Большой интерес представляют материалы сыска про первого самозванца, начатого при Борисе Годунове и продолжавшегося еще при царе Василии Шуйском. Посольский приказ был одним из центров сбора сведений о Лжедмитрии I, другим таким центром была Патриаршая канцелярия. Среди этих материалов находится известие о посылке крутицким митрополитом Пафнутием и боярином кн. Ф. Т. Долгоруким лазутчиков в стан к Болотникову «на Лопасну» осенью 1606 г.⁸

В архиве Посольского приказа был налажен строгий порядок хранения и использования документов, производились их систематизация и учет. Впрочем, дело не обходилось и без курьезов. Иногда документы подвергались порче со стороны их хранителей — архивариусов XVII в. Так, в описи 1626 г. содержится перепись «грамотам, у которых обрезавал печати воровством Посольского приказу подьячей Офона

³ Опись архива Посольского приказа 1626 года (далее — Опись архива...), ч. 1, с. 75, 89, 90, 107, 234, 365 и др.

⁴ Татищев В. Н. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 124.

⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М.—Л., 1948, с. 183—184.

⁶ Опись архива..., ч. 1, с. 257—258.

⁷ Опись архива..., ч. 1, с. 262—263. См. Корейский В. И. История Иосифа в разорении русском — летописный источник В. Н. Татищева. В кн. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973, с. 273—274.

⁸ Опись архива..., ч. 1, с. 317, 319, 320. См. также Корейский В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 295—296.

Огарков во 115 (1606/1607)-м году»⁹, возможно, в момент осады Москвы И. И. Болотниковым и уж, во всяком случае, во время его восстания. Здесь значителен «сыскное дело 114 (1605/1606)-го... про воровство Поместного приказу подьячих Федьки Дашкова да Якуша Обросимова, что они починивали в старых писцовых книгах слова, прибавляли вновь воровски... и за то подьячей Федька Дашков кажен, отсечена рука»¹⁰.

Существенно облегчают пользование описью 1626 г. три указателя, составленные В. И. Гальцовым: именной, географический и предметно-терминологический. В них вложен большой труд, ибо приводимые в описи западноевропейские и восточные имена и географические наименования подчас искажены в русской транскрипции XVII в. до неузнаваемости. Некоторые из них так и не удалось расшифровать, о чем свидетельствуют сопровождающие их в указателе вопросительные знаки. Наличие подробных указателей, безусловно, повышает научную ценность издания. В то же время нельзя не отметить отдельные, вкравшиеся в указатели погрешности. Так, Симеон Бекбулатович определен как «вел. кн. московский», тогда как он в течение только одного неполного года носил титул «великого князя всея Руси», а титул «князя московского» принадлежал в это время Ивану Грозному, затем Симеон Бекбулатович был сведен с «великого княжения» и стал именоваться «великим князем тверским»¹¹. Не проведен последовательно принцип отметки чинов. Чины приводятся не систематически. Так, для Д. И. Шуйско-

го, М. В. Шуйского-Скопина, В. В. Голицына, Ф. Д. Шестунова и других не отмечено, что они бояре, хотя в ряде случаев такие указания имеются в самом тексте описи. Фамилии польско-литовских послов иногда передаются неправильно: Ян Андреевич Скратошин (надо: с Кратошни) и Станислав Крайский—Здрина (надо: Крайский из Дробина, что указывает на связь с феодальным владением). Встречаются и прямые ошибки — «Вязема см. Вязма» и опечатки — «Известное дело» (с. 263), следует читать: «Изветное дело».

Описи XVII в., сохранившиеся не только по архиву Посольского приказа, но и по некоторым другим учреждениям, например, Поместному приказу, — золотой фонд ЦГАДА. Их необходимо издать. Вслед за описью 1626 г., очевидно, следует опубликовать опись архива Посольского приказа 1673 г. Говоря об уникальных документах, отмеченных описью 1626 г., но неизвестных современным историкам, С. О. Шмидт в предисловии ставит вопросы: «Когда они исчезли? Есть ли упоминания о них в более поздних описях, составленных дяками и подьячими XVII в. или архивариусами XVIII—XIX вв.?»¹² Публикация описи 1673 г. и должна прежде всего ответить на эти вопросы. Кроме того, известно, что описания одного и того же дела в нескольких описях, начиная от описей 1614 г. и кончая описью 1673 г., заметно отличаются друг от друга и лишь в совокупности дают достаточную информацию, чтобы судить о содержании утраченного документа или о степени сохранности документа, дошедшего до нас. Только после опубликования всех посольских описей XVII в. мы сможем получить наиболее полное представление об архиве Посольского приказа, одного из ценнейших собраний XVII в.

В. И. Корецкий

⁹ Опись архива..., ч. 1, с. 320.

¹⁰ Опись архива..., ч. 1, с. 263—264.

¹¹ Шмидт С. О. Неизвестные документы XVI в. — «Исторический архив», 1961, № 4, с. 155—156; Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — «Вопросы истории», 1967, № 5, с. 32—50.

¹² Опись архива..., ч. 1, с. 4.

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

Н. И. БУХАРИН, И. С. ЯЗБОРОВСКАЯ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Уже более тридцати лет ученые Польской Народной Республики ведут плодотворное исследование истории советского общества. Изучение этой темы в польском социалистическом государстве стало одним из основных направлений исторических исследований и носит не только познавательный характер, но приобрело и важное практическое значение, ибо способствует осмыслению общих закономерностей и особенностей социалистической революции и социалистического строительства и тем самым решению ряда проблем строительства социализма в Народной Польше. Оно позволяет лучше узнать жизнь соседней братской страны, отношения с которой теперь развиваются на принципах дружбы, сотрудничества и взаимной помощи.

Советские историки — специалисты в области истории СССР проявляют все больший интерес к исследованиям своих польских коллег. За последние годы в советской научной печати был опубликован ряд обзорных историографических материалов об изучении истории СССР в ПНР¹. Однако все эти публикации в основном касались проблем польской историографии истории СССР до 1917 г. В настоящей статье принята попытка осветить достижения польских ученых в области разработки истории СССР советского периода.

В первое десятилетие Народной Польши работы по истории СССР советского периода носили в основном научно-популярный, преимущественно информативный и публицистический характер. Они были призваны прежде всего рассказать польскому читателю об истории первой страны социализма, познакомить его с опытом социалистического строительства в СССР, с историей Великой Октябрьской социалистической революции. В этих работах подчеркивалась значимость революционного преобразования России и ленинской национальной политики для судеб польского народа, для восстановления польской государственности, характеризовался вклад поляков-интернационалистов в победу и утверждение Советской власти².

¹ См. Изучение и преподавание истории СССР в странах социализма (Второй Международный симпозиум специалистов по истории СССР университетов социалистических стран, выступления польских историков Л. Базылева, В. Бортновского и В. Серчика). — «История СССР», 1976, № 2; Бухарин Н. И. Новейшие работы польских исследователей о революции 1905—1907 годов в России. — «История СССР», 1975, № 5; Дьяков В. А. Движение декабристов в исторической литературе Польской Народной Республики. — «История СССР», 1975, № 6.

² B a t o w s k i H. Dyplomatyczna geneza unieważnienia rozbiorów przez Rosję. — «Życie Słowiańskie», 1948, № 10; R a p p a p o r t H. Udział Polaków w Rewolucji Paździ-

Рост числа исследований по истории советского общества и польско-советских отношений стал особенно заметным с конца 50-х годов, что органически связано с успехами в области социалистического преобразования польского общества, с решением ряда важных задач в области организации науки и культуры. Расширению фронта исследований по истории СССР способствовало создание в 1952 г. Польско-советского института, а в 1953 г. во всех польских государственных университетах были образованы кафедры истории народов СССР. Вопросы истории СССР стали довольно широко освещаться на страницах «Ученых записок» университетов. Несколько позже соответствующие центры были организованы и в системе Польской Академии наук. В 1965 г. Отдел истории польско-советских отношений был превращен в самостоятельный институт, который в 1972 г. был в свою очередь преобразован в Институт социалистических стран. В рамках последнего работают специальные научные подразделения — сектор истории и внешней политики СССР и отдел истории польско-советских отношений. В Институте истории был сформирован отдел истории СССР и Центральной Европы, и с 1965 г. стали издаваться серийные сборники «Исследования по истории СССР и Центральной Европы» (к настоящему времени вышло в свет 14 томов). Периодически выходит издание Института социалистических стран «Из истории польско-советских отношений. Исследования и материалы»³. Эти издания являются своего рода творческой лабораторией польских ученых — многие из поставленных на их страницах проблем получили дальнейшую разработку в монографических исследованиях, привлекли внимание широкого круга ученых. Исследования, посвященные истории СССР советского периода, публикуются и на страницах центральных исторических журналов — «Kwartalnik Historyczny», «Przegląd Historyczny», «Dzieje Najnowsze», «Wojskowy Przegląd Historyczny», а также в некоторых журналах неисторического профиля — «Przegląd Humanistyczny», «Studia Nauk Politycznych», «Przegląd Zachodni» и др.

Проблемы истории СССР советского периода изучаются также в Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП, в военных академиях, высших экономических школах, в институтах политических наук и на филологических факультетах университетов, в ряде высших педагогических школ.

В настоящее время на основе достижений польской историографии по интересующей нас проблематике наряду с углубленной разработкой отдельных аспектов истории советского общества все чаще появляются обобщающие труды, освещающие историю советского общества в целом. На базе исследований, проводимых в Польской Академии наук, вслед за очерком Э. Басиньского, излагающего историю СССР от Октябрьской революции до середины 60-х годов⁴, вышло из печати исследование Т. Валихновского «СССР. Разгитие и международное значение»⁵. Автор, опираясь на широкий круг источников, в том числе материалы польских и советских архивов, работы советских и польских ученых, охарактеризо-

rnikowej.— *Myśl współczesna*, 1948; *Wielka Październikowa rewolucja*, Warszawa, 1949; *Kordecki R. 33 lata ZSRR*, Warszawa, 1950; *Kowalski J. Wielka Październikowa rewolucja socjalistyczna a wyzwolenie Polski*, Warszawa, 1952; *Najdus W. Partia bolszewików w okresie przygotowania i dokonania Wielkiej Październikowej rewolucji socjalistycznej*, Warszawa, 1965; *idem. Walka partii bolszewików o program w kwestii narodowej*, Warszawa, 1955 и др.

³ Подробно см. Матвеев Г. Ф. Проблемы истории СССР на страницах ежегодника «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały».— «История СССР», 1978, № 1.

⁴ *Basiniski E. Lata wielkiego przełomu*, Warszawa, 1967.

⁵ *Walichnowski T. ZSRR. Rozwój i międzynarodowe znaczenie*, Warszawa, 1977.

вал основные вехи в истории Советского Союза. Рецензируя это издание, Э. Баси́ньский подчеркивает, что «энциклопедическое по своей сути исследование Т. Валихновского дает хорошее представление об истории развития СССР, занимает прочное место в польской общественно-политической литературе»⁶.

Два научно-популярных очерка по истории СССР подготовлены в Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП. Основные этапы политического, социального, экономического и культурного развития СССР начиная с 1917 г. охарактеризованы Е. Чепелевским в соответствующем разделе коллективной работы «Социалистические страны после второй мировой войны. 1944—1974»⁷. Вторым таким очерком является составленный Е. Чепелевским, Я. В. Голембевским, Т. Ладыкой для сети партийного просвещения учебник «Исторический опыт КПСС и СССР»⁸, выдержавший уже несколько изданий. Он знакомит польского читателя с опытом социалистического строительства в нашей стране. Популярность этого издания показывает, что потребность в подобных публикациях постоянно возрастает.

Большую роль в деле плодотворной разработки истории СССР в Народной Польше играли научные сессии, приуроченные к юбилеям Великого Октября, а также посвященные пятидесятилетию образования СССР, проведенные в ряде университетов⁹. В изданных материалах этих сессий представлены исследования по самым разнообразным проблемам истории советского общества и польско-советских отношений в 20-х — 60-х годах. Эти публикации свидетельствуют о глубоком интересе вузовской научной общественности к этой тематике, о разнообразии исследовательских устремлений историков ПНР.

Анализ польской историографии советского общества показывает, что в центре внимания большинства исследователей находится история Великой Октябрьской социалистической революции. Серьезных достижений историография ПНР добилась и в исследовании переходного периода от капитализма к социализму. Этому способствует и значимость проблемы, и особый интерес к проблематике данного этапа, аналогичного и для развития ПНР. В последние годы все большее внимание уделяется также изучению таких важных сюжетов истории СССР, как гражданская война и интервенция, период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.), история экономического строительства СССР, история Советской Армии и Великая Отечественная война советского народа, история советской внешней политики, развитие советской культуры, а также история польско-советских отношений.

Определенным рубежом в изучении истории Великого Октября явилось для польских ученых празднование 50-й годовщины революции. Согласно подсчетам известного польского специалиста по истории СССР Л. Базылева, в 1944—1966 гг. в ПНР было опубликовано около 100 работ, посвященных октябрьской проблематике, а только за два года — 1967—1968 — в свет вышло такое же их количество. Подводя в связи с этим юбилеем итоги достижений польских ученых в статье «Проблема

⁶ «Nowe drogi», 1978, № 9, s. 192.

⁷ Kraje socjalistyczne po drugiej wojnie światowej. 1944—1974. (Problemy rozwoju politycznego, społecznego i gospodarczego). Warszawa, 1977.

⁸ Ciepielewski J., Gołębiowski J. W., Ładyka T. Historyczne doświadczenia KPZR i ZSRR. Wyd. 2. Warszawa, 1976.

⁹ По случаю 40-летия Великого Октября научная сессия была организована в Лодзкомском университете, к 50-летию — в Силезском, Ягеллонском и Познаньском университетах, к 60-летию — в Люблинском и Гданьском университетах, а также в Военной политической академии им. Ф. Дзержинского. В работе этих сессий приняли участие десятки польских ученых.

Октябрьской революции в польской историографии после 1944 г.», он констатировал: «Подавляющее большинство работ, которые до этой поры вышли в свет, касаются влияния Октябрьской революции на воссоздание польского государства, польско-русских и польско-советских революционных связей во время революции и после нее, участия поляков в революции или близких проблем... Однако, кажется, пришло время предпринять дальнейшие шаги. Польская историография в состоянии заняться проблематикой Октябрьской революции не только в связи с польскими делами»¹⁰. Той же точки зрения придерживался и видный польский историк Х. Ловмянский, который в статье «Польская историография об Октябрьской революции» писал, что проблематика Октября разработана неравномерно и ограничивается только вопросами на стыке истории России и Польши¹¹.

Десятилетие 1967—1977 гг., действительно, стало тем периодом, когда польская историческая наука обратилась к изучению ряда новых для нее проблем истории Великой Октябрьской социалистической революции. По подсчетам Я. Собчака и С. Лопатнюка, к 1977 г. польские историки опубликовали по истории Великого Октября, его влияния на судьбы Польши и участия поляков в революции около 120 монографий и более 500 статей. В 1977—1978 гг. польская историография Октябрьской революции пополнилась еще десятью монографиями и брошюрами, пятью сборниками материалов научных конференций, посвященных 60-летию Великого Октября, и 40 статьями¹².

В этих работах характеризуется всемирно-историческое значение Великого Октября, прослежены общие закономерности и специфика Октября с учетом опыта последующих народно-демократических и социалистических революций, обстоятельно исследованы многие аспекты революционных преобразований.

Польскую историографию Октябрьской революции отличает высокий теоретический уровень, стремление показать общее и особенное в ходе мирового революционного процесса при сравнительном анализе истории первой пролетарской революции и других социалистических революций. Значение Великого Октября, его влияние на мировой революционный процесс, на революционные события в Польше раскрываются как в плане показа общих закономерностей социалистической революции, проявившихся в ходе Октябрьской революции, так и в освещении непосредственного влияния революционных событий в России на рост революционной активности масс в польских землях.

Изданием, дающим польскому читателю обширную и тщательно систематизированную информацию об истории Великой Октябрьской социалистической революции, является «Энциклопедия Октябрьской революции»¹³, вышедшая в 1977 г. под редакцией Л. Базылева и Я. Собчака, которым в 1978 г. была присуждена за этот труд премия «Трибуны люду». Энциклопедия содержит более 1200 кратких справок и энциклопе-

¹⁰ Bazyłow L. Problem Rewolucji Październikowej w historiografii polskiej po roku 1944.—Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939, t. XII. Warszawa, 1967, s. 20—21.

¹¹ Lówmiański H. Historiografia polska o Rewolucji Październikowej.—Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, № 68, z. 9. Poznań, 1968, s. 39.

¹² Bibliografia prac polskich na temat: Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa i jej międzynarodowe znaczenie, wojna domowa i interwencja obca w Rosji (marzec 1917—1920). Zredagował i przygotował do druku J. Sobczak. Warszawa, 1977; Лопатнюк С. Польские историки к 60-летию Октябрьской революции.—История Великого Октября и последующих социалистических революций, 1978, № 11, с. 47.

¹³ Encyklopedia Rewolucji Październikowej. Warszawa, 1977.

дических статей. Составители широко использовали текст советского энциклопедического издания «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1968), однако 40% материалов энциклопедии составляют подготовленные видными польскими историками новые статьи и справки, посвященные участию в революции польских интернационалистов, судьбе польского населения в России в этот период и т. д.

Активно публикуются в ПНР и обобщающие работы об Октябрьской революции. Так, вышли в свет книга Х. Занд и М. Жиховского «Великий Октябрь 1917», состоящая из двух частей («Путь к Великому Октябрю» и «1917 год в России»)¹⁴, работа Р. Войны «Когда рухнули троны», в которой описаны события в России от первой мировой войны до окончания гражданской войны, а также брошюра В. А. Серчика «Великая Октябрьская социалистическая революция (исторический очерк)» и учебное пособие З. Лукавского¹⁵. История революции кратко изложена и в учебнике «Международное рабочее движение» (автор раздела В. Топорович). Сравнительный анализ истории Великой Октябрьской социалистической революции и Ноябрьской революции в Германии предпринят А. Чубиньским¹⁶. Все эти издания базируются на обстоятельной разработке в последнее десятилетие основных проблем Великого Октября.

Важнейшее место в исследованиях польских историков занимает изучение предпосылок и хода Октябрьской революции; авторы привлекают широкий круг источников и литературы вопроса. Период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую исследован в работах Р. Войны, Х. Занд, З. Лукавского, Ф. Светликовой и др. Борьба большевиков за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую в условиях двоевластия и обострения общенационального кризиса в стране рассмотрена в статьях Х. Занд, а также в ее монографии «Тактика большевиков в период развития революции»¹⁷. Ф. Светликова в статье «О нарастании революционной ситуации в русской армии в 1917 г.»¹⁸ дает довольно подробную картину распространения революционных настроений в русской армии в феврале—октябре 1917 г. Предпосылкам Октябрьской революции посвящена и статья З. Лукавского¹⁹.

С историей Октябрьского вооруженного восстания польского читателя знакомит переведенная в 1977 г. на польский язык монография ленинградских ученых «Октябрьское вооруженное восстание», предваренная обширной вступительной статьей Л. Базылева²⁰, а с ходом вооруженного восстания в Петрограде и Москве в 1917 г.—серия статей В. Борт-

¹⁴ Zand H., Zychowski M. Wielki Październik 1917. Warszawa, 1967.

¹⁵ Wojna R. Gdy runęły trony. Warszawa, 1972; Serczyk W. A. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa (zarys historyczny). Kraków, 1977; Łukawski Z. Rosja Radziecka w okresie rewolucji i wojny domowej (1917—1921). Kraków, 1977.

¹⁶ Międzynarodowy ruch robotniczy, t. 1. Warszawa, 1976; Czubiński A. Rewolucja w Rosji i w Niemczech w latach 1917—1919. Analogia i przeciwieństwa.—Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, № 68, z. 9. Poznań, 1968.

¹⁷ Zand H. Sytuacja gospodarcza w Rosji i zaczątki kontroli robotniczej w przededniu Rewolucji Październikowej.—Materiały i studia WSNS, t. 1, 1960; idem. Taktyka bolszewików w okresie pokojowego rozwoju rewolucji (27 luty—4 lipca 1917 r.). Łódź, 1962; idem. Leninowska taktyka walki o władzę w 1917 r.—Studia nauk politycznych, 1977, № 3 i др.

¹⁸ Świetlikowa F. O narastaniu sytuacji rewolucyjnej w armii rosyjskiej 1917 r.—«Wójskowy przegląd historyczny», 1968, № 1.

¹⁹ Łukawski Z. Geneza Rewolucji Październikowej.—«Dzieje najnowsze», 1977, № 3.

²⁰ Rok siedemnasty w Piotrogradzie. Październikowe powstanie zbrojne. Wyd. polskie pod red. i ze wstępem L. Bazyłowa. Warszawa, 1977.

новского²¹. Роль В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского в подготовке и проведении Октябрьской революции обстоятельно освещается в статьях В. Бортновского, К. Собчака, Е. Охманьского²². В 1967 г. Я. Собчаком была подготовлена хроника «Первые дни революции. 6. XI—3. XII 1917», второе издание которой вышло в свет в 1977 г.²³ В это документальное издание включены декреты Советской власти, прокламации, свидетельства участников событий и сообщения прессы. Роли народной милиции в победе революции и отстаивании ее завоеваний посвящена статья А. Лейванда²⁴.

В последние годы появился ряд исследований, в которых анализируются стратегия и тактика большевистской партии в Октябрьской революции, вклад В. И. Ленина в разработку теории социалистической революции. Это — монография В. Наметкевича «Стратегия революции с исторической перспективы», коллективная работа Т. Филиповича, К. Грюнберга и М. Войчеховского «Октябрьская революция. Проблемы стратегии и тактики. Польская проблематика», статьи Т. Ладьки и В. А. Серчика²⁵.

Большое внимание историки ПНР уделяют аграрному и национальному вопросам в революциях 1917 г., вопросу о мире в период между Февральской и Октябрьской революциями и в ходе Октябрьской революции²⁶. Так, монография Р. Войны «Борьба за землю в России в 1917 году» базируется на широком круге разнообразных источников, среди которых архивные и опубликованные материалы, пресса, воспоминания. Автор обстоятельно изучил фонды министерств внутренних дел, сельского хозяйства и главного сельскохозяйственного комитета, хранящиеся в ЦГАОР СССР, советскую и польскую научную литературу. В работе анализируется классовая борьба в деревне в период после Февральской революции, экономические, политические и социальные причины, которые сделали русскую деревню в 1917 г. ареной ожесточенной борьбы различных политических сил. Как писал в рецензии на работу С. Жига, «это первая книга на польском языке об аграрных отношениях, радикальном

²¹ Bortnowski W. Powstanie zbrojne w Moskwie w 1917 r. (25 października — 3 listopada 1917 r.). — «Wojskowy przegląd historyczny», 1967, № 4; idem. Powstanie zbrojne w Piotrogradzie (24.X—26.X 1917). — «Wiadomości historyczne», 1967, № 5; idem. Moskiewski komitet wojennorewolucyjny w okresie powstania zbrojnego (25.X—3.XI 1917). — Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Ser. 1. Nauki humanistyczno-społeczne, 1968, z. 54.

²² Sobczak K. Lenin o wojskowych aspektach Rewolucji Październikowej. — Rewolucja Październikowa z perspektywy półwiecza. Warszawa, 1969; Bortnowski W. Lenin jako organizator Wielkiej Rewolucji Październikowej. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1970, № 1; Ochmański J. Rola Feliksa Dzierżyńskiego w przygotowaniu i zwycięstwie Rewolucji Październikowej. — «Z pola walki», 1977, № 3.

²³ Sobczak J. Pierwsze dni rewolucji. Kronika. 6.XI—3.XII 1917. Wyd. 2. Warszawa, 1977.

²⁴ Leinwand A. Milicja Ludowa w rewolucji rosyjskiej. — «Zeszyty naukowe WAP». Ser. hist., 1967, № 17.

²⁵ Namietkiewicz W. Strategia rewolucji z perspektywy historycznej. Warszawa, 1967; Ładyska T. Leninowska strategia i taktyka walki o zwycięstwo rewolucji socjalistycznej w Rosji. — Leninowska teoria rewolucji. Historia i współczesność. Warszawa, 1977; Rewolucja Październikowa. Zagadnienia strategii i taktyki. Problematyka polska. Toruń, 1977; Serczyk W. A. Sytuacja rewolucyjna a metody walki (z doświadczeń rewolucji socjalistycznej w Rosji). — «Przegląd historyczny», 1977, № 4.

²⁶ Łosowski P. Kwestia narodowa w rewolucji i wojnie domowej w Rosji (1917—1920). — «Kwartalnik historyczny», 1967, № 3; idem. Republika radziecka wobec problemu wojny i pokoju na przełomie lat 1917—1918. — Z dziejów stosunków polsko-radzieckich, t. 13, 1976; Wojna R. Reforma rolna na narodowościowych obszarach ZSRR. — «Z pola walki», 1974, № 1; idem. Wojna o ziemię w Rosji w 1917 roku. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk; Chołaj H. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a kwestia agrarna. — «Nauka polska», 1978, № 3—4 i др.

и революционном крестьянском движении в России, о совокупности проблем российской деревни в 1917 г., в том числе об аграрной реформе»²⁷.

Следующий круг проблем истории Октябрьской революции, активно изучаемый польскими историками, — это триумфальное шествие Советской власти, строительство социалистической государственности, первые социалистические преобразования. В центре внимания польских ученых борьба за установление и упрочение Советской власти в Литве, Белоруссии и на Украине. Эти исследования, как правило, опираются на солидную источниковую базу; в них широко использованы документы из партийных и государственных архивов Москвы, Минска, Вильнюса, Киева. История создания Литовско-Белорусской Советской Республики, интернациональный вклад поляков в ее укрепление рассмотрены в серии статей А. Деруги, в работах П. Лоссовского и В. Найдуса²⁸. Образование Литовской Советской Республики; создание местных органов Советской власти и в Литве на рубеже 1918—1919 гг., выборы в Советы в Советской Литве в 1919 г. анализируются в обстоятельных статьях Е. Охманьского²⁹; А. Деруга посвятил свои статьи истории создания и первым годам существования Белорусской Советской республики; о борьбе за установление Советской власти на Украине писали Я. Радзеевский и В. А. Серчик, об истории установления Советской власти на Урале и в Западной Сибири — Р. Война³⁰.

Важным вкладом в историографию Великой Октябрьской социалистической революции является монография Х. Занд «Спор за власть после Октябрьской революции в России (Советы и Учредительное собрание)»³¹. Работа основана на документах советских государственных и партийных архивов, материалах прессы, документальных публикациях. Она посвящена первому этапу борьбы за укрепление Советской власти (октябрь 1917 — январь 1918 г.). О российских общественных организациях в 1917—1918 гг. рассказывает статья М. Вилька³².

В центре внимания польских историков и проблема влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного процесса в различных странах. В ряде работ охарактеризовано воздействие Великого Октября на революционную обстановку в Германии (статьи А. Чубиньского и М. Пирко), на национально-освободительное движение в Австро-Венгрии (Е. Козеньского), на внутреннюю ситуацию в Италии в 1917—1921 гг. (С. Серповского), на радикализацию общест-

²⁷ «Dzieje najnowsze», 1978, № 4, s. 148.

²⁸ Deruga A. Leninowska polityka zagraniczna Litewsko-Białoruskiej Republiki Radzieckiej. — Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; idem. Z dziejów ruchu rewolucyjnego na ziemiach litewsko-białoruskich w 1918 r. — Ibid., t. 11/12, 1975; Najdus W. Polacy we władzach Republiki Litewsko-Białoruskiej (1919 r.). — «Kwartalnik historyczny», 1967, № 3; Losowski P. Z zagadnień współdziałania rewolucjonistów polskich, litewskich i łotewskich w okresie rewolucji i wojny domowej w Rosji. — Z dziejów stosunków..., t. 4, 1969 и др.

²⁹ Ochmański J. Tworzenie się terenowych organów władzy radzieckiej na Litwie w 1918/1919. — «Zapiski historyczne», 1970, № 3/4; idem. Rady i rewkomu na Litwie Radzieckiej w 1918—1919 roku. — Studia z dziejów ZSRR..., t. 5, 1969 и др.

³⁰ Serczyk W. A. Rewolucja 1917 roku na Ukrainie. — «Zeszyty naukowe UJ», 1967, № 172, prace hist., z. 20; Deruga A. Powstanie i pierwsze lata Białoruskiej Republiki Radzieckiej. — «Notatki płoćkie», 1969, № 2; idem. Wpływ Rewolucji Październikowej na budowę białoruskiej państwowości radzieckiej. — Z dziejów stosunków..., t. 5, 1969; Radziejowski J. Ruch narodowy i rewolucyjny na Ukrainie w okresie działalności Centralnej Rady (marzec 1917 — kwiecień 1918 r.). — Studia z dziejów ZSRR..., t. 9, 1973; Wojna R. Z dziejów ustanowienia władzy radzieckiej na Uralu i Syberii Zachodniej. — «Kwartalnik historyczny», 1977, № 4.

³¹ Zand H. Spór o władzę po Rewolucji Październikowej w Rosji (Rady i Konstytuanta). Warszawa, 1967.

³² Wilk M. Rosyjskie organizacje społeczne w latach 1917—1918. — Z dziejów stosunków..., t. 16, 1977.

венно-политической жизни Скандинавских государств (Б. Петровско-го)³³. Влияние Октябрьской революции на регион Центральной и Юго-Восточной Европы обстоятельно рассмотрено в монографии В. Бальцерака «Возникновение национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе» и в статье Я. Собчака «Влияние Октябрьской революции на развитие политической ситуации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»³⁴. Изучено также влияние Октября на ход первой мировой войны, на изменения в международных отношениях, на завоевания международного рабочего движения³⁵.

В связи с празднованием 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в ПНР вышел ряд работ, посвященных всемирно-историческому значению революции. Среди них можно отметить брошюру Я. В. Голембевского и Я. Собчака «Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции», монографию В. Волчева «Великая Октябрьская социалистическая революция — первое победоносное звено мировой социалистической революции»³⁶, а также статьи Л. Базылева, Е. Мушинского, В. Маевского и З. Маркоцкого, Э. Шиманьского, А. Бартницкого³⁷.

Значительное место в польской историографии Великой Октябрьской социалистической революции занимают исследования, посвященные участию поляков в революции и ее влиянию на восстановление независимости Польши. По подсчетам библиографов Центральной военной

³³ Czubiński A. Rewolucja Październikowa w Rosji a premiany wewnętrzne w Niemczech. — «Kwartalnik historyczny», 1967, № 3; Pirkó M. Wpływ Lutowej i Październikowej Rewolucji na sytuację rewolucyjną w Niemczech w 1917, na początku 1918 roku. — «Zeszyty naukowe WAP», seria hist., 1967, № 12; Kozeński J. Wpływ Rewolucji Październikowej na ruch narodowo-wyzwoleńczy Austro-Węgier i rozpad monarchii. — «Przegląd Zachodni», 1967, № 3/4; Piotrowski B. Narody skandynawskie wobec procesu kształtowania się państwa radzieckiego (1917—1924). — «Z pola walki», 1972, № 4; Sierpowski S. Stosunek Włoch do Rosji Radzieckiej i ZSRR (1917—1924). — Ibid.; idem. Znaczenie argumentu rewolucji dla realizacji postulatów mocarstw europejskich. — «Studia Historica Slavo-Germanika», 1973, № 1.

³⁴ Sobczak J. Wpływ Rewolucji Październikowej 1917 r. na rozwój sytuacji politycznej w krajach Europy Środkowo-Wschodniej (z uwzględnieniem Polski). — «Z dziejów stosunków...», t. 10, 1973; Balcerak W. Powstanie państw narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 1974.

³⁵ Zagórniak M. Wpływ rewolucji lutowej i październikowej 1917 roku na przebieg I wojny światowej. — «Zeszyty naukowe UJ», 1967, № 172, Prace historyczne, z. 20; Rachocki J. Rewolucja Październikowa a zdobycze socjalne międzynarodowej klasy robotniczej. — «Przegląd Zachodni», 1967, № 3—4; Balcerak W. Wpływ Rewolucji Październikowej 1917 r. i powstania Rosji Radzieckiej na przemiany w stosunkach międzynarodowych. — «Z dziejów stosunków...», t. 16, 1977; Przewłocki J. Wpływ zwycięstwa Rewolucji Październikowej na modyfikację politycznych koncepcji mocarstw zachodnich. — «Zaranie śląskie», 1977, z. 3.

³⁶ Gołębiowski J. W., Sobczak J. Historyczne znaczenie Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej (z perspektywy minionych 60 lat). Warszawa, 1977; Wołczew W. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa — pierwsze zwycięskie ogniwo światowej rewolucji socjalistycznej. Katowice, 1977.

³⁷ Basyłow L. Historyczne znaczenie Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej dla procesów rewolucyjnych w świecie w minionych 60 latach. — «Przegląd humanistyczny», 1977, № 11; idem. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa i procesy rewolucyjne w minionych 60 latach. — «Nauka polska», 1978, № 3/4; Muszyński J. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa początkiem nowej epoki w dziejach rozwoju ludzkości. — «Zeszyty naukowe WAP», 1977, № 92; Bartnicki A. Idee Rewolucji Październikowej a Afryka w okresie międzywojennym. — «Dzieje najnowsze», 1977, № 2; Szymański E. Wielka Rewolucja Październikowa a Trzeci Świat. — «Kultura i Społeczeństwo», 1977, № 4; Majewski W., Markocki Z. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a świat współczesny. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1978, № 1.

библиотеки ПНР, по этой тематике в Народной Польше к 1977 г. было опубликовано 410 монографий и статей³⁸.

Среди научных исследований, посвященных роли Великого Октября в судьбах польского народа, в первую очередь нужно отметить книгу Г. Яблоньского «Великий Октябрь и независимость Польши», а также написанную им в соавторстве с А. Кручковским работу «Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша», которые были опубликованы и в Советском Союзе³⁹. К 50-й годовщине Великого Октября была издана и памятная книга Польской Академии наук «Октябрьская революция и Польша»⁴⁰. В работе собраны статьи ряда ведущих польских историков: Г. Яблоньского, Х. Малиновского, Ф. Тыха, Е. Хольцера, Я. Моленды, В. Станкевича, А. Гарлицкого, Е. Мыслинского, К. Сероцкой, Т. Чесляка, А. Слиша, в которых освещаются различные стороны влияния революционных событий 1917 г. в России на польские земли: роль Октябрьской революции в воссоздании независимого Польского государства, а также участие поляков в борьбе за победу социалистической революции в России и др.

Значению революции в России для возрождения польской государственности в разные годы посвятили свои исследования Н. Гонсеровская, Ф. Збиневиц, Л. Зяя, М. Лечик, И. Павловский, А. Скушпек, В. Топорович и др., а ее влиянию на польское рабочее движение — А. Верблян, З. Лукавский, Х. Малиновский, Ф. Тых и др.⁴¹ Отклики в польском обществе на события в революционной России, влияние Октябрьской революции на общественно-политическую жизнь в Польше нашли отражение в сборнике материалов и документов Л. Смоларского «Польское общество и Октябрьская революция (март 1917—ноябрь 1918)», в статье М. Лечика, посвященной отношению польских буржуазных группировок к Октябрьской революции и др.⁴² Хорошо исследована в историографии ПНР реакция польской прессы на революционные события в России⁴³. Публи-

³⁸ *Udział Polaków w Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej i jej wpływ na sprawę niepodległości Polski (materiały bibliograficzne)*. Warszawa, 1977.

³⁹ Яблоньский Г. Великий Октябрь и независимость Польши. М., 1967; Яблоньский Г., Кручковский А. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша. М., 1967.

⁴⁰ *Rewolucja Październikowa a Polska*. Warszawa, 1967.

⁴¹ Gąsiorowska N. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa (1917) a wyzwolenie i zjednoczenie Polski (1918). — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego», ser. 1, 1958, z. 11; Malinowski H. Polski ruch robotniczy wobec idei Rewolucji Październikowej. 1917—1919. — «Z pola walki», 1967, № 3; Pawłowski I. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a niepodległość Polski. — «Zeszyty naukowe WAP», 1967, ser. hist., № 16; Łukawski Z. Wpływ Wielkiego Października na postawy polityczno-ideowe i założenia programowe polskich rewolucjonistów w Rosji. — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego», Prace historyczne, № 54, 1975; Leczyk M. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a niepodległość Polski. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1977, № 3; Toporowicz W. Kwestia polska w Rewolucji Październikowej (1917—1918). — «Zeszyty naukowe WSNS», 1977, № 3; Tych F. Polscy rewolucjonści wobec Października. — «Nowe drogi», 1977, № 7; Ziaja L. Wpływ Rewolucji Październikowej w Rosji na odzyskanie niepodległości przez Polskę. — «Zeszyty naukowe WAP», № 92, 1977; 60 rocznica Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej. Dokumenty. Warszawa, 1977; Skrzypek A. Rewolucja Październikowa a odzyskanie niepodległości Polski. Zarys problematyki. — «Kwartalnik historyczny», 1977, № 4; Werblan A. Dziedzictwo Wielkiego Października — naszym drogowskazem. — «Z pola walki», 1977, № 3; idem. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a walka narodu polskiego o wyzwolenie społeczne i narodowe. — «Nowe drogi», 1977, № 12; Zbiniewicz F. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski. — «Myśl wojskowa», 1977, № 11 i др.

⁴² Odgłosy 1917 roku w Zagłębiu Dąbrowskim, Częstochowie i na Śląsku. Katowice, 1967; Z badań nad wpływem i znaczeniem rewolucji rosyjskich 1917 roku dla ziem polskich. Wrocław, 1968; Leczyk M. Stosunek Polskich ugrupowań burżuazyjnych do Rewolucji Październikowej. — Rewolucja Październikowa z perspektywy półwiecza. Warszawa, 1969; Odgłosy Rewolucji Październikowej na Mazowszu i Podlasiu. Wasecawa, 1970 i др.

кация «Классовая борьба в польской деревне (1918—1919)», подготовленная Л. Кушиком, содержит богатую подборку документов, которые свидетельствуют о неуклонном нарастании радикализации польской деревни под влиянием Великого Октября»⁴⁵.

Особое место в историографии ПНР уделяется вопросу участия поляков в Великой Октябрьской социалистической революции, их вкладу в борьбу за победу и упрочение Советской власти, участию в строительстве советского социалистического государства. Группой сотрудников Института истории партии при ЦК ПОРП под руководством А. Коханьского подготовлена «Книга поляков — участников Октябрьской революции»⁴⁶, в которой содержится около 7,7 тыс. биографических справок о поляках, участвовавших в революции и отстаивавших ее завоевания в годы гражданской войны.

Среди исследований, посвященных участию поляков в Октябрьской революции, в установлении Советской власти, в гражданской войне, следует отметить монографии В. Найдуса «Поляки в революции 1917 г.» и «Польская левизна в Стране Советов. 1918—1920»⁴⁷. Эти монографии базируются на материалах советских и польских архивов, в том числе партийных и государственных архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Минска, Баку, Еревана, Красноярска, Курска, Саратова, Тулы и др. А. Коханский, оценивая исследование «Поляки в революции 1917 г.», подчеркивает, что «автор избежала упрощений в показе российской колонии и повторения устаревших стереотипных точек зрения»⁴⁸. Монография преимущественно посвящена польским учреждениям и организациям в России в 1917 г.

Участие поляков в Октябрьской революции и в строительстве Советского государства является объектом исследования целого ряда статей — Р. Верфеля, Б. Гадомского и Л. Енджевской, Л. Дубацкого, Х. Занд, Л. Калестыньской, А. Коханьского, З. Лукавского, В. Найдуса, А. Слиша, Я. Собчака, М. Танты, В. Топорович, Э. Хорновой, Р. Сургевича и других⁴⁹. Польскими учеными подготовлено несколько научно-популярных работ по этой теме.

⁴⁵ Smosarski L. Społeczeństwo polskie wobec Rewolucji Październikowej (marzec 1917 — listopad 1918). Warszawa, 1954; Mendel E. Główne hasła rosyjskich rewolucji 1917 roku w polskiej prasie górnośląskiej. Opole, 1967; Sierocki T., Smosarski L. Rewolucja Październikowa w opinii prasy polskiej (7 listopada 1917 — 7 lutego 1918). — «Z pola walki», 1967, № 3; Grot L. Prasa polska o Rewolucji Październikowej w Rosji (7 listopada 1917 — 11 listopada 1918). — Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939. T. II. Warszawa, 1967; Leczyk M. Prasa polska 1917—1918 o Rewolucji Październikowej. — «Zeszyty naukowe WAP», z. 92, 1977 i др.

⁴⁶ Kuszyc W. Walki klasowe na wsi polskiej 1918—1919. Materiały źródłowe. Warszawa, 1968.

⁴⁷ Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej. 1917—1920. Biografie. Warszawa, 1967.

⁴⁸ Nайдус В. Polacy w Rewolucji 1917 r. Warszawa, 1967; idem. Lewica polska w Kraju Rad. 1918—1920. Warszawa, 1971.

⁴⁹ «Z pola walki», 1968, № 2, s. 219.

⁴⁹ Zand H. Przyczynek do udziału Polaków w organizowaniu i utrwaleniu władzy radzieckiej. — Studia z najnowszych dziejów powszechnych. T. 4. Warszawa, 1963; Łukawski Z. Polacy w walce o utrwalenie władzy radzieckiej na Syberii. — Z. przeszłości Syberii. Kraków, 1964; Dubacki L. Udział kolejarzy polskich w walce o zwycięstwo Rewolucji Październikowej w Rosji w latach 1917—1918. — «Kwartalnik historyczny ruchu zawodowego», 1967, № 3; Hornowa E. Z udziału Polaków w Rewolucji Październikowej. — «Zeszyty naukowe». Ruch robotniczy w Opolu, 1967, № 4; idem. Z udziału Polaków w walce o utrwalenie władzy radzieckiej w Rosji. — «Kwartalnik opolski», 1977, № 4; Kochanski A. Polacy-bojownicy Rewolucji Październikowej. — «Nowe Drogi», 1967, № 7; idem. Udział Polaków w Rewolucji Październikowej. Kalendarium. — «Nowe Drogi», 1977, № 3; Nайдус В. Polskie organizacje zawodowe w Rosji w latach 1917—1918. — «Kwartalnik historii ruchu zawodowego», 1967, № 3; Werfel R. Śladami leninowskiego dekretu (niektóre materiały do dziejów komisariatu do spraw polskich 1917—

Плодотворно изучается польскими специалистами в области военной истории участие польских военных формирований в революционных событиях в России, в борьбе за Советскую власть. Следует отметить в этой связи монографии А. Заторского «Польские левые военные в период революции 1917—1918», И. Павловского и К. Собчака «Они боролись за Польшу. Поляки и польские части в Октябрьской революции и гражданской войне в России, 1918—1921», М. Ваврыковой «Польские революционные военные формирования в России в 1917—1920 годах», статьи М. Вжосека, А. Заторского, Э. Козловского и В. Рыжевского, К. Собчака⁴⁹. История Белгородского полка, первого польского революционного полка в России, изложена в монографии А. Заторского, выдержавшей уже два издания, и в статьях М. Вжосека⁵⁰; история Красного полка Варшавы — в работах А. Косковского и А. Заторского, Западной стрелковой дивизии — А. Заторского, З. Лукавского⁵¹.

Параллельно с научными исследованиями периодически публикуются и сборники документальных материалов. В 1957 г. вышел в свет подготовленный В. Помыкало сборник материалов и документов «Поляки в России и Октябрьская революция (март 1917 — ноябрь 1918)». Неоднократно публиковались воспоминания поляков — участников Октябрьской революции⁵². Среди них необходимо отметить работу «На рубеже эпох. Книга воспоминаний поляков — участников Октябрьской революции и гражданской войны», в которой собрано 108 свидетельств, большинство из которых (80%) были изданы впервые.

В 70-е годы польские ученые немало сделали для исследования гражданской войны и интервенции. Итоги многолетнего изучения этой темы

1918).— Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu państwa radzieckiego.— «Nowe Drogi», 1972, № 12; Toporowicz W. Komisja Likwidacyjna do spraw b. Królestwa Polskiego w pierwszych miesiącach władzy radzieckiej (XI.1917—III.1918).— Z dziejów stosunków..., t. 10, 1973; Gądomski B., Jędrzejowska L. Działacze związkowi — uczestnicy Rewolucji Październikowej.— «Kwartalnik historii ruchu zawodowego», 1977, № 3, 4; 1978, № 1; Surgiewicz R. Wkład Polaków w zwycięstwo Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej.— «Przegląd wojskowy», 1977, № 10; Słisz A. Polacy w Rosji i Rewolucja Październikowa.— «Przegląd humanistyczny», 1977, № 11; Tanty M. Polski wkład w zwycięstwo Rewolucji Październikowej.— «Przegląd humanistyczny», 1977, № 11 и др.

⁴⁹ Pawłowski J., Sobczak K. Walczyli o Polskę. Polacy i oddziały polskie w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji. 1917—1921. Warszawa, 1967; Zatorski A. Polska lewica wojskowa w Rosji w okresie rewolucji 1917—1918. Warszawa, 1971; Sobczak K. Żołnierze polscy w Rosji wobec Rewolucji Październikowej.— «Myśl wojskowa», 1957, № 11; Zatorski A. Walka polskich formacji rewolucyjnych w obronie władzy Rad. Grudzień 1917 — marzec 1918.— Z postępów tradycji oręża polskiego 1917—1939. Warszawa, 1966; Kozłowski E., Ryżewski W. Polskie formacje rewolucyjne w świetle dokumentów.— «Wojskowy przegląd historyczny», 1967, № 4; Zatorski A. Z problematyki stosunku Lenina do kwestii wojska polskiego w Rosji po Rewolucji Październikowej.— Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; Wrzosek M. Polskie rewolucyjne formacje wojskowe w Rosji w latach 1917—1920.— Historia wojskowości polskiej. Wybrane zagadnienia. Warszawa, 1972.

⁵⁰ Zatorski A. Dzieje pułku białogrodzkiego, I polskiego pułku rewolucyjnego w Rosji. Warszawa, 1967; Wrzosek M. Przyczynek do historii I Rewolucyjnego Pułku Polskiego.— «Przegląd historyczny», 1967, № 4; idem. Z dziejów I Rewolucyjnego Pułku Polskiego w Rosji. Warszawa, 1967; Wrzosek M. Przyczynek do historii I Rewolucyjnego Pułku Polskiego.— «Przegląd historyczny», 1967, № 4; idem. Z dziejów I Rewolucyjnego Pułku Polskiego w Rosji. 24.I 1917—6.I 1918 r.— «Wojskowy przegląd historyczny», 1977, № 3.

⁵¹ Łukawski Z. Przyczynek do historii Zachodniej Dywizji Strzelców — Zeszyty naukowe UJ, № 26. Prace historyczne, 1960, s. 4; Koskowskii A. Czerwony Pułk Warszawy. Warszawa, 1967.

⁵² Wspomnienia Polaków o Rewolucji Październikowej. Warszawa, 1957; Na Granicy epok. Księga wspomnień Polaków — uczestników Rewolucji Październikowej i wojny domowej. Warszawa, 1967; Wspomnienia weteranów rewolucji 1905 i 1917 roku. Łódź, 1967.

Р. Войной отражены в ряде его статей, а также в вышедшей в 1975 г. монографии, освещающей историю гражданской войны 1918—1920 гг.⁵³ Основное внимание в данной работе уделено описанию военных действий на фронтах гражданской войны. П. де Лаваль, рецензируя монографию, отмечает, что это — «ценная работа, базирующаяся на солидной творческой лаборатории и всестороннем знании предмета», а П. Лоссовский подчеркивает доступность изложения и полезность книги⁵⁴.

Польские историки проанализировали целый ряд отдельных, но важных аспектов указанной темы. Роль латышских стрелков в революции и гражданской войне раскрыта в статье П. Лоссовского⁵⁵. Политическая платформа меньшевиков и эсеров в этот период и причины их политического банкротства рассмотрены в монографии Х. Занд⁵⁶. Истоки и характер махновщины в 1918—1921 гг. — в статье Р. Войны⁵⁷.

А. Юзвенко проанализировал в ряде статей и в монографии «Польша и „белая“ Россия» некоторые аспекты интервенции в России, поддержку буржуазной Польшей российской контрреволюции⁵⁸. Роль польских реакционных военных формирований в гражданской войне была предметом исследования Л. Гроссфельда и М. Вжосека⁵⁹.

Первое пятилетие существования Советского государства, предпосылки объединения советских республик в Союз Советских Социалистических Республик исследованы Р. Войной⁶⁰.

Формирование однопартийной системы в Советской России, причины политического банкротства мелкобуржуазных партий, отношение В. И. Ленина к этим партиям обстоятельно раскрыты Х. Занд и Р. Войной⁶¹.

Развитию В. И. Лениным учения о партии в послеоктябрьский период посвящена монография Х. Занд «Ленинская концепция партии. Историческое исследование»⁶². В работе анализируется ленинская концепция политической системы социалистического общества в переходный от капитализма к социализму период, место и роль пролетарской партии в ней, рассматриваются ленинские идеи об отношениях между партией и массовыми организациями рабочего класса и др.

Большое значение имеет предпринятое Х. Занд, Я. Канцевичем, Ф. Светликовой исследование дискуссии в РКП(б) о профсоюзах, ленинских идей о взаимоотношениях между партией, государством, проф-

⁵³ Wojna R. Z pierwszego okresu rewolucji i wojny domowej w Rosji (marzec 1917 — marzec 1918 r.). — Studia z dziejów ZSRR..., t. 3, 1967; idem. Z drugiego okresu wojny domowej w Rosji (marzec — listopad 1918 r.). — Ibid., t. 6, 1970; idem. Z trzeciego okresu wojny domowej w Rosji (grudzień 1918 — 1920). — Ibid., t. 10, 1974; idem. W ogniu rosyjskiej wojny wewnętrznej. 1918—1920. Warszawa, 1975.

⁵⁴ Studia z dziejów ZSRR..., t. 13, 1977, s. 187; Z. pola walki, 1976, № 2, s. 194.

⁵⁵ Łosowski P. Strzelcy lotewscy w rewolucji i wojnie domowej w Rosji (1917—1920). — Studia z dziejów ZSRR..., t. 3, 1967.

⁵⁶ Zand H. Z dziejów wojny domowej w Rosji. Miejszewicy i eserowcy w latach 1917—1920. Warszawa, 1973.

⁵⁷ Wojna R. Nestor Machno i «anarchizm czynu». — «Z pola walki», 1970, № 2.

⁵⁸ Juzwenko A. Polska a «biała» Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920); Wrocław etc., 1973.

⁵⁹ Grosfeld L. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1919. Warszawa, 1956; Wrzosek M. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917—1918. Warszawa, 1969.

⁶⁰ Wojna R. Od Rewolucji Październikowej do utworzenia ZSRR (z dziejów państwowości radzieckiej). — «Z pola walki», 1977, № 3.

⁶¹ Wojna R. Lenin i partie drobnomieszczańskie demokracji w Rosji (1917—1923). — «Z pola walki», 1970, № 1; Zand H. U podstaw systemu partyjnego w Rosji Radzieckiej (1917—1922). — «Dzieje najnowsze», 1977, № 3.

⁶² Zand H. Leninowska koncepcja partii. Studium historyczne. Warszawa, 1977.

союзами и массами, о роли и задачах профсоюзов после победы социалистической революции⁶³.

Историки ПНР много внимания уделили изучению истории образования Советского Союза, особенно в связи с празднованием 50-летия Союза Советских Социалистических Республик. В статьях Л. Базылева, Э. Барща, Т. Валихновского, П. Лоссовского, Г. Курписовой, В. Сильвестшака и других характеризовались ленинская концепция создания СССР, причины и условия его образования, объединительное движение советских республик, международное значение создания Союза ССР и др.⁶⁴ Три составные части ленинского плана социалистического строительства охарактеризованы в статье Х. Занд⁶⁵.

Естественно, очень большой интерес в ПНР вызывает ленинская национальная политика. В центре внимания польских историков в этой связи прежде всего проблема отношения В. И. Ленина к независимости Польши, к воссозданию независимого польского государства. Она получила раскрытие в работах Г. Яблоньского, В. Булата, З. Зян, З. Лукавского, Т. Чесляка и других⁶⁶. Ю. Заторским проанализировано отношение В. И. Ленина к вопросу о польской армии в России после Октябрьской революции, В. Деругой — его инициатива по вопросу урегулирования отношений с Польшей на рубеже 1918—1919 гг., Х. Батовским — отношение В. И. Ленина к восточной границе Польши, А. Хойновским — реакция польской прессы на смерть В. И. Ленина⁶⁷. Влияние В. И. Ленина и ленинизма на польское рабочее движение после 1917 г. — тема статей Л. Кещиньского, М. Меглицкой и В. Топорович, Я. Томицкого, а так-

⁶³ Kancewicz J. Partia, państwo, związki zawodowe i masy — niektóre aspekty stosunków między nimi w polityce Lenina (1917—1922). — «Kwartalnik historii ruchu zawodowego», 1970, № 1; Świetlikowa F. Walka Lenina o nowy model związków zawodowych w Rosji Radzieckiej. — Ibid.: Zand H. O roli i zadaniach związków zawodowych po rewolucji socjalistycznej (na marginesie dyskusji w RKP(b) (1920—1921). — «Studia nauk politycznych», 1974, № 1.

⁶⁴ Bazylow L. Powstanie ZSRR jako rezultat ekonomicznego, politycznego i kulturalnego rozwoju republik radzieckich. — «Dzieje najnowsze», 1972, № 4; idem. Proces kształtowania się radzieckiego państwa związkowego. — «Życie szkoły wyższej», 1972, № 11; Lossowski P. Dzieje ukształtowania Związku Radzieckiego. — «Nowe drogi», 1972, № 10; idem. Dokumenty dotyczące utworzenia Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. — «Dzieje najnowsze», 1972, № 4; idem. Lenińska koncepcja utworzenia ZSRR. — «Kwartalnik historyczny», 1972, № 1; Sylwestrzak A. W. I. Lenin o federacji. — «Studia nauk politycznych», 1972, № 4; Barszcz E. Utworzenie Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. — «Zeszyty naukowe WAP», 1973, № 75; Kurpisowa G. Geneza Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Historia», 1974, № 3 и др.

⁶⁵ Zand H. Niektóre problemy lenińskiego planu budownictwa socjalistycznego. — «Studia nauk politycznych», 1977, № 2.

⁶⁶ Jabłoński H. Lenin a niepodległość Polski. — Z dziejów idei lenińskich w Polsce. Warszawa, 1961; idem. Lenin a klasowe i narodowe dążenia Polaków. — «Kultura i społeczeństwo», 1970, № 1; Bułat W. Lenin a sprawa polska. Warszawa, 1970; Gieślak T. Lenin a sprawa niepodległości Polski. — Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; Łukawska Z. U źródeł poglądów Lenina na sprawę polską. — «Studia historyczne», 1970, z. 2 и др.

⁶⁷ Chojnowski A. Prasa polska o śmierci Lenina. — «Przegląd historyczny», 1970, № 1; Deruga A. Inicjatywa Lenina w sprawie uregulowania stosunków z Polską na przełomie lat 1918/1919. — «Dzieje najnowsze», t. 2, 1970; Zatorski A. Z problematyki stosunku Lenina do kwestii wojska polskiego w Rosji po Rewolucji Październikowej. — Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; Batoski H. Lenin a wschodnia granica Polski. W sprawie jednego nieporozumienia (1920). — «Zeszyty naukowe UJ». Prace hist., z. 34, 1971 и др.

же интересной дискуссии на страницах журнала «3 поля валки» «Ленин — Революция — Польша»⁶⁸.

Многолетнее изучение ленинского наследия М. Вальденбергом, отраженное в его статьях о ленинской концепции общественного развития, о теории социалистической революции, о критике В. И. Лениным идеологии «левого» коммунизма, а также идеологии социал-демократизма и реформизма после Октябрьской революции и др. завершилось выходом фундаментальной монографии «Революция и государство в политической мысли В. И. Ленина». Ленинская теория социалистической революции получила раскрытие также в статьях Ф. Тыха, Ю. Урбаняка, П. Марчиняка и др.⁶⁹

Проблеме «В. И. Ленин и аграрный вопрос» посвящены коллективная работа «Ленин и аграрный вопрос при социализме и капитализме», монография Х. Занд и статьи Х. Слабека⁷⁰.

Значительное внимание польские историки уделяют жизни и деятельности одного из ближайших соратников В. И. Ленина — Ф. Э. Дзержинского. В изданных за последние годы его биографиях⁷¹ характеризуется деятельность Ф. Э. Дзержинского в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны, на хозяйственном фронте.

Последние 15 лет польские историки и экономисты вели успешную разработку экономической истории СССР. Фундаментальной обобщающей работой стала монография Е. Чепелевского «Экономическая история Советского Союза»⁷² (первое издание носило название «Социально-экономическая история Советского Союза»). В этой работе основные этапы развития советской экономики показаны на общем фоне внутри- и внешнеполитических событий, охарактеризованы основные аспекты хозяйственной жизни СССР. К монографии тематически примыкают работа Е. Клеера и статьи Ф. Пентека и А. Блащика, анализирующие историю планирования и управления народным хозяйством СССР⁷³.

В работах польских ученых охарактеризованы первые шаги диктатуры пролетариата в социально-экономической области, разработка партийей основ экономической политики Советского государства, советская экономика периода «военного коммунизма», концессионная политика Советского Союза в 1918—1928 гг., система цен в 20-х годах и др.⁷⁴ Иссле-

⁶⁸ Kieszczyński L. Leninowska taktyka w kwestii związków zawodowych a KPRP w latach 1918—1923. — «Z pola walki», 1970, № 1; idem. Lenin a sprawa jednności polskiego ruchu zawodowego. — «Kwartalnik historii ruchu zawodowego», 1970, № 1; Lenin — Rewolucja — Polska. — «Z pola walki», 1970, № 1; Meglicka M., Toporowicz W. Lenin a Polacy w III Międzynarodówce. — «Z pola walki», 1970, № 1, и др.

⁶⁹ Waldenberg M. Rewolucja i państwo w myśli politycznej W. Lenina. Warszawa, 1978; Tych F. Uwagi o leninowskim modelu rewolucji. — «Z pola walki», 1970, № 1; Marciniak P. Zarys poglądów Lenina na rewolucję socjalistyczną. — Leninowska teoria rewolucji. Historia i współczesność. Warszawa, 1971 и др.

⁷⁰ Lenin a kwestia agrarna w kapitalizmie i socjalizmie. Warszawa, 1970; Słabek H. Włodzimierz Lenin wobec kwestii chłopskiej. — «Z pola walki», 1970, № 1; Zand H. Lenin a kwestia chłopska. Warszawa, 1970 и др.

⁷¹ Teleszyński J. Gorejący płomień. Feliks Dzierżyński. 1877—1926. Warszawa, 1977; Barszcz E. Feliks Dzierżyński, wielki Polak i internacjonalista. Warszawa, 1972; Sobczak J. Feliks Dzierżyński. 1877—1926. Warszawa, 1974; idem. Feliks Dzierżyński. Warszawa, 1976; Ochmański E. Feliks Dzierżyński. 1877—1926. Poznań, 1977.

⁷² Ciepielewski J. Historia gospodarcza Związku Radzieckiego. Wyd. 2. Warszawa, 1977.

⁷³ Kleer J. ZSRR — pół wieku przemian gospodarczych. Warszawa, 1967; Błaszczak A. Leninowska zasada planowania gospodarczego — jej istota, pierwsze zastosowanie i aktualność. — «Zeszyty naukowe UŁ», ser. 1, 1971, z. 74; Piontek F. System kierowania gospodarką narodową w ZSRR w latach 1918—1972. — «Zeszyty naukowe Akademii Ekonomicznej im. K. Adamskiego w Katowicach», 1975, № 3.

⁷⁴ Łysko S. System cen w radzieckiej gospodarce lat dwudziestych. — «Zeszyty naukowe WAP», Seria ekon., 1964, № 5; Tanty M. Z dziejów kontroli robotniczej w Rosji

довались истоки социалистической системы планирования народного хозяйства СССР и ее развитие за годы Советской власти, а также история индустриализации СССР⁷⁵. Характеристика истории становления и развития политического строя в СССР представлена в работах польских правоведов⁷⁶.

Немалый научный интерес вызывает в ПНР история культурного строительства в Советском Союзе⁷⁷, строительство советской школы в 1917—1967 гг.⁷⁸, влияние Октябрьской революции на перемены в области культуры и просвещения⁷⁹, отношение интеллигенции к Октябрьской революции, формирование социалистической интеллигенции в Советской России в 1918—1924 гг.⁸⁰, роль А. В. Луначарского в организации народного образования в культурном строительстве, деятельность организаций пролеткульта⁸¹. Общие вопросы развития культуры в Советском Союзе в 1917—1925 гг. и проблемы развития просвещения и культуры национальных меньшинств в РСФСР в 1917—1922 гг. исследовались Г. Курписовой и П. Лоссовским⁸². В. М. Грабским проанализировано развитие системы просвещения в СССР в 60—70-е годы в условиях развертывания НТР⁸³.

В числе популярных тем — культурная жизнь поляков в Советском Союзе: история польской системы образования в нашей стране, литературная и культурная деятельность польских коммунистов-эмигрантов в

1917 r.— Z dziejów ZSRR... t. 3, 1967; idem. Leninowska koncepcja kontroli robotniczej.— Dzieje najnowsze, 1970, № 2; Drohomirecki J. Elementy funkcjonowania gospodarki radzieckiej w okresie wojennego komunizmu.— Międzyuczelniane zeszyty naukowe. Studia z historii myśli społeczno-ekonomicznej. Kraków, 1973, № 22; Łopatiuk S. Polityka koncesyjna Związku Radzieckiego w latach 1918—1928.— Z dziejów stosunków..., t. 11/12, 1975; Kłoc K., Marciniak P. Zarys koncepcji przeobrażeń ekonomiczno-społecznych Rosji Radzieckiej (1917—1918).— Z pola walki, 1977, № 3.

⁷⁵ Bobrowski C. U źródeł planowania socjalistycznego. Analiza doświadczeń radzieckich. Warszawa, 1967; Mińc B. Radziecki model industrializacji (1929—1940).— «Ekonomista», 1967, № 5; Kryński H. 50 lat rozwoju planowania gospodarki narodowej w ZSRR.— «Zeszyty naukowe Wyższej szkoły ekonomicznej w Sopocie», 1969, № 39.

⁷⁶ Ehrlich S. Ustrój Związku Radzieckiego. Warszawa, 1954; Suchecki W. Geneza federalizmu radzieckiego. Warszawa, 1972; Szymczak T. Ustrój polityczny Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich (1936—1976). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978.

⁷⁷ Kossak J. Lenin i kultura. Warszawa, 1970; Kurdybacha L. Idee oświatowe i wychowawcze W. I. Lenina. Warszawa, 1970; Kaczocha W. Leninowska koncepcja polityki kulturalnej.— «Studia nauk politycznych», 1976, № 1.

⁷⁸ Smyczyński H. Drogi rozwoju szkolnictwa ogólnokształcącego w ZSRR w latach 1917—1967.— «Kwartalnik rzeszowski», 1967, № 4.

⁷⁹ Białokozowicz B. Rewolucja Październikowa a niektóre problemy humanizmu socjalistycznego i sojuszu kultur.— «Przegląd humanistyczny», 1977, № 2; Kurpisowa G. Wpływ Rewolucji Październikowej na przemiany społeczno-kulturalne w Związku Radzieckim.— Życie szkoły wyższej, 1977, № 11; Nowacki T. W. Osiągnięcia oświatowe Wielkiej Rewolucji Październikowej.— «Przegląd historyczno-oświatowy», 1977, № 2 i dr.

⁸⁰ Nieuważny F. Majakowski a Lenin.— «Przegląd humanistyczny», 1970, № 2; Wojnowski J. Formowanie socjalistycznej inteligencji w Rosji Radzieckiej w latach 1918—1924.— «Przegląd humanistyczny», 1975, № 10; Jędruszcak H. Aleksander Błok o latach przelomu rewolucyjnego w Rosji.— «Kwartalnik historyczny», 1975, № 4.

⁸¹ Siekierska J. Anatol Łunaczarski — pierwszy komisarz oświaty ludowej.— «Kultura i społeczeństwo», 1967, № 4; idem. Proletkult i Łunaczarski. Ibid., 1970, № 2; Tasarski J. Drogi i maianowce «Proletkultury». — Przegląd humanistyczny, 1969, № 5.

⁸² Kurpisowa G. Niektóre problemy rozwoju kultury w Związku Radzieckim w latach 1917—1925.— «Gdańskie zeszyty humanistyczne». Filologia rosyjska, 1968, № 2; Łosowski P. Problemy rozwoju oświaty i kultury mniejszości narodowych w ZSRR w latach 1917—1922.— «Z pola walki», 1972, № 4.

⁸³ Grabski W. M. Radziecki model rewolucji naukowo-technicznej i jego oświatowe konsekwencje.— Z dziejów stosunków..., t. 11/12, 1975; idem. Wpływ rewolucji naukowo-technicznej na rozwój oświaty w ZSRR. Warszawa, 1979.

СССР в 20—30-е годы, деятельность польской интеллигенции во Львове в 1939—1941 гг., польская пресса в СССР в 1917—1927 гг., издание газет и журналов на польском языке в Литовской ССР в 1940—1960 гг. Влиянию Октябрьской революции и советской школы на польскую просветительную мысль в межвоенный период посвящена монография Л. Курдыбахи⁸⁴.

Военные историки ПНР ведут интенсивные исследования по истории Советской Армии, советско-польского братства по оружию. К юбилею армии братской страны ими была подготовлена обобщающая работа «50 лет Советской Армии»⁸⁵, которая содержит хронику важнейших событий истории Советских Вооруженных Сил, характеристику крупнейших военных операций (1918—1945 гг.), информацию о видах вооружения, о советских полководцах. Военными историками исследуется роль В. И. Ленина и КПСС в разработке советской военной доктрины и организации армии (Т. Равский, З. Стомпор), ряд важных аспектов истории Советской Армии в годы гражданской войны — ее рождение, формирование ее интернациональных частей, развитие советского военного искусства, советской военной мысли (З. Стомпор, К. Собчак, А. Корта, Р. Лесь, Ю. Сокальский), история партийно-политического аппарата Советских Вооруженных Сил (С. Марэцкий, Е. Цытовский), организационная перестройка в 20-х годах (З. Стомпор), подготовка СССР к обороне накануне Великой Стечатвенной войны (Ю. Лещинский), история советской авиации (Ч. Кшеминьский, Р. Серегет и др.)⁸⁶.

Пристальное внимание уделяется раскрытию решающей роли Советского Союза и Советской Армии во второй мировой войне, освободительной миссии Советской Армии, совместным действиям Советских Воору-

⁸⁴ Stępień M. O działalności kulturalnej i literackiej polskich komunistów-emigrantów z ZSRR w latach 1918—1939. — «Zeszyty naukowe UJ», 1962, № 172, prace hist., z. 20; Szulkin M. Szkolnictwo polskie w RSFR w latach 1917—1920. — «Kwartalnik historyczny», 1967, № 3; Kurdybacha L. Wpływ Rewolucji Październikowej i szkoły radzieckiej na polską myśl oświatową. 1918—1939. Warszawa, 1967; Sierocka K. Polonia radziecka 1917—1939. Z działalności kulturalnej i literackiej. Warszawa, 1968; Słisz A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915—1919). Warszawa, 1968; Myśliński J. Uwagi o prasie w języku polskim wydawanej na Litwie Radzieckiej (1940—1960). — Z dziejów stosunków..., t. 4, 1969; Kawecka K. Z dziejów szkolnictwa w Związku Radzieckim. 1917—1923. — Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; Pytlarczyk K. Z życia polskiego środowiska kulturalnego we Lwowie (wrzesień 1939 — czerwiec 1941). — Z dziejów stosunków..., t. IX, 1972.

⁸⁵ 50 lat Armii Radzieckiej. Mała kronika. Warszawa, 1969.

⁸⁶ Korta A. Zarys historii radzieckiej sztuki wojennej w okresie wojny domowej w ZSRR (1918—1920). Warszawa, 1951; Marocki S. Z dziejów aparatu partyjno-politycznego w Armii Radzieckiej. Warszawa, 1962; Sobczak K. Powstanie i rozwój radzieckiej sztuki wojennej w okresie wojny domowej i walki z obcą interwencją (1918—1920). Warszawa, 1963; idem. Z zagadnień formowania międzynarodowych oddziałów Armii Czerwonej (1917—1920). — «Zeszyty naukowe WAP», 1967, № 17; Sokalski J. Powstanie i pierwsze walki lotnictwa radzieckiego. — «Wojskowy przegląd lotniczy», 1967, z. 11; Cytowski J. Z dziejów aparatu partyjno-politycznego Armii Radzieckiej. — «Zeszyty naukowe WAP», ser. ped., 1968, № 17; Leszczyński J. Przygotowanie ekonomiczno-obronne ZSRR przed wybuchem Wielkiej wojny narodowej. — «Wojskowy przegląd ekonomiczny», 1969, № 2; Rawski T. Lenin — teoretyk i organizator armii rewolucji i sił zbrojnych państwa proletariackiego. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1970, № 1; Stąpor Z. Wybrane zagadnienia sztuki wojennej w działalności wojskowej W. Lenina. — Ibid.; Leś R. Pierwsze lata kształtowania się radzieckiej myśli wojskowo-gospodarczej. — «Wojskowy przegląd ekonomiczny», 1971, № 2; Seregiet R. Organizacja i praca bojowa sztabów jednostek lotnictwa radzieckiego w okresie 1920—1945. — «Wojskowy przegląd lotniczy», 1973, z. 4; Krzemiński Cz. Rozwój organizacyjny tyłów lotniczych w Radzieckich Siłach Powietrznych w latach 1918—1945. — «Przegląd kwatermistrzowski», 1978, z. 4 i др.

женных Сил и Войска Польского⁸⁷. Эти сюжеты нашли подробное отражение и в изданной в ПНР «Энциклопедии второй мировой войны»⁸⁸.

Значительны достижения польских ученых в исследовании истории внешней политики СССР. Работой, в которой охарактеризованы основные этапы советской внешней политики, является монография Г. Яшуновского «50 лет советской внешней политики (1917—1967)»⁸⁹. Ряд аспектов советской внешней политики в 1917—1945 гг. представлен в коллективной работе «Очерки из истории внешней политики СССР»⁹⁰. Статья Э. Чемера посвящена советско-немецким отношениям и борьбе СССР за безопасность в Европе, работа А. Скушека — политике СССР на Дальнем Востоке в 1919—1941 гг., работа Б. Явожницкого — борьбе СССР за коллективную безопасность в межвоенный период. П. Марчиняком, В. М. Грабским, Э. Чемером проанализирована история разработки В. И. Лениным принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем⁹¹.

Характеристика первого пятилетия советской внешней политики в целом нашла отражение в работах Х. Занд и М. Лечика. Ее отдельным направлениям и сюжетам — первым шагам советской дипломатии, внешней политике СССР на Востоке, советско-турецким отношениям в 1917—1922 гг., борьбе за мир и безопасность в 1917—1925 гг. и др. — посвятили свои исследования Х. Батовский, Т. Витух, Р. Война, М. Зыблекевич, В. Дашкевич, П. Лоссовский, М. Пулаский и др.⁹² В ряде публикаций проанализированы основные направления советской внешней политики в середине 20-х годов, борьба за мир и разоружение в 1925—1928 гг., признание Советского Союза государствами Центральной Европы, советско-английские отношения в 1924 г., установление торговых и дипломатических отношений между Советской Россией и Италией, позиция СССР по отношению к польско-литовским связям, советско-литовский договор

⁸⁷ Zbińiewicz F. Pomoc Armii Radzieckiej w rozminowywaniu Warszawy, Radomia, Krakowa, Łodzi i Gdańska w 1945 r. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1968, № 3; Sobczak K. Wyzwolenie Warszawy. Styczeń 1945 r. Warszawa, 1970; idem. Misja wyzwolenicza ZSRR i radzieckich sił zbrojnych w II Wojnie światowej. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1975, № 1/2 и др.

⁸⁸ Encyklopedia II Wojny światowej. Warszawa, 1976.

⁸⁹ Jaszuński G. Pięćdziesiąt lat radzieckiej polityki zagranicznej (1917—1967). Warszawa, 1967.

⁹⁰ Szkice z historii polityki zagranicznej ZSRR. Wrocław etc., 1977.

⁹¹ Cziomer E. Lenin a główne kierunki polityki zagranicznej Rosji Radzieckiej w latach 1917—1922. — «Zeszyty naukowe UJ», № 275. Prace z nauk polit., 1971, z. 2; idem. Stosunki niemiecko-radzieckie a bezpieczeństwo Europy (główne problemy w latach 1917—1970). — «Zeszyty naukowe WSE». Kraków, 1973, z. 57; Prandota B. Związek Radziecki i Chiny. Z historii wzajemnych stosunków. 1917—1949. — «Sprawy międzynarodowe», 1972, z. 11; Marciniak P. Problemy pokojowego współistnienia państw o różnych ustrojach społecznych w poglądach Lenina z lat 1917—1920. — «Zeszyty naukowe WSNS», 1976, № 11; Grabski W. M. Leninowska teoria polityki zagranicznej ZSRR. — «Z pola walki», 1977, № 3; Skrzypek A. Polityka ZSRR na Dalekim Wschodzie w latach 1919—1941. — Studia z dziejów ZSRR, t. 14, 1978 и др.

⁹² Daszkiewicz W. Walka państwa radzieckiego o pokój i bezpieczeństwo (lata 1917—1925). — Sprawy międzynarodowe, 1962, № 11; Leczyk M. Międzynarodowa sytuacja Rosji Radzieckiej w latach 1917—1922. — «Zeszyty naukowe WAP». Ser. hist., 1967, № 17; Bатовский H. Międzynarodowe znaczenie publikacji tajnych dokumentów przez Rosję Radziecką w r. 1917. — «Zeszyty naukowe UJ», № 172. Prace hist., z. 70, 50-lecie Rewolucji Październikowej. Zeszyt specjalny. Kraków, 1967; Пуласки M. Zarys historii początków radzieckiej dyplomacji (październik 1917—1918). — Ibid.; Zyblikiewicz L. Lenin wobec pokoju brzeskiego. — Ibid.; Zand H. O współistnieniu w aspekcie historycznym. Rosja Radziecka a świat kapitalistyczny. 1920—1922. — «Studia nauk politycznych», 1973, № 3; Wituch T. Stosunki radziecko-tureckie. 1917—1922. — «Dzieje najnowsze», 1977, № 2 и др.

1926 г. и др.⁹³ При рассмотрении внешней политики СССР в 30-е годы в центре внимания историков ПНР находятся борьба СССР за разоружение, за создание общеевропейской системы коллективной безопасности, советско-германские отношения, отношение СССР к событиям в Чехословакии в 1938 г.⁹⁴ Проблемам внешней политики СССР в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы посвятили свои исследования В. Т. Ковальский и Ю. Кокот⁹⁵.

В 60-е—70-е годы были предприняты шаги по разработке истории отдельных советских республик: издан краткий очерк истории Советского Узбекистана; история Советской Украины изложена в коллективной работе краковских историков «Украина. Настоящее и прошлое», а также в «Очерке истории Украины» Л. Подхородецкого; история Советской Белоруссии — в «Истории Белоруссии» М. Космана; история Советской Литвы — в «Истории Литвы» Е. Охманьского⁹⁶.

Ученые ПНР посвятили ряд своих исследований истории буржуазных республик Прибалтики. Их эволюция от парламентской демократии к профашинстской диктатуре в 1918—1934 гг. рассмотрена в работах П. Лоссовского, в коллективном труде «Диктатуры в Центральной и Юго-Восточной Европе. 1918—1939», в статье Е. В. Борейши и др.⁹⁷

Совершенно естественно, что историки ПНР уделяют большое внимание изучению польско-советских отношений. Большие заслуги в этой области принадлежат научным сотрудникам Института польско-советских отношений ПАН (в настоящее время Института социалистических стран), которые вносят весомый вклад в подготовку совместного советско-польского многотомного издания «Документы и материалы по исто-

⁹³ Daszkiewicz W. ZSRR a problemy pokoju i rozbrojenia (lata 1925—1929).— «Sprawy międzynarodowe», 1962, № 12; Łossowski P. Stanowisko ZSRR wobec stosunków polsko-litewskich (1920—1928).— Z dziejów stosunków..., t. 5, 1969; Sierpowski S. Nawiązanie stosunków handlowych i dyplomatycznych między Rosją Radziecką i Włochami.— «Kwartalnik historyczny», 1970, № 1; Balcerak W. Uznanie Związku Radzieckiego przez państwa Europy Środkowo-Wschodniej.— «Z pola walki», 1972, № 4; Materski W. Kierunki radzieckiej polityki zagranicznej w pierwszym okresie lat dwudziestych.— «Sprawy międzynarodowe», 1974, z. II; Harasimowicz A. Stosunki angielsko-radzieckie w okresie rządów Partii Pracy w Anglii w 1924 r.— Acta UL, ser. I, 1978, № 27 i др.

⁹⁴ Daszkiewicz W. Polityka zagraniczna ZSRR (lata 1929—1933).— «Sprawy międzynarodowe», 1963, № 3; idem. Dążenia ZSRR do stworzenia ogólnoeuropejskiego systemu bezpieczeństwa zbiorowego w latach 1933—1934.— «Przegląd zachodni», 1964, № 2; idem. Dyplomacja radziecka a kwestia bezpieczeństwa zbiorowego w Europie w latach 1934—1935.— Ibid., 1965, № 3; idem. ZSRR wobec kryzysu czechosłowackiego 1938 r.— Ibid., 1938, № 3; Zabiello S. Polityka ZSRR wobec Niemiec weimarskich i hitlerowskich.— Ibid., 1967, № 3/4; Michowicz W. Realizacja przez ZSRR leninowskich koncepcji rozbrojenia a dyplomacja polska. 1927—1934.— Z dziejów stosunków..., t. 7, 1970; Mania A. Dojście Hitlera do władzy a stosunki radziecko-niemieckie.— «Prace naukowe Uniwersytetu Śląskiego». Historia i współczesność. 1977, № 183, t. I; Skrzypek A. Strategia pokoju. Warszawa, 1979.

⁹⁵ Kowalski W. T. Dyplomacja ZSRR a problem bezpieczeństwa Europy (1941—1945).— Z dziejów stosunków..., t. 8, 1971; idem. Dyplomacja ZSRR a powstanie krajów demokracji ludowej.— «Studia nauk politycznych», 1972, № 1; Kokot J. Polityka zagraniczna ZSRR wobec rewizjonizmu zachodniemieckiego. Opole, 1968 i др.

⁹⁶ Zwolień J. Uzbecka Socjalistyczna Republika Radziecka. Materiały z dziejów narodu uzbeckiego, jego walki o wyzwolenie narodowe i społeczne i okresu budownictwa socjalistycznego. Warszawa, 1961; Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1967; Ukraina. Teraźniejszość i przeszłość. Kraków, 1970; Podhoroński L. Zarys dziejów Ukrainy. T. 1—2. Warszawa, 1976; Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław etc., 1979.

⁹⁷ Łossowski P. Kraje bałtyckie na drodze od demokracji parlamentarnej do dyktatury (1918—1934). Wrocław, 1972; Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej. 1918—1939. Wrocław, 1973; Borejza J. Włochy a tendencje faszystowskie w krajach bałtyckich 1922—1940.— «Kwartalnik historyczny», 1974, № 1 i др.

рии советско-польских отношений»⁹⁸. Они достигли значительных успехов в изучении польско-советских отношений межвоенного периода, что нашло, в частности, отражение в материалах научной сессии, посвященной польско-советским отношениям в 1917—1939 гг., а также в монографиях Е. Куманецкого «После Рижского договора. Польско-советские отношения. 1921—1923» и М. Лечика «Политика II Речи Посполитой в отношении СССР в 1925—1934 годах»⁹⁹.

История советско-польских отношений широко представлена в совместных трудах историков СССР и ПНР, опубликованных как в нашей стране, так и в Народной Польше¹⁰⁰.

В изданном к 60-й годовщине Октябрьской революции Центральным архивом ЦК ПОРП сборнике документов «Союз польских и российских революционных сил» почти треть документов посвящена совместной революционной борьбе народов наших стран в 1917—1923 гг.¹⁰¹

Подробно изучены различные аспекты польско-советских отношений в 1918—1919 гг., причины польско-советской войны (монографии В. Гостыньской, А. Деруги, Ю. Серадзкого и др.). Так, В. Гостыньская, опираясь на богатую источниковедческую базу — архивы ПНР, СССР, ГДР, ФРГ, многочисленные рукописи, польскую и советскую прессу и др. — анализирует отношения между Польшей и молодым Советским государством в 1918—1919 гг.¹⁰²

Ряд работ, изданных в 50—60-е годы (С. Арского, М. Гринберга, А. Корты, А. Лейнванда и С. Сафяна)¹⁰³, посвящен польско-советской войне. Следующий комплекс проблем — нормализация польско-советских отношений в 20-е годы (переговоры о польско-советском пакте о ненападении, консульская конвенция 1924 г., железнодорожные конвенции 1924 и 1926 гг.), советско-польские отношения в период Локарно и Генуи, позиция СССР в связи с польско-литовскими отношениями 1920—1928 гг., польско-советский конфликт, вызванный злодейским убийством в Варшаве советского посла П. Войкова — рассмотрены в статьях В. Матерского, Е. Куманецкого, М. Лечика, С. Лопатнюка¹⁰⁴.

⁹⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, тт. I—IX. М., 1963—1976.

⁹⁹ Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917—1939. — Materiały z sesji naukowej w Warszawie, 16—17 listopad 1972. Warszawa, 1973; Kumaniecki J. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie. 1921—1923. Warszawa, 1971; Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925—1934. Warszawa, 1976.

¹⁰⁰ См. СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность, т. 1. М., 1977; т. 2. М., 1978; Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1977. М., 1979.

¹⁰¹ См. Archiwum ruchu robotniczego, t. V. Warszawa, 1977.

¹⁰² Sieradzki J. Białowieża i Mikaszewice. Mity i prawdy do genezy wojny między Polską a RSFR. Warszawa, 1959; Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918—1919). Warszawa, 1963; Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie. 1918—1919. Warszawa, 1972 и др.

¹⁰³ Arski S., Korta T., Safian Z. Zmowa grabieżców. Awantura Piłsudskiego w 1920 r. Warszawa, 1950; Grinberg M. Z zagadnień wojny polsko-radzieckiej. — Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923. Warszawa, 1960; Leinwand A. Polska Partia Socjalistyczna wobec wojny polsko-radzieckiej 1919—1920. Warszawa, 1964 и др.

¹⁰⁴ Lopotniuk S. Polsko-radzieckie rokowania w sprawie zawarcia pokoju o nieagresji. 1925—1932. — Z dziejów stosunków..., т. 1, 1965; idem. Stanowisko ZSRR wobec przewrotu majowego w Polsce. — W 50-tą rocznicę Rewolucji Październikowej. Katowice, 1968; idem. Stanowisko ZSRR wobec stosunków polsko-litewskich (1920—1928). — Z dziejów stosunków..., т. 5, 1969 idem. Przed Lokarnem. Archiwalne dokumenty z historii stosunków polsko-radzieckich w okresie Lokarno. — Ibid., т. 6, 1970; idem. Konflikt polsko-radziecki na tle zabójstwa посла Wojkowa. — Ibid., т. 9, 1972; Kumaniecki J. Polska a Rosja Radziecka na konferencji w Genewie. — Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej, т. 5, 1969; idem. Stosunki polsko-radzieckie w okresie przygotowawczym do konferencji genueńskiej 1922 r. — Z dziejów stosunków..., т. 4, 1969; idem. Polska a powstanie ZSRR. — Ibid., т. 5, 1969; Leczyk M. Z genezy polsko-radzieckiego paktu o

Балтийский союз, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия в политике Польши и СССР в 1919—1925 гг.— тема монографии А. Скушпека¹⁰⁵. Польско-советским экономическим отношениям в 1921—1928 гг. посвящены статьи Е. Куманецкого и С. Лопатнюка. В 1976 г. был издан сборник материалов и документов «Польско-советские экономические отношения. 1921—1939»¹⁰⁶.

История польско-советских отношений в 1932—1934 гг. раскрыта в серии статей В. Дашкевича, а оценка польским общественным мнением в 1929—1934 гг. польско-советских отношений — в статье Л. Зяи. Подробно изучены история заключения польско-советского пакта о ненападении 1932 г., отношение СССР и Польши к пакту четырех держав 1933 г. (Б. Раковский), румынский вопрос в польско-советских отношениях в 1932—1938 гг., предыстория появления польско-советского коммюнике от 26.II.1938 г. и др.¹⁰⁷ Некоторые аспекты культурных и научных связей двух стран в межвоенный период отражены в статьях Е. Ружевица, М. Стемпяна, А. Виснера¹⁰⁸.

В последние годы историками ПНР много сделано для изучения польско-советских отношений в годы второй мировой войны: роли Советского Союза в дипломатической борьбе за будущее Польши в послевоенной Европе (В. Т. Ковальский)¹⁰⁹, истории польской эмиграции в СССР (И. Блюм, А. Корзон, Е. Мыслинский), помощи Советского Союза в создании польской армии в СССР, совместных военных действий против фашистских захватчиков (И. Благовещенский, Э. Куклис, К. Собчак, Ю. Карвин, Р. Назаревич, Ч. Подгурский, В. Юргелевич, Э. Ядзяк и др.¹¹⁰), участия советских граждан в польском партизанском движении *nieagresji 1924—1926*.— *Zeszyty naukowe WAP*, № 75. *Polityka zagraniczna Polski*, 1973; *Materski M.* Польско-радийская конвенция консульная з 18 липца 1924.— *«Dzieje najnowsze»*, 1973, № 4; *idem.* Польско-радийская конвенция kolejowa з kwietnia 1924 roku.— *Z dziejów stosunków...*, t. 11/12, 1975.

¹⁰⁵ Skrzypek A. *Związek bałtycki, Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSRR w latach 1919—1925*. Warszawa, 1975 и др.

¹⁰⁶ *Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze. Dokumenty i materiały. 1921—1939*. Warszawa, 1976; *Kumaniecki J.* Wokół polsko-radzieckich rokowań handlowych w latach 1921—1923.— *«Kwartalnik historyczny»*, 1967, № 3; *Lopatniuk S.* Rozwój polsko-radzieckich stosunków gospodarczych w latach 1921—1923.— *Z dziejów stosunków...*, t. 14, 1976.

¹⁰⁷ Jaworznicki B. *Polsko-radziecki pakt o nieagresji z r. 1932*.— *«Sprawy międzynarodowe»*, 1952, № 5; *Michowicz W.* Wstąpienie ZSRR do Ligi Narodów a dyplomacja polska.— *Studia WSNS*, 1963, t. 5; *Daszkiewicz W.* Z dziejów stosunków polsko-radzieckich w latach 1932—1934.— *«Sprawy międzynarodowe»*, 1967, № 2—3; 1968, № 8—9, 10; *Ziaja L.* Stosunki polsko-radzieckie w ocenie polskiej opinii publicznej w latach 1929—1934.— *«Z pola walki»*, 1972, № 4; *Leczyk M.* Podpisanie paktu o nieagresji między Polską a ZSRR w 1932 r.— *«Dzieje najnowsze»*, 1973, № 2; *Rakowski B.* Polsko-radzieckie aspekty paktu czterech mocarstw z 1932 r.— *Z dziejów stosunków...*, t. 10, 1973; *Skrzypek A.* O genezie polsko-radzieckiego komunikatu z 26.XI.1938.— *«Kwartalnik historyczny»*, 1975, № 3; *idem.* Zagadnienia rumuńskie w stosunkach polsko-radzieckich w latach 1932—1938.— *Z dziejów stosunków...*, t. 11/12, 1975.

¹⁰⁸ *Różewicz J.* Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918—1939.— *Z dziejów stosunków...*, t. 10, 1973; *Stepień M.* Polska książka w ZSRR w latach 1918—1939.— *Biuletyn Biblioteki Jagellońskiej*, 1973, № 1—2; *Wisner H.* Książka radziecka i rosyjska w Drugiej Rzeczypospolitej.— *«Kwartalnik historyczny»*, 1977, № 4.

¹⁰⁹ *Kowalski W. T.* Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939—1945). Wyd. 3. Warszawa, 1970.

¹¹⁰ *Blum I.* Polacy w Rosji i w Związku Radzieckim (do 1939 r.);— *«Wojskowy przegląd historyczny»*, 1966, № 3; *idem.* Polacy w ZSRR, wrzesień 1939—maj 1943.— *Ibid.*, 1967, № 1; *Podgórski Cz.* Zarys rozwoju organizacyjnego polskich sił zbrojnych w Związku Radzieckim, maj 1943—lipiec 1944.— *Ibid.*, 1966, № 1; *Karwin J.* Kształtowanie polsko-radzieckiego braterstwa broni w okresie II wojny światowej.— *Zeszyty naukowe WAP*, ser. ped., № 18, 1968; *Korzon A.* Związek Patriotów Polskich w ZSRR. Z problematyki pracy organizacyjnej w terenie.— *«Dzieje najnowsze»*, 1971, № 3; *idem.* «Polska»— pismo ambasady RP w ZSRR w latach 1941—1943.— *Z dziejów stosunków...*, t. 11/12, 1975; *Blagowieszczański I.* Dzieje I Armii Polskiej w ZSRR. Maj—

нин, а поляков — в советском, совместных действий советских и польских партизан (Ю. Тобиаш, И. Пашиньская, В. Бортновский, М. Юхневич, М. Гнатовский, В. Гура и М. Юхневич) ¹¹¹.

Среди обобщающих работ о польско-советских отношениях послевоенного периода необходимо выделить монографию Э. Басиньского и Т. Валихновского, брошюру С. Лопатнюка, хронику фактов и событий, подготовленную Э. Басиньским ¹¹².

Экономические и научно-технические связи между СССР и ПНР плодотворно исследуют Я. Пташек, К. Старчик, М. Вильк, В. Т. Ковальский, О. Вышомирская-Кузьминьская, дипломатические аспекты советско-польских отношений — В. Т. Ковальский, Э. Басиньский, сотрудничество в области науки — О. Вышомирская-Кузьминьская, Е. Ружевич, В. Роблецкий, культурные связи — М. Олейничак, Б. Плаза и другие ¹¹³.

Подводя краткие итоги, необходимо подчеркнуть, что историческая наука Народной Польши добилась значительных успехов в исследовании ряда важнейших проблем истории СССР советского периода. Это прежде всего относится к таким сюжетам, как история Великой Октябрьской революции и гражданской войны, внешней политики СССР, польско-советских отношений. В конце 60—70-х годах заметно расширилась проблематика исследований, постоянно возрастает их научный уровень, появились первые обобщающие труды по истории СССР советского периода. Все эти усилия служат благородной цели — укреплению дружбы, сотрудничества и взаимной помощи между народами Советского Союза и Польской Народной Республики.

lipiec 1944 r. Warszawa, 1972; Jurgielewicz W. Pomoc Związku Radzieckiego w utworzeniu Ludowego Wojska Polskiego. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1972, № 1; Myśliński J. Prasa terenowa Związku Patriotów Polskich w ZSRR. — «Z pola walki», 1972, № 2; Nazarewicz R. Z problematyki politycznej polskiego ruchu oporu i jego współdziałania z walką wyzwolenczą narodów ZSRR. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1972, № 1; Idem. Niektóre problemy polsko-radzieckiego współdziałania w dziedzinie rozpoznania wojskowego w końcowej fazie II wojny światowej. — «Z dziejów stosunków...», t. 11/12, 1975; Jadziak E. Pomoc ZSRR i jej znaczenie w utworzeniu i przygotowaniu do walki i rozwoju Ludowego Wojska Polskiego w okresie powojennym. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1973, № 4; Sobczak K. Z genezy armii polskiej w ZSRR. — Ibid., № 3; Kuklis E. Pomoc Związku Radzieckiego w formowaniu polskich oddziałów wojskowych w latach 1941—1942. — «Z dziejów...», t. 11/12, 1975.

¹¹¹ Gnатовski M. Za wspólną sprawą. Z dziejów partyzantki radzieckiej w okręgu białostockim. Lublin, 1970; Góra W., Juchniewicz M. Walczyli razem. O współdziałaniu polskich i radzieckich oddziałów partyzanckich w latach drugiej wojny światowej. Lublin, 1972; Tobiasz J. Na tyłach wroga. Obywatele radziecy w ruchu oporu na ziemiach polskich. 1941—1945. Warszawa, 1972; Paszyńska I. Radzieckie formacje partyzanckie w Polsce Południowej. Kraków, 1973; Juchniewicz M. Polacy w radzieckim ruchu partyzanckim. 1941—1945. Wyd. 2. Warszawa, 1975 i др.

¹¹² Lapatniuk S. Stosunki polsko-radzieckie na przestrzeni 55-lecia. Warszawa, 1972; Basiński E. Polska — ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń; 1944—1971. Warszawa, 1973; Basiński E., Walichnowski T. Stosunki polsko-radzieckie. 1944—1974. Warszawa, 1974 i др.

¹¹³ Wilk M. Pomóc i współpraca. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1944—1945. Warszawa, 1976; Пташек Я. Польша — СССР. Экономика. Сотрудничество. М., 1974; Rózewicz J. 250 lat Akademii Nauk ZSRR. 250 lat współpracy naukowej. Wrocław, 1975; Basiński E. Współdziałanie Polski i ZSRR w walce o bezpieczeństwo europejskie w latach 1945—1955. — «Z dziejów stosunków...», t. 11/12, 1975; Wyszomirska-Kuźmińska O. Współpraca Polskiej Akademii Nauk i Akademii Nauk ZSRR. — Ibid.; Kowalski W. T. Polsko-radziecka współpraca naukowo-techniczna. — Ibid.; idem. Geneza polsko-radzieckiego układu z 21 kwietnia 1945 roku. — «Sprawy międzynarodowe», 1975, № 4; Rózewicz J., Robliecki W. Współpraca nauki polskiej z nauką radziecką w 30-lecie PRL. — «Kwartalnik historii nauki i techniki», 1977, № 4; Starczyk K. Socjalistyczne partnerstwo. Warszawa, 1978; Ptaszek J. Polska-Związek Radziecki. Współpraca-integracja. Warszawa, 1978; Plaza B. Kultura zbliża narody. Warszawa, 1978; idem. PRL — ZSRR. Kultura zbliża narody. Warszawa, 1978 i др.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Военно-исторически сборник», София, 1979, № 1

Стоянов П. Фронтният печат на Трети Украински фронт за освободението на България от фашизма (септември 1944 г.).

В работе «Фронтная печать Третьего Украинского фронта об освобождении Болгарии от фашизма (сентябрь 1944 г.)» П. Стоянов рассматривает деятельность военных корреспондентов в войсках фронта, освобождавшего в 1944 г. болгарскую землю от гитлеровских захватчиков, отмечает их вклад в дело укрепления болгаро-советской дружбы. В статье использованы мемуары советских военачальников, прессы военных лет и др.

«Военно-исторически сборник», София, 1979, № 2

Куков К. Освободителният поход на Трети Украински фронт в България.

К. Куков в работе «Освободительный поход Третьего Украинского фронта в Болгарию» описывает боевые действия сухопутных и военно-воздушных сил фронта по освобождению Болгарии, их взаимодействие с частями Черноморского флота. В статье использованы труды болгарских и советских историков, мемуарная литература, материалы прессы.

«Исторически преглед», София, 1979, № 2

Спасов Л. Правителство на БЗНС, българо-советските отношения и руските белоэмигранти.

В статье «Правительство БЗНС, болгаро-советские отношения и русские белоэмигранты» Л. Спасов характеризует болгаро-советские отношения в период пребывания у власти в Болгарии правительства, сформированного из представителей Болгарского земледельческого народного союза (1919—1923 гг.) контакты правительства БЗНС с белой эмиграцией. Автор рассматривает деятельность советских дипломатических органов и представителей болгарского правительства, направленную на оказание помощи эмигрантам, желавшим вернуться в Советскую Россию. Работа написана на основании материалов советских архивов, документальных публикаций, периодики тех лет.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1978, № 11

Staudе F. Zur Vermittlung der Erfahrungen der Bolschewiki und des Roten Oktober in der internationalen Arbeiterbewegung durch Clara Zetkin.

Штауде Ф. в статье «Роль К. Цеткин в распространении опыта большевиков и Красного Октября в международном рабочем движении», характеризует деятельность К. Цеткин в 1917—1927 гг. Анализируя статьи и выступления К. Цеткин этого периода, автор останавливается на ее анализе характера и движущих сил Великой Октябрьской социалистической революции, задач молодой Советской Республики в деле социалистического строительства, развития культуры и др.

Fritsch W. Über die Haltung deutscher nichtproletarischer demokratischer Kräfte zur Oktoberrevolution und zu Sowjetrußland 1917—1923.

В статье «Об отношении немецких непролетарских демократических сил к Октябрьской революции и Советской России в 1917—1923 гг.» В. Фриш останавливается на том влиянии, которое оказала Великая Октябрьская социалистическая революция на демократические силы Германии. Автор характеризует внешнюю политику молодого Советского государства, заключение Брестского мира, социально-экономические преобразования в Советской России, нашедшие широкий отклик и поддержку среди трудящихся Германии.

«Československý časopis historický», Praha, 1979, № 3

Kubiš K. Rusko, severní válka a baltický obchod (1690—1730).

В статье К. Кубиша «Россия, Северная война и балтийская торговля (1690—1730 гг.)» анализируется воздействие Северной войны на торговые связи Восточной Прибалтики с Англией и Нидерландами, а также складывание новых торговых связей в результате Северной войны. Автор отмечает растущую роль Петербурга в экспорте товаров и снижении английского и голландского экспорта в Восточную Прибалтику после заключения Ништадтского мира. В работе приведены цифровые данные об экспорте льна, конопли, тканей, железа и других товаров из Риги и Петербурга в Англию и Нидерланды в 1690—1730 гг.

Военные мемуары как исторический источник

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ДОМА УЧЕНЫХ АН СССР

{Февраль 1979 г.}

За последние годы секция неоднократно рассматривала различные аспекты этой темы. С воспоминаниями о Великой Отечественной войне в Доме ученых выступали многие видные советские военачальники.

На февральском заседании обсуждалась проблема, которая отвечает известному девизу «Никто не забыт, ничто не забыто!»

Как подчеркивалось в выступлениях об идейно-политическом значении мемуаров убедительно свидетельствуют книги воспоминаний товарища Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Огромный интерес к этим работам в нашей стране и за рубежом еще раз подтвердил, что мемуары — важная форма изучения и обобщения исторического опыта жизни народа. Воспоминания, написанные со знанием дела, искренне, увлеченно, всегда находят многомиллионную и благодарную аудиторию.

В докладе чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонова отмечалось, что мемуарная литература — один из источников познания прошлого. Это верно для истории всех стран и народов, для всех этапов истории. Когда речь идет о советской мемуарной литературе, то необходимо подчеркнуть ее высокую идейность, партийность, народность. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной войны — важный исторический источник, помогающий правильно понять и оценить эпохальные события строительства социализма и коммунизма, героическую борьбу советского народа в защиту завоеваний Октября. Широка и многообразна советская мемуарная литература, посвященная Великой Отечественной войне. В ней рассказывается о боевых действиях Советских Вооруженных Сил, о том, как ковалась победа в тылу, о действиях советских партизан на оккупированной врагом территории, о внешнеполитической истории Великой Отечественной войны.

В ходе обсуждения доклада отмечалось, что воспоминания участников войны — и прославленных советских полководцев, и рядовых бойцов Советской Армии — это неоценимый вклад в изучение истории нашей страны. Велико значение этих мемуаров для исторической науки и патриотического воспитания народа, особенно молодежи, для развития советского военного искусства и подготовки кадров Советских Вооруженных Сил, а также для идеологической борьбы против буржуазных фальсификаторов истории.

Ценность мемуаров как исторического источника определяется многими факторами: масштабами раскрытия событий, о которых идет речь, степенью освещения малоизвестных и неизвестных фактов, глубиной анализа и обобщений, достоверностью изложения событий. Важнейшим критерием ценности мемуаров, является правдивость, бережное отношение к историческому факту.

И. А. Федосов говорил о том, что мемуары имеют большое значение для восстановления фактической истории. Автор мемуаров отражает в своей работе настроения общественности, без учета которых не может быть написана объективная история.

Своими воспоминаниями о гражданской войне в Испании, о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны поделился А. И. Штрахов. А. А. Курносков поставил вопрос о том, кто может писать мемуары; как следует интерпретировать известное высказывание А. И. Герцена о том, что каждый может быть автором мемуаров.

Одна из возможностей сохранить для потомков воспоминания участников Великой Отечественной войны — это запись на магнитофонную пленку их рассказов о тех незабываемых днях. Очевидны ценность и неповторимое своеобразие такого источника. Воспоминания непосредственного участника событий — подчас, быть может, небольшой, но реальный вклад в увековечение бессмертного подвига советского народа. Интерес к этим воспоминаниям, их историческая ценность возрастают по мере того, как события Великой Отечественной войны все более отодвигаются в глубь истории. Это подтверждается, в частности, возрастающим интересом историков к фондам архива Института истории СССР АН СССР, в котором собраны воспоминания участников войны.

На заседании секции шла речь о том, что профиль академической мемуарной книги, имеет свою специфику. В большей мере, чем в любых других воспоминаниях, автор академической мемуарной книги должен полагаться не только на то, что сохранила его память, но и широко использовать документальные источники. Это и характерно для лучших мемуаров, опубликованных издательством «Наука» в серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах»*. В выступлениях отмечалось, с какой исключительной требовательностью относились к своим мемуарам Г. К. Жуков, А. М. Василевский и другие советские полководцы.

В ходе обсуждения было высказано мнение, что еще далеко не все сделано советскими историками для того, чтобы показать пафос и все величие трудового подвига советского тыла. К сожалению, мало опубликовано мемуаров о событиях в тылу, о тех, кто своим героическим трудом обеспечивал фронт всем необходимым для победы над врагом.

Р. Ф. Иванов

* В этой серии выпущено 40 мемуаров.

В вузах страны

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР И КОМИ АССР

VI общеуниверситетская конференция в Сыктывкаре

Конференция по названной проблеме была проведена в феврале 1979 г. в рамках работы Вологодского проблемного объединения по изучению аграрной истории Европейского Севера СССР. На конференции было заслушано более 40 докладов и сообщений.

В докладе заведующего отделом науки и учебных заведений обкома КПСС Коми АССР Л. Т. Россохина «Решения июльского Пленума ЦК КПСС (1978 г.) и некото-

рые проблемы социально-экономического развития северной деревни (на примере Коми АССР)» был раскрыт процесс перестройки сельскохозяйственного производства в совхозах республики за последние 10—15 лет, перевода его на индустриальную основу и охарактеризованы задачи преобразования сельского хозяйства в ближайшие годы. Ю. Д. Марголис (Сыктывкар) привел интересные факты, свидетельствующие о совершенствовании сельского социалистического образа жизни, В. М. Алексеев (Сыктывкар) охарактеризовал международное значение аграрной политики КПСС.

Группа докладов была посвящена задачам написания истории крестьянства Европейского Севера СССР. В докладе Е. И. Игдовой (Москва) содержались методологические обоснования и конкретные задачи, связанные с созданием обобщающего труда по истории северного крестьянства. Т. И. Беленкина (Сыктывкар) проанализировала состояние разработки истории крестьянства Коми АССР в советской историографии.

Ряд докладов на заседаниях секции «Источниковедение и история северного крестьянства в советский период» был посвящен ленинскому плану преобразования сельского хозяйства. Рассматривались вопросы кооперативного строительства в годы нэпа (В. А. Цибульский, Ленинград), идеологической и классовой борьбы в северной деревне (Ю. А. Белкин и Л. С. Шабалова — Сыктывкар). Новые материалы о становлении советской культуры на Севере приводились в сообщении А. Д. Тельчарова (Сыктывкар). Освещались проблемы взаимодействия городского и сельского образа жизни (В. И. Коротаев, Сыктывкар), организационно-хозяйственного укрепления колхозов Коми АССР накануне Великой Отечественной войны (А. Ф. Сметанин, Сыктывкар).

Труд советского северного крестьянства в годы Великой Отечественной войны и в период послевоенного строительства в деревне нашел отражение в докладах историков Сыктывкара — А. Н. Александрова, Т. Г. Каляновой, М. П. Дмитрикова, Л. А. Габова. В ряде сообщений анализировалось положение советской северной деревни в период развитого социализма. Содружеству производственных коллективов города и села Коми АССР посвятил свое выступление А. В. Ненахов (Сыктывкар). Ч. Э. Симонович (Ленинград) обрисовал социальный облик рабочих совхозов Севера европейской части СССР на этапе развитого социализма. Тема доклада М. Д. Кравцовой (Сыктывкар) — «Духовный мир молодежи коми села в условиях развитого социализма». Конкретные данные, характеризующие социальные и трудовые процессы в современной деревне, привели в своих докладах Т. М. Хорунжая и А. А. Попов (Сыктывкар).

На заседании секции «Источниковедение и история северного крестьянства с древнейших времен до 1917 г.» с докладом о становлении производящего хозяйства на Европейском Севере выступила Э. А. Савельева (Сыктывкар). Роли экологической среды в эволюции производящего хозяйства было посвящено выступление В. А. Семенова (Сыктывкар). Картину хозяйственного развития в районах Севера дали материалы, приведенные в докладах Т. В. Истоминой и Н. Н. Чесноковой (Сыктывкар). Истории совместного хозяйственного освоения Севера различными этническими группами крестьянства и организации совместного самоуправления были посвящены доклады А. И. Коланева (Ленинград) и В. А. Оборина (Пермь).

Проблемы социальной структуры крестьянства на материалах северной деревни рассматривались в докладах О. Б. Кох (Ленинград), М. А. Мацука (Сыктывкар) и И. В. Ефимовой (Ленинград). Новый материал о производственных и поземельных отношениях на Европейском Севере привлекли Цой Ун Ен, О. Е. Бондаренко, И. Б. Иловыйский (Сыктывкар), А. В. Островский (Вологда).

На заседаниях секции рассматривались источники и историография северного крестьянства. О новых источниках по истории классовой борьбы в 40—60-х годах XVIII в. говорил А. И. Комиссаренко (Москва), об историографии классовой борьбы в коми деревне в годы первой русской революции — В. И. Чупров (Сыктывкар). Попытку интерпретировать жалованные грамоты Ивана III (1485 и 1490 гг.) в качестве источников по истории крестьянства Перми Вычегодской предпринял В. Н. Давыдов (Сыктывкар).

Новые источники, связанные с изучением идеологии, культуры, быта крестьян Европейского Севера, отражением жизни северной деревни в публицистике, были охарактеризованы в докладах Ю. В. Гагарина (Сыктывкар), Ю. С. Васильева (Сыктывкар), Л. Н. Жеребцова (Сыктывкар), Г. А. Тишкина (Ленинград), Л. П. Рощевской (Сыктывкар).

На заключительном совещании было решено провести в 1981 г. в Сыктывкаре региональную конференцию по истории северного крестьянства.

Ю. С. Васильев, Е. Г. Капустина, М. А. Мацуж

РАБОТА НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ПРОБЛЕМЕ «ДЕКАБРИСТЫ И СИБИРЬ» ПРИ ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Многие события тридцатилетнего пребывания декабристов в Сибири связаны с Иркутском. Здесь был административный центр по надзору за «государственными преступниками». В Иркутске и окрестных селах жила на поселении большая группа видных декабристов. Документы о декабристах в архивах, их книги, вещи, хранящиеся в библиотеках и музеях, их дома, могилы — все, что связано с памятью о первых революционерах России, вызывает неизменный интерес современников.

В 1925 г., в столетнюю годовщину восстания декабристов, иркутские ученые издали ряд сборников: «Сибирь и декабристы», «Декабристы в Восточной Сибири», «Декабристы в Бурятии» и др. К 150-летию юбилею в Иркутске был опубликован трехтомник «Декабристы в Сибири». Кроме того, под руководством С. Ф. Коваля декабристоведа Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Москвы подготовили и выпустили сборник «Памяти декабристов» (Иркутск, 1975). Издано несколько научно-популярных книг о декабристах; декабристская тема стала постоянной в иркутском альманахе «Сибирь». В Иркутске, в доме С. П. Трубецкого уже девять лет плодотворно действует Музей декабристов.

Научный совет по проблеме «Декабристы и Сибирь» был создан при Иркутском университете в январе 1976 г. под председательством С. Ф. Коваля. Деятельность совета осуществляется по трем основным направлениям: декабристы в Сибири и развитие философской, общественно-политической мысли и общественного движения в России в 1825—1860 гг.; декабристы и русская культура; Сибирь и декабристы. Первое направление охватывает темы: декабристы и философская мысль в России во второй четверти XIX в.; общественно-политическая деятельность декабристов в Сибири и их роль в развитии политической мысли в России; декабристы и крестьянский вопрос в России (1830—1850 гг.); общественное движение в Сибири и декабристы; публицистика декабристов в Сибири; декабристы в Сибири и А. И. Герцен; декабристы и петрашевцы; декабристы и польские ссыльные; декабристы и революционные демократы 50—60-х годов и др. Второе: декабристы и различные отрасли русской науки; декабристы — исследователи природных богатств Сибири; декабристы и русская литература, литературно-художественное наследие декабристов в Сибири, декабристы в сибирской поэзии, книга в сибирской жизни декабристов, отражение пребывания декабристов в Сибири в русской, советской и зарубежной художественной литературе; декабристы и искусство и т. п. Третье: Сибирь и декабристы — хозяйственная, административная, медицинская, педагогическая, культурно-просветительная деятельность декабристов в Сибири; пребывание декабристов в различных районах Сибири; исследования об отдельных декабристах и их женах, о детях и учениках декабристов и т. п.

В деятельности Научного совета принимают участие известные декабристоведа нашей страны — акад. М. В. Нечкина, Б. С. Мейлах, С. В. Житомирская и другие. Совет координирует исследовательскую и издательскую работу по своей проблематике, кон-

сультурует авторов, рецензирует труды. Важнейшим результатом его работы является издание литературы и источников по теме «Декабристы в Сибири». Готовится к печати серия книг «Полярная звезда», включающая научные издания литературного наследия декабристов В. Ф. Раевского, М. А. Фонвизина, Н. А. и М. А. Бестужевых, А. Н. Муравьева, В. Штейнгеля и других, а также ряд монографических исследований. Уже вышли в свет подготовленные при участии совета сборник «К России любовью горя. Декабристы в Восточном Забайкалье» (Иркутск, 1976), второе, дополненное издание сборника воспоминаний «Своей судьбой гордимся мы» и альбом «Декабристы в Восточной Сибири» (Иркутск, 1977). В 1978 г. увидел свет первый выпуск сборника статей и материалов Иркутской юбилейной конференции 1975 г. «Сибирь и декабристы», сдан в издательство второй и комплектуется третий выпуск, готовится антология «Декабристы в Сибири в зарубежной художественной литературе» и др.

Будут проводиться ежегодные «Декабристские чтения» и периодические региональные научные конференции по теме «Декабристы и Сибирь». Совет курирует работу отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по реставрации и охране декабристских памятников и памятных мест, декабристских музеев в Сибири и т. п. Совет заинтересован в привлечении к своей работе широкого круга исследователей-декабристоведов различных специальностей, а также писателей, переводчиков, художников и других деятелей науки, культуры и искусства.

Е. М. Даревская

КНИГА О КУЗБАССЕ

Лаборатория гуманитарных исследований при кафедре истории СССР Кемеровского университета подготовила коллективный труд о Кузбассе под редакцией акад. А. П. Окладникова *. Работа знакомит читателей с историей социально-экономического, общественно-политического и культурного развития одного из самых крупных индустриальных районов востока нашей страны. Авторский коллектив обобщил большой архивный, статистический материал.

В первых главах книги рассказывается о Кузнецкой земле до присоединения к Русскому государству, в период феодализма и в эпоху капитализма. Советский период открывает глава «Октябрь в Кузбассе». В главе «Кузбасс в годы гражданской войны» содержится богатый фактический материал о героической борьбе рабочих и крестьян Кузбасса с интервентами. Душой народного сопротивления были коммунисты. Они вели огромную политическую работу среди местного населения. Тысячи коммунистов героически погибли в борьбе за счастье народа.

Кузбасс, крупнейший индустриальный центр, своим рождением обязан Советской власти. На примере Кузбасса особенно ярко видны те огромные перемены, которые произошли в Сибири после Великого Октября. Этим сюжетам в книге уделено первостепенное внимание. В ряде глав рассказывается о развитии ведущих отраслей народного хозяйства Кузбасса (угольной промышленности, металлургии, химии, энергетики, железнодорожного транспорта) в период строительства социализма. Значение кузнецкой металлургии наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны. Только Кузнецкий металлургический комбинат за это время дал снарядной и броневой стали для изготовления 100 млн. снарядов и 50 тыс. тяжелых танков (с. 245).

В работе подчеркивается, что послевоенный период характеризуется как новый важный этап в развитии металлургии Кузбасса. Книга завершается главой «Кузбасс в период развитого социализма». В ней читатель найдет интересный материал о современ-

* Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее. Кемерово, 1978, 368 с.

ном развитии Кузбасского территориально-промышленного комплекса. Авторы отмечают, что перспективы развития края весьма широки. «Ныне здесь «выросло более 600 крупнейших промышленных предприятий, построено 19 городов, 43 поселка городского типа, тысячи километров железных дорог и автотрасс, школы, больницы, библиотеки, институты» (с. 351). Все эти впечатляющие достижения края — результат осуществления ленинской политики строительства социализма в нашей стране, мудрого руководства Коммунистической партии.

Книга удачно сочетает в себе научность и популярность. Она будет полезна историкам, студенческой и учащейся молодежи и более широкому кругу читателей.

М. Е. Сорокин

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Акад. Ким М. П., Звездин З. К., Лельчук В. С.— К 50-летию первого пятилетнего плана (Некоторые вопросы истории и историографии) 3
- Сахаров А. Н.— «Восточный фактор» и зарождение древнерусской дипломатии (IX — первая половина X в.) 24

К 75-летию революции 1905—1907 годов

- Демочкин Н. Н.— Революционное творчество крестьянских масс в революции 1905—1907 годов 45
- Шацилло К. Ф.— О составе русского либерализма накануне революции 1905—1907 годов 62
- Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.— Разоблачение кадетов в большевистских листовках 1906—1907 годов 74
- Горякина В. С. (Киев) — К вопросу о Севастопольском вооруженном восстании 11—15 ноября 1905 года 88

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- Шерстобитов В. П.— Изучение истории народов СССР в советских республиках в период развитого социализма 96
- Буганов В. И., Зимин А. А.— О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья 117
- Грунт А. Я.— Историк первой русской революции (Григорий Михайлович Деренковский. 1912—1978) 132

Сообщения

- Павлов А. С.— Повышение ведущей роли рабочего класса в местных Советах в период упрочения и дальнейшего развития социалистического общества (1946—1961) 142
- Дурдыев Т. (Ашхабад) — Изменения в численности и составе интеллигенции Средней Азии и Казахстана на современном этапе 154
- Лаверычев В. Я.— Из истории национализации банков (1917—1918 гг.) 164
- Черников В. Н. (Краснодар) — Из истории монополизации цементной промышленности России накануне первой мировой войны. Синдикат «Цементкруг» 179

Критика и библиография

К 75-летию революции 1905—1907 годов

- Муравьев В. А.— Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. Сб. статей 194

Шарапов Ю. П.—Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг. Сборник документов в пяти томах. Т. I 22(9) января—март 1905 г. Кн. I 22(9) января—февраль 1905 г. Кн. 2. Март 1905 г.	198
Шморгул П. М. (Киев) — Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. Документы и листовки социал-демократических организаций. Указатель документальных публикаций	200
Вылцан М. А. (Москва), Топузлу Г. Н. (Кишинев) — С. З. Новаков. Укрепление колхозов Молдавской ССР (1950—1965 гг.)	202
Полякова А. Я.—Х. Ш. Инояттов. Победа Советской власти в Туркестане	205
Соболев Г. Л. (Ленинград) — Г. И. Злоказов. Петроградский Совет на пути к Октябрю	208
Георгиев В. А.—Ц. П. Агаян. Роль России в исторических судьбах армянского народа. К 150-летию присоединения Восточной Армении к России	210
Гросул В. Я.—«Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века». Листовки	213
Хохлов Р. Ф.—История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований	215
Важинский В. М. (Липецк) — Я. Е. Водарский. Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение)	216
Анисимов Е. В. (Ленинград) — И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства	219
Корецкий В. И.—Опись архива Посольского приказа 1626 года.	222

История СССР за рубежом

Бухарин Н. И., Яжборовская И. С.—Изучение истории советского общества в Польской Народной Республике	225
По страницам исторических журналов стран социализма	246

Научная жизнь

Иванов Р. Ф.—Военные мемуары как исторический источник. Заседание секции истории Московского дома ученых АН СССР	247
--	-----

В вузах страны

Васильев Ю. С., Капустина Е. Г. (Москва), Мацук М. А. (Сыктывкар) — Источниковедение и история крестьянства Севера европейской части СССР и Коми АССР. VI общеуниверситетская конференция в Сыктывкаре	248
Даревская Е. М. (Иркутск) — Работа Научного совета по проблеме «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете	250
Сорокин М. Е. (Кемерово) — Книга о Кузбассе	251

CONTENTS

Articles

- Acad. Kim M. P., Zvezdin Z. K., Lelchuk V. S.—50 Years of the First Five-Year-Plan (some problems of history and historiography) 3
 Sakharov A. N.—The «Eastern Factor» and the Birth of Ancient Russian Diplomacy (9th Century—first half of the 10th Century) . . . 24

75 Years of the 1905—1907 Revolution

- Demochkin N. N.—Revolutionary Creative Activities of Peasant Masses in the Revolution of 1905—1907 . . . 45
 Shatsillo K. F.—On the Structure of Russian Liberalism on the Eve of 1905—1907 Revolution . . . 62
 Tyutyukin S. V., Shelokhaev V. V.—Exposure of the Cadets in the Bolshevik Leaflets of 1906—1907 . . . 74
 Goryakina V. S. (Kiev)—On the Problem of the Sevastopol Armed Uprising on 11—15 November 1905 . . . 88

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

- Sherstobitov V. P.—The Study of History of the USSR Peoples in Soviet Republics at the Stage of Developed Socialism . . . 96
 Buganov V. I., Zimin A. A.—On Some Tasks of Special Historical Disciplines in the Study and Publication of Written Sources on the History of Russian Middle Ages . . . 117
 Grunt A. Ya.—An Historian of the First Russian Revolution (Grigorij Mikhailovich Derenkovsky, 1912—1978) . . . 132

Communications

- Pavlov A. S.—The Rise of the Leading Role of the Working Class in Local Soviets in the Period of Strengthening and Further Development of the Socialist Society (1946—1961) . . . 142
 Durduev T. (Ashkhabad)—Changes in the Number and Structure of the Central Asian and Kazakh Intelligentsia at the Current Stage . . . 154
 Laveryshev V. Ya.—From the History of the Nationalization of Banks (1917—1918) . . . 164
 Chernikov V. H. (Krasnodar)—From the History of the Monopolization of Cement Industry in Russia before World War I. The «Tsementkrug» Syndicate . . . 179

Book Reviews and Bibliography

75 Years of the 1905—1907 Revolution

- Muraviev V. A.—Urgent Problems of Soviet Historiography of the First Russian Revolution. A Collection of Articles . . . 194
 Sharapov Yu. P.—Correspondence of V. I. Lenin and Party Bodies Un-

der His Leadership with Party Organizations, 1905—1907. A Collection of Documents in 5 Vols	198
Shmorgun P. M. (Kiev) — Peasant Movement in the Revolution of 1905—1907. Documents and Leaflets of Social Democratic Organizations. An Index of Documentary Publications	200

Vyltsan M. A. (Moskva), Topuzlu G. N. (Kishinev) — S. Z. Novakov, The Amalgamation of Collective Farms in the Moldavian SSR (1950—1965)	202
Polyakova A. Ya. — Kh. Sh. Inoyatov. Victory of the Soviet Power in Turkestan	205
Sobolev G. L. (Leningrad) — G. I. Zlokazov. The Petrograd Soviet on the Road to the October Revolution	208
Georgiev V. A. — Ts. P. Agayan. The Role of Russia in the Historical Destinies of the Armenian People. Towards the 150th Anniversary of Eastern Armenia's Joining Russia	210
Grosul V. Ya. — «The Summary Catalogue of Russian Illegal and Forbidden Press of the 19th Century. Leaflets»	213
Khokhlov R. F. — History and Genealogy. S. B. Veselovsky and the Problem of Historical — Genealogical Studies	215
Vazhinsky V. M. (Lipetsk) — Ya. Ye. Vodarsky. Population of Russia in the Late 17th Century — Early 18th Century (number, class and strata composition, distribution)	216
Anisimov Ye. V. (Leningrad) — I. K. Kirilov. The Flourishing Condition of the All-Russian State	219
Koretsky V. I. — The Inventory of the Archives of the 1626 Posolsky Prikaz	222

History of the USSR in Foreign Studies

Bukharin N. I., Yazhborovskaya I. S. — The Study of History of the Soviet Society in the Polish People's Republic	225
Through the Pages of Historical Periodicals in Socialist Countries	246

Academic Life

Ivanov R. F. — War Memories as an Historical Source. The Sitting of the History Section of the Moscow House of Scholars at the USSR Academy of Sciences	247
At Higher Educational Establishments	
Vasilev Yu. S., Kapustina Ye. G. (Moscow), Matsuk M. A. (Syktyvkar) — Study of Sources and History of the Peasantry of the Northern European Parts of the USSR and Komi ASSR. The 6th University Conference in Syktyvkar	248
Darevskaya Ye. M. (Irkutsk) — The Work of the Scientific Council on the Problem «The Decembrists and Siberia» at the Irkutsk State University	250
Sorokin M. Ye. (Kemerovo) — A Book on the Kuzbass	251

Технический редактор Л. И. Глинкина

Сдано в набор 05.10.79 Подписано к печати 03.01.80 Т-02403 Формат бумаги 70×108/16
Высокая печать Усл. печ. л. 22,4 Уч.-изд. л. 24,6 Бум. л. 8,0 Тираж 11500 экз. Зак. 4756

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

К 110-летию со
дня рождения
В. И. Ленина

Развитие ленинской теории национальных
отношений на современном этапе

Об изучении ленинской концепции исто-
рии гражданской войны в России

В. И. Ленин и становление революцион-
ной законности в первые годы Советской
власти

В. И. Ленин и подготовка советских воен-
ных кадров высшей квалификации (1918—
1920 гг.)

Историография,
источниковедение,
методы исторического
исследования

История рабочего класса СССР на страни-
цах исторической периодики

Сообщения

Развитие межколхозной и государственно-
колхозной кооперации в сельском хозяй-
стве СССР (1945—1978 гг.)

Содружество народов СССР в экономи-
ческом развитии Казахской ССР

Численность, состав, территориальное
размещение фабрично-заводского про-
летариата европейской части России и За-
кавказья в 1913—1914 гг.

Военно-служилые люди и освоение Сиби-
ри в XVII веке

История СССР
за рубежом

Буржуазная теория «модернизации» и
реальное развитие народов Советской
Средней Азии

Кроме того публикуются различные материалы под рубриками
«Критика и библиография» и «Научная жизнь».